

"Полночная страсть"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Анна Кэмпбелл

Полночная страсть

Глава 1

Лондон, апрель 1827 года

Николас Чаллонер, маркиз Рейнло, лениво наблюдал за воздушными белоснежными платьями, кружащимися в вихре танца. Кто бы мог подумать, что отъявленный повеса, известный всему лондонскому свету, явится на бал дебютанток? Нужно вовсе лишиться рассудка, чтобы показаться на подобном почтенном собрании, несмотря на скандальную славу законченного распутника.

Стоило маркизу войти в зал, и оживленные разговоры тотчас смолкли. Рейнло привык, что его появление неизменно вызывает переполох. Ни любопытство, ни откровенная враждебность толпы не смущали его. Оркестр запиликал затасканный экосез, и маркиз обвел глазами зал, высматривая добычу.

«О, да...»

Его скучающий взгляд остановился на жертве.

Девушка была в белом. Разумеется. Белый цвет символизирует чистоту и невинность. Он убеждает покупателей на этом особом рынке, что ничья рука еще не замарала лакомый товар.

Однако участь мисс Кассандры Демарест была решена: маркиз в самое ближайшее время намеревался доказать, что обещание чистоты и непорочности не более чем ложь. В последнее время Рейнло успел забыть, что такое волнение, но, разглядывая девицу, ощутил прилив воодушевления сродни охотничьему азарту.

После короткой напряженной тишины зал взорвался шумом голосов. Определенно, не один маркиз пребывал в убеждении, что таким, как он, здесь не место. Распутникам вроде него самое место в преисподней. Корчиться им в адовом пламени.

Гости не зря всполошились. Маркиз носил в душе изъян и слыл человеком порочным.

Рейнло не сводил взгляда с девушки. Его губы искривились в усмешке предвкушения. Но вдруг какое-то пугало в черном заслонило собой прелестную Кассандру, испортив весь вид. Маркиз недовольно нахмурился. За спиной у него раздался голос виконта Торпа:

— Вы уверены, что готовы рискнуть, старина? Сплетницы так и сверлят вас злобными взглядами, и вы не просили мисс Демарест подарить вам танец.

— Рано или поздно всякий мужчина входит в возраст, когда следует обзавестись детской, Торп.

Рейнло снова окинул взглядом намеченную жертву. Черная преграда, заслонившая мисс Демарест, оказалась высокой женщиной с бесцветным лицом. Впрочем, половину лица ее скрывали темные очки и кружевной чепец с уродливыми лентами.

Торп недоверчиво хмыкнул:

— Едва ли мисс Демарест удостоит вас вниманием, любезный друг.

Рейнло ответил ему циничной усмешкой:

— Я один из самых богатых людей во всей Британии, а мой род восходит к завоеванию Англии норманнами.

Виконт презрительно фыркнул:

— Вы сделали все, чтобы обесчестить свое имя! Не воображайте, что к вашим ухаживаниям отнесутся благосклонно, друг мой. У мисс Демарест самая грозная компаньонка во всей Англии. Вы могли бы одурачить простодушное дитя, но устрашающая мисс Смит заставит вас пуститься наутек прежде, чем вы наложите лапу на состояние девицы Демарест. Готов поклясться, вы не успеете даже почуять запах ее денег.

— Меня не интересует богатство мисс Демарест, — признался Рейнло без тени лукавства. — Но неужели вы и впрямь полагаете, что какая-то жалкая старая дева способна меня обуздать? Да я ем компаньонку на завтрак.

На обед и на ужин маркиз съедал куртизанок, вдовушек и замужних женщин, получая при этом куда больше удовольствия. Он мало во что верил в жизни, но после первого опьяняющего любовного опыта прочно уверовал в быстротечное наслаждение, даруемое женским телом. Ничего более он не требовал от своих любовниц. Чаще всего к их вящей досаде.

Глаза Торпа азартно блеснули.

— Ставлю сотню гиней, что мисс Смит прогонит вас в три шеи, как только вы отвесите приветственный поклон.

— Сотню? Но дело верное, никакого риска. Пусть будет пять сотен.

— Идет.

Леди Рестон, стоявшая в окружении гостей, помахала рукой новоприбывшим. Торп позаботился заранее, чтобы его тетка послала Рейнло приглашение на бал. Однако, похоже, она была не слишком рада появлению маркиза.

Какая жалость. Она выглядела куда счастливее накануне вечером, принимая Рейнло в своем летнем домике. И еще более довольной эта достойная леди казалась полчаса спустя, со спущенными к лодыжкам панталонами и лихорадочным румянцем, оттенявшим великолепную белизну ее кожи.

Что ни говори, а женщины капризные создания, пропади пропадом все их восхитительные уловки.

Рейнло перевел взгляд с хорошенькой хозяйки дома на Кассандру Демарест, вновь оказавшуюся на виду. За этой малышкой поклонники увивались толпами с самого ее приезда в Лондон неделю назад. Маркиз наблюдал за ней издали. Она показалась ему лакомым кусочком. Блондинка. С изящной фигурой. Рейнло стоял слишком далеко, чтобы разглядеть выражение ее лица. Впрочем, наверняка на этом личике застыла та же бессмысленная сладкая улыбка, что и на остальных девичьих лицах в зале.

Не считая лиц компаньонки.

Маркиз вновь присмотрелся к темной фигуре: женщина, покровительственно склонившаяся

над юной мисс Демарест, напоминала дерево, протянувшее свои ветви к незащитной овечке. И словно прочитав мысли Рейнло, мисс Смит на мгновение замерла. Затем подняла голову и посмотрела на маркиза.

Даже на расстоянии, даже сквозь темные очки было видно, как сверкают ее глаза.

Компаньонка смотрела сурово, решительно, оценивающе. В этой особе не было ровным счетом ничего притягательного, и всё же Рейнло почувствовал, что не в силах отвести взгляд. Каким-то непостижимым образом чудовищная какофония голосов вдруг утихла, в зале повисла настороженная тишина.

Пронзительным колючим взглядом мисс Смит бросала вызов столь же откровенно, как если бы швырнула маркизу в лицо перчатку. Затем она повернулась к мисс Демарест: девушка о чем-то ее спросила, — а в следующее мгновение к Рейнло приблизилась леди Рестон во всем своем пышном великолепии. С ее появлением трещавшие в воздухе искры враждебности померкли и угасли.

До странности смущенный этой безмолвной сценой, Рейнло поднес к губам руку хозяйки дома, а после попросил представить его юной наследнице Демареста. Миллисент, леди Рестон, недовольно поморщилась, не в силах скрыть досаду. Однако она превосходно знала законы этого мира. Девушки рождаются на свет, чтобы выйти замуж и произвести потомство. И у холостяков имеются обязательства. Даже закоренелым бобылям, которые в молодости вели весьма разгульную жизнь, рано или поздно приходится думать о законном наследнике.

Вежливая отговорка, будто Рейнло интересуется ярмаркой невест, служила всего лишь удобным предлогом подобраться поближе к намеченной жертве. Впрочем, маркиз редко прибегал к подобным уловкам, маскируя бесчестные намерения. Лицемерие принадлежало к тем редким грехам, которым он предавался лишь от случая к случаю. Он также не был склонен к самообману. Маркиз знал, что будет гореть в геенне огненной за свои коварные замыслы. Кассандра Демарест была невинным ангелом, она не заслуживала участи, которую уготовил ей безжалостный распутник. Но маркизу хотелось во что бы то ни стало осуществить задуманное, а девушка как нельзя лучше подходила для отведенной ей роли. Рейнло усмехнулся про себя: он не позволит сомнениям или угрызениям совести помешать его планам. Он давно забыл, что такое колебания и чувство вины.

Маркиз задержался возле хозяйки дома, желая потешить ее тщеславие, но продолжал следить за каждым движением мисс Демарест. Он заметил, как юная Кассандра приняла приглашение на танец, и как кавалер вернул ее свирепой компаньонке. Грозная дуэнья казалась высокой, как сама Длинная Мэг, о которой слагают баллады. Ее широченное выцветшее черное платье еще лет пять назад вышло из моды.

Малышка Демарест что-то сказала, а скучная мисс Смит улыбнулась. И в то же мгновение вдруг перестала быть скучной.

У Рейнло перехватило дыхание, словно кто-то ударил его кулаком в живот.

Откуда этот жгучий интерес к компаньонке? Какое странное чувство. Маркиз давно не испытывал ничего подобного. Оказывается, у старой карги прелестные пухлые губки. Впрочем, подойдя ближе, Рейнло обнаружил, что мисс Смит вовсе не старуха. Ее кожу, нежную и гладкую, покрывал легкий румянец цвета утренней зари. Любопытно, какие глаза скрываются за стеклами ее нелепых очков?

Великий Боже, да что с ним такое?

А вдруг безобразная компаньонка окажется чертовски соблазнительной? Ну и что с того? Его ждала другая добыча. Юная доверчивая рыбка, трепещущая в сетях его мщения.

Леди Рестон выполнила просьбу маркиза.

— Лорд Рейнло, разрешите представить вам мисс Кассандру Демарест, дочь мистера Годфри Демареста из Баском-Хейли в Сомерсете. А эта дама — ее компаньонка, мисс Смит.

Краем глаза Рейнло заметил, как компаньонка настороженно выпрямилась, словно почуяла опасность. Она заметно встревожилась, тогда как ее подопечная лишь очаровательно покраснела и присела в грациозном реверансе.

— Рад знакомству с вами, мисс Демарест, — прошептал маркиз, поднося к губам изящную ручку в белой перчатке.

Он не сомневался, что и девушка, и строгая компаньонка непременно заметят его подчеркнутую почтительность.

— Милорд.

Кассандра Демарест окинула маркиза долгим внимательным взглядом из-под густых ресниц, по-детски длинных, с золотистыми кончиками чуть более темного тона, чем роскошные локоны, обрамлявшие ее прелестное личико.

Прирожденная кокетка.

Рейнло не слишком удивился. Как не удивился тому, что девчонка оказалась красавицей. Она была восхитительна, будто нежный нарцисс.

Под суровым взглядом компаньонки кожа Рейнло запылала. Черт бы побрал эту облезлую ворону, мисс Смит. Маркизу следовало думать о своей цели, а не о какой-то ничтожной старой деве с кислым лицом. Хотя чем пристальнее он приглядывался к компаньонке, тем моложе она ему казалась.

Оркестр заиграл вальс.

— Вы окажете мне честь, согласившись потанцевать со мной?

— С радостью...

Тут вмешалась мисс Смит:

— Мне очень жаль, лорд Рейнло, но отец мисс Демарест решительно не одобряет вальс. Однако вы могли бы составить пару в контрдансе после ужина. Этот танец свободен.

В голосе дракона в юбке не было и тени сожаления. Хрипловатый голос компаньонки звучал на удивление твердо, учитывая, что она давала отповедь джентльмену, который стоял намного выше ее по положению.

— Ах, Тони, я уверена, папа не стал бы возражать, — с очаровательной улыбкой проворковала мисс Демарест.

Тони — интригующе прелестное имя для эдакого чопорного бревна — нахмурила золотистые брови.

— У вашего отца строгие правила, сами знаете.

Мисс Демарест явно привыкла добиваться своего. Рейнло приготовился к детской вспышке гнева, но девушка безропотно приняла отказ. Он неверно судил об обеих женщинах. Мисс Демарест вовсе не была безмозглой ветреницей. А черная жужелица таила в себе приятный сюрприз.

Как интересно...

Подлетели другие легкокрылые белые бабочки. Хозяйка представила маркиза Рейнло. Последовал обычный в подобных случаях обмен любезностями. Компаньонка ни на шаг не отпускала от себя подопечную.

Прозорливая стражница.

Леди Рестон удалилась, пока Торп расспрашивал мисс Демарест об общих знакомых в Сомерсете. Виконт состоял в родстве с доброй половиной английской аристократии, а оставшуюся половину составляли его близкие друзья. Его разговор с прелестной Кассандрой грозил затянуться до самого утра. Воспользовавшись удобным случаем, маркиз подступил ближе к компаньонке. Она оказалась даже выше, чем он думал. Эта женщина как нельзя лучше подойдет ему в постели.

Что за чушь, черт возьми, лезет ему в голову?

— Девочка останется без мужа, если вы будете отпугивать всех достойных джентльменов, мисс Смит.

Музыка и людской гомон приглушили язвительное замечание маркиза.

Компаньонка вздрогнула, но не отступила. Рейнло поймал себя на мысли, что храбрость и самообладание этой ведьмы вызывают у него невольное уважение. Она не спускала глаз с мисс Демарест.

— Милорд, надеюсь, вы позволите мне высказаться начистоту, — холодно отчеканила мисс Смит.

Рейнло легко мог вообразить, что собирается сказать мисс Дракон. Его репутация завязаного ловеласа была широко известна. Маркиз рассчитывал, что дурная слава послужит ему орудием соблазнения. Юные девицы, к прискорбию их домашних, находили его распутство весьма романтичным.

Глупые куколки.

— А если я отвечу «нет»? — лениво осведомился маркиз.

— Мне все равно придется объясниться.

— Так я и думал, — с напускной скукой отозвался Рейнло.

Его осуждали многие, но мало у кого хватало бесстрашия высказать ему это в лицо.

— Полагаю, вы не оскорбитесь, если я скажу, что не считаю вас ни достойным человеком, ни джентльменом, милорд. Мисс Демарест не пристало носить имя маркизы Рейнло: она достойна большего, даже если бы ваши намерения были благородны, в чем я позволю себе усомниться.

Маркиз от души рассмеялся. Вполне искренне, впервые с тех пор, как вошел в этот унылый бальный зал.

Мисс Смит оказалась женщиной с характером. Забавно, черт возьми. Рейнло невольно разобрало любопытство. Он овладеет девчонкой, здесь не может быть сомнений. Но прежде чем покончить с этой историей, он затащит в постель и компаньонку. Он сорвет с нее уродливое платье и омерзительный чепец. Вынет шпильки из гладко зачесанных волос, какого бы они ни были цвета, и заставит их рассыпаться по плечам. Покроет поцелуями ее нетронутые груди. Он научит эту злюку наслаждаться мужскими ласками.

Рейнло напомнил себе, что дуэнья всего лишь добавочный приз в игре, но чувства его взбунтовались, не желая подчиняться голосу рассудка. Его обуял шальной азарт охотника. Ему захотелось пуститься в погоню за дичью — высохшей девицей неопределенного возраста.

— А вы не стесняетесь в выражениях, мисс Смит.

— Верно, — невозмутимо заметила компаньонка.

Проклятие, она даже бровью не повела. Неужели ей невдомек, как он опасен?

Маркиз сделал знак лакею, державшему поднос с бокалами оршада. Он терпеть не мог это тошнотворное сладкое пойло. Черт побери, ему не помешала бы настоящая выпивка. Слава Богу, он признанный знаток слабого пола. Он не позволит, чтобы какая-то пустоголовая девица сбивала его с толку.

Пустоголовая девица стояла так близко, что ноздри Рейнло уловили ее дразнящий запах. Аромат свежести и чистоты. Дух невинности.

Разумеется.

— Я довольно могущественный враг, — произнес маркиз, понизив голос.

Компаньонка пожала плечами, по-прежнему не глядя на Рейнло.

— Поищите себе другую богатую наследницу, милорд.

— Это приказ леди, преисполненной презрения?

Наконец-то мисс Смит посмотрела прямо на него. Затемненные стекла очков скрывали ее глаза, но упрямо вздернутый подбородок выдавал гнев.

— Неужели вам и впрямь хочется потягаться силами с провинциальной девочкой и компаньонкой-мегерой?

К изумлению Рейнло, он снова едва не рассмеялся. У него вдруг возникло странное чувство, что эта женщина знает его лучше, чем кто-либо другой.

— Почему бы и нет?

Мисс Смит поджала губы, на удивление розовые и полные. Откуда у высохшей старой девы такие сочные, аппетитные губки? Это форменное безобразие.

Мысль о том, чтобы затащить в постель Кассандру Демарест, вдруг перестала казаться Рейнло столь уж привлекательной. Сказать по правде, теперь она вызывала у него одну лишь досаду.

Ему страстно хотелось впиться хищным поцелуем в прелестный рот сварливой мисс Смит и поскорее раздвинуть ее костлявые бедра. Его пронзила дрожь предвкушения. С каких это пор уксус стал его любимым напитком? Должно быть, на него накатила блажь. Рейнло редко находил привлекательными несносных женщин. А долговязая мисс Смит определенно отличалась вздорным нравом. Это было написано у нее на лбу, наполовину прикрытом мерзким чепцом.

Долгие годы практики научили Рейнло умело скрывать смятение. Он лишь высокомерно изогнул бровь и заговорил, лениво растягивая слова. Этим приемом он намеревался привести компаньонку в ярость, испепелить ее до самого белья, наверняка толстого и колючего.

— Знаете, для женщины, которая стоит чуть выше простой прислуги, вы держитесь чертовски дерзко.

Но девица и не подумала стусеваться и ответила с беспримерной самоуверенностью, передразнивая его манеру говорить. Да что она о себе возомнила?

— Только лишь дерзко? Какое разочарование. Я старалась вести себя нагло и беспардонно, милорд.

На этот раз Рейнло не смог удержаться от смеха. Ни одна женщина, даже самого благородного происхождения, не отваживалась прежде скрестить с ним шпаги. Мисс Смит приятно его удивила.

Возможно, поэтому он находил эту мегеру столь неотразимой. Помилуйте, ну что может быть соблазнительного в майском шесте с безобразным лицом и острым как бритва языком? Вдобавок эта дылда одета как пугало.

— Мисс Смит, — вкрадчиво прошептал Рейнло. — Если вы пытаетесь меня обескуражить, то лишь напрасно теряете время. Меня одолевает искушение проучить вас.

Но упрямая девица не пожелала прислушаться к его предостережению и надменно приподняла подбородок.

— Докажите себе, что вы лучше, чем о вас думают в обществе. Постарайтесь устоять перед соблазном, лорд Рейнло.

Губы маркиза скривились в усмешке. Эта женщина восхитительна: язвительная, колкая, острая, как лимонный крем, освежающий пикантный вкус которого никогда не приедается.

Рейнло смерил компаньонку беззастенчивым взглядом. О да, он уложит ее в постель. Дуэнья станет его наградой за сломанную жизнь куколки.

— Искушению невозможно противостоять, на то оно и искушение.

— Вам лучше знать.

— О, мисс Смит, вы бы изумились, как много мне известно о соблазне.

Маркиз постарался вложить в свои слова все сладострастие искушенного повесы. Для мужчины с его послушным списком это не составило особого труда.

Даже сквозь темные очки взгляд компаньонки прожигал его насквозь. «Браво, мисс Смит!»

Соблазнить эту женщину — все равно что обучить леопарда есть из рук. Сейчас она шипит и яростно рычит, но благодаря стараниям искусного укротителя скоро станет мурлыкать.

— Лорд Рейнло... — резко заговорила она.

Предвкушение словесной порки оказалось дьявольски волнующим. Какая жалость, что нельзя немедленно увести компаньонку в спальню и научить пользоваться язычком в совершенно иных целях.

Пожалуй, девицу хватил бы удар, если бы она смогла проникнуть в мысли маркиза.

Впрочем, что-то подсказывало ему: дерзкую дуэнью не так-то легко обескуражить. Неудивительно, что за ней укрепилась слава дракона в юбке.

— Тони?

В раскаленной тишине, полной невысказанной угрозы, нерешительный голос Кассандры Демарест прозвучал подобно разорвавшейся гранате, брошенной в самую гущу вражеского воинства. С явной неохотой, ужаснувшей его самого, Рейнло отвел взгляд от внешне невзрачной женщины, неожиданно пробудившей в нем жгучий интерес. Маркиз не испытывал ничего подобного целую вечность. Он вдруг обнаружил, что на них с мисс Смит устремлены все взгляды. В глазах разряженных дам и кавалеров читалось любопытство.

Проклятие, это вовсе не входило в его планы. Внезапное решение приволокнуться за компаньонкой было сугубо частным делом. Рейнло намеревался начать открыто ухаживать за девчонкой Демарест, заставив весь лондонский свет заговорить о его интересе к ней.

Гладкая белая кожа мисс Смит вспыхнула от унижения. Ее руки, обтянутые перчатками, яростно скомкали простой черный ридикюль.

Губы Рейнло растянулись в усмешке. Куда охотнее мисс Дракон вцепилась бы ему в горло.

Для компаньонки главное — безупречная репутация. Долгий разговор с печально известным маркизом Рейнло едва ли сослужит добрую службу мисс Смит. Неудивительно, что она пришла в бешенство и выглядит так, словно готова испепелить своего мучителя, дохнув на него пламенем, как это в обычае у драконов.

Компаньонка больше не смотрела на Рейнло.

— Ты о чем-то спросила, Касси?

Этот сдержанный будничным тон стоил мисс Смит немалых усилий.

Кассандра, надо отдать ей должное, казалась скорее встревоженной, нежели возмущенной промахом своей компаньонки.

— Я хотела узнать, получили ли мы приглашения на музыкальный вечер у Брэдхемов.

Мисс Смит еще сильнее залилась краской. Видя, как ее молочно-белая кожа становится пунцовой, маркиз довольно усмехнулся. Теперь его подозрения переросли в уверенность: перед ним стояла не высохшая старая карга — под темными очками скрывалась молодая женщина. И этот налитый соком плод созрел, чтобы его сорвала рука мужчины.

Рука лорда Рейнло.

Пока карета катила к дому, Антония Смит, урожденная Хиллиард, мысленно бранила себя за допущенную оплошность. Опасный промах. Какая непростительная глупость! Ей не следовало привлекать к себе внимание. После долгих лет строжайшей осмотрительности стать всеобщим посмешищем!

И все из-за проклятого повесы.

Надо же быть такой тупицей!

Да, лорд Рейнло красив. Ошеломляюще красив. Он умеет очаровывать женщин. Стоило ему заговорить, и глупое сердце Антонии вероломно пустилось вскачь. Мисс Смит убедилась на собственном горьком опыте, что распутники почти всегда неотразимы. Но привлекательная внешность ничего не стоит, если душа обезображена себялюбием и развратом. Антония превосходно это понимала.

Так почему же она с такой легкостью отбросила тщательно слепленную маску суровой компаньонки? Почему говорила со страстью, которую подавила в себе еще десять лет назад, утратив невинность, высокое положение в обществе и девические мечты? Все годы службы она старательно возводила фасад безукоризненной добродетели, степенности и респектабельности. Но одного взгляда лорда Рейнло оказалось достаточно, чтобы Антония забыла всякую осторожность. Наверное, она лишилась рассудка. Мисс Смит знала: созданный ею образ должен оставаться незапятнанным, от этого зависит ее жизнь.

Но взволновала ее не блестящая внешность Рейнло, эта фальшивая личина. Гореть ему в аду — там самое место обворожительным красавцам со смердящими душами. Маркиз смутил ее своими речами, своим апломбом, самоуверенностью самца. Этот человек знал себе цену и умело играл словами. Ей пришлось напомнить себе, что отточенный ум Рейнло использует во зло. И все же, ясно понимая, с кем имеет дело, Антония не смогла удержаться от волнующей пикировки с маркизом: он оказался достойным противником.

Дурное предчувствие заставило ее похолодеть. Антония не обольщалась: блистательный Рейнло не собирался ограничиться одним знакомством с ней и ее подопечной. Он нацелился на Касси.

Антония с трудом дождалась окончания бала. Она уверенно играла роль идеальной компаньонки, незаметной, но бдительной, ревностно охраняющей доброе имя своей юной племянницы. Нельзя сказать, что Касси особенно нуждалась в присмотре, — по крайней мере, так было прежде.

Кассандра, сидевшая напротив компаньонки, казалась непривычно молчаливой. Нетрудно было угадать, кто занимает ее мысли. Когда она, наконец, заговорила, Антония лишь обреченно вздохнула.

— Мне кажется, лорд Рейнло — самый красивый мужчина из всех, кого я только встречала в жизни.

«О нет. Нет, нет, нет».

Антония почувствовала, как желудок сводит судорогой. Неужели Касси так легко поддалась чарам этого распутника? Танцуя с маркизом, она держалась сдержанно и выглядела польщенной, но не слишком взволнованной ухаживаниями Рейнло. Весь остаток вечера

ловелас вел себя безукоризненно. Лишь один раз бросил дразнящий, насмешливый взгляд на Антонию, но та сделала вид, что ничего не заметила.

— Он слишком стар для тебя, — резко возразила компаньонка и тут же пожалела о своих словах: они только разожгли любопытство Касси.

— Ему всего лишь слегка за тридцать, не больше. Он мужчина в самом расцвете сил. Рядом с ним остальные джентльмены в зале казались неоперившимися птенцами или глубокими стариками.

Несмотря на шум — цокот лошадиных копыт и поскрипывание кареты, — Антония различила восторженное обожание в голосе девушки.

— Касси, твоего отца хватит удар, если он узнает, что ты поощряешь ухаживания такого мерзавца, как Рейнло.

— Отец сейчас в Париже, и скорее всего, останется там надолго.

Неизменно безрассудный, Годфри Демарест, троюродный брат и наниматель Антонии, сбежал во Францию месяц назад, чтобы вновь пуститься во все тяжкие, прожигая жизнь в парижских борделях и игорных домах. Этому занятию он уделял куда больше внимания и стараний, нежели управлению имением или воспитанию дочери. Он предоставил девочку заботам мисс Смит, нимало не смущаясь тем, что компаньонке придется совершить немислимое — выехать за пределы поместья. Антония испытывала глубокую благодарность к Годфри, но впервые в жизни едва не поссорилась с кузеном: тот объявил, что ей предстоит сопровождать Касси в столицу — девочку ожидал первый лондонский сезон. Демарест упрямо твердил, что не видит в этом никакой опасности для кузины. «Но кто-нибудь из Нортумберленда может меня узнать», — возразила Антония, однако мистер Демарест лишь пренебрежительно отмахнулся от ее слов. Единственный, кто мог бы узнать в ней леди Хиллиард, — это ее брат, но тот, унаследовав имение, превратился в отшельника. Вдобавок кто обращает внимание на компаньонку? «Это верно», — вздохнула про себя Антония. Никто, кроме хитрого лиса Рейнло.

«А если кому-то и придет в голову приглядеться к компаньонке Кассандры, — продолжал Годфри, — он не узнает в страхолюдной мисс Смит мятежную дочь лорда Эйвсона». С присущим ему безмерным оптимизмом мистер Демарест заверил Антонию, что, поскольку ее не вывели на чистую воду в Сомерсете, она останется неузнанной и в Лондоне.

Теперь в душе Антонии поселилась тревога. Один неверный шаг, и все узнают, кто она такая на самом деле. Разоблачение обернется громким скандалом. Бесчестье коснется не только ее, но и мистера Демареста с Кассандрой. Она должна во что бы то ни стало убедить Касси, что Рейнло ей не пара.

— Даже в такой глуши, как Париж, исправно работает почта, — сухо произнесла она. — Не воображай, что гнусные сплетни обойдут тебя стороной.

— Ну, разве он не красавец?

Понимая, что вот-вот проиграет битву, Антония попыталась увести разговор в сторону:

— Твой отец? Да, он очень хорош собой.

Касси издала утробный хохоток, который изрядно удивил бы многих воздыхателей, превозносивших ее утонченность.

— Не папа, лорд Рейнло. Только не притворяйся, что ты не заметила этого, Тони. Я видела, как ты с ним разговаривала.

— Я предостерегла его, чтобы держался от тебя подальше.

Антония сказала чистую правду, хотя и не всю. Ее захватывающий разговор с Рейнло на глазах у всего лондонского света вместил в себя и многое другое. Мисс Смит готова была провалиться сквозь землю от стыда. Как она могла поступить столь опрометчиво?

— Держу пари, он превосходно целуется, — мечтательно вздохнула Касси.

— Леди не пристало высказывать подобные мысли, — одернула ее Антония, хотя высокая стройная фигура маркиза по-прежнему стояла у нее перед глазами.

Мисс Смит и сама отличалась высоким ростом, но Рейнло возвышался над ней словно башня. Касси была права. Остальные мужчины в сравнении с ним казались жалкими, ничтожными. Развратники умеют пустить пыль в глаза. Уж ей-то следовало знать.

После всего, что ей довелось пережить, Антония считала себя неуязвимой для мужских чар. Вот уже десять лет, как она избегала мужчин. Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду.

Так почему же ее бедное сердце предательски замерло, стоило ей увидеть распутного негодяя Рейнло? Рядом с ним другие молодые повесы казались сущими пугалами. Его отвратительная самонадеянность, развязность и вульгарность должны были бы вызвать у нее отвращение. Но она вовсе не отшатнулась с негодованием, черт побери.

А теперь Касси с сияющими глазами восхищается этим чудовищем. У Антонии весь вечер ныло в висках, но теперь голова ее буквально раскалывалась.

— Ты мне так и не ответила.

Касси была славной, разумной девочкой, но дьявольски упрямой. Эта черта тоже изрядно удивила бы бесчисленных поклонников, осаждавших юную Кассандру со дня ее появления в Лондоне.

Антония всегда полагала, что небольшая толика упрямства идет лишь на пользу девушке, но подчас досадовала, что ее воспитанница не пустоголовая красивая кукла, как считалось в обществе.

— У него слишком смуглая кожа. Она выглядит нелепо в сочетании со светлыми волосами.

«Какая же ты лгунья, Антония».

Необычный контраст между цветом лица и волос Рейнло лишь подчеркивал его мужественную красоту, привлекая взгляд, а высокий рост и ленивая чувственность, сквозившая в его движениях, делали его неотразимым.

Будь он проклят!

Касси насмешливо фыркнула.

— Что за выдумки, Тони. Маркиз красив, как Адонис, и тебе это известно.

— Забудьте о его внешности. Рейнло — грязная крыса, — горячо взмолилась Антония. — Ради

меня, ради своего отца, ради тебя самой, не заигрывай с ним. Он из тех мужчин, что разбивают сердца.

Антония ожидала, что Касси начнет возражать или, что еще хуже, примется защищать маркиза, но, к ее удивлению, племянница взяла ее за руку.

— Прости меня, Тони. Я не наивная дурочка и понимаю, чем рискую.

Касси хватило такта не произнести: «Я знаю, что сделал с тобой такой же повеса», — но компаньонка легко угадала ее мысли. Когда-то перед Антонией Хиллиард открывалось будущее столь же блестящее, как у Кассандры Демарест, но все надежды остались в прошлом.

Компаньонка нежно сжала руку Касси и отвернулась к окну. Они почти доехали до дома.

— Рейнло никогда не станет хорошим мужем.

В этом Антония не сомневалась.

— Возможно, — согласилась Касси, но прежде чем компаньонка успела облегченно перевести дыхание, добавила: — Хотя, уверена, он восхитительный любовник. От одного его взгляда меня охватывает трепет. А когда он взял меня за руку в танце, клянусь, я едва не лишилась чувств.

— Касси...

— Знаю. Он опасен. Но я никогда еще не встречала такого мужчины, как Рейнло. Он будит во мне мысли о резвых жеребцах, вспышках молнии и бешеном галопе по вересковой пустоши.

К несчастью, Антония хорошо понимала, о чем говорит ее воспитанница. Юной девушкой, не намного моложе Касси, она уступила страстным желаниям сердца, и это погубило ее. Поддавшись слабости, она лишила себя надежды на счастливую жизнь, полную блеска и роскоши. Жизнь, для которой была рождена. Антония любила Кассандру как сестру или дочь, которой у нее никогда не будет. Нет, она ни за что не допустит, чтобы роковое безумие разрушило судьбу этой невинной девочки.

Как бы ни был красив мерзавец Рейнло. Какие бы яркие воспоминания о горячих жеребцах, летних грозах и безудержном галопе ни пробуждал в ее памяти всепонимающий взгляд его темных глаз.

Рейнло вернулся в свой лондонский дом, облегчив кошелек на пятьсот гиней. Торп не преминул позлорадствовать на сей счет. Мисс Смит уберегла свою подопечную от скандального вальса с повесой, и маркиз проиграл пари. Но беседа с драконом в юбке показалась ему такой занятой, что, пожалуй, за нее почти не жаль было отдать виконту пять сотен золотых.

Почти.

Он криво усмехнулся, вспомнив острую на язык компаньонку, затем достал из шкафа в библиотеке графин и щедро плеснул в бокал бренди. Залпом выпив янтарный напиток, Рейнло вновь наполнил бокал и повернулся к письмам на столе. К этому часу он редко бывал трезв. Черт возьми, обычно он возвращался домой куда позднее. Было всего лишь два часа. Ему бы следовало напиться в каком-нибудь притоне или забыться в объятиях женщины.

После бала у леди Рестон он мог бы продолжить ночные увеселения. Рейнло обратил внимание на одну танцовщицу из кордебалета и намеревался познакомиться с ней поближе. Это была аппетитная малышка, изящная, с рыжевато-каштановыми волосами. Прошлой ночью она вполне соответствовала его вкусам. Но теперь... девица вдруг показалась ему скучной и бесцветной.

Маркиз глотнул бренди, и горло обожгло огнем. Поставив бокал на стол, он протянул руку к пачке писем и взял верхний конверт.

Бегло просмотрев отчеты управляющих, он заключил, что его немедленного вмешательства в дела имения не требуется, и занялся остальной корреспонденцией. Просьбы о поддержке в парламенте он швырнул в огонь. Надушенное умоляющее письмо от брошенной пассии, не желавшей смириться со своей отставкой, тоже отправилось в камин.

Рейнло никогда не лгал своим любовницам, — это был один из немногих принципов, которых он придерживался. В начале всякого нового любовного приключения он заявлял даме, что их связь продлится до тех пор, пока не увянет его интерес. Обычно это случалось довольно скоро. Маркиз не отличался постоянством и преданностью. Ему пришлось довольно рано узнать на примере собственной семьи, какой разрушительной бывает необузданная страсть. За минувшие годы он только утвердился в мысли, что короткие интрижки куда менее обременительны. Рейнло был совершенно одинок, но это нисколько его не тяготило. Лишь частые любовные похождения напоминали ему (будто он нуждался в подобных напоминаниях) о существовании остальных представителей рода человеческого.

Откуда эти мрачные мысли? Возможно, не следовало так рано возвращаться домой. Маркиз насмешливо скривил губы, взяв из пачки очередной конверт.

Наконец осталось всего одно письмо. Рейнло охватило привычное чувство вины и горечи, когда он узнал аккуратный женский почерк на конверте. Сестра писала ему из Ирландии каждую неделю, и всякий раз Рейнло стоило немалых усилий заставить себя прочитать ее послание и ответить.

Он с трудом подавил желание немедленно опрокинуть в себя еще бокал бренди, прежде чем распечатать письмо. Рейнло пересел ближе к огню, откинулся на спинку кресла и лишь тогда осушил бокал. Затем резким движением сломал печать и прочитал нежное приветствие Элоизы.

Поставив пустой бокал на столик, он долго смотрел невидящим взором на ровные строки, начертанные рукой сестры. Трагические события двадцатилетней давности ожили в его памяти. Беспомощный гнев и жалость захлестнули его при воспоминании о бесчестье Элоизы.

Когда Николасу было одиннадцать, а его обожаемой единокровной сестре восемнадцать, в Кеддон-Холл приехал Годфри Демарест. Покойный маркиз Рейнло познакомился с ним в одном из игорных домов. Со свойственной ему беспечностью отец Николаса пригласил приятеля провести лето у моря с семьей Чаллонер. Любой здравомыслящий человек дважды подумал бы, прежде чем привести уже закосневшего в пороках молодого человека в дом, где полно хорошеньких девушек — девушек, из-за родительского небрежения предоставленных самим себе, — но покойный маркиз никогда не отличался здравомыслием.

Весь знойный июнь Демарест настойчиво осаждал самую красивую из внебрачных дочерей Чаллонера. Наивная, простодушная Элоиза очень быстро попала в сети искушенного распутника, очарованная льстивыми восхвалениями и лживыми клятвами верности. Демарест

сорвал цветок ее невинности столь же легко, как сломал бы цветущую веточку жимолости.

Юный Николас ревновал сестру. Его уязвляло, что Элоиза уделяет столько внимания красивому гостю из Сомерсета. Ему следовало предвидеть несчастье и столкнуть Демареста с утеса, прежде чем тот разрушил жизнь Элоизы: ведь все дети в семье безрассудного гуляки Чаллонера довольно рано получали представление о том, какого рода отношения завязываются между мужчинами и женщинами, — но Николас не подозревал о надвигающейся драме.

Когда он обо всем узнал, было уже поздно. Демарест укатил обратно в Лондон, оставив Элоизу беременной. Внебрачную дочь маркиза он, должно быть, счел своей законной добычей, рассудив, что ее честь не дороже доброго имени какой-нибудь горничной. Маркиз впал в ярость, но его решительности хватило лишь на то, чтобы избить дочь и засадить под замок. Вероломный любовник так и не услышал требований разгневанного отца. Демарест продолжал вести беспечную разгульную жизнь, готовясь вступить в брак с богатой невестой, будто Элоиза вовсе не существовала.

Пальцы Рейнло сжались в кулак, сминая бумагу. Сестра была девушкой гордой и страстной и упрямо не желала верить, что возлюбленный ее отверг. Вырвавшись из комнаты, где ее держали взаперти, она упросила Николаса отвезти ее к Демаресту. Горькие воспоминания об этом путешествии даже теперь, двадцать лет спустя, причиняли Рейнло боль.

Бушевала гроза, они мчались ночью во тьме на похищенной у отца двуколке и с рассветом подъехали к лондонскому дому Демареста. Элоиза нетерпеливо спрыгнула с подножки экипажа, сжимая в руках крохотный ридикюль, и бросилась к роскошному особняку. Николас остался ждать в двуколке. Старший лакей не впустил Элоизу в дом. Велев ей подождать, он пошел доложить хозяину. Вернувшись, слуга заявил, что мистер Демарест не принимает.

Элоиза настойчиво возразила, что возлюбленный ее примет. Лакей снова скрылся в глубине дома.

Элоиза долго стояла под дождем, ее новое нарядное платье промокло и обвисло. Даже издали Николас видел, как она дрожит от холода, дожидаясь слугу.

Лакей передал ей записку и захлопнул дверь.

Рейнло так и не узнал, что было в той записке, но сестра его вернулась в экипаж бледная как мел. Она ничего не объяснила, лишь попросила отвезти ее назад, в Гемпшир. Она выглядела опустошенной, уничтоженной, словно ей не хотелось больше жить. Вся ее искрометная живость, все очарование, что привлекло негодея Демареста, исчезло. Элоизе едва исполнилось восемнадцать, но она казалась древней старухой.

Именно тогда Рейнло поклялся свести счеты с Демарестом: раздавить мерзавца, уничтожить его так же, как этот подлец уничтожил Элоизу.

Однако давая себе грозную клятву, Николас еще не знал, какими губительными последствиями обернется безрассудство его любимой сестры.

Рейнло закрыл глаза, пытаясь прогнать мучительные воспоминания. Гнев, боль, горечь предательства kloкотали в нем, душили. Он прерывисто вздохнул и с силой сжал ладонями виски, взывая к Богу, в которого не верил... О чем он мог молить Господа? О том, чтобы ему было позволено изменить прошлое? Спасти Элоизу? Но это невозможно. Он не настолько глуп, чтобы верить в чудо.

И все же ему представился, наконец, счастливый случай отомстить за поруганную честь сестры. Он использует то же оружие, каким воспользовался Демарест, погубив ту, чьей единственной виной была открытая душа.

За минувшие двадцать лет Рейнло лишь изредка встречал негодяя. Несмотря на сомнительную репутацию маркиза, высокое положение и титул открывали перед ним все двери. Демарест тоже считался человеком малопочтенным, вдобавок от его состояния, нажитого торговлей, исходил дурной душок, хотя отец Кассандры и состоял в отдаленном родстве с могущественным семейством Хиллиард.

Рейнло долгие годы дожидался, когда мерзавец допустит роковую ошибку и погубит себя, но злодей оставался на плаву, предаваясь пьянству и разврату.

И вот единственный ребенок Демареста, юная девушка, такая же невинная, прелестная, уязвимая, какой была когда-то Элоиза, впервые предстала перед лондонским светом.

Словно сам дьявол принес Рейнло на серебряном блюде возможность отомстить. Маркиз заставит Касси страдать, как страдала его сестра.

Возможно, тогда Николаса перестанет преследовать мучительное чувство, будто он предал единственное живое существо, любившее его.

Глава 3

Избегать лорда Рейнло всю следующую неделю оказалось куда труднее, чем представлялось Антонии.

Поговаривали, что маркиз страшится как чумы почтенных собраний, и все же он неизменно появлялся на каждом балу, музыкальном вечере и светском рауте, где бывала Касси. Он приглашал Кассандру на танец, приветствуя Антонию кивком, но, слава Богу, не вступая в разговоры. После враждебной пикировки с маркизом в вечер их знакомства Антония держалась настороже, однако открытое пренебрежение Рейнло задевало ее. Компаньонку одолевало желание задать самонадеянному спесивцу хорошую взбучку, которую тот заслужил.

Всякий раз, возвращаясь домой под утро, Антония бранила Касси за то, что та поощряет ухаживания маркиза. Однако мисс Демарест мгновенно ощетиливалась, замыкалась в своем упрямстве, не желая принимать советы старшей, умудренной опытом подруги. Она резонно замечала, что лорд Рейнло не позволяет себе ничего вызывающего — следуя приличиям, довольствуется двумя танцами и никогда не требует большего.

Каждый вечер, встречая Рейнло, Антония придирчиво выискивала в его внешности что-нибудь отталкивающее, но лишь постоянно находила все больше привлекательных черт. Как твердила Кассандра, к вящей досаде компаньонки, маркиз с его золотистыми волосами и по-цыгански смуглым лицом был исключительно красивым мужчиной.

Антония была неуязвима для мужской красоты (по крайней мере, ей хотелось так думать), но ее не могло оставить равнодушной остроумие лорда Рейнло. Как и его грациозная походка, напоминавшая движения леопарда.

Вечером Кассандра с компаньонкой отправились на музыкальный вечер к Брэдхемам и, разумеется, столкнулись там с маркизом. Он занял место рядом с Касси, когда начался концерт. Антония, вне себя от ярости, села по другую сторону от своей подопечной и принялась бдительно следить, не начнет ли повеса вольничать. Маркиз просидел неподвижно

весь концерт, на удивление удачный, но компаньонку это не успокоило. Антония почувствовала приближение приступа мигрени, однако виной тому была не музыка, хотя на подобных светских приемах концерты редко доставляли удовольствие слушателям.

По окончании первой половины концерта гости отправились в зал, где стояли столы с закусками. Прием был не слишком многолюдным, и Кассандра осталась под неослабным присмотром леди Мерриуэдер, дочь которой тоже впервые была представлена свету в этом сезоне. Антония облегченно перевела дыхание и расправила плечи. Наконец-то она могла позволить себе несколько минут отдыха, не опасаясь за Касси.

Она проскользнула на темную террасу — к счастью, пустую. Было еще слишком прохладно для прогулок по саду, гости предпочитали оставаться в доме, но Антония искала одиночества, а холодный ночной воздух приятно освежал ее пылающий лоб.

Впервые за вечер вдохнув полной грудью, она сделала несколько шагов и облокотилась о балюстраду. Затем, сняв очки, потерла усталые глаза. Лорд Рейнло не только внес разлад в ее безмятежные отношения с племянницей, но и лишил ее сна. Антония молила Бога, чтобы маркизу поскорее наскучило волочиться за племянницей, которой вовсе не пристала роль игрушки в его забавах.

«Но едва ли Рейнло так легко отступится», — с грустью подумала компаньонка.

Ночную тишину нарушало лишь отдаленное жужжание голосов, доносившееся из глубины дома. Антония почувствовала, как ее понемногу отпускает напряжение.

Лондонский сезон только начался. Если бы Касси увлеклась каким-нибудь достойным джентльменом, то избежала бы опасности угодить в ловушку распутника маркиза. Неужели ближайшие несколько месяцев Антонии придется сдерживать натиск Рейнло, оберегая Касси? Так и с ума сойти недолго. Неусыпная тревога, дьявольское очарование маркиза и непокорность воспитанницы превратили пребывание Антонии в Лондоне в настоящее испытание.

— Беспечная пастушка. Вы не боитесь, что волк похитит вашего ягненка?

Неужели появление Рейнло навеяно ее мыслями? Сердце Антонии пустилось в бешеный галоп. Выпрямившись, она обернулась к открытому французскому окну и различила в темноте высокую фигуру маркиза. Он стоял, прислонившись к стене. Даже в его неподвижности таилась угроза.

Антония никогда прежде не оставалась наедине с Рейнло. Она отлично понимала, что, если их застигнут вдвоем, ее репутация погибнет.

Она неловко водрузила на нос очки, хотя в тусклом свете луны маркиз не смог бы разглядеть ее лицо.

— Так вы признаете, что ваши намерения бесчестны?

Ей следовало войти в дом, но какая-то сила — возможно, мятежный дух, который ей так и не удалось укротить, несмотря на все старания — удерживала ее возле балюстрады. Антония устремила взгляд на печально знаменитого распутника, по чьей милости ее сердце отбивало бешеные удары. Этот человек напоминал ей о том, что она пыталась забыть все последние десять лет, десять лет одиночества и горестных раздумий.

Он сменил позу. Его внушительная фигура выделялась черным пятном в сумраке ночи. Должно быть, сейчас губы Рейнло скривились в усмешке. У него всегда была наготове язвительная острота. Казалось, жизнь для него не более чем забава. В чем секрет обаяния этого законченного циника? Отчего так трудно противостоять его чарам?

Рейнло излучал притягательность и животную силу.

— Вы бы мне не поверили, даже если бы я стал отрицать.

— Совершенно верно.

Маркиз издал знакомый понимающий смешок. Этот звук обволакивал, поглаживая кожу, словно бархатная ткань. Боже, почему самые порочные мужчины всегда так неотразимы? Антония превосходно понимала, что представляет собой маркиз, и все же не могла устоять перед соблазном. Однако беседа с Рейнло без свидетелей давала возможность говорить более откровенно, чем в бальном зале, под любопытными взглядами толпы.

— Я хочу, чтобы вы оставили Кассандру в покое.

Маркиз подался вперед. Плавные, грациозные движения придавали ему сходство с хищником. В скудном свете, проникавшем из гостиной, Антония различила пристальный взгляд, устремленный на нее. Рейнло не улыбался.

Компаньонку пронзила дрожь.

Слава Богу, благодаря незаметной внешности и своему ничтожному положению она никак не могла привлечь внимание маркиза. Кто бы смог устоять перед повелительным взглядом этих сверкающих глаз? Рейнло пытался лишь заставить ее изменить своему долгу. Будь у него другие намерения, Антонию ожидала бы незавидная участь.

— Какое мне дело до ваших желаний, мисс Смит?

Выставив вперед руки, словно желая защититься, Антония ответила без обиняков:

— Кассандра слишком хороша для вас.

Глаза ее привыкли к темноте, и лицо маркиза виделось отчетливее, чем ей того хотелось бы. Губы Рейнло едва заметно дрогнули.

— Надо отдать должное мисс Демарест: она воспитана лучше своей компаньонки.

— Позвольте ей найти достойного молодого человека, который составит ее счастье.

— И с которым она умрет от скуки?

— Быть достойным вовсе не означает быть скучным.

— Неужели вы сами в это верите?

Рейнло вроде бы не двигался с места, но каким-то чудом ухитрился подобраться совсем близко к Антонии. Теперь его огромная фигура нависала над ней, заслоняя звезды. В слабом свете, струящемся из окон, его густые волосы сияли золотом, будто даже лучи не могли совладать с искушением прикоснуться к нему.

Взгляд Антонии жадно скользнул по стройному телу маркиза. Ее охватило отчаяние. Ну почему, почему он так дьявольски красив? Это неправильно, дурно. Отчего его красота столь губительна? Ведь красота — случайная игра природы. Сочетание мускулов, костей и красок, выбранное наугад. Как случилось, что негодяй Рейнло наделен могуществом, властью, которой не в силах противиться сердце?

— Что... что вы делаете? — испуганно пролепетала Антония, растеряв показную храбрость.

Она попятилась, но уперлась спиной в балюстраду.

— Оправдываю ваши ожидания, разумеется, — прошептал маркиз, подступая ближе.

Будь проклят его низкий певучий голос, от которого Антонию охватывала дрожь даже в многолюдном зале. Теперь же, на пустой террасе, где властвовали ночь и тишина, его звучный бас был полон соблазна, словно золото для скупца.

Ноздрей Антонии коснулся его аромат. Мужской дух мешался с легким запахом мыла. Мерзавцу следовало бы пахнуть огнем и серой, но от него исходил аромат чистоты и свежести. Антония подавила желание вдохнуть всей грудью этот восхитительный запах. Великий Боже, ей грозила нешуточная опасность.

Антония расправила плечи и выпрямилась, хотя это движение лишь сократило расстояние между ней и Рейнло. Когда-то она стала послушной игрушкой в руках распутника, но больше этому не бывать — теперь ей двадцать семь, а не семнадцать. Она уже вообразила, что сам воздух на темной террасе пронизан чувственностью, но на самом деле маркиз лишь ловко манипулировал ею. И если бы ей не удалось взять себя в руки, негодяй добился бы своего.

Она постаралась придать голосу как можно больше презрения. То был голос мисс Смит, не леди Антонии Хиллиард.

— Полно, лорд Рейнло! Если сплетники заметят, как вы беззастенчиво флиртуете со старой девой вроде меня, вашей репутации придет конец. Оставьте свои жалкие ухватки соблазнителя и давайте вернемся к разговору о вашем преследовании мисс Демарест.

Снова раздался тихий смешок.

— Мисс Смит, вы недооцениваете себя и мою наблюдательность.

Ледяной страх сковал Антонию, чары Рейнло рассеялись. Она привыкла, что люди верят ее маскараду, и вот теперь пара внимательных глаз грозила раскрыть тайну.

«Не глупи, Антония. За десять лет ни один человек не догадался, кто ты такая на самом деле. Этот мерзкий негодяй лишь пытается тебя напугать, чтобы подобраться к Кассандре».

— И часто грубая лесть помогает вам добиться своего? — резко бросила Антония. — Я разочарована. Ожидала большего.

В ответ маркиз погладил ее по щеке. В гостинной он был в перчатках. Должно быть, успел их снять.

— О, я редко разочаровываю.

Антония невольно отшатнулась, почувствовав прикосновение Рейнло. Кожа ее запылала.

Антония прерывисто вздохнула и тотчас пожалела об этом: дразнящий запах маркиза проник в ее ноздри.

Боже милостивый, этот мужчина — воплощение соблазна. Неудивительно, что он так уверен в собственной неотразимости. Даже перезрелая дева вроде нее мечтает припасть к этой могучей груди, сжать широкие плечи, ощутить жар, исходящий от мощного тела.

— Вы и впрямь воображаете, будто ваш сомнительный интерес ко мне каким-то чудом заставит меня уступить, согласиться на ваши ухаживания? Вы переоцениваете свои чары и недооцениваете мое здравомыслие.

— Вовсе нет. — Рейнло нежно потрепал Антонию по щеке, будто с укоризной. — И почему вы находите мой интерес сомнительным? Клянусь честью, он неподделен.

От краткого ласкающего прикосновения маркиза у Антонии перехватило дыхание. Она отчаянно пыталась сказать в ответ какую-нибудь колкость, осадить назойливого джентльмена, но не находила слов. За последние десять лет ей не часто приходилось отбиваться от докучливых ухажеров.

— Подобная клятва лишь убеждает в вашей неискренности. Должно быть, вам не терпится заполучить Кассандру, раз вы тратите время на ее компаньонку.

Как ни странно, Антонию не оставляло ощущение, что интерес маркиза к Кассандре не имеет ничего общего со страстью. Когда эти двое бывали вместе, между ними не пробежала искра. Ничего похожего на ту сверкающую молнию, которая полыхнула между маркизом и ею самой на темной террасе.

Глупая, глупая девчонка. Купилась на уловку опытного соблазнителя. При желании Рейнло способен заставить любую женщину поверить, что он от нее без ума. Здравый смысл, которого Антонии в эту минуту явно не доставало, подсказывал, что маркиз никак не мог увлечься неказистой компаньонкой Кассандры. Лорд Рейнло использовал свою пугающую привлекательность, чтобы ошеломить ее, сбить с толку. А она, глупая гусыня, попалась в расставленную ловушку.

В ночном сумраке Антония чувствовала на себе пристальный взгляд маркиза. Ее защищало обличье старой девы. Вот уже десять лет эта маска надежно охраняла ее. И все же она затрепетала от страха.

Лорд Рейнло словно прочитал ее мысли.

— Знаете, ваша несокрушимость чертовски соблазнительна. Она бросает вызов.

Антония с деланным безразличием пожала плечами.

— Какое вам дело до жалкой компаньонки? Я слишком ничтожна, чтобы представлять для вас интерес, милорд. Если не считать моей роли сторожевой собаки при Кассандре. Имейте в виду, я серьезно отношусь к своим обязанностям. Вы неподходящая партия для мисс Демарест. Ее отец ни за что не согласится на этот брак, если ваша цель — женитьба. А замышляя что-то другое, вы только зря теряете время: Кассандра разумная девушка и не разрушит свою жизнь, доверившись развратнику.

— Неужели? — задумчиво проговорил маркиз. — А как насчет вас?

Безразличие Рейнло задело Антонию за живое. Ее охватил гнев. Ярость, сдерживаемая долгие годы, вырвалась наружу. Мужчины вроде Рейнло легко порхают по жизни. Им неведома опасность, они не задумываются о последствиях своих деяний. За этими самовлюбленными гордецами тянется кровавый след из сломанных жизней и разбитых сердец, но разве их это заботит? Они лишь потворствуют своим прихотям и капризам.

Но на сей раз лорд Рейнло просчитался.

— Ваши ухаживания меня не прельщают, — холодно отчеканила Антония. В ее голосе звучало презрение. — Оставьте меня в покое. И оставьте в покое Кассандру.

Она резко толкнула маркиза в грудь. К ее удивлению, Рейнло отступил, хотя явно превосходил ее в силе.

— Прощайте, милорд. Надеюсь, это наш последний разговор.

— Случись так, я был бы безутешен, — возразил маркиз любезным тоном, заставившим Антонию побелеть от гнева.

— Уверена, вы быстро оправитесь.

Подхватив блеклые юбки, она решительно зашагала к двери.

Ей следовало бы торжествовать победу, поставив на место заносчивого лорда Рейнло, однако Антония ясно сознавала, что ей удалось ускользнуть лишь потому, что маркиз ее отпустил.

Их поединок только начался.

Рейнло проводил глазами дракона в унылом платье компаньонки. Непристойные видения, навеянные его фантазией, будоражили ему кровь. С каждой новой встречей мисс Смит все больше занимала его мысли. Ему представлялась на редкость любопытной эта загадочная женщина с ее мятежным духом, бешеным сопротивлением и тайнами, одну из которых он давно разгадал. Но как бы ни старалась она ненавидеть Рейнло, ей не устоять перед тем взаимным притяжением, которое чувствуют они оба.

Протяжный крик совы из сумрака ночи напомнил маркизу, что он пришел сюда не для того, чтобы потворствовать своим желаниям. Он должен запустить когти в девчонку Демарест. С помощью удачи и женщин, с которыми ему всегда везло, он подстережет овечку после ужина.

Досадуя на себя за недостаток рвения, Рейнло хмуро натянул перчатки и вошел в гостиную. Укрывшись на галерее возле гостиной, он вскоре заприметил Кассандру в толпе гостей.

К счастью, зоркой мисс Смит не было поблизости.

Быть может, ее напугали его угрозы?

Проклятие, он снова задумался о стражнице вместо ее подопечной. Ему следует вести себя осторожнее. Касси наивна, ее легко покорить лестью, но, соблазняя девчонку, нельзя выглядеть равнодушным. В этой игре победа слишком важна, излишняя самонадеянность способна все погубить.

— Мисс Демарест, вы видели эти прекрасные полотна Клода 1? Позвольте мне показать их вам.

Рейнло властно подхватил Касси под руку, и та, вздрогнув, не сделала даже попытки высвободиться.

Касси смерила маркиза недоверчивым взглядом, что живо напомнило ему суровую отповедь, которой встретила его ухаживания компаньонка.

— Мы с мисс Смит любовались картинами Клода в Национальной галерее на прошлой неделе. Я бы с удовольствием взглянула на другие его работы.

Какого дьявола? Рейнло ожидал от Касси куда более живого отклика. Проклятие! Эта девчонка не испытывала и тени волнения. Напротив, она разглядывала его с каким-то отстраненным любопытством.

Раньше, появляясь с Рейнло на публике, она казалась польщенной его ухаживаниями. Теперь же она вовсе не выглядела довольной, скорее раздосадованной. На мгновение маркиз усомнился: уж не утратил ли он своей власти над женщинами? Нет, не может быть. Хотя мисс Смит и пыталась скрыть свои чувства, она трепетала от желания. Трудность заключалась в том, что несносная компаньонка заставила трепетать и его самого.

Рейнло понизил голос до страстного шепота:

— Думаю, вам многие мужчины говорили, что вы прекрасны?

В голубых глазах Кассандры заплясали насмешливые искры. Эта девушка действительно была прелестна и свежа, как персик. Только такой глупец, как он; не мечтал бы соблазнить ее.

— О да, очень многие.

Маркиз тихо рассмеялся. Эта захватывающая игра в нападение и отступление была хорошо ему знакома. Рейнло не раз доводилось из одного лишь каприза очаровывать женщин, колеблющихся между неуверенностью и желанием уступить, а на сей раз у него имелись веские причины, чтобы соблазнить Кассандру Демарест. Однако, как ни смешно, охота за драгоценной дичью не вызвала у него ни малейшего интереса, несмотря на все его старания.

вернуться

1

Клод Лоррен (настоящее имя Клод Желле, 1600-1682) — французский живописец и гравёр. — Здесь и далее примеч. пер.

— Должно быть, с вашим отъездом в Лондон в Сомерсете осталось немало разбитых сердец.

— Вы насмехаетесь надо мной, милорд. — Кассандра кокетливо опустила ресницы — эту ее милую уловку маркиз видел уже не раз. — Я не уверена, что нам с вами следует оставаться наедине.

— А я уверен, что не следует. — Рейнло изобразил хищную волчью усмешку и крепче прижал к себе Касси, однако не настолько крепко, чтобы спугнуть. — Мисс Демарест, вы так очаровательны, что я не могу устоять перед искушением поцеловать вас.

Подняв глаза, Кассандра встретила взгляд маркиза.

— Если нас кто-нибудь увидит, разразится ужасный скандал.

Эта девчонка или завзятая кокетка, или глупенькая простушка. Неужели она не догадывается о непристойных намерениях маркиза? По крайней мере, она должна была бы покраснеть, услышав его развязные слова. Ведь с ней говорил сам лорд Рейнло, именем которого матери по всей Англии пугали своих невинных дочерей.

— Боже упаси, — промурлыкал он. — Жаль прерывать эту захватывающую... беседу. Позвольте увести вас туда, где нам никто не мешает.

Но в следующее мгновение на галерею высыпала толпа хихикающих дебютанток во главе с краснолицей подружкой Касси. Рейнло с досадой понял, что момент упущен.

— Не сегодня, милорд, — скупой улыбнулась Кассандра.

Отступив, она как ни в чем не бывало повернулась к висевшей на стене картине, написанной вовсе не Клодом.

В своем мщении Рейнло не продвинулся вперед ни на йоту, и винить в этом следовало его одного. Он должен был приложить больше стараний, преследуя жертву. Добавить страсти, чувства. Неудивительно, что его ухаживания оставили девчонку равнодушной.

Черт бы побрал эту Антонию Смит. Если бы он поменьше думал о ней, пытаясь приманить добычу, то приблизил бы бесчестье мисс Демарест.

Выйдя на улицу после музыкального вечера, Рейнло вновь заметил враждебную, но неизъяснимо притягательную мисс Смит. Это вызвало у него одну лишь досаду. Рядом он различил Касси Демарест. Ему следовало думать лишь о мести, отгоняя прочь посторонние мысли, но строптивая компаньонка не шла у него из головы. Ей не удалось обмануть Рейнло. Ее губы твердили «нет», но тело шептало «да». А ее тело оказалось намного роскошнее, чем представлялось маркизу вначале. Мерзкие монашеские платья мисс Смит скрывали великолепные формы.

Эта женщина окружила себя крепкой броней. Рейнло не обольщал себя надеждой, что легко будет преодолеть все возведенные ею преграды. Но у него был свой лазутчик в стане врага: вопреки собственной воле мисс Смит находила его привлекательным.

После бесчисленных легких побед, одержанных маркизом, ему представлялось весьма заманчивым преодолеть сопротивление Антонии Смит. Ему предстояла восхитительная игра, исход которой был, разумеется, предрешен.

Сердце пресыщенного повесы забилося с непривычным волнением, когда он вообразил, как Антония падает в его объятия будто спелое яблоко. Такая же сладкая на вкус, немного терпкая, с легкой кислинкой, которую способен оценить лишь истинный гурман. Рейнло наскучили податливые женщины. Ему хотелось чего-то иного, редкостного, недоступного.

Сперва он соблазнит компаньонку, а потом уже насладится мезтью. Пожалуй, так будет даже лучше. Оказавшись в его власти, мисс Смит сама откроет ему доступ к своей воспитаннице.

Как ни странно, его, человека, который давным-давно забыл, что такое угрызения совести, смущала перспектива шантажировать компаньонку. Не то чтобы Рейнло останавливали соображения морали. Он был безжалостным негодяем, и мисс Смит предстояло горько пожалеть о встрече с ним.

Маркиз подавил смешок. Большинство мужчин сочли бы его глупцом оттого, что он предпочел слабое, почти незаметное очарование зрелой женщины бесспорной красоте юной девушки. Но с каждым мгновением, проведенным в обществе компаньонки, он все больше утверждался в мысли, что загадочная мисс Смит способна доставить неземное наслаждение проницательному любовнику. Под маской невзрачной старой девы скрывалась ослепительная красавица. Рейнло готов был поклясться: за чопорной сдержанностью Антонии Смит таились страстность и необузданность.

В сравнении с ней изведать вкус Кассандры Демарест все равно что утонуть в сладкой патоке.

Так и не приняв окончательного решения насчет мисс Смит, Рейнло оказался возле особняка Демарестов на Керзон-стрит. После музыкального вечера гости принялись рассаживаться по каретам. Образовался внушительный затор. Ни мисс Демарест, ни ее компаньонка еще не вернулись домой. Из полукруглого окошка над дверью струился свет, остальные окна оставались темными.

Прячась в тени деревьев, маркиз прокрался к конюшне. Там горел фонарь, но двор казался пустынным. Рейнло толкнул створку ворот — она поддалась. В городе подобная беспечность грозила обернуться бедой.

Бедой явилась в облике Николаса Рейнло.

Бесшумно проскользнув в сад, маркиз невольно замер: казалось, он очутился в сельской местности. Вместо резкого лондонского зловония, въедливого запаха угольной пыли и затхлой воды его окутал аромат цветов и свежевскопанной земли. Даже его порочную душу тронуло невинное дыхание весны.

Он обошел дом и оглядел задний фасад. Один из лакеев, подкупленный Рейнло, снабдил его подробным планом дома. Расположение комнат было самым обычным. Маркиз легко мог бы угадать, где спальня юной Кассандры. Однако его удивило, что мисс Смит занимает комнату на одном этаже с членами семьи Демарест. Обычно компаньонки жили рядом со слугами.

В комнате мисс Демарест, угловой спальне, выходившей окнами в сад, горел неяркий свет. Темное окно комнаты мисс Смит в другом конце дома оказалось открыто. Прямо под ним раскинуло ветви цветущее вишневое дерево.

К особняку Демареста маркиза привела случайная прихоть, но при виде открытого окна Рейнло тотчас принял решение. Ему представлялась прекрасная возможность завоевать расположение Кассандры, подбросив ей на подушку любовное письмо. Но весь вечер мысли его занимала обворожительная мисс Смит, а вовсе не жеманная девчонка.

Ухватившись за толстую ветку вишни, маркиз подтянулся и влез на дерево.

Глава 4

С усталым вздохом Антония закрыла за собой дверь спальни. Она очень любила племянницу, но упоенная успехом в обществе Кассандра, возвращаясь домой, принималась снова и снова восторженно пересказывать все события дня. В тот вечер Антония больше часа пыталась уговорить ее.

Компаньонка сокрушенно покачала головой: «Должно быть, Касси сейчас лежит без сна, с наслаждением перебирая в памяти сегодняшние победы».

К досаде Антонии, Кассандра причислила к своим победам и игривую беседу с маркизом Рейнло. После волнующей встречи с Антонией на террасе Рейнло принялся откровенно увиваться за Касси. Казалось, предостережение компаньонки пробудило в нем ребячливое желание поступить наперекор. Однако никто не назвал бы маркиза ребенком, да и в намерениях его не было и тени детской невинности. Он так ловко осуществил задуманное, что Антонии оставалось лишь беспомощно кусать губы от злости: ей не в чем было упрекнуть ни его самого, ни Касси.

Рейнло был чертовски хитер. Этот негодяй привык добиваться желаемого. Гореть ему в аду. Антония надеялась, что среди великого множества женщин, совращенных маркизом, найдется и та, чей ревнивый муж умеет обращаться с пистолетом.

Представив великолепного маркиза холодным и недвижимым, Антония ощутила укол сожаления, но тотчас одернула себя. Рейнло дьявольски красив, но душа его порочна. Он представляет угрозу для Касси.

И для самой Антонии.

— Какой суровый взгляд, дорогая мисс Смит. Мне следует опасаться?

Компаньонка в ужасе замерла, не в силах поверить своим глазам. Дрожащей рукой она подняла свечу, чтобы лучше разглядеть рослую фигуру, раскинувшуюся на канаве перед горящим камином.

Даже у лорда Рейнло не хватило бы дерзости проникнуть к ней в спальню. Он не настолько безрассуден. Это невозможно.

Или возможно?

Маркиз приподнялся на парчовом диване, в раскрытом окне за его спиной виднелись ветви вишневого дерева. Легкий ветерок развеивал занавески, наполняя комнату тонким ароматом миндаля, и играл густыми золотыми волосами Рейнло. Маркиз выглядел чертовски соблазнительно, словно блюдо с ростбифом перед изголодавшимся путником.

— Убирайтесь, — резко бросила Антония, замерев на месте.

Потрясение вытеснило гнев.

Маркиз тихо рассмеялся низким мелодичным смехом, отчего по ее телу поползли мурашки.

— А я думал, вы лишитесь чувств или с вами случится истерика.

— Я никогда не падаю в обморок, — тем же суровым тоном отчеканила мисс Смит.

Антония мучительно пыталась собраться с мыслями. Боже, как ей избавиться от этого наглеца? Страшно вообразить, что случится, если кто-нибудь обнаружит маркиза в ее спальне. Изумление Антонии сменилось страхом. Касси с отцом приютили обездоленную родственницу, позволив ей начать жизнь заново. Пусть все ее надежды рухнули, но в доме Демарестов она обрела пищу и кров. Если кузен решит, что Антония взялась за старое, ее мигом выставят за дверь.

Рейнло поднялся с ленивой грацией, от которой испуганную Антонию бросило в жар. Сердце ее отчаянно заколотилось. Выпрямившись, маркиз небрежно стряхнул с широких плеч белые

лепестки вишни. На нем был тот же элегантный наряд, в котором он появился на музыкальном вечере. Для повесы Рейнло обладал на удивление строгим вкусом. Его элегантные сюртуки, облежавшие мощную фигуру, всегда отличались безупречным кроєм, а жилеты служили образцом изысканной простоты.

Боже милостивый! Этот глубоко порочный человек был воплощением соблазна. В сравнении с ним красавец Джонни Бентон, разрушивший жизнь Антонии, показался бы сущим страшилищем. При виде лорда Рейнло чопорной мисс Смит хотелось отбросить скучную мораль и вновь отведать пьянящего вина страсти.

Но этот напиток — смертельный яд.

— Мне следовало бы знать: вы достаточно храбры, чтобы не закричать, обнаружив у себя в спальне мужчину. Хотя, уверен, вы потрясены до глубины души, добродетельная мисс Смит.

Антония рассмеялась бы, если бы не боялась скандала, которым грозила обернуться выходка маркиза. «Забавно: этот распутный Адонис воображает, будто говорит с непорочной девственницей».

— Чего вы добиваетесь?

Покои компаньонки располагались обособленно, и Антонии не было нужды говорить шепотом.

— Вы бы мне поверили, если бы я признался?

На этот раз у мисс Смит вырвался презрительный смешок. Нет, Рейнло не увидит ее смятения, она не доставит ему такого удовольствия. Антония отважно шагнула в глубину комнаты, не желая испуганно жаться к двери, — это смахивало бы на трусость.

— Нет, не поверила бы. Во всяком случае, я рада, что вы ошиблись комнатой. Я прослежу, чтобы отныне окна в спальне Кассандры держали запертыми.

— Я вовсе не ошибся комнатой, — невозмутимо возразил маркиз, не сводя глаз с компаньонки, пока та зажигала лампу у себя на туалетном столике.

— Ну, конечно, — с издевкой усмехнулась Антония, не скрывая недоверия.

Маркиз не сделал попытки дотронуться до нее, и лишь благодаря этому ей удавалось изображать апломб.

— Полагаю, вы влезли на вишневое дерево? Придется попросить садовников срубить его.

— И это все, что вы можете сказать мужчине, решившемуся проникнуть в дом ради того, чтобы провести несколько мгновений наедине с вами? Как прозаично, мисс Смит. Я надеялся, что ваше девичье сердце забьется от волнения.

Антония задула свечу и обернулась. Как бы ей хотелось найти во внешности маркиза хотя бы малейший изъян, признак порочности, клеймо разврата. Она смерила взглядом Рейнло, но, как всегда, увидела лишь восхитительно красивого мужчину. Страх и желание, спрятанное в тайниках ее сердца, уступили место гневу. Этого негодяя несколько не заботило, что его дерзость грозила разрушить ее жизнь. Грубое животное, мерзавец Рейнло значил для нее не больше, чем грязь под ногами.

— Весьма романтично, не сомневаюсь, — надменно вскинула брови Антония. Пытаясь скрыть дрожь в пальцах, она вцепилась в край столика. — Вам удалось застать меня врасплох. Вы показали мою уязвимость. Я предупреждена. Теперь можете идти.

Рейнло самодовольно улыбнулся, торжествуя победу.

— Вам бы следовало проявлять больше почтения к тем, кто стоит выше вас.

— Вы не выше меня, — отрезала Антония, прежде чем вспомнила о своем жалком положении компаньонки: ведь она больше не была обожаемой дочерью лорда Эйвсона, леди Антонией Хиллиард, перед которой открывалось блестящее будущее.

Рейнло рассмеялся.

— Сомневаюсь.

Он продолжал задумчиво ее разглядывать.

Антонию охватил страх. Маркиз не был глупой красивой куклой. В его уме таилось больше опасности, чем в красоте. И, словно угадав мысли компаньонки, Рейнло невозмутимо заметил:

— У вас чертовски неподходящее имя для прислуги.

Антонию сковал ужас, по спине пробежал озноб. Неужели негодяй угадал, кто скрывается за маской неприметной мисс Смит?

«Никогда не позволяй врагу видеть твое поражение. Не давай ему считать себя победителем».

Гордость Хиллиардов придала холодную твердость голосу Антонии.

— Лорд Рейнло, хоть я и нахожу очаровательным наш разговор, вам следует уйти. Стоит слугам услышать мужской голос или, хуже того, увидеть вас у меня в спальне, и моей репутации конец.

Прислонившись плечом к стене, маркиз сложил руки на груди. При виде его самоуверенной улыбки Антония в бессильной ярости стиснула зубы.

— Неплохая попытка. Но эта спальня расположена довольно далеко от других комнат. Если вы не станете кричать, нам ничто не угрожает.

Антония шагнула в сторону. Колени ее подгибались.

— Моя служанка может войти в любую минуту.

— Вам не прислуживает горничная: Мои осведомители донесли, что вы особа независимая.

— Донесли?..

Антония запнулась и потрясенно умолкла, после чего растерянным жестом поправила на переносице очки.

Силы небесные, напрасно она не поверила Рейнло. Он и впрямь не ошибся комнатой. Мерзавец с самого начала задумал забраться не к Кассандре, а к ее компаньонке. Он потрудился навести справки и выяснил, что мисс Смит обходится без служанки. Распутный маркиз избрал ее своей

целью. Теперь Антония боялась уже не скандала. Ее страшила мужская властность Рейнло. И собственная женская слабость.

— Преследуя женщину, я не оставляю места случайностям.

Рейнло говорил так, будто не нуждался в согласии Антонии.

Нет, она не поддастся трусости. И не уступит. Негодяю удалось каким-то чудом выведать их домашние секреты. Не приведи Господь, он узнает тайну мисс Смит. Эта ужасная постыдная тайна дала бы лорду Рейнло власть над ней.

Призвав на помощь всю свою стойкость, Антония преодолела страх. Если Рейнло рассчитывал на легкую победу, его ждало разочарование.

Расправив плечи, компаньонка бесстрашно встретила взгляд маркиза. Что ж, война так война. К сражениям ей не привыкать. Когда-то она была беззащитной как котенок, но с тех пор минуло немало лет, наполненных горечью и страданием.

— Подозреваю, вы задумали воспользоваться мной, чтобы подобраться к Касси. — Резкий голос Антонии полоснул Рейнло точно бритва. — Воображаете, что крохи мужского внимания сделают меня послушным орудием в ваших руках?

Маркиз окинул компаньонку взглядом от практичных туфель до уродливого чепца. Последние десять лет Антония одевалась просто и неприметно, по-старушечьи. Должно быть, ей только показалось, что пронизательный взгляд маркиза сумел различить под бесформенным платьем фигуру молодой женщины.

Несмотря на возмущение, это долгое внимательное исследование необычайно взволновало Антонию. Ее бедра обдало жаром, соски отвердели под грубой тканью рубашки. Слава Богу, грубая ткань платья служила ей надежной защитой, хотя опытный распутник вполне мог догадаться, что творится с мисс Смит. Возможно, настойчивость Рейнло объяснялась не только желанием найти лазейку к Касси. Наверное, негодяй почувствовал, что компаньонка равнодушна к его чарам. От мужчины с его опытом невозможно скрыть одиночество, отчаяние и долго сдерживаемую страсть. Антония гневно закусила губу. Прочитав самые постыдные ее желания, лорд Рейнло замыслил превратить ее в безвольную марионетку.

— Вы несправедливы к себе, — задумчиво протянул маркиз.

— Я не обольщаюсь на свой счет.

Сердце Антонии больно сжалось от сожаления, хотя перед ней стоял опасный негодяй, ничтожный человек, встреча с которым могла принести одно лишь несчастье. Вот уже десять лет ни один мужчина не смотрел на нее с вожделением. А тот, что разглядывал ее теперь, бесстыдно лгал. Она постаралась придать голосу язвительность.

— Я думала, вы изобретете более изощренный план, милорд.

Рейнло пожал плечами без тени смущения.

— Когда удачу сулят самые простые планы, почему бы не воспользоваться ими?

— Теперь я осведомлена о вашем замысле. Я настороже, и у вас нет ни малейшего шанса на успех.

Антония открыто бросила вызов, и Рейнло уже незачем было изображать притворный интерес. Почему же это так больно ранило мисс Смит? К несчастью, под маской невзрачной компаньонки таилась тщеславная пустоголовая дочь лорда Эйвсона.

— Полагаю, антилопа осведомлена о намерениях льва? Однако исход заранее предрешен.

Антония гневно прищурилась.

— Я вам не беззащитная антилопа.

— Возможно, но со мной вам не тягаться.

Мисс Смит сжала зубы. Напыщенный осел. Какая удача, что маркиз вовремя напомнил ей о том, кто он таков. Теперь ей легче будет противостоять его чарам.

— Посмотрим, милорд.

Рейнло расхохотался. Антонии уже приходилось слышать его смех, слишком искренний, слишком свободный и веселый для пресыщенного повесы. И теперь этот громкий мужской смех звучал в стенах комнаты, где мужчинам находиться вовсе не полагалось.

— Милорд, прошу вас...

Антония в ужасе подскочила к маркизу, чтобы заставить его замолчать, однако поднеся руку к его губам, вдруг осознала, кто стоит перед ней, и замерла. Рука Рейнло обвилась вокруг ее талии. Сквозь затемненные очки Антония встретила взгляд угольно-черных глаз — сверкающих глаз хищника, наметившего добычу.

— Тише... — взволнованно шепнула она.

Маркиз крепко держал ее за талию, не делая попытки прижать к себе.

— Мне показалось, вы хотели повалить меня на постель, — прошептал он.

Его теплое дыхание коснулось лица Антонии. К чему отрицать: ей и раньше страстно хотелось поцеловать этот циничный чувственный рот, — теперь же, стоя рядом с Рейнло, ощущая жар его тела, она едва сдерживала желание прильнуть губами к его губам.

— Вы обольщаетесь, — произнесла она дрожащим голосом, пытаясь высвободиться.

Леденящий ужас заставил ее съежиться — ужас перед тем, что Рейнло способен сотворить с ней. И что способна совершить она сама.

— Отпустите меня.

— Зачем? Мне нравится ваше нынешнее положение. Вы сами оказались рядом со мной, мисс Смит.

Антония отчаянно рванулась из рук Рейнло.

— Я закричу, — прошипела она.

Свободной рукой маркиз нежно погладил ее по щеке, отчего Антонию пронзила дрожь.

— Нет, не закричите.

Да, она не стала бы кричать. Она не могла допустить, чтобы кто-то ворвался к ней и обнаружил ее в объятиях лорда Рейнло. Зная о прошлом мисс Хиллиард, никто не поверит, что она и не думала приглашать распутника к себе.

— Прекратите, — пробормотала Антония слабеющим голосом.

Рейнло медленно очертил пальцем контур ее подбородка. Долгие годы никто не прикасался к ней так ласково, тем более мужчина. Нежность маркиза была притворной, но сердце Антонии не желало об этом знать. Ее глупое сердце замирало от желания. Боже, надо же быть такой идиоткой! Слезы сжимали ей горло. Собрав все силы, Антония отвернулась.

— Можно мне снять с вас очки?

Наклонившись, Рейнло коснулся щекой ее щеки.

Целую вечность ни один мужчина не подступал к Антонии так близко. Она вдруг необычайно остро ощутила свое несходство с Рейнло. Он был намного выше ростом. Сильнее. В нем чувствовалась скрытая мощь. Его щека, покрытая щетиной, царапнула кожу.

Тигрица превратилась в глупого маленького крольчонка. Ей оставалось лишь сдаться. Сердце Антонии так отчаянно колотилось, что, казалось, каждый удар способен сбить ее с ног. Слова Рейнло доносились до нее откуда-то издалека, словно сквозь слой ваты. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы уяснить их смысл. Маркиз уже протянул руку, чтобы снять с нее очки.

— Нет! — Антония отпрянула, и хотя ей не удалось вырваться, теперь она стояла чуть дальше от Рейнло. — Я же сказала вам: прекратите.

— Вы не хотите узнать, что такое поцелуй? Вы казались мне любознательной женщиной.

— Оставьте этот покровительственный тон. Вы до отвращения высокомерны.

— А вы невероятно соблазнительны.

Лорд Рейнло, будь он неладен, говорил вполне искренне. Впрочем, искренность всего лишь уловка распутника, напомнила себе Антония.

— Не смешите меня.

Она попыталась отвернуться, но Рейнло мягко взял ее за подбородок.

— Антония, поцелуйте меня.

Откуда эта настойчивость в его голосе? Повесы никогда не проявляют настойчивости. Весь мир для них — одна большая кладовая, где они вольны лакомиться любыми кушаньями. Если не удалось отведать одно блюдо, взамен всегда найдется другое.

— У вас нет права называть меня по имени, — выпалила Антония, с досадой сознавая, что ведет себя как испуганная девственница.

Рейнло с улыбкой отвел от ее лица белокурую прядь, выбившуюся из-под чепца. Побольше нежности. Пусть безрассудное сердце Антонии затрепещет от желания.

— Глупышка.

Рейнло крепко держал ее, не давая вырваться. И если быть честной, его железная хватка отзывалась сладкой дрожью в теле Антонии.

Она и в самом деле всего лишь глупая девчонка.

Антония тщетно попыталась придать голосу твердость.

— Я не предам Касси ради ваших прекрасных глаз:

Рейнло продолжал поглаживать ей виски. О Боже, хоть бы он остановился.

Господи, хоть бы он не останавливался никогда.

— А я не знаю, красивы ли ваши глаза. Сказать по правде, я слишком мало о вас знаю. Настало время это исправить.

Наслаждение наплывало волнами, и все же Антония почувствовала угрозу в словах Рейнло. Она попробовала увернуться, но было поздно. Маркиз сорвал с нее кружевной чепец и швырнул на пол.

— Будьте вы прокляты, лорд Рейнло! — гневно воскликнула Антония.

Ей наконец-то удалось вырваться.

Она не сознавала, как отчаянно цепляется за маску компаньонки, пока маркиз не начал срывать с нее личину.

Антония так сильно дрожала, что ей не сразу удалось подобрать чепец. Она выпрямилась, яростно комкая в руках кружевную тряпицу, словно желая разорвать ее в клочья.

— Уходите, — бросила она глухим дрожащим голосом. Слезы жгли ей глаза. — Просто... уйдите.

Ей бы следовало знать, что Рейнло ее не послушает. Он и не подумал двинуться с места. Маркиз проявлял усиленное внимание к мисс Смит с первой их встречи. Теперь же его интерес лишь усилился.

Он нежно, почти благоговейно коснулся волос Антонии. Казалось, его пальцы легки как перья.

— Почему вы прячете волосы?

— Я компаньонка, а не куртизанка, — огрызнулась Антония, пытаясь снова нацепить чепец.

Руки ее дрожали. Неуклюже поправляя локоны, она собиралась с силами. Нужно выглядеть уверенной и невозмутимой, чтобы дать отпор наглому повесе. Нет, она не поддастся на его обман, ей слишком хорошо знакомы мужские уловки.

Забыв об осторожности, она повернулась к Рейнло спиной, проверяя, надежно ли спрятаны волосы. При виде своего отражения в зеркале Антония в ужасе замерла. Руки ее безвольно повисли. Несмотря на безобразные очки, она вся словно сияла внутренним светом. С ней не случалось такого целую вечность. Десять лет назад горящий в ней пламень спалил ее жизнь дотла, остались одни руины. Но больше этому не бывать.

Щеки ее пылали, а алые губы молили о поцелуе.

Поцелуе одного-единственного мужчины.

К несчастью, мужчина, о котором она грезила, был гнусным негодяем. Рейнло жестом собственника положил ей руку на плечо. Антонию охватило отчаяние. Нет, она ни за что не позволит еще одному мерзавцу разрушить ее жизнь. Она должна положить конец его коварным козням. Лучше состариться в одиночестве, чем превратиться в распутную девку.

Рейнло не мог отвести глаз от белокурых кос, уложенных короной вокруг головы Антонии. Строгая прическа не могла скрыть необычный цвет ее пышных густых волос.

— Грешно прятать такую красоту под уродливой тряпкой.

Рейнло повернул Антонию к себе лицом.

После минутного колебания она уступила. Гнев и замешательство захлестнули ее. Желудок свело в тугой узел. Почему лорд Рейнло прикасается к ней так властно? Он что, имеет на это право? Откуда этот задушевный тон? Ведь они едва знакомы. Вдобавок маркиз не друг ей, а враг.

Рейнло смотрел на нее с непередаваемым выражением, словно никогда прежде не видел женщины.

Значит, распутнику нравятся ее волосы. Что ж, это не повод сиять от радости. Джонни Бентону тоже нравились ее волосы. Он любил играть ими, прикрывая волнистыми прядями ее обнаженную грудь.

Джонни соблазнил ее, обесчестил и бросил, предоставив ей одной расхлебывать последствия.

Антония храбро встретила взгляд черных сверкающих глаз Рейнло и угадала, что в его голове бродят те же фантазии: ее нагое тело, едва прикрытое длинными пышными волосами. Маркиз крепко сжимал запястья Антоний.

— Слишком поздно. Я знаю.

— Что... что вы знаете?

Ужас охватил ее, почти погасив желание.

— Я знаю, какую красоту вы скрываете под этими блеклыми тряпками.

Ответ маркиза приглушил страх компаньонки. Смятение сменилось гневом.

— Не говорите глупости, Рейнло! — воскликнула Антония.

— О, пусть я буду глупцом, — пробормотал маркиз и, притянув ее к себе, крепко обнял.

Вихрь чувств, знакомых и незнакомых, захлестнул Антонию. Когда-то мужчина уже держал ее в объятиях. Но прежде она не испытывала ничего подобного. Эти сильные руки, сжимавшие ее, это мощное тело, чистый свежий запах... один лишь Рейнло мог заставить ее трепетать от желания.

— Нет... — прошептала Антония, но Рейнло ее не слушал.

Он склонил голову и поцеловал ее, пользуясь языком как оружием, чтобы разомкнуть ее губы и завладеть ртом. Он был безжалостен и ненасытен, не считаясь с ее желаниями. Смятение Антонии он принял за неопытность.

Скованная скорее потрясением, нежели чопорностью или сознанием собственной греховности, она оставалась неподвижной. Волны жара разливались по ее телу, бедра трепетали, охваченные огнем.

Оторвавшись от ее губ, Рейнло поднял голову. У него вырвался тихий возглас разочарования. С силой сжимая плечи Антонии, он испытующе посмотрел ей в глаза:

— Вы способны на большее.

Щеки Антонии гневно вспыхнули. Прославленный любовник поцеловал ее со сноровкой землекопа, роющего землю, чтобы проложить новый канал.

— Как и вы, — резко парировала она.

В черных глазах Рейнло блеснул вызов, и Антония тотчас пожалела о неосторожно брошенных словах.

— Н-нет... — пролепетала она, попытавшись наконец вырваться.

До этого мгновения она стояла неподвижно словно фарфоровая кукла. Ей следовало позаботиться о собственной безопасности, пока не стало слишком поздно.

Боже, она опоздала.

— Разве хоть один мужчина способен оставить без внимания жалобу хорошенькой женщины? — вкрадчиво произнес маркиз.

— Поверьте, вам не стоит придавать значение моим словам, — вяло запротестовала Антония, делая слабую попытку высвободиться.

— Рыцарский долг велит мне прислушаться к ним.

Губы Рейнло насмешливо изогнулись, и сердце Антонии пустилось вскачь.

«Беги, Антония, беги...»

Но ноги ее не слушались. В дрожащей тишине она ждала, когда губы Рейнло прижмутся к ее губам.

С первым касанием его губ у Антонии вырвался сдавленный вздох. Желая оттолкнуть Рейнло, она вцепилась в отвороты его сюртука. Но в следующее мгновение колени ее подогнулись, ноги стали ватными. Солоноватый, пряный вкус поцелуя заставил ее затрепетать. Блаженство затопило ее, вытесняя, стусшеывая все иные чувства. Подступила слабость. На мгновение ей показалось, что маркиз колеблется, словно смущенный ее внезапной покорностью, но прежде чем она успела воспользоваться дарованной ей передышкой, губы Рейнло впились в ее рот. Огненная волна поглотила Антонию. Ее губы разомкнулись, язык жадно скользнул в глубину рта Рейнло, руки обхватили его мощные плечи, пальцы впились в ткань сюртука. Антония закрыла глаза, позволив темным жарким волнам восторга подхватить ее точно легкую соломинку. К чему лукавить? Именно этого она и хотела. Хотела всегда, с самой первой

встречи с Рейнло. Пусть она поступила безрассудно, но поцелуй маркиза заставил ее почувствовать себя по-настоящему живой впервые за последние десять лет.

— Какая вы сладкая, Антония... — прошептал Рейнло, касаясь губами ее шеи и легонько покусывая кожу.

Его губы вновь завладели ее ртом, целуя, терзая, дразня. Антония пошатнулась от слабости. Рейнло крепче прижал ее к себе.

Но, оторвавшись от его губ, Антония произнесла, наконец, нужное слово:

— Нет!

Отказ лишил ее последних сил. Шальная, неистовая Антония, впервые за много лет наслаждавшаяся свободой, возмущенно взвыла. Безрассудную Антонию влекло к лорду Рейнло, как пропойцу тянет к бутылке джина.

Маркиз приник губами к ее горлу, и будто огненные стрелы вонзились ей в живот. Его рука ласкала ее грудь, заставляя Антонию трепетать от страсти. Задыхаясь, она хватала ртом воздух. Ее пальцы вцепились в плечи Рейнло. Гордость шептала, что это лишь попытка оттолкнуть маркиза, но беспощадная честность заставила Антонию признать: ей просто хотелось прикоснуться к нему.

— Рейнло, нет.

На этот раз в ее голосе звучала убежденность. В конце концов, чары развеются, и что случится тогда?

К несчастью, она слишком хорошо знала ответ.

— Неужели вы это серьезно? Не может быть, — сбивчиво пробормотал Рейнло.

Подняв голову, он окинул Антонию долгим взглядом из-под тяжелых век.

— Я не шучу, — тяжело дыша, возразила она.

Пальцы Рейнло принялись расстегивать пуговицы на ее скромном корсаже.

— Прекратите.

Антония стряхнула с себя руку маркиза.

— Я хочу увидеть вас.

Низкий звучный голос Рейнло был полон соблазна, но Антония успела овладеть собой. Она с ужасом понимала, как близко подошла к запретной грани, за которой женщину ждет гибель.

— Вы не получите желаемого.

Ее платье распахнулось, открыв простой белый полотняный корсет и рубашку. Должно быть, маркизу доводилось видеть немало полуобнаженных женщин в самом соблазнительном белье, и все же его взгляд жадно скользнул по груди Антонии.

— Обещаю, я буду только смотреть.

Антония враждебно сверкнула глазами.

— О да, охотно верю.

Рука Рейнло, обнимавшая ее за талию, напряглась.

— Вы мне больше нравитесь, когда я вас целую.

— Не надейтесь вскружить мне голову своими жалкими уловками. Ступайте прочь.

Маркиз взял ее за подбородок. В его глазах читалось вожделение и насмешка.

— О нет, дорогая. Наша встреча слишком увлекательна, чтобы оборвать ее на самом интересном месте.

Антония замерла в ужасе. Его лицо выражало решимость, твердый подбородок надменно выдался вперед. Рейнло считал сопротивление своей жертвы не более чем притворством.

Чему тут удивляться? Антония целовала его с такой страстью, словно он открыл ей ворота в рай.

— Нет, — решительно произнесла она, не находя в себе сил отшатнуться.

— Да.

Рейнло запрокинул ей голову, прижался губами к ее губам. Антония ожидала бури, стремительного натиска, но маркиз покорила ее нежностью, такой же безжалостной, как и его страсть. На мгновение она поддалась его чарам, погрузившись в теплые воды блаженства.

Рейнло сжал ее плечи, впился в ее губы властно, требовательно. Антония, шатаясь, отступила. Ноги ее опалило жаром горящего камина, но куда опаснее было пламя, зажженное лордом Рейнло в ее сердце.

Рука маркиза скользнула ей за корсаж. Ладонь обхватила грудь, сжала крохотный бутон соска. Бурлящий поток желания захлестнул Антонию, у нее вырвался хриплый стон. Тело безвольно обмякло, затуманенный разум отказывался повиноваться.

Еще немного, и она сама станет умолять Рейнло сделать с ней все, что ему захочется, а его желания не представляли секрета. В отчаянии Антония пошарила рукой у себя за спиной.

«Черт возьми, да где же она?»

Наконец пальцы ее нащупали то, что искали. Сжав в кулаке кочергу, Антония собрала остатки воли и изо всех сил ударила маркиза по голове.

Глава 5

Боже милостивый, она убила Рейнло.

Антония в ужасе смотрела на безжизненное тело маркиза, распростертое на турецком ковре. Кочерга выпала из ее ослабевших пальцев.

Антония смутно сознавала, что должна испытывать раскаяние, но страх вытеснил все чувства. Во рту пересохло. Горло свело судорогой. Перед глазами поплыла пелена.

Объяснить появление живого лорда Рейнло в ее спальне было бы довольно непросто. Что ж тут говорить о мертвом? Как спрятать тело, если она не в силах даже сдвинуть его с места?

Кровь, хлынувшая из раны на виске маркиза, испачкала ковер. Теперь ни за что не удастся свести предательские пятна. Сердце Антонии бешено колотилось о ребра. Шатаясь на нетвердых ногах, она подошла к умывальнику. Внезапно в дверь постучали. Вспомнив, что дверь не заперта, Антония испуганно прижала руку к губам. Мучительная тошнота подступила к горлу. Если кто-нибудь войдет, она погибла.

— Мисс Смит, у вас все в порядке? — Это была Белла, немолодая женщина, горничная Кассандры. Она спала в маленькой комнатке рядом с покоем госпожи. — Я слышала ужасный грохот.

— Белла... — «Силы небесные, только этого не хватало». Антония постаралась придать голосу веселость. — Я споткнулась о стул. Вам не о чем волноваться.

— Вы не поранились?

Горничная давно ревновала Касси к компаньонке и с радостью уличила бы мисс Смит в грехопадении. Антонии ни за что не удалось бы убедить Беллу держать случившееся в секрете.

— Вы не хотите меня впустить?

«Боже праведный, нет!»

— Нет. — Решив, что ее резкий ответ мог пробудить любопытство горничной, Антония добавила, осторожно подбирая слова: — Нет, спасибо. Я не ушиблась. Идите спать, Белла. Час поздний, а вы, должно быть, устали.

Наступила тишина. Антония настороженно замерла, полная дурных предчувствий. Грудь ее будто стянуло железным обручем. Что делать, если дверь распахнется настежь? У Антонии не было денег, чтобы купить молчание горничной. И она не посмела бы заставить Беллу умолкнуть навсегда при помощи кочерги. Хватит с нее убийства одного лорда Рейнло.

Наконец Белла отозвалась, и Антония облегченно перевела дыхание.

— Ну, если вы так говорите, мисс... Доброй ночи.

— Доброй ночи, Белла.

Антония застыла, прислушиваясь к удаляющимся шагам горничной. Ее сотрясал озноб. Как бы ей хотелось оказаться подальше отсюда. Она посмотрела на неподвижную фигуру, лежавшую у ее ног.

Ничтожная компаньонка убила пэра Англии. Она могла бы заявить, что защищалась, но кто поверит женщине с ее прошлым? После громкого скандала, который неминуемо уничтожит ее, петля палача представлялась Антонии едва ли не спасением.

«Пожалуйста, не умирайте».

Нанеся удар кочергой, Антония задела не только висок Рейнло, но и лицо. Вдоль скулы его тянулась длинная багровая полоса. Кровь капала из раны на ковер. Очнувшись от оцепенения, Антония бросилась к умывальнику, наполнила лохань водой и схватила салфетку. Затаив

дыхание, она опустилась на колени рядом с лордом Рейнло.

Как отчаянно хотелось ей изгнать маркиза из своей жизни. Знакомство с Рейнло принесло ей одни несчастья. Теперь она никогда больше не услышит его язвительных острот, не увидит его улыбки, от которой ее всегда охватывал трепет.

Она с трудом сглотнула подступивший к горлу ком, пытаясь справиться с паникой. Не так уж сильно она ударила маркиза. Ей вспомнилось, как в Блейдон-Парке садовник наткнулся виском на сук и тотчас умер. Тогда Антония была еще девочкой.

Лицо Рейнло казалось бледным и строгим. Теперь в этом лице прежде всего поражала красота черт, раньше внимание отвлекал лукавый огонь в глазах. Антония удивленно нахмурила брови. Такое лицо могло бы принадлежать отшельнику, аскету. Рейнло походил на каменную статую рыцаря; а не на мужчину, чье имя служило символом порока.

— Господи, пожалуйста, не допусти, чтобы он умер.

Антония шептала слова молитвы, хотя в душе ее росло отчаяние. Она не желала смерти Рейнло. Он доставил ей немало хлопот и угрожал разрушить жизнь Касси, но без него мир Антонии стал бы беднее.

Она намочила тряпицу и прижала к ране. Руки дрожали. Ей пришлось закусить губу, чтобы сдержать слезы. Кожа Рейнло была теплой. Может, он еще жив? Мертвец был бы холодным как камень.

— Не умирай.

Она повторяла эти слова снова и снова, словно литанию. Внезапно Рейнло пошевелился и застонал. Антония запнулась и умолкла, не веря своему счастью.

Но в следующее мгновение маркиз снова стал пугающе неподвижен. Может ей привиделся этот краткий проблеск жизни? Густые черные ресницы Рейнло не трепетали. Крови оказалось куда меньше, чем вообразила Антония. Тонкая струйка, а не поток. Она смахнула ладонью слезы.

— Рейнло, ответьте мне.

Молчание.

Она попыталась придать голосу решительности, и невольно с губ ее сорвалось имя маркиза.

— Николас! Николас, пожалуйста, очнитесь.

На белом как бумага лице Рейнло выделялась багровая полоса. Антония так сильно закусила губу, что почувствовала солоноватый вкус крови. Нет, она не позволит этому мужчине умереть. И не потому, что от мертвого Рейнло еще больше неприятностей, чем от живого.

В оцепенелом мозгу Антонии слабо забрезжила спасительная мысль. Пульс. Ей следовало проверить пульс Рейнло.

Да что с ней такое, черт возьми? Это первое, что надо было сделать!

Сняв манжету, она прижала пальцы к могучему запястью маркиза. Ее затопило облегчение. Ровные, размеренные удары сердца убеждали: она не убила Рейнло.

Губы ее принялись шептать благодарственные молитвы.

Теперь оставалось лишь привести Рейнло в чувство, избавиться от него и навсегда забыть события этой ужасной ночи. Антония не сомневалась: после случившегося маркиз к ней на пушечный выстрел не подойдет.

Казалось бы, можно было только порадоваться. Но в мертвящей тишине комнаты Антония призналась себе в том, о чем не решилась бы поведать ни одной живой душе. Постыдная правда ужаснула ее. После бесконечной череды унылых лет одиночества жалкая серая мышка с наслаждением извела вновь упоительный вкус мужского желания.

С восхитительным мужчиной. Сильным. Зрелым. Полным соблазна.

Господи, неужели она так безнадежно испорчена? Ее тянет к Рейнло, как ржавый гвоздь к магниту. С железной решимостью Антония запрятала пугающее чувство поглубже в тайники души, в темноту, куда не проникают лучи света. Однажды, десять лет назад, ей довелось заглянуть в бездну и чудом удержаться на краю, не сгнуться в пучине блуда. Никогда больше она не падет так низко.

Нужно поставить маркиза на ноги и отправить восвояси. Да побыстрее.

Антония снова принялась вытирать кровь с лица раненого.

— Очнитесь. Ну, пожалуйста.

Под потеками крови скрывалась длинная царапина. Рана казалась неглубокой, но Антония не обладала достаточными познаниями в медицине, чтобы судить об этом.

— Рейнло, умоляю вас, очнитесь.

— Раньше вы называли меня Николасом, — прошептал маркиз, не открывая глаз.

Рука Антонии, сжимавшая влажную салфетку, застыла в воздухе. Она взволнованно перевела дыхание; радость боролась в ней с гневом. И, как часто случалось, когда дело касалось Рейнло, гнев одержал верх.

— Итак, вы живы, — сухо произнесла она.

— Разумеется, жив. — Маркиз по-прежнему лежал с закрытыми глазами. — Требуется нечто большее, нежели неловкий девичий удар, чтобы отправить меня на небеса.

Облегчение почти лишило Антонию сил, однако, не желая обнаруживать слабость, она презрительно фыркнула.

— На небеса? Как бы не так! Почему вы не подавали признаков жизни? Я едва не сошла с ума от тревоги.

— Вот и поделом вам. Вы чертовски больно меня ударили.

— Вы не желали остановиться, — возразила Антония, не обращая внимания на укоры совести.

Прежде ей никогда не доводилось ударить кого-то в ярости. Рейнло пробудил в ней самое дурное.

Наконец маркиз открыл глаза. Вернее, один глаз. Другая сторона его лица потемнела и распухла. «К завтрашнему дню глаз оплывет и почернеет», отметила про себя Антония.

— Вы и не хотели, чтобы я останавливался.

Заглушив голос вины, Антония с силой провела тряпицей по скуле Рейнло.

— Какой же вы тщеславный петух.

Маркиз вздрогнул от боли.

— Не пытайтесь убить меня снова.

— Я смываю кровь, — хмуро пробурчала Антония.

Как она могла сожалеть о том, что едва не убила этого негодяя? Да он напрашивался, чтобы его огрели кочергой. Мерзавца следовало бы отходить корабельной мачтой.

Губы маркиза растянулись в знакомой кривой усмешке.

— Может, лучше поцелуете рану?

— Нет, и не надейтесь.

Антония отжала салфетку над лоханью. Несмотря на клокотавшую в ней ярость, горло ее сжалось, когда вода в лохани окрасилась в алый цвет.

Рейнло с усилием приподнялся и сел.

— Вы слегка побледнели, мисс Смит.

Гневно сверкнув глазами, Антония снова отжала салфетку.

— Уже поздно. Я устала. Лучше бы я вас убила. Это послужило бы вам хорошим уроком.

— Если бы я погиб, целуя вас, то умер бы счастливым.

Антония недоверчиво вскинула брови, осторожно промывая рану. Кровь почти остановилась, но синяки проступали все отчетливее. Рейнло не один день будет вспоминать о стычке с мисс Смит, глядя в зеркало.

— И подобные эскапады приносят вам успех у женщин?

Рейнло рассмеялся, но тотчас болезненно поморщился.

Взяв Антонию за руку, он прижал ее ладонь к своему раненому виску.

— Еще какой. Вы бы удивились.

Антония вырвала руку и отшатнулась. Она не желала, чтобы Рейнло к ней прикасался. С этого начались все ее невзгоды. Впрочем, конечно, они начались куда раньше: в то мгновение, когда Антония встретила взгляд Рейнло в шумном бальном зале, среди разряженной толпы.

— Я сделала все, что смогла, — холодно проговорила Антония. — Вам нужен доктор — возможно, придется наложить швы. Дома приложите лед к кровоподтекам.

Рейнло улыбнулся, словно Антония была драгоценным подарком, о котором он молил целый год.

— Вы поразительная женщина.

Если маркиз способен был флиртовать, он вполне мог обойтись без ее забот. Намочив салфетку, Антония принялась оттирать с ковра кровавое пятно. К счастью, оно оказалось вовсе не таким большим, как ей почудилось вначале, когда Рейнло упал замертво после удара кочергой.

Рейнло, пошатываясь, поднялся.

«Похоже, рана серьезнее, чем он хочет показать», — встревожилась Антония, ощутив укол вины.

Она поспешно подставила маркизу плечо:

— Вы не в состоянии идти домой. Сможете хотя бы добраться до постели?

— О, мисс Смит, я уж думал, вы никогда не предложите.

— Не болтайте ерунду, — беззлобно бросила Антония.

Рейнло был тяжелым, и даже такой высокой женщине, как она, нелегко оказалось волочить его на себе. Неуклюже ковыляя рядом с маркизом, а иногда и подталкивая его, она кое-как доплелась до кровати.

Рейнло со стоном повалился на постель. Сидя на полу, он куда больше походил на себя самого. Теперь же он заметно побледнел, из раны на виске снова начала сочиться кровь.

Откинувшийся на изголовье кровати с безразличным видом — не слишком удачной попыткой скрыть боль, — он казался до отвращения романтичным, словно раненый герой какого-нибудь сентиментального романа, издания «Минерва-пресс».

— У вас найдется немного бренди? — устало спросил он.

— Разумеется, у меня нет бренди.

Резкий тон Антонии объяснялся не одним лишь желанием удержать Рейнло на расстоянии. Ее тревожило состояние маркиза. Он выглядел изможденным, обессиленным. Взяв в руки салфетку, она присела на кровать, чтобы вытереть свежую кровь с его лица.

— Жаль. Судя по вашему виду, вам не помешал бы глоток бренди.

Поднявшись, Антония налила маркизу стакан воды.

— Вам нельзя здесь оставаться.

Рейнло взял нетвердой рукой стакан и с жадностью сделал несколько глотков.

— Я не смогу вылезти через окно и спуститься с дерева. Когда едва стоишь на ногах, трудно удержать равновесие в дюжине ярдов над землей.

— Вам не удастся выйти из дома незамеченным. Мистер Демарест приказал поставить человека у двери, вход охраняют всю ночь.

— Что ж, значит, остается одно — воспользоваться дымоходом.

В голосе маркиза послышались резкие нотки. «Должно быть, к нему возвращаются силы», — с надеждой подумала Антония. Ей страстно хотелось избавиться от незваного гостя, но Рейнло сказал правду: карабкаться по дереву он не смог бы.

— Отдохните немного. Позднее вам придется уйти.

— Скоро уйду.

Рейнло с усилием вытянулся и, болезненно поморщившись, откинул голову на подушку. Распростертый на белых простынях, он казался слишком крупным для узкой девичьей кровати.

«Как странно видеть мужчину в своей постели», — подумала Антония. В ее скромной женской келье Рейнло был чужаком, опасным чужаком.

— Вам нужен доктор.

Рейнло закрыл глаза. Казалось, он не испытывает и тени смущения, черт бы его побрал.

— Если вы не собираетесь послать за доктором немедленно, лекарям придется подождать.

Антония хмуро укрыла Рейнло одеялом. Маркиз не пошевелился, когда она погасила лампу. Теперь комнату освещал один лишь горящий камин. Антония закрыла окно, взяла второе одеяло и устроилась в кресле возле огня, чтобы присматривать за раненым.

Отдаленный раскат грома прервал беспокойный сон Рейнло. Маркиз взгляделся в золотистый полумрак, не понимая, где очутился.

Ему не раз случалось просыпаться в незнакомых комнатах, но редко — в одиночестве. Маркиз повернулся и тотчас зажмурился: целое полчище демонов скрежетало железом у него в голове.

И тогда он вспомнил.

Он взобрался на вишневое дерево и поцеловал сварливую Антонию Смит. А та оглушила его кочергой.

Браво, Антония!

Грозная мисс Дракон уснула в кресле возле камина. Рейнло поднялся осторожно — отчасти из-за стреляющей боли в голове, отчасти потому, что не хотел разбудить воинственную драчунью. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота.

Свернувшаяся в кресле Антония ничуть не походила на устрашающего дракона. Она выглядела молодой и восхитительно красивой.

Рейнло медленно приблизился и только тогда понял, что изменилось. Во время бурной сцены с поцелуями, словесной дуэлью и ударом кочергой мисс Смит оставалась в уродливых очках, но перед сном сняла их. Ее чудесные волосы рассыпались по плечам. Косы расплелись, и серебристые пряди сияющим нимбом обрамляли голову. Один длинный локон упал на пышную грудь. Ладонь Рейнло невольно сложилась чашей, словно все еще обнимала эту восхитительную округлость, тербя нежный бутон соска.

Кто бы мог подумать, что под бесформенным старушечьим балахоном скрываются такие соблазнительные формы? К радости Рейнло, Антония не застегнула платье. Должно быть, решив, что убила маркиза, она забыла обо всем. Рейнло слышал, как она испуганно умоляла его не умирать. Хитрый дьявол, он долго изображал обморок, уже придя в себя.

Груди Антонии пленительно вздымались над безобразным корсетом. Если бы Рейнло позволили выбрать ей гардероб, он сжег бы всю ее одежду и облачил бы Антонию в черное кружево. Или в ярко-алое, чтобы подчеркнуть молочную белизну ее безупречной гладкой кожи.

Маркиз ухватился за каминную полку. К несчастью, он не слишком твердо держался на ногах, а голова буквально раскалывалась. Взгляд его не отрывался от спящей женщины, оказавшейся поистине лакомым кусочком.

Но почему эта обворожительная красавица прячет свою красоту? Почему ведет жизнь отшельницы?

Мать Рейнло, обладавшая буйным, капризным нравом, сменила множество компаньонов — ни одна не задерживалась в доме более нескольких месяцев. Николас всегда считал эту работу неблагодарной. Занимать малопочтенное положение едва ли не прислуги, быть у кого-то на побегушках, исполнять чьи-то прихоти за скудную плату и крышу над головой. Наверное, Демаресты обращались с мисс Смит с большим уважением, чем его взбалмошная глупая мать со своими компаньонками. Но по существу жизнь мисс Смит мало чем отличалась от жизни тех безликих женщин, сменявших одна другую.

Разумеется, Антония могла выбрать и иную судьбу. Тысячи мужчин охотно отдали бы целое состояние за такую прелестную жену. У мисс Смит был бы собственный дом, дети, муж, который согрел бы ее целомудренную постель.

Правда, Антония сумела удивить Рейнло. А ведь он искренне полагал, что его невозможно поразить. Мисс Смит целовала его отнюдь не как непорочная дева, а как чувственная женщина, расцветающая в объятиях мужчины. Николас приготовился медленно и нежно раскрывать этот робкий цветок, лепесток за лепестком. Но после недолгого колебания Антония ответила на его поцелуй со страстью, от которой маркиз едва не лишился рассудка.

Он рассеянно взял с ночного столика кошмарные очки, лениво повертел в руках и поднес к глазам, чтобы определить, насколько близорука мисс Смит.

Линзами в ее очках служили простые темные стекла.

«Так-так».

С каждым мгновением таинственная мисс Смит занимала его все больше.

Волнующие открытия этой ночи лишь подлили масла в огонь. Теперь Рейнло желал Антонию еще сильнее, чем прежде. Он мог бы овладеть ею прямо сейчас, она не оказала бы сопротивления. Разве что заартачилась поначалу, но вскоре уступила бы. Так почему же он стоит, склонившись над компаньонкой, словно чертов Ромео, вместо того чтобы преподать ей захватывающий урок любви? Это какая-то бессмыслица.

И еще более нелепо, что ему доставляет удовольствие просто смотреть на нее.

Даже во сне лицо Антонии казалось страстным, живым и женственно-прекрасным.

Почему ни один другой мужчина не заметил того, что открылось лорду Рейнло? Маскировка мисс Смит не отличалась изощренностью. Уродливый чепец, скрывающий чудесные волосы, темные очки, неприглядные платья.

Стараясь не обращать внимания на гремящие барабаны в голове, Рейнло наклонился. Он не мог допустить, чтобы Антония проспала всю ночь в кресле. С нежностью, которую он не рискнул бы приписать заботе, Николас поднял ее на руки. Антония была высокой и стройной. Если бы не удар кочергой, Рейнло поднял бы ее без малейшего усилия. Теперь же ему мешало головокружение и мутная пелена перед глазами. Казалось, комната медленно вращается — стены то наплывали, то уносились прочь. На какое-то мгновение Николас испугался, не свалится ли на ковер вместе с мисс Смит. Не так-то легко переносить спящих драконов, получив кочергой по голове.

Антония что-то неразборчиво прошептала, возможно, имя Рейнло (хотя сам он в это не верил), и доверчиво прильнула к его груди. Николас крепче сжал ее в объятиях, и знакомый аромат Антонии коснулся его ноздрей. Николас затруднился бы определить его, но запах этот напоминал ему о том, чему не было места в жизни завязанного распутника Рейнло. О невинности, о безыскусной радости, о красотах сельской Англии, о весенних цветах, о дожде... И, словно в подтверждение его мыслей, хлынул дождь. Капли забарабанили по подоконнику.

Рейнло вгляделся в лицо Антонии, замороженный ее редкостной красотой. Будь у него хотя бы капля жалости, он оставил бы ее в покое. Ведь он отлично понимал, что, в конечном счете, ломает ей жизнь.

Но было слишком поздно. Он желал ее и собирался заполучить любой ценой. Она тоже его желала, хоть ни за что не призналась бы в этом.

Всего несколько шагов отделяли Рейнло от кровати, но они показались ему долгими милями. Однако, как ни странно, ему в голову не пришло разбудить Антонию и заставить идти. Он осторожно положил ее на постель. Войдя утром в комнату, горничная застанет ее мирно спящей, как обычно. Рейнло не хотел, чтобы его безрассудное вторжение заставило Антонию страдать. Он и без того доставил ей немало волнений. Даже во сне лицо ее хранило следы усталости и тревоги.

Рейнло следовало бы снять с нее платье, но он решил не искушать судьбу. Кто знает, хватит ли у него выдержки не поддаваться соблазну? Мисс Смит без труда придумает для горничной объяснение, почему уснула полуодетой.

Николасу не хотелось выпустить Антонию из рук, но он понимал, что должен это сделать. Должен хотя бы потому, что ему страстно этого не хочется. Он бережно разомкнул объятия. Антония беспокойно шевельнулась и громко вздохнула, отчего Рейнло вновь обдало жаркой волной желания.

Он понимал, что должен идти: слуги вот-вот появятся. Во дворе ему предстояло пробраться незамеченным мимо конюхов. Нелегкое дело — спускаться с дерева под дождем, когда голова, кажется, готова разлететься на мелкие осколки.

«Но если я не уйду сейчас, то не уйду никогда», — сказал он себе.

Николас надеялся, что сумеет спуститься с вишни. Только бы не свалиться на землю. Тогда мисс Смит придется давать объяснения и все усилия спасти ее репутацию окажутся напрасными.

Медленно выпрямившись, Рейнло бросил последний взгляд на Антонию, желая запечатлеть в памяти ее образ. Он хотел запомнить ее такой: ведь, встретив в следующий раз, он вновь увидит перед собой проклятое пугало.

Повернувшись, Рейнло бесшумно шагнул к окну.

Когда Антония открыла глаза, за окном сияло солнце. Она лежала на кровати поверх одеяла, одетая в черное бумазейное платье. Ошибки быть не могло. Антония хорошо помнила, что случилось, хотя последние события представлялись ей немного расплывчатыми, туманными. И самое странное, она смутно припоминала, что лорд Рейнло нежно поцеловал ее перед уходом.

Должно быть, ей это только привиделось. Разыгралось воображение. Даже если остальные невероятные события случились наяву.

Антония неловко села и отвела с лица спутанные волосы. После бурных событий минувшей ночи тело ломило, руки и ноги налились тяжестью. На ночном столике остывала чашка горячего шоколада. Антония так крепко заснула, что не слышала, как приходила горничная. Событие небывалое — обычно мисс Смит просыпалась задолго до завтрака и хлопотала по дому.

Послышался тихий стук в дверь, и в следующее мгновение в комнату ворвалась Касси, одетая в муслиновое платье цвета солнечных лучей.

— Тони, ты настоящая соня. Я на ногах уже целую вечность.

Антония спустила ноги с кровати.

— Доброе утро, Касси.

Антонию не оставляли мысли о прошедшей ночи. Все ли благополучно с Рейнло?

— О, ты спала не раздеваясь. — Касси озабоченно нахмурилась. — Я требую от тебя слишком много внимания? Ты вечно не высыпaeшься.

Антония хотела было возразить, но тут ей пришло в голову, что ее странное поведение легче всего объяснить усталостью.

— Я не привыкла так поздно ложиться спать. И я не так юна, как ты.

Касси насмешливо фыркнула:

— О да, в двадцать семь лет из тебя уже сыплется песок. Так ты готова ехать в Суррей?

— В Суррей?

Касси порывисто схватила компаньонку за руку.

— Мы едем в поместье леди Хамфри на две недели. Неужели ты забыла?

Леди Хамфри...

Две недели в Суррее. Две недели вдали от лондонских соблазнов и искушений. Две недели вдали от неотразимого распутника.

Взгляд Антонии метнулся к окну, скользнул по белоснежным лепесткам вишни на подоконнике. Ужасный Николас Чаллонер день ото дня становился все опаснее. Даст Бог, к тому времени как они с Кассандрой вернутся из Суррея, Рейнло наскучит бесплодное ожидание, и он начнет охоту за новой добычей.

Сама судьба избавила Антонию от новых ночных вторжений. Но мисс Смит почему-то не испытывала благодарности. Боже, какая же она скверная девчонка.

Глава 6

После нескольких дней за городом Антония сумела наконец обуздать себя, справиться с охватившим ее мимолетным безумием и вернуться к привычной размеренной жизни, хотя и в гостях, в чужом окружении. Вот уже десять лет скучная рутина служила залогом ее спокойствия, в ее монотонности мисс Смит черпала силы. Касси тоже изменилась. В Суррее она вновь стала самой собой, веселой, жизнерадостной и приветливой девушкой. Лихорадочное возбуждение, не оставлявшее ее в Лондоне, исчезло без следа.

Погостить в загородном доме были приглашены в основном ровесники Касси и члены их семей. Эти оживленные сборища напоминали увеселения в Баском-Хейли. Невинные радости сельской жизни. Нехитрые развлечения. Лошади, собаки, прогулки по полям и лесам, вечерние игры и ранний отход ко сну.

Блаженный покой взамен ощущения нависшей угрозы.

Никаких роковых красавцев, стремящихся очаровать и соблазнить безрассудную доверчивую леди. Или ее осторожную компаньонку.

Поместье Пелем-Плейс располагалось в очаровательном уголке Суррея, ничуть не похожем на остальную часть графства с ее аккуратными возделанными полями. Вблизи реки, среди диких лесов и живописных вересковых пустошей.

Антония провела немало чудесных часов, изучая окрестности. Бродя по сельским тропинкам, она временами возвращалась мыслями к распутному маркизу Рейнло и его поцелуям (слабость вполне простительная, убеждала она себя).

В его объятиях на одно волнующее мгновение она вновь стала леди Антонией Хиллиард. Но с каждым днем воспоминания об этом драгоценном миге тускнели, уходили в прошлое. Леди Антония давным-давно исчезла, ее погубила порочная страсть. На смену ей пришла мисс Смит, которая слишком дорожила тем немногим, что у нее осталось, чтобы поставить на карту все свое будущее ради улыбки какого-то повесы.

Тем более повесы, преследовавшего ее лишь потому, что желал поближе подобраться к другой женщине.

Впрочем, как ни старалась Антония убедить себя, что Рейнло охотится за Касси, в глубине души она этому не верила.

Должно быть, в ней говорило тщеславие. Тщеславие и непроходимая глупость. Касси была прелестна и умна. Любой мужчина гордился бы подобной добычей.

Спустя пять дней после приезда Касси и компаньонка брели по холмам в сторону Пелем-Плейс. Они совершили чудесную прогулку вдоль берега реки. Капризная, переменчивая погода, омрачавшая их пребывание в Лондоне, сменилась настоящей весной. Радуюсь, что

захватила с собой дешевую шляпку, пусть и уродливую, Антония настрого приказала и Кассандре надеть шляпу — на солнце мисс Демарест мгновенно покрывалась веснушками. Антония находила это очаровательным, но среди лондонской знати «поцелуй солнца» на коже юной дебютантки вызвали бы явное неодобрение.

Группа гостей на террасе повернулась в сторону приближающейся пары. Леди Хамфри часто приказывала накрыть стол в саду, так что Антония не сразу почувяла неладное.

В доме остановилось около двадцати человек. Однако, подойдя ближе, мисс Смит поняла, что число гостей увеличилось и новоприбывшие ей знакомы. По крайней мере, один из них.

— Лорд Рейнло! — восторженно воскликнула Кассандра, проворно взбегая по низким ступеням на террасу.

Рейнло снял шляпу, приветствуя Касси, и Антония увидела его лицо, все еще отмеченное следами недавней битвы. Вокруг глаза темнел синяк, а оставленная кочергой царапина почти зажила. К вящей досаде Антонии, тонкий порез, пересекавший высокую скулу, лишь оттенял красоту маркиза, подчеркивая дьявольскую привлекательность.

— Мисс Демарест.

Рейнло поднес к губам руку Кассандры.

Посмотрев на ошеломленную Антонию, стоящую позади Касси, он лукаво опустил ресницы. Не хватало только, чтобы мерзавец подмигнул ей.

Антонию сковал ужас, все поплыло у нее перед глазами, и она непроизвольно сжала кулаки.

Господь всемогущий. А она-то воображала, что надежно укрылась здесь. И угодила в самое пекло. Теперь ей грозила ужасная опасность.

И Касси тоже.

Антония потянулась было, чтобы увести свою восторженную племянницу подальше от грязного развратника, но внезапно вспомнила, где находится. Она присела в небрежном реверансе.

Леди Хамфри выступила вперед.

— Лорд Торп пригласил еще несколько джентльменов присоединиться к нашему веселью, мисс Демарест. Это придаст живости нашим тихим вечерам.

«Не слишком ли много живости?» — хмуро проворчала про себя мисс Смит. Казалось, Кассандра нисколько не удивилась появлению маркиза. Сбылись самые скверные опасения Антонии. Теперь она поняла, почему ее подопечная так легко согласилась удалиться за город. Ей отчаянно хотелось отругать Касси, эту наивную маленькую дурочку, но весь ее гнев был обращен на самоуверенного негодяя Рейнло.

Маркиз смотрел на Касси с явным одобрением. И было отчего. Кассандра выглядела прелестно: щеки ее покраснелись от ходьбы, голубые глаза восхищенно сияли.

«Ох, Касси, все твои чувства написаны у тебя на лице».

Антония не могла стереть радостную улыбку с лица племянницы. Ей хотелось бы верить, что Рейнло прискучит откровенное обожание юной девушки, но опыт подсказывал: мужчинам

никогда не надоедает лести. Восторженность Кассандры только подстегнет интерес маркиза. Неудивительно, что мерзавец так самонадеян.

Сквозь багровую пелену гнева до Антонии донесся голос леди Хамфри, которая представила четверых новоприбывших. Лорд Торп приходился племянником хозяйке дома. Этот молодой человек был не просто приятелем Рейнло, они состояли в отдаленном родстве. «Похоже, половина лондонской знати — родня этого чудовища», — заключила компаньонка.

Мрачные размышления Антонии прервало шутивное замечание одного из джентльменов, поинтересовавшегося, что у Рейнло с лицом. Маркиз насмешливо посмотрел на мисс Смит, но та встретила его взгляд с холодной невозмутимостью, не желая доставлять негодяю удовольствие своим смущением.

— Вы поверите, если я скажу, что на меня напал тигр?

— Тигр?

Касси кокетливо прижала руку к груди. Прежде Антония не замечала у нее подобного жеста. Рейнло оказывал дурное влияние на девушку, очаровательную в своей безыскусственности.

— Не будьте такой простушкой, — сердито бросила Антония.

Рейнло довольно рассмеялся:

— Наверное, мне следовало сказать «тигрица».

Торп добродушно похлопал маркиза по плечу:

— Остерегайтесь диких зверей на Пиккадилли, старина!

Эти слова были встречены взрывом смеха, и Антония, не в силах побороть искушение, заглянула в лукавые черные глаза маркиза. Коварная улыбка на его губах пробудила в Антонии демонов, которых, как ей казалось, мирная деревенская жизнь прогнала прочь.

Довольно того, что Рейнло бесцеремонно вторгнулся в ее мысли. Ей никак не скрыться от него даже за пределами Лондона. Теперь Антонии предстояло провести две недели в обществе маркиза, дрожа от страха, гнева и... неутоленного желания. Этот отдых за городом грозил обернуться сущим кошмаром — здесь Антонию ожидали муки чистилища.

Будь проклят мерзавец Рейнло. Хоть бы на минуту он оставил ее в покое.

Само собой, Касси всеми силами старалась избежать откровенного разговора с компаньонкой. Разгоряченная, взволнованная, она задержалась в саду за чаем, поддерживая игривую беседу с джентльменами, чье появление заметно оживило сонную деревенскую жизнь.

К немалому облегчению Антонии, лорд Рейнло и Касси участвовали в общем веселье, не стремясь уединиться. «А впрочем, куда им спешить? — с горечью подумала компаньонка. — Впереди у них масса времени. Вдобавок в их распоряжении огромное поместье, где легко можно затеряться и предаться греху».

Она в который раз мысленно выбрала Годфри Демареста за то, что тот бежал, оставив юную дебютантку Касси на попечение одной компаньонки. Хотя бы раз в жизни Годфри мог поставить заботу о дочери выше собственных удовольствий.

Знакомая мигрень мстительно вгрызлась ей в голову, и Антония, пробормотав извинения, удалилась к себе в спальню. О Касси она не беспокоилась, рассудив, что племянница едва ли решится уйти вдвоем с поклонником под любопытными взглядами гостей.

Никто не обратил внимания на исчезновение мисс Смит. Никто, кроме Рейнло. Он старательно делал вид, что участвует в общем разговоре, однако Антония знала: он ни на мгновение не выпускал ее из виду.

Рейнло ясно давал ей понять: война еще не окончена.

Антония вернулась в отведенную ей комнату — крохотную каморку, примыкавшую к спальне Касси. Эта комната предназначалась для старшей прислуги. За пределами дома с Антонией не могли обходиться как с членом семьи Демарест, это неминуемо вызывало бы пересуды.

Пытаясь унять бешеные удары сердца, Антония плеснула в лицо холодной водой. Щеки ее пылали. Вытирая лицо ветхим полотенцем, она в тысячный раз напомнила себе: «Пора привыкнуть к жалкому положению служанки».

Вполне возможно, что к концу сезона Касси окажется помолвлена. «Великий Боже, пусть это будет не Рейнло», — взмолилась Антония, хотя маркиз никак не мог считаться подходящей партией для Кассандры. Мистер Демарест ни за что не дал бы согласие на брак своей единственной дочери с отъявленным повесой, даже если бы тот попросил ее руки. Будучи сам законченным распутником, Годфри тщательно оберегал дочь от подобного сброда.

Как только Касси выйдет замуж, ей уже не понадобятся услуги компаньонки. Кассандра не раз говорила, что непременно возьмет Антонию с собой в новый дом, но какой молодой супруг одобрил бы подобный план?

Нет, после замужества племянницы Антонии Смит останется лишь одно — пойти в услужение к другим хозяевам.

Она обвела взглядом уродливую комнату и горестно вздохнула. В такой же каморке ей предстояло провести остаток жизни.

Кассандра вернулась поздно. Спеша переодеться к обеду, она вихрем ворвалась в комнату, взволнованная, сияющая. При виде Антонии, сидящей в кресле у зажженного камина, она смущенно замерла и ее улыбка угасла.

— Тони... — Касси покраснела и виновато отвела взгляд, бросив шляпу на кровать. — Ты не собираешься переодеться?

— Переодевание не займет у меня больше пяти минут, и тебе это известно, — сурово отозвалась Антония. — Ты обманула меня.

— Я... я не понимаю, о чем ты. — Старательно пряча глаза, Касси подошла к туалетному столику и, неумело изображая беззаботность, принялась доставать шпильки из волос. — Скоро придет Белла.

— Появление Беллы, возможно, отсрочит наш разговор, но тебе все равно придется услышать то, что я намерена сказать.

Касси повернулась, надменно вздернув подбородок. Антония тотчас узнала это выражение и приготовилась к худшему; Кассандра редко своевольничала, но уж если ей случалось

взбрыкнуть, она становилась такой же упрямой, как ее отец.

— Если бы я сказала тебе, что лорд Рейнло приедет в Суррей, мы остались бы в Лондоне, уж ты нашла бы предлог.

— По крайней мере, ты призналась, что спланировала все заранее.

Лицо Касси приняло виноватое выражение.

— Никакого плана не было.

Антония недоверчиво подняла брови:

— В самом деле?

Кассандра смущенно повертела в пальцах розовую ленту на корсаже.

— Лорд Рейнло спросил, приду ли я на бал в Сканлан. Я ответила, что мы на две недели уезжаем из Лондона. Не моя вина, что маркиз последовал за нами.

«За нами»? О нет, не «за нами». Лорд Рейнло преследовал Кассандру. Антония знала, если она не будет настороже, этот порочный дьявол добьется своей цели.

— Касси, лорд Рейнло красив и обаятелен, его чары способны вскружить голову любой женщине. Даже такой разумной, как ты.

Кассандра упрямо сдвинула брови:

— Ты обращаешься со мной как с ребенком.

Антония огорченно покачала головой:

— Нет. Но мне лучше многих других известно, чем ты рискуешь.

— У лорда Рейнло самые благородные намерения.

У Антонии упало сердце. «Это потому, что я и не подозревала, как далеко зашел Рейнло в своей игре», — сказала она себе. Впрочем, честность тотчас вынудила ее признаться, что отчасти ее испуг объяснялся желанием самой заполучить лорда Рейнло, хоть это и не сулило ей ничего хорошего.

— Он так сказал?

Пожав плечами, Кассандра принялась расчесывать волосы тяжелой серебряной щеткой, подаренной ей отцом на двенадцатый день рождения. Она была добросердечной и далеко не глупой девушкой, но невероятно избалованной. Если Касси упрется и задумает вступить в противоборство с мисс Смит, беды не миновать. Антония долгие годы была ее наперсницей и компаньонкой. Но прежде ей на удивление легко удавалось справляться со своими обязанностями.

Должно быть, теперь Кассандра задумала наверстать упущенное и заартачилась всерьез.

— Касси, лорд Рейнло упоминал о женитьбе?

В наступившей тишине на Антонию вдруг нахлынули воспоминания о поцелуях Рейнло, безумные, страстные видения. Когда-то и она сама, наивная, юная, верила, что мужчина, целующий любовницу с такой страстью, не может гоняться за другими женщинами.

Наконец Касси неохотно мотнула головой.

— Нет, еще слишком рано. — Она продолжила резко и сердито, словно пытаясь убедить в своей правоте не только Антонию, но и себя саму: — Маркиз ведет себя как всякий порядочный мужчина, который ухаживает за женщиной. Будь его намерения бесчестными, он не обнаруживал бы их столь открыто.

— Касси, он слишком стар для тебя. И слишком многоопытен. Даже если в его намерения входит женитьба, я не верю, что ты будешь с ним счастлива. Мужчины, подобные ему, не знают, что такое верность.

Мисс Демарест надменно вскинула голову.

— Полагаешь, что такая женщина, как я, не сможет его удержать?

— Касси...

Антония осеклась, пытаясь подобрать нужные слова. К сожалению, именно это она и хотела сказать. Ни одна женщина не смогла бы надолго занять внимание Рейнло. Такие мужчины пребывают в вечном поиске новых удовольствий. После недолгой паузы Антония повторила то, что уже говорила раньше:

— Я не хочу, чтобы тебе причинили боль.

Ее слова не успокоили Касси, а привели в ярость.

— Если ты потеряла голову из-за смазливой мордашки, это еще не значит, что остальных девушек ждет та же участь.

Антония застыла, глубоко задетая презрительным тоном Кассандры. Касси никогда не отличалась злобой, но в Лондоне в ней произошла перемена. Всеобщее восхищение развращает людей. До этой минуты Антония не подозревала, как далеко зашло пагубное влияние света.

Она сказала себе, что Касси не желала ее обидеть, но пылающее гневом лицо племянницы и откровенный вызов в сверкающих голубых глазах, убеждали в обратном.

— Знаю, ты считаешь меня излишне осторожной, но...

— Я не наивная простушка, — обиженно выпалила Кассандра и резко отвернулась. — Мне известно больше, чем ты думаешь.

Антонию охватил страх. Сознание вины, острое как боль, заставило ее сжаться. Неужели Касси знает о властном чувственном притяжении, вспыхнувшем между ее компаньонкой и лордом Рейнло?

Конечно, нет. На людях Рейнло проявлял осторожность, не показывая своего интереса к мисс Смит.

Боже милостивый, какая нелепость. Рейнло нечего скрывать. Его показной интерес насквозь

фальшив.

— Касси... — начала было компаньонка, но в этот миг в комнату вошла Белла.

Терзаемой муками совести Антонии показалось, что горничная смотрит на нее суровее обычного.

— Вы готовы одеваться, мисс?

Горничная тотчас почуяла, что атмосфера накалилась, и с жадным любопытством перевела взгляд с госпожи на компаньонку.

— Да, я надена шелковое платье цвета лаванды.

В голосе Касси слышалось облегчение.

Антония подавила вздох. Пожалуй, даже к лучшему, что их разговор с Кассандрой прервали. Еще немного, и могла произойти их первая серьезная ссора. Ссора из-за ничтожного повесы лорда Рейнло.

— Я провожу тебя вниз, Касси, — тихо произнесла Антония.

— Как хочешь, — угрюмо бросила Кассандра и с воодушевлением добавила: — Думаю, лорд Рейнло за обедом будет сидеть рядом со мной. Он нарочно попросил об этом леди Хамфри.

Антония не ответила. Какой смысл читать сейчас Касси нравоучения? В тысячный раз со дня знакомства с лордом Рейнло Антония пожелала ему провалиться в преисподнюю.

Глава 7

Наблюдая за мисс Смит, мчащейся на лошади среди деревьев, Рейнло почувствовал, как в нем пробуждается инстинкт охотника. На удивление дорогой костюм для верховой езды плотно облегал стройную фигуру всадницы не в пример обычным бесформенным одеяниям компаньонки.

После волнующего разоблачительного вечера в спальне компаньонка сумела окружить себя надежной броней. Наверное, ему следовало овладеть ею, подумал Рейнло. Тогда она не держалась бы столь высокомерно.

И сам маркиз, возможно, не испытывал бы этого мучительного чувства.

Рейнло желал Антонию Смит, и каким-то непостижимым образом это неутоленное желание изменило его: все остальные женщины казались ему теперь скучными и пресными. Его уже не прельщали эти легковверные, податливые пустышки.

Зато мисс Смит с каждой встречей все больше занимала его мысли. Кто бы мог подумать, что одетая как чучело компаньонка такая великолепная наездница? Гнедой конь был норовистым, однако Антония без малейшего труда заставила его повиноваться. Она неслась галопом через лес, держась в седле уверенно, как юная амазонка.

Рейнло понимал: ему следует оставить мисс Смит в покое на время. Он добился своего, утвердил свое превосходство, показал ей, как легко разрушить ее жалкие оборонительные укрепления. Теперь плод должен созреть. Согласно разработанной им стратегии Рейнло надлежало вернуться в Пелем-Плейс и продолжить предпринятую накануне атаку на девчонку

Демарест. Здесь, за городом, малышка оказалась куда доступнее, чем в Лондоне. Немного настойчивости, и он уложит ее на спину прежде, чем крошка Касси покинет Суррей. Возможно, уже к концу недели.

С волнением предвкушая близкую победу, маркиз прищипорил коня и легко догнал мисс Смит. Его лошадь была крупнее и резвее, вдобавок он скакал не в дамском седле.

Гневно сверкнув глазами из-под полей элегантной касторовой шляпки, Антония стегнула лошадь хлыстом и понеслась стрелой. Рейнло довольно усмехнулся: ее яростный взгляд походил на вспышку молнии. Когда всадники на всем скаку вылетели на опушку, Рейнло наклонился в седле и, схватив за узду гнедого мерина Антонии, заставил животное резко остановиться. Он жаждал овладеть мисс Смит, но не собирался ради этого гнаться за ней до самого Тимбукту. Маркиз что-то тихо прошептал лошади, желая ее успокоить. Ему всегда удавалось легко покорять животных и женщин. Хотя против этой непостижимой женщины его чары оказались бессильны.

Почти бессильны...

— Оставьте меня, — выпалила Антония, поднимая руку с хлыстом.

Она задыхалась от гнева. В эту минуту никто не назвал бы мисс Смит невзрачной серой мышкой. Она походила на королеву, отправляющую на казнь мятежника.

Рейнло рассмеялся. Преследование раззадорило его словно пьянящее шампанское. Никогда прежде он не испытывал такого острого желания овладеть женщиной, покорить ее, заставить кричать от иступления.

— Не бейте меня, Антония.

— Почему? Потому что вам будет больно?

Губы Рейнло скривились в знакомой усмешке. Эта женщина возомнила, что сможет противостоять ему. Он находил особое удовольствие в ожесточенном сопротивлении Антонии. Чем яростнее она отбивалась, тем драгоценнее становилась будущая победа над ней. Маркиз с восторгом предвкушал, как строптивая мисс Смит покорится ему, трепеща от страсти.

— Нет, потому что я не могу, черт возьми, рассказать всем и каждому, откуда у меня синяки.

Голубые глаза Антонии яростно вспыхнули, и в который раз Рейнло поразился, почему она скрывает эти прекрасные глаза, огромные, чуть раскосые, за своими уродливыми очками. Заметив следы слез на густых ресницах мисс Смит, куда более темных, чем ее волосы, маркиз почувствовал легкий укол сожаления.

Рейнло не отличался нежным нравом, но умел ловко изобразить нежность, чтобы добиться желаемого. Он выпустил из рук поводья и понизил голос до проникновенного шепота, который всегда безотказно действовал на женщин:

— Не будем омрачать ссорой такое чудесное утро. Давайте немного прогуляемся.

Антония застыла, настороженно глядя на маркиза.

— Мне уже пора возвращаться.

— Глупости. Еще слишком рано.

Антония надменно вздернула подбородок, но, к досаде Рейнло, лицо ее потемнело от стыда.

— Если вы обещаете мне оставить Касси в покое, я соглашусь.

Храбрая. Она задумала заключить сделку с дьяволом. Хотя ей, разумеется, известно, что дьяволу нельзя верить.

— Только сегодня.

— До конца нашего пребывания в Суррее.

— Ради подобного обещания вам придется поступиться добродетелью.

Рейнло ожидал вспышки ярости, но Антония лишь скривила губы.

— Нет.

— Может, стоит попробовать?

— Не старайтесь меня убедить.

Лошадь Рейнло беспокойно переступила с ноги на ногу. Быть может, ей надоело стоять на месте. Или же она почувствовала растущее волнение седока. Рейнло улыбнулся, вложив в улыбку все свое дьявольское очарование.

— Хорошо, так вы прогуляетесь со мной?

Антония не улыбнулась в ответ.

— А вы будете вести себя пристойно?

— Конечно.

Смерив Рейнло оценивающим взглядом, мисс Смит вздохнула.

— Разве что ненадолго.

Большого маркизу и не требовалось. Пряча торжествующую улыбку, он проворно соскочил с седла.

— Позвольте я вам помогу.

Антония казалась испуганной, будто решила войти в берлогу к голодному медведю. И все же покорно положила маркизу руки на плечи и лишь слегка вздрогнула, почувствовав, как его ладони обхватили ее талию.

Она оставалась неподвижной, когда Рейнло поднял ее в воздух. Должно быть, ожидала, что маркиз выкинет какой-нибудь ловкий трюк. Мудрая мисс Дракон. Рейнло лишь готовился перейти в наступление. Поставив Антонию на землю, он тотчас отступил, поборов искушение впитаться поцелуем в ее губы.

— Здесь поблизости есть ручей, — с напускным спокойствием проговорила Антония и, намотав

поводья на руку, наклонилась, чтобы подобрать с земли хлыст.

— Наверное, вы хорошо изучили поместье за эти дни.

К удивлению маркиза, Антония с готовностью отозвалась:

— Я скучаю по деревенской жизни. Лондон слишком грязный и многолюдный.

Вместо привычной враждебности в ее голосе звучала настороженность. Рейнло не мог бы с уверенностью сказать, что побудило Антонию остаться, но твердо решил воспользоваться подвернувшейся удачей.

Они брели по узкой тропинке между деревьями. Опавшая листва приглушала стук лошадиных копыт. Солнце уже начало припекать, жара чувствовалась даже в тени деревьев. Сбросив куртку, маркиз небрежно перекинул ее через плечо. Антония окинула его хмурым взглядом. Рейнло ожидал, что подобное нарушение приличий возмутит ее, но мисс Смит промолчала.

Тропинка была такой узкой, что временами руки путников соприкасались. Когда это случилось впервые, Антония отскочила словно ошпаренная кошка, но поскольку маркиз не позволял себе иных вольностей, успокоилась.

Непривычное доверие мисс Смит как нельзя лучше отвечало замыслам Рейнло. Он жаждал обладать этой женщиной, но к исступленному желанию примешивалось жадное любопытство.

— Вы выросли за городом?

Антония кивнула, сбивая хлыстом длинную траву на обочине тропы. В столичных бальных залах ей приходилось сдерживать природную живость, здесь же с каждым мгновением она все больше раскрывала себя подлинную, настоящую.

— Да. В месте, еще более глухом, чем это.

В поместье леди Хамфри Антония чувствовала себя как дома. Конюх отметил, что мисс Смит уверенно и умело обращалась с норовистой лошадью. Вдобавок титул Рейнло с самого начала не вызывал у нее благоговейного трепета.

Необычно для платной компаньонки. Все указывало на то, что эта женщина принадлежит к тому же кругу, что и Рейнло. А если это так, почему же она довольствуется скучной ролью дуэньи при избалованной кокетке Кассандре Демарест? Даже отец Касси не мог похвастать знатным происхождением. Он приходился графу Эйвсону троюродным братом или еще более отдаленной родней. Слишком слабая связь, чтобы заглушить резкий дух торговли, которым разит от богатства Демареста.

Надеясь заставить Антонию разговориться, Рейнло неожиданно для себя признался:

— Я тоже. В Гемпшире. У моря. В обветшалой усадьбе, населенной своевольными детьми и еще более взбалмошными взрослыми.

Маркиз редко говорил о своем детстве. Слишком мало приятных воспоминаний оставили у него те дни.

Рейнло всегда считал свое воспитание неопровержимым доводом против ценности института брака. Его родители питали нескрываемое отвращение друг к другу. С каждым годом юный

Николас все больше ненавидел отца, а когда вырос достаточно, чтобы составить независимое суждение, преисполнился презрением к своей мелочной, избалованной, самовлюбленной матери.

В их доме всегда бурлила толпа; не было конца череде бесконечно сменяющихся друг друга разнузданных мужчин и женщин, детей, любовниц, слуг, родственников и прихлебателей. Изогранные политические интриги, достойные дворца османского султана, отравили детские годы Николаса. До одиннадцати лет единственным утешением мальчику служила любовь Элоизы, но подлец Демарест совратил сестру и отец навсегда отослал ее из дому.

Нет, Рейнло нисколько не прельщали сомнительные радости семейной жизни. Пусть им предаются другие, наивные глупцы, чей оптимизм приукрашивает жестокую реальность.

Антония смерила Рейнло взглядом, полным настороженного любопытства.

— Я не так представляла себе вас ребенком.

Рейнло знал, что Антония думает о нем в его отсутствие — возможно, проклинает. Но ее признание обрадовало его. Если он уже занимает мысли мисс Смит, то вскоре сможет занять и место в ее постели.

— А что вы себе воображали?

На губах Антонии мелькнула усмешка.

— Что вы с самого детства были исчадием ада, любимцем сатаны.

С каждым мгновением мисс Смит держалась все свободнее, раскованнее. Она наклонилась, чтобы подобрать опавший лист, и на этот раз уже не вздрогнула, задев плечом Рейнло.

Сквозь тонкую ткань рубашки маркиз почувствовал тепло ее тела. Его захлестнуло желание, но он вновь подавил в себе порыв схватить ее в объятия.

Нет, еще не время...

Он тихонько рассмеялся, ничуть не обидевшись на слова Антонии.

— Я был самым обычным ребенком.

— Сомневаюсь. — Зажав под мышкой хлыст, Антония принялась рассеянно рвать листок. Обрывки полетели ей под ноги, на тропинку. — Я всегда считала вас одиноким волком. А теперь выясняется, что у вас целый выводок братьев и сестер.

Рейнло пожал плечами. Он готов был говорить о своей семье в угоду Антонии, зная, что эта невинная с виду беседа успокаивает страхи девушки.

— Я и есть одинокий волк. Только так мне удалось сохранить рассудок в окружавшем меня бедламе. Отец трижды вступал в брак, так что у меня имеются шесть законных братьев и сестер, родившихся от этих союзов. Моя мать произвела на свет двоих ублюдков от разных любовников, прежде чем погибла при крушении экипажа, когда мне едва сравнялось восемь лет. Отец признал еще пять своих отпрысков, рожденных вне брака. Впрочем, по слухам, их было куда больше. В местной деревеньке найдется немало жителей, в которых проглядывают наши фамильные черты. Первая моя мачеха родила двоих сыновей от брака с отцом, а вторая

— трех дочерей. Кеддон-Холл — огромный сарай, способный вместить целую армию, но от Чаллонеров там негде было повернуться. Я испытал огромное облегчение, когда покинул, наконец, этот ад, отправившись в Итон.

Антония остановилась, задержав взгляд на Рейнло. Вместо обычной подозрительности на лице ее читалась странная задумчивость. Однако, к вящей своей досаде, маркиз не заметил в ее глазах восторженного обожания.

Одно лишь отстраненное любопытство.

Он тоже остановился, так что бредущая позади лошадь уткнулась носом ему в плечо.

— Что?

— Вы говорите о своей семье словно о посторонних.

Рейнло передернул плечами.

— Вся эта толпа Чаллонеров напоминала бродячий зверинец. Большинство из них и были для меня посторонними.

Большинство. Не все. Потому-то Николас и оказался здесь, в Суррее.

Воспоминания о прошлом лишь укрепили решимость Рейнло отомстить. Он мысленно выбрал себя за то, что, увлекшись Антонией, забыл о своих замыслах. Но оживленный, заинтересованный взгляд компаньонки заглушил в нем голос рассудка.

— Где они теперь?

— Отец с поразительной беспечностью плодил детей, но, обзаведясь ими, следил, чтобы дочери получили приданое, а сыновья нашли достойное занятие. Младшие дети еще учатся в школе. Большинство моих сестер замужем. Несколько братьев избрали военное поприще, кое-кто — церковное. Другие же стали законниками.

— Вы часто с ними видитесь?

— Только с некоторыми. — Рейнло немного помолчал. — Иногда. Вас это удивит, но все они стали уважаемыми людьми и занимают достойное место в обществе. Я определенно паршивая овца в семье, если не принимать в расчет моих родителей.

Антония рассмеялась. Ее теплый чарующий смех необычайно взволновал Рейнло.

— Я потрясена.

— А как насчет вас? — Рейнло не было нужды разыгрывать интерес. — У вас есть братья или сестры?

Вся непринужденность Антонии тотчас исчезла. Рейнло вновь испытал странное чувство, что вторгся в запретную область. Он приготовился услышать, что его это не касается, но мисс Смит неожиданно произнесла:

— У меня никого нет.

— Вы сирота?

Обычное дело для компаньонки, особенно для женщины из хорошей семьи, утратившей былое положение в обществе. Рейнло все больше утверждался в мысли, что мисс Смит благородного происхождения.

Губы Антонии сжались, в глазах застыла горечь. Она продолжила путь, ведя за собой лошадь. В ее горестном молчании сквозило невысказанное сожаление. Наконец она заговорила.

— У меня есть... был брат.

Рейнло не видел ее лица, но в безжизненном голосе слышалась застарелая боль. Ускорив шаг, он догнал Антонию.

— Старший или младший?

— На три года старше меня.

Густой подлесок заставил Антонию держаться ближе к маркизу. Рейнло снова с трудом поборол желание сжать ее в объятиях.

Они вышли из низких зарослей на берег бурного ручья. Антония остановилась и повернулась к своему спутнику. Рейнло тотчас заметил ее скованность, как ни пыталась она держаться свободно.

— Я говорила вам, что ручей очень красив.

Тон мисс Смит ясно давал понять, что сегодня она не намерена больше рассказывать о своем таинственном прошлом.

Маркиз обвёл глазами поляну. Место действительно было прелестным. И уединенным. Удивительно, с какой легкостью ему удалось заманить сюда Антонию.

Рейнло протянул руку, обтянутую перчаткой.

— Позвольте мне привязать лошадей.

Антония доверчиво передала ему поводья.

Привязав лошадей, Рейнло стянул перчатки и спрятал в карман куртки. Ему хотелось ощутить гладкость кожи этой прелестной дикарки. Предвкушение нарастало в нем, набирало силу, словно приближающаяся гроза. Маркиз небрежно перебросил куртку через седло.

Он обернулся. Антония стояла у самого ручья, повернувшись в профиль. Рейнло жадно оглядел ее высокий лоб, горделивый нос, пухлые губы и твердый подбородок. Несколько долгих мгновений он всматривался в ее лицо, пытаясь понять, почему эта женщина обрела такую странную власть над ним.

Конечно, как только он овладеет Антонией, она утратит всю свою притягательность. Так случалось со всеми женщинами. Но Рейнло не мог не признать: преследовать мисс Смит было чертовски увлекательно.

Итак, наконец-то ему удалось остаться с ней наедине. Преследование завершится его победой, как и предполагалось с самого начала. Ему не терпелось повалить мисс Смит на траву.

А поскольку в своей жизни, полной легких удовольствий, ему не часто приходилось испытывать

нетерпение, Рейнло захотелось его продлить, чтобы насладиться этим чувством сполна.

Антония грациозным жестом сняла шляпу и положила на траву. Рейнло восхищенно пожирал ее глазами: темно-зеленый костюм для верховой езды подчеркивал соблазнительные изгибы тела, светлые волосы, собранные в высокий пышный узел, сияли в солнечных лучах. Несколько выбившихся прядей смягчали строгость прически. Эти белокурые волосы в золотом сиянии солнца напоминали об ангелах и божественных нимбах, но мисс Смит, наверняка носившая в действительности иное имя, нисколько не походила на святую. Она была земной женщиной из плоти и крови, и Рейнло жаждал показать ей, что способен сотворить мужчина с ее восхитительным телом.

Взгляд маркиза скользнул по лицу Антонии. Она казалась задумчивой, уголки ее губ скорбно опустились. Рейнло с опозданием понял, что ему следовало быть осторожнее в разговоре с ней. Напрасно он упомянул о ее семье. В следующий раз он не допустит подобной ошибки.

А будет ли следующий раз? Прежде Рейнло воображал, что довольно лишь однажды овладеть Антонией. Утолить вожделение и обрести власть над компаньонкой, чтобы, воспользовавшись ею, подобраться к главной своей добыче — девчонке Демарест.

Теперь же маркиз засомневался.

Ему нередко случалось гостить в загородных домах, он знал: обычно гости бывают предоставлены самим себе и свободно гуляют по поместью; никто не придаст значения отсутствию мисс Смит или самого Рейнло. В запасе у него было несколько часов, чтобы насладиться Антонией, прежде чем придется возвращаться в дом.

Великолепная перспектива.

Бесшумно ступая по густой траве, он подкрался к Антонии сзади и, обхватив за талию, крепко прижал к себе.

— Рейнло! — испуганно выдохнула она, оцепенев от неожиданности. Антония вырвалась и повернулась лицом к своему преследователю. — Что вы делаете?

«Здесь потребуется искусство обольщения», — признал Рейнло. Он проявил беспечность, рассчитывая, что добродетельная женщина по первому зову упадет в его объятия. Какая жалость. Маркизу нравились любовные игры, предваряющие близость, но с каждым мгновением желание все больше овладевало им. Ему не хотелось спугнуть мисс Смит. Пришлось подавить в себе порыв снова ее обнять.

— Не притворяйтесь, изображая неведение. Вам хорошо известно, что сейчас случится. Вы же привели меня сюда, чтобы заняться со мной любовью.

Антония резко выпрямилась. Лицо ее приняло непреклонное выражение.

— Нет.

— Да, — неумолимо возразил Рейнло, подступая ближе. — Я сгораю от желания. В угоду вам я даже готов притвориться, что осаждаю женщину безупречного целомудрия, если это облегчит вашу совесть.

В глазах Антонии мелькнуло смятение, губы сжались в горькую линию. Ну почему она так ранима? При виде страдальческого выражения ее лица Рейнло вдруг ощутил странную

тянущую боль в груди.

— Вы думаете, я подстрекала вас? — попятившись, прошептала Антония. — На самом деле это не так.

Теперь она чувствовала себя виноватой. Рейнло сердито насупился, предчувствуя поражение. А он-то рассчитывал провести несколько упоительных часов в объятиях очаровательной мисс Смит.

Безумная мысль, черт побери.

— Разумеется, вы заигрывали со мной.

Антония изумленно подняла брови.

— Вы поклялись, что будете вести себя как джентльмен.

Рейнло приблизился к ней и взял за плечи.

— Вы же знали, что я лжец. Что заставило вас поверить мне?

Антония беспомощно покачала головой:

— Не знаю. Я совершила глупость.

— Вы должны понимать, что ваша покорность означает согласие.

— Нет! — воскликнула Антония. — Только если вы овладеете мной силой.

Мисс Смит пыталась взывать к лучшей стороне его натуры. Бедняжка понятия не имела, что все лучшее в нем давным-давно испустило дух.

— Смело сказано.

Антония надменно вздернула подбородок.

— Верно.

Рейнло улыбнулся. Ему нравилось сопротивление Антонии. Но еще больше ему бы понравилось, если бы она, наконец, уступила.

— Так почему же вы до сих пор не вырвались из моих объятий?

— Потому что вы все равно меня не выпустите.

Маркиз насмешливым жестом поднял руки, словно извиняясь.

— Вы свободны, мадам.

Глаза Антонии потемнели от сдерживаемого чувства. Быть может, гнева? Или желания? Потом ресницы ее опустились, коснувшись щек, губы решительно сжались.

Останется ли она?

Или убежит?

Скованный неизвестностью, Рейнло ожидал ее решения, чувствуя, как мучительно дрожит каждый мускул. В следующее мгновение Антония подхватила юбки с надменностью, достойной герцогини, и, высоко вскинув голову, направилась к гнедому мерину, мирно щипавшему густую траву.

Проклятие. Не следовало бросать ей вызов.

Глава 8

Антония пошатнулась, когда сильная мужская рука обхватила ее за плечи, заставив повернуться.

— Ну, нет, моя дорогая, — проворчал Рейнло.

Она смерила его взглядом, полным гнева... и волнения. Она знала: маркиз ее не отпустит. Давая обещание, он лишь играл с ней как кошка с мышью. Чудесное солнечное утро таило в себе угрозу.

Боже, почему она оказалась здесь? Ведь у нее была масса возможностей отступить, бежать. Но Рейнло завлек ее приманкой, перед которой она не смогла устоять. Слишком велик был соблазн узнать больше о маркизе. Помимо бесчисленных сплетен и слухов Антония в действительности ничего не знала о нем.

— Вы хорошо понимали, что случится, если пойдете со мной.

Понимала ли она? Антония по-настоящему не верила, что рискует утратить несуществующую добродетель. Но опасный огонек в глазах маркиза и упрямо вздернутый подбородок неопровержимо свидетельствовали, что Рейнло намерен овладеть ею на зеленом берегу ручья.

— Я хочу вернуться в усадьбу, — холодно произнесла Антония, встретив решительный взгляд маркиза столь же непреклонным взглядом.

— Нет, не хотите.

Пальцы, сжимавшие ее плечи, нежно скользнули по спине. Даже сквозь одежду Антония чувствовала тепло рук Рейнло. Ее охватила проклятая слабость, сопротивляться не было сил, хотя маркиз уже не удерживал ее.

— Вы думаете, что знаете меня лучше, чем я сама, — гневно выдохнула она.

— Полагаю, кое в чем — да.

Маркиз ласково провел пальцем по ее щеке. В этом жесте сквозила нежность. Но, разумеется, они оба знали, что Рейнло лжет.

— Прекратите. — Антония вырвалась, едва устояв на ногах. — Я вам не наивная глупышка, падкая на дешевые уловки соблазнителя.

Губы Рейнло растянулись в хищной, жестокой улыбке.

— Однако вы здесь и не слишком-то стараетесь сбежать. Дешевые уловки соблазнителя, похоже, неплохо работают.

— Вы обольщаетесь, милорд, — выпалила Антония и, не оглядываясь, бросилась к лошади.

Но Рейнло снова проворно ее догнал. Куда исчезла его неспешная ленивая грация? Этот мужчина двигался стремительно, словно ядовитая змея, атакующая добычу. Одним властным движением, от которого сердце Антонии испуганно забилося, он схватил ее за талию и прижал к дубу. Потом уперся ладонями в ствол, так что Антония оказалась захваченной в капкан его рук.

Обуреваемый желанием, Рейнло тяжело дышал. Его тело пылало жаром. Чистый мускусный аромат его кожи пьянил Антонию. Она в отчаянии искала глазами оружие. Тщетно. Рейнло придвинулся ближе, почти вплотную. Антония попробовала убедить себя, что близость эта приводит ее в ужас. Но кого она пыталась обмануть? Горькая правда не делала чести ее целомудрию.

— Ни кочерги, ни хлыста. Нет даже упавшей ветки, чтобы ударить меня.

Антонии пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться в ответ на подкупающе искреннюю улыбку Рейнло. Несмотря на всю серьезность положения, в его низком звучном голосе слышалась беспечность.

— Вы никуда не поедете, моя очаровательная мисс Смит.

Запрокинув голову, Антония посмотрела ему в глаза. Рейнло держался с непринужденной грацией уверенного в себе человека. Лишь когда он стоял так пугающе близко, Антония вспоминала, какой он высокий. От его пристального взгляда ее бросило в дрожь.

Рейнло наклонился и глубоко вдохнул, словно вбирая в себя ее запах. Ощущение было на редкость волнующим.

Десять томительных лет Антония вела праведную жизнь. Лорд Рейнло пробудил в ней необузданную страсть. Ей было так же трудно противиться ему, как семнадцатилетней Антонии Хиллиард противостоять лживому очарованию Джонни Бентона. Если она оступится снова, ее ждет заслуженная кара.

— Я не уступлю вам, — холодно проговорила Антония, хотя сердце ее бешено колотилось, а кожа пылала от желания.

— Конечно, нет, — прошептал Рейнло тем же проникновенным тоном, каким успокаивал ее лошадь.

И хотя Антония кипела негодованием, низкий бархатный голос маркиза завораживал ее так же, как умирал беспокойное животное. Она мучительно пыталась подобрать слова, чтобы дать маркизу резкий отпор. Пока продолжалась их словесная дуэль, у нее еще оставалась надежда ускользнуть. Но близость Рейнло, жар его тела, взгляд, полный нескрываемого вожделения, лишали ее мужества. Мысли Антонии путались, ей никак не удавалось придумать колкий, язвительный ответ. Наконец из горла ее вырвался беспомощный глухой стон.

Рейнло склонил голову, на губах его расцвела торжествующая улыбка победителя. В прошлый раз, целуя Антонию, он утверждал свою власть над ней. По крайней мере, сначала.

Антония приготовилась к новому бурному натиску, но поцелуй Рейнло был нежным, как весеннее утро.

Она закрыла глаза, не поощряя, но и не отталкивая Рейнло. В мягком ласковом прикосновении его губ не было ни властности, ни настойчивости. В золотом сиянии солнца это мгновение,

полное чистой, незамутненной радости, казалось невинным и безмятежным.

Напряжение отпустило Антонию. Она тяжело привалилась к дереву. Колени ее дрожали. Обхватив Рейнло за плечи, она почувствовала сквозь одежду мощь его мускулистого тела.

Вопреки доводам рассудка, его поцелуй в ту безумную ночь в Лондоне не оставили ее равнодушной. Антония часто вспоминала те волшебные, головокружительные, пьянящие поцелуи. Но этот поцелуй пробудил в ней неизведанные прежде чувства.

Поцелуй прожженного развратника был невинным, как прикосновение крыла ангела.

Скоро, слишком скоро, Рейнло оторвался от ее губ. Медленно подняв голову, он встретил взгляд Антонии. В его черных глазах застыло незнакомое выражение. В них читалась незащитность, потрясение, восторг и нечто похожее на... нежность.

— Рейнло... — хрипло прошептала Антония.

Что она могла сказать? После этих чарующих мгновений слова казались богохульством.

Она с усилием сглотнула подступивший к горлу ком, пытаясь вернуться к действительности. Жесточкой, мрачной, опасной действительности, в которой маркиз Рейнло был воплощением греха, а не мужчиной, что целовал ее нежно и трепетно, будто боясь сделать ей больно. Не мужчиной, чьи губы касались ее легко, едва осязаемо, словно лепестки цветка.

Не зная, как спастись, в отчаянии подыскивая слова, Антония заметила, что выражение лица Рейнло вдруг изменилось. Мягкость и уязвимость исчезли. Она достаточно хорошо знала маркиза, чтобы понять: искренность и нежность поцелуя вызвали у него досаду. Рейнло неохотно раскрывал свое сердце, а поцелуй выдавал чувство куда более глубокое и проникновенное, нежели простое вождление.

Чувство, которое Рейнло не желал признавать.

Теперь лицо маркиза выражало решимость. Впившись в губы Антонии, он властно раздвинул их языком. Издав сдавленный возглас протеста, Антония попыталась оттолкнуть Рейнло. Но маркиз и не подумал отступить, на этот раз он намеревался взять верх. Казалось, она сражается с громадной, согретой солнцем скалой.

Антонию захлестнул ужас. Она вдруг поняла, что, возможно, упустила свой шанс спастись. Если продолжать бороться, Рейнло остановится, отчаянно твердила себе Антония. Едва ли он захочет взять ее силой — для этого нужно быть законченным подлецом.

И все же даже сейчас, когда настойчивость Рейнло граничила с оскорблением, Антонию неудержимо влекло к нему. Необузданная страсть маркиза отзывалось в ней жаркой волной желаний. Коварный голос нашептывал ей, что, если она уступит, в этом не будет ее вины. Ведь Рейнло не дал ей возможности бежать.

Заглушив в себе этот предательский лукавый голосок, Антония снова попробовала оттолкнуть маркиза. Никогда прежде Рейнло не казался ей таким огромным, мощным, несокрушимым. Он еще теснее прижался к ней, не обращая внимания на ее сопротивление. Притиснутая к стволу дерева, она едва могла вздохнуть. А возможно, задыхалась от желания.

Чувствуя, что силы оставляют ее, она не удержалась и ответила на поцелуй.

Язык ее скользнул в глубину рта Рейнло, коснулся нёба, легко пробежал по зубам и задержался на губах. Восхитительных губах, полных и чувственных. О, Рейнло мог бы соблазнить ее одними лишь своими губами.

Должно быть, именно это он и делал. Его руки, сжимавшие ствол дерева, оставались неподвижны.

С глухим стоном Рейнло прервал поцелуй и поднял голову. В его глазах читалось желание, но Антония готова была поклясться: в них таилось и иное, куда более сложное чувство.

— Что случилось? — дрожащим голосом спросила она. Ее сердце сжалось от страха и отчаяния. — Что-то не так?

— Нет, ничего.

Рейнло посмотрел на нее из-под тяжелых век. На щеке его дергался мускул. Сверкающие глаза и покрытое синяками лицо придавали ему дьявольское очарование. Его голос понизился до обольстительного шепота.

— Перестаньте сражаться со мной. Мы оба хотим одного и того же.

Антония вздрогнула как от удара. Ее охватило смятение, замешательство.

— Почему вы сердитесь? Что я сделала?

— В первый раз вы заговорили как глупенькая девственница, Антония. Вы вели захватывающую игру, но пришло время расплаты.

— Ни за что, — выдохнула Антония, но, прижатая к дереву, не могла размахнуться, чтобы вlepить негодяю пощечину, чего ей больше всего хотелось.

Тихий смех маркиза отозвался в ее теле волной дрожи, пьянящей словно игристое вино. Так бывало всегда. В следующее мгновение Рейнло легко перехватил ее руки. Антония изогнулась, пытаясь ударить его коленом, но маркиз одним ловким движением парировал удар.

— Нет, милая. Вы достаточно успели натворить, — сказал он, сжав ее в объятиях.

— Как видно, недостаточно, — прошипела Антония, дрожа от беспомощного гнева. — Жалко, что я не убила вас, когда представилась возможность.

Сквозь одежду она чувствовала жаркую напряженную плоть Рейнло. Прежде Антония сомневалась, что маркиз действительно испытывает к ней интерес. Теперь ее сомнения исчезли.

Невзирая на яростное сопротивление мисс Смит, Рейнло одной рукой обнял ее за талию, а другой — обхватил грудь. Уверенное прикосновение опытного любовника лишь разожгло желание Антонии. Сосок отвердел под ладонью маркиза, и ее охватил стыд. Кусая губы от унижения, Антония едва сдержала стон наслаждения.

— Сдавайтесь. Вы ведь знаете, что проиграли.

Антония зарычала, стараясь вырваться. Но тщетно. Рейнло задрал подол ее юбки, и она почувствовала, как обтянутую чулком ногу и обнаженное бедро обдало холодом.

Антония оцепенела, охваченная ощущением нереальности происходящего.

Этого не может быть. Неужели лорд Рейнло собирается беззастенчиво овладеть ею, прижав к дереву? Он срывает с нее одежду, а она безропотно позволяет ему это?

— Остановитесь, — выдохнула она, пытаясь удержать пальцы Рейнло дрожащей рукой. — Ради всего святого, остановитесь.

— Вы не хотите этого? — прошептал маркиз, с легкостью отводя ее руку.

Его ладонь погладила ногу Антонии, прежде чем скользнуть меж ее бедер.

У Антонии вырвался крик наслаждения, когда искусственные пальцы маркиза проникли в ее панталоны и отыскивали жаркое влажное лоно. Рейнло довольно улыбнулся. Теперь они оба знали, что, несмотря на все свои протесты, Антония сгорает от желания.

Она бессильно застонала, уступая ласкавшим ее искусным рукам. По телу ее пробежала дрожь, ладони сами собой сжались в кулаки.

— Да, — протяжно выдохнул Рейнло.

Новая волна блаженства захлестнула Антонию. Она закрыла глаза. Робкий голос рассудка шептал ей, что нужно бежать. Немедля. Прежде чем она сама начнет умолять Рейнло овладеть ею.

Ладонь Рейнло нежно сжала ее грудь. Превосходно сознавая, кто стоит перед ней, и слишком хорошо зная, чем обернется для нее это безумие, Антония качнула бедрами навстречу жадным пальцам Рейнло.

Он вновь приник губами к ее губам. Его страстные поцелуи сломили сопротивление Антонии, заставив ее затрепетать от желания. Казалось, этим бурным натиском Рейнло пытается стереть воспоминания о поцелуе, вызвавшем его гнев. Тогда он целовал Антонию с щемящей нежностью, словно единственную женщину в своей жизни. Теперь же вновь превратился в распутного повесу, жаждущего овладеть женщиной, чтобы, испытав минутное наслаждение, с легкостью забыть о ней.

Но даже сознавая это, Антония не находила в себе сил противиться ему. Закрыв глаза, она отвечала на поцелуи Рейнло с иступленной страстью. Под сомкнутыми веками ее мелькали огненные всполохи. Голова кружилась от неодолимого желания слиться воедино со своим мучителем.

На мгновение ей показалось, что она падает: властные руки Рейнло уложили ее на мягкую траву. Накрыв Антонию своим телом, маркиз нетерпеливо рванул на ней корсаж. Она невольно вздрогнула, испуганная столь грубой жестокостью. Ее пронзила тревога.

— Рейнло, мы не можем, — прошептала Антония, схватив маркиза за руку.

Наклонившись, Рейнло жадно приник губами к ее горлу.

— Разумеется, можем.

— Это не поможет вам заполучить Касси, — произнесла Антония.

На мгновение она словно увидела себя со стороны: распластанной на земле, задыхающейся от

желания. Имя племянницы в ее устах звучало едва ли не святотатством.

Рейнло снисходительно рассмеялся:

— Да что мне Касси?

— Рейнло...

— Николас.

К чему притворяться? Они давно переступили черту, за которой осталась формальная вежливость.

— Николас.

— А теперь скажи: «Да, Николас».

Рейнло провел пальцем по горлу Антонии, там, где испуганно билась голубая жилка. От его прикосновения Антонию обдало волной жара.

— Нет, Николас.

Приподнявшись на руках, Рейнло заглянул ей в лицо. Никогда еще он не был так красив, как в эту минуту. Его золотистые волосы спутались, одна непослушная прядь легла на высокий лоб, смягчив строгие черты. Темные глаза сверкали из-под тяжелых век, ноздри жадно раздувались. Казалось, запах Антонии был для него драгоценным воздухом, без которого невозможна сама жизнь.

Антония вгляделась в Рейнло, ища в нем сходство с тем мужчиной, что совсем недавно так нежно целовал ее. Но трепетный незнакомец исчез. Нежность сменилась вожделением.

В глазах Рейнло плескалось желание и гнев. В прикосновениях его рук и губ, в страстных ласках, даже в обольстительных словах сквозила ярость.

Рейнло желал Антонию. Но к желанию примешивалось и иное чувство — стремление унижить, взять верх любой ценой. И еще отчуждение.

Возможно, за этим великолепным фасадом скрывалась израненная душа? Не заблуждалась ли Антония, вообразив, что беспутный повеса Рейнло благороднее, чем кажется? Возможно, она наделила его выдуманными качествами и, подобно Касси, думала о нем лучше, чем он того заслуживал? Быть может, она ошиблась в Рейнло, так же как когда-то ошиблась в малодушном Джонни Бентоне?

И все же, глядя в сверкающие черные глаза маркиза, Антония ощутила, как по телу разливается огонь желания. Она видела: Рейнло движет не одно неприкрытое вожделение. Сам того не ведая, он жаждет чувства более искреннего и глубокого.

«Довольно, Антония. Тебе известны все коварные мужские уловки. И все же ты поддаешься на обман, как десять лет назад».

— Признай, Антония, ты проиграла битву.

— В самом деле?

Не в силах устоять перед искушением, она отвела со лба Рейнло непокорный локон.

— Да, — резко бросил маркиз.

В одно мгновение чары развеялись. Обезоруживающая искренность, обещавшая нечто большее, нежели удовлетворение похоти, исчезла.

Рейнло отдернул голову, будто легкое прикосновение пальцев Антонии обожгло его. Губы Рейнло жадно завладели ее ртом, и в этом поцелуе не было нежности. Распахнув жакет Антонии, маркиз грубо обхватил ладонью ее грудь, прикрытую лишь тонкой сорочкой.

— Подождите, — выдохнула Антония, пытаясь оттолкнуть его.

К ее удивлению, Рейнло послушался. Вскинув голову, он уставился на Антонию невидящим взглядом. Но прежде чем он вновь замкнулся в скорлупе невозмутимости, она заметила в его глазах боль. Быть может, то была горечь стыда.

— Я не желаю ждать.

Он прижался бедрами к бедрам Антонии, давая ей почувствовать силу своего желания. У нее тотчас пересохло во рту. Она жаждала близости с Рейнло, несмотря на бушевавший в нем гнев.

— Пустите меня. — Антония мучительно подбирала слова, пытаясь заставить маркиза остановиться. — Это неправильно. Так не должно быть.

Рейнло яростно оскалился, и Антония впервые поняла, что его гнев отнюдь не минутное нетерпение или досада. Эта ярость поднималась из самых глубин его существа.

— А как должно быть, черт побери?

«С любовью...»

Боже милостивый, как ей могло прийти такое в голову? Нет, это невозможно. Все происходящее между ней и лордом Рейнло не более чем животная страсть. Вообразить иное — полнейшая глупость.

— Встаньте, Рейнло, — решительно приказала она. — Этого не случится.

Маркиз помедлил, продолжая прижимать Антонию к земле своим телом. Она не могла разгадать выражение его лица, но в неподвижной напряженной позе его таилась угроза. Антония испуганно сжалась, ожидая новой атаки. «На этот раз Рейнло одержал бы победу», — с горечью признала она.

Издав яростное рычание, Рейнло откатился в сторону.

Изумленная и смущенная тем, что маркиз услышал ее мольбу, Антония попыталась унять бешеный стук сердца.

— Рейнло, взгляните на меня, — прошептала она.

Безмолвным жестом, полным сочувствия, она положила руку ему на плечо. Что-то подсказывало ей, что Рейнло отчаянно одинок.

Маркиз вздрогнул и отшатнулся, как в тот раз, когда Антония коснулась его волос.

«Что ж, пусть будет так». Возможно, она не сразу усвоила урок, но теперь, наконец, поняла. От пережитого унижения рот ее наполнился горечью. Антония отдернула руку. Рейнло нужна была от нее лишь грубая страсть, ничего больше.

Возможно, теперь он не захочет и этого.

Закусив губу, Антония сказала себе, что не стоит огорчаться из-за выходки беспутного повесы. Было бы нелепо принимать всерьез его игру. Ей следует благодарить судьбу за то, что, испытав на ней силу своих чар, он счел ее слишком ничтожной и отказался от преследования.

Но сердце ее мучительно сжалось, не желая прислушаться к доводам рассудка.

— Уходите, — тихо произнес Рейнло.

— Рейнло...

Антония прислонилась спиной к дереву.

Голос ее дрожал, к глазам подступили слезы.

Казалось, плечи Рейнло окаменели. Он так и не повернулся.

— Ради всего святого, воспользуйтесь счастливым случаем и бегите.

В голосе маркиза слышалась ярость: казалось, он на пределе сил и вот-вот сорвется.

Смущенная, испуганная, обессиленная от неутоленного желания, Антония с трудом поднялась на ноги. Колени у нее подгибались. Голова кружилась. Спутанные волосы рассыпались по плечам. Оглядев себя, она в ужасе закусила губу. Ее шейный платок исчез, жакет распахнулся. Половины пуговиц не хватало. Измятая юбка висела мешком.

Увидев ее, любой поймет, чем она занималась. Да еще вообразит то, чего не было. Антония сама не могла поверить, что Рейнло не зашел дальше. Боже, как глупо, как безрассудно она себя вела! Ее спасло лишь чудо.

Прерывисто вздохнув, Антония подобрала с земли шляпу пошатываясь направилась к лошади. Потом с трудом взобралась в седло. Рейнло не повернулся, не удостоил ее даже взглядом.

Невнятным возгласом она послала лошадь в галоп и скрылась среди деревьев.

Глава 9

Рейнло все сидел в мрачном оцепенении. Лишь когда гулкий стук лошадиных копыт затих вдали, он уронил голову на руки и хрипло застонал.

«Чертов глупец, проклятый недоумок!»

Его переполняло отвращение к себе.

Да что с ним такое, черт возьми?

Он задумал соблазнить Антонию Смит и приложил к тому немало усилий. Подкупил слуг. Взобрался на проклятое вишневое дерево, чтобы захватить компаньонку врасплох. Мужественно выдержал удар кочергой. Отправился за своей добычей в Суррей.

При помощи хитрости и коварства он заманил мисс Смит в уединенное место. Страстные поцелуи сделали свое дело — Антония стала мягкой как воск в его руках. Победа была уже близка. Обладание компаньонкой — мимолетное, но незабываемое удовольствие — помогло бы ему добиться заветной цели — уничтожить девчонку Демарест.

Нехитрый план, ничего сложного.

А потом мисс Смит посмотрела на него своими ясными голубыми глазами и попросила ее отпустить.

И вот дьявольщина. Он вдруг вообразил себя чертовым сэром Галахадом, рыцарем Круглого стола.

Рейнло не испытывал жалости к женщинам. Те, что ложились в его постель, страстно желали принадлежать ему, хоть потом и раскаивались в своем безрассудстве.

И все же Рейнло пожалел Антонию Смит. Впрочем, «жалость» не совсем подходящее слово, чтобы описать чувство, от которого горло его сдавило спазмом. Отъявленному повесе и распутнику захотелось вдруг поступить благородно. Его страшила мысль, что Антония разочаруется в нем. Он боялся причинить ей боль.

Он, погубивший и растоптавший немало женщин.

Их поцелуй был непростительной ошибкой.

Нет, не те жадные поцелуи, что разожгли в Антонии желание. Другой поцелуй. Губительный, разящий как клинок.

Этот поцелуй перенес Рейнло в иной мир, чистый, незапятнанный. В обитель покоя и доброты, где нет места скучной череде безликих женщин.

Он уже знал, что Антония Смит никогда не станет частью суетной бесцветной толпы его любовниц. Эту женщину он будет помнить всегда.

Будь она проклята.

Как она посмела напомнить ему...

Напомнить о чем? О бесконечном одиночестве? О поисках цели? О бессмысленной жажде мести, только что иссякшей? О смутной тоске по иному, лучшему уделу, которого он не достоин?

О тоске по женщине, похожей на Антонию Смит?

Рейнло задумал ее напугать, показать себя бессердечным зверем. Он никогда не обращался с любовницами жестоко. Рейнло не знал укоров совести, но, вспоминая свои грубые жадные поцелуи, испытал мучительный стыд.

На его грубость Антония отвечала пронзительной нежностью, отчего Рейнло почувствовал себя последним негодяем.

Он посмотрел в ее глаза, потемневшие от смущения и сдерживаемой страсти, и на одно пугающее, безумное мгновение ему захотелось стать другим, лучшим. Достойным ее.

О, дьявол, нет. Рейнло был вполне доволен собой. Он пользовался большей свободой, чем любой из его знакомых. Брал от жизни все, чего хотел, и, удовлетворив желание, отбрасывал ненужный сор. Маркиз Рейнло не привык себя ограничивать.

Трепещущая в его объятиях Антония готова была уступить. Прояви он настойчивость, и неприступная мисс Смит сдалась бы после того ошеломляющего поцелуя, от которого сам Рейнло едва не лишился рассудка. Он легко овладел бы ею и сейчас наслаждался бы ее роскошным телом. Но он позволил ей уйти. Он отпустил Антонию.

Нет, больше этому не бывать.

Одним стремительным движением Рейнло вскочил на ноги. На этот раз он пощадил Антонию Смит. Но игра, затеянная ими, стала делом жизни и смерти. Человек, которым воображал себя Рейнло — законченный подлец и негодяй, — впредь ни за что не позволит жалости взять над ним верх. Он сразит дракона. К черту жалость.

Антония незаметно проскользнула к себе в комнату. Ей удалось не попасться на глаза никому, кроме конюхов. Она не обольщалась: все в конюшне мгновенно поняли, что с ней произошло. Даже если бы лорд Рейнло не подкупал слуг, чтобы выведать сведения о ней, истерзанная одежда выдавала ее с головой. Антония выехала из усадьбы прилично одетая, а вернулась в таком виде, словно ее протащили сквозь живую изгородь. Несложно было догадаться, что случилось.

Что ж, пересуды прислуги можно выдержать. Главное, чтобы слухи не дошли до господ. Боже милостивый, хоть бы сплетни не вышли за пределы конюшни!

Будь проклят Рейнло! Он перевернул ее жизнь вверх дном. Если кому-то и следовало прийти в ярость, так это ей, а не ему.

Антония вспомнила, каким угрюмым и потерянным казался маркиз, когда она уходила. Не рассерженным, хотя в его прикосновениях сквозил гнев. Он выглядел опустошенным.

У Антонии больно кольнуло сердце. Нелепо думать, что можно преобразить и исправить законченного распутника. Тем более что замыслы Рейнло не сулили ей ничего доброго.

Когда Антония кралась по коридору, дверь в комнату Касси была заперта. Как ни странно, час был довольно ранний. Антонии с трудом в это верилось, так много ей пришлось пережить за это утро. К счастью, в доме царил тишина: джентльмены отправились охотиться на кроликов в отдаленный уголок поместья, а дамы еще не вставали.

Надо признать, Антонии чудом удалось спастись. Сидя перед зеркалом, она закалывала волосы шпильками, когда дверь внезапно распахнулась и в комнату без приглашения ворвалась Белла.

— Идите скорее, — запыхавшись, выпалила она.

Взволнованная горничная, вопреки обыкновению, не стреляла глазами по сторонам и не осматривала Антонию цепким взглядом. Слава Богу, компаньонка успела переодеться, сбросить грязный изорванный костюм для верховой езды, но лицо ее по-прежнему пылало.

Отложив щетку для волос, Антония повернулась к горничной.

— Что случилось? Что-то с Касси?

Белла кивнула:

— Да, мисс. Она заболела.

Заболела? Антонию пронзило чувство вины. Пока она млела в объятиях Рейнло, Касси сразила болезнь. Это казалось нелепым, но Антония не могла избавиться от ощущения, что эти два события как-то связаны, и винила себя.

— Когда я заглянула к ней, она мирно спала.

— Что ж, сейчас о ней этого не скажешь, — язвительно отозвалась камеристка. — Вы ведь не слишком-то внимательно приглядывались к ней, верно?

Белла обычно не стеснялась в выражениях, и Антония не придавала значения грубости ревнивой горничной. С бешено бьющимся сердцем она бросилась к двери в спальню Кассандры.

Шторы остались задернуты, в комнате царил полумрак. Антония не сразу заметила Касси, скрючившуюся в кресле возле горящего камина. Сидя у самого огня, закутанная в шаль поверх белой батистовой ночной сорочки, она тряслась от озноба.

— Касси, дорогая, — ласково прошептала Антония, подходя ближе и вглядываясь в полумрак. — Что с тобой?

— Антония, я ужасно себя чувствую, — ответила та и разрыдалась.

Опустившись на колени, Антония обняла дрожащую племянницу.

— Ты вся горящая, — испуганно произнесла она, бросив взгляд на Беллу, растерянно застывшую в дверях.

— Мне очень холодно, — пробормотала Касси, стуча зубами.

— Позволь, я уложу тебя в постель. — Антония помогла племяннице подняться и повернулась к камеристке: — Белла, попроси служанок принести полотенца и воду. Нам нужно искупать Касси, а затем сбить жар.

Несмотря на всю свою неприязнь к Антонии, Белла испытала явное облегчение, когда компаньонка взяла бразды правления в свои руки. Ведя к кровати обессиленную, дрожащую Касси, Антония с горечью подумала, что едва ли оправдает ожидания горничной. Она чувствовала себя беспомощной перед ужасной болезнью, так внезапно поразившей ее подопечную.

Следующие несколько дней, проведенные в неустанных заботах о больной, слились для Антонии в одну серую полосу. Когда Касси становилось лучше, компаньонка оставляла ее под неослабным присмотром Беллы и отправлялась к себе, чтобы ненадолго прилечь и забыться сном. В остальное время Антония оставалась у постели больной, стараясь облегчить ее страдания — ослабить лихорадку, смочить пересохшие губы, утолить иссушающую жажду. Она поддерживала Касси, когда та содрогалась в рвотных спазмах, и шептала нежные слова утешения, остро сознавая свое бессилие.

В доме воцарился хаос. Неведомая болезнь Касси оказалась заразной. Большинство гостей металось в горячке, а немногочисленные слуги, избежавшие недуга, сбивались с ног, ухаживая за больными. По счастливой случайности Антония и Белла не заболели и могли заботиться о

Касси.

Местный доктор регулярно навещался в усадьбу, всякий раз объявляя, что у больных тяжелая форма лихорадки. Это «ученое заключение» решительно ничего не значило. Однако Антонии стало известно, что в ближайшей деревне многие поражены той же болезнью.

Ее тревога сменилась ужасом, когда одна из служанок рассказала, что трое деревенских жителей умерли и еще несколько находятся на пороге смерти. Измученная, охваченная страхом, Антония невольно задумалась о лорде Рейнло. Возможно, он тоже заболел? Маркиз казался сильным и неуязвимым, но кто знает?

Набравшись смелости, она спросила служанку, как чувствуют себя остальные гости, втайне надеясь услышать хорошие новости о Рейнло. Но изнуренная горничная, вынужденная работать за троих, сказала лишь, что большая часть прислуги заболела. Антония и без того это знала.

Быть может, Рейнло уехал? Все, кому посчастливилось не заразиться, покинули усадьбу, как только узнали об эпидемии.

Ей следовало бы почувствовать облегчение, оттого что она больше не видит Рейнло, но Антония, к своему стыду не испытывала радости.

В серой череде дней, заполненных заботами о Касси, волнующая сцена у ручья потускнела в ее памяти, превратившись в зыбкое воспоминание. Казалось, все это случилось с кем-то другим. Быть может, в пьесе, разыгранной на театральных подмостках. В сравнении с отчаянной борьбой за жизнь племянницы даже страсть к Рейнло и сожаления о встрече с ним утратили свою остроту.

Несмотря на все труды и старания Антонии, Касси слабела с каждым днем. Жизнь в ней едва теплилась. Как могла юная жизнерадостная женщина так быстро угаснуть? Таинственная неизлечимая болезнь подтачивала ее силы. При мысли об этом Антония в ярости скрежетала зубами. Одна лишь ярость придавала ей мужества держаться, видя, как день за днем Касси тает.

Антония терзалась сомнениями, не послать ли за мистером Демарестом. В конце концов, она решила не извещать Годфри: если лихорадка окажется смертельной, Касси умрет задолго до того, как прибудет ее отец. Лучше вместе с Беллой продолжать бороться за жизнь больной, надеясь, что молодость и сила Касси помогут ей победить болезнь.

Антония неустанно молилась. Она шептала молитву, пока слова не начинали превращаться в бессмыслицу. «Господи, пожалуйста, не дай Касси умереть. Господи, пожалуйста, не дай Касси умереть». Но, несмотря на отчаянные мольбы компаньонки, силы Касси все убывали. Антония с горечью заключила, что Господь глух к просьбам таких закоренелых грешниц, как она.

Покинув конюшню, Рейнло зашагал к Пелем-Плейс. Он вошел в дом через комнату для слуг. Так было удобнее, а маркиз предпочитал не придерживаться условностей в тех случаях, когда условности не приносят ощутимой пользы.

Когда Рейнло был ребенком, его беспутные родители не делали особого различия между прислугой и членами семьи. Более того, старшие слуги свысока посматривали на Чаллонеров, о которых ходила дурная слава. Разумеется, старшие слуги долго не задерживались в Кеддон-Холле. Поддерживать порядок в доме, где обитала беспорядочная толпа детей, собак и

нахлебников, включая любовниц отца семейства, было весьма непросто.

В отличие от родительского дома Рейнло усадьба Пелем-Плейс казалась вымершей. Здесь царил зловещая тишина. Выйдя из погруженного в полумрак холла, маркиз направился к черной лестнице. Вот уже пять дней, как большинство обитателей дома, включая слуг, слегли с лихорадкой. Горсточка счастливых, избежавших болезни, предпочла покинуть усадьбу, где остались больные, нанятая прислуга и маркиз Рейнло, всегда отличавшийся завидным здоровьем.

Дьявол покровительствует своим отродьям.

Два дня назад камердинер маркиза свалился с горячкой и не смог выполнять свои обязанности. Благодаря весьма необычному воспитанию Рейнло легко мог обходиться без помощи слуги, дожидаясь, пока бедняга снова встанет на ноги. Впрочем, преданный Моркомб заботился о нем с особым рвением, а сам маркиз был куда менее привередлив в одежде. Поглядев на свои пыльные сапоги, обычно начищенные до блеска, Рейнло горько усмехнулся. Старину Моркомба хватил бы удар, если бы он увидел господина в грязных сапогах, в распахнутой сорочке и без сюртука.

Рейнло попытался было ухаживать за слугой, но Моркомб пришел в ужас, и бедняге снова стало хуже. Рейнло оставалось лишь развлекаться верховыми прогулками. Он как раз только что вернулся после лихой скачки по лесу и направлялся в спальню, чтобы смыть с себя дорожную пыль.

Хозяйка дома пребывала в добром здравии, но все ее время занимали заботы о больных, среди которых было и несколько членов семьи. Рейнло временами встречал ее, всегда встревоженную и раздраженную. Она ясно давала понять, что маркизу следовало бы покинуть дом и не отвлекать слуг, занятых уходом за теми, кто в отличие от Рейнло не в состоянии о себе позаботиться.

Но Николас притворялся, что не понимает намеков.

Впрочем, здравый смысл подсказывал ему: пора выйти из игры и вернуться в Лондон. Насколько он слышал, малышка Демарест лежала при смерти. Едва ли ей удастся выкарабкаться, чтобы Рейнло смог ее обесчестить.

Сама судьба вмешалась, желая защитить невинную овечку. Но неутоленная жажда мести теперь заботила маркиза куда меньше, чем невозможность увидеть Антонию. Поистине он оказался в безнадежном положении. Да, он решил совратить мисс Смит, отбросив жалость, но что с того? Как соблазнить женщину, которая день и ночь проводит у постели больной?

И тут, словно его величество случай решил, наконец, сжалиться над Рейнло, позади него послышался шум. Кто-то вышел из судомойни. Обернувшись, маркиз увидел Антонию. Она несла два ведра с водой.

— Антония...

Рейнло запнулся, впервые в жизни не находя подходящих слов.

— Лорд Рейнло.

Казалось, Антония тоже потрясена. Пошатнувшись, она отступила на шаг, вода выплеснулась из ведер на грязный каменный пол. Компаньонка выглядела такой бледной и изнуренной, что у

Рейнло мучительно сжалось сердце. Шагнув вперед, он взял из ее рук ведра.

— Воду должны носить служанки.

Губы Антонии сурово сжались:

— Почти все горничные больны. Удивительно, что вы не заметили.

Она окинула маркиза хмурым взглядом. Со времени их последней встречи она, должно быть, не раз напоминала себе, что Рейнло законченный мерзавец.

— Что вы здесь делаете?

Рейнло так обрадовался, встретив Антонию, что ее язвительность не могла омрачить его счастье. Он скучал по мисс Смит, ему не хватало даже ее неодобрения.

— Я шел из конюшни.

— Но почему вы не покинули дом? Наверно, вы здесь единственный здоровый человек, которому нет нужды оставаться.

Рейнло пожал плечами:

— Вы же здесь.

Маркиз, к вящей своей досаде, сказал чистую правду. Но если он ожидал, что Антония смягчится, его ждало разочарование.

— Вам следует вернуться в Лондон, — сухо произнесла она. — У слуг и без того полно хлопот, а вы только пугаетесь под ногами.

Маркиз тихо рассмеялся. Будь он тщеславен, слова Антонии больно уязвили бы его, но хотя совесть его отягощало, множество грехов, тщеславие не принадлежало к их числу.

— В настоящую минуту я занят чертовски полезным делом. Мне отнести ведра наверх?

Антония заколебалась. Она хотела было отказаться, но здравый смысл взял, верх.

— Спасибо.

— Всегда рад помочь, — насмешливо отозвался Рейнло.

Повернувшись, он понес ведра по коридору к черной лестнице.

— О, я вижу, вам знакомы здесь все ходы и выходы, — с иронией заметила Антония.

— Как и вам.

Маркиз посторонился, пропуская ее вперед, к не покрытой ковром деревянной лестнице.

— Я всего лишь служанка.

Рейнло не услышал ни возмущения, ни обиды в голосе Антонии. Но в ее взгляде, брошенном из-под ресниц, читалось неодобрение.

— Надеюсь, вы не подстерегаете здесь горничных? Бедняжкам и без того приходится нелегко.

Рейнло расхохотался. Ему пришлось опустить ведра, чтобы не расплескать воду.

— Похоже, вы обо мне невысокого мнения.

Лицо Антонии приняло непроницаемое выражение.

— Вы угадали.

Утверждение прозвучало не слишком убедительно, но Рейнло не счел нужным об этом упоминать. Он знал, что Антония находит его привлекательным.

Его тоже неудержимо тянуло к ней. Даже теперь, когда она едва держалась на ногах от усталости.

Поднявшись на один пролет, Рейнло со стуком поставил ведра и схватил Антонию за локоть. Он ожидал, что Антония попытается вырваться, ведь их последняя встреча закончилась ссорой. Они расстались врагами, Рейнло не удивился бы, узнав, что мисс Смит считает его грубым животным и вдобавок безумцем. Последние пять дней он не уставал бранить себя за случившееся у ручья, но из-за проклятой эпидемии не мог загладить обиду, нанесенную Антонии.

— Вы совсем себя не жалеете.

Вместо сочувствия в словах Рейнло слышался гнев. Впрочем, сострадания он не испытывал. Просто ему не нравилось видеть мисс Смит такой измученной.

— Разумеется, — резко осадил его Антония, сверкнув голубыми глазами.

Рейнло внезапно понял, что изменилось. Антония не надела свои уродливые темные очки. Должно быть, она решила, что в доме, где поселилась болезнь, можно обойтись без маскарада. Едва ли она столкнется здесь с тем, кто заинтересуется внешностью компаньонки.

Одежду Антонии составляло коричневое платье из грубой шерстяной ткани и покрытый пятнами фартук. Но, как ни странно, наряд этот лишь оттенял ее природную привлекательность. Рейнло восхищенно замер, пожирая ее глазами. Как ни старалась мисс Антония Смит сделаться незаметной, укрыться за маской скромной компаньонки, ее яркая красота сияла словно факел во тьме.

— Разве у Касси нет служанки для черной работы?

Рейнло не хотелось признавать, что его переполняет гнев, обида за Антонию, но ничем другим он не мог объяснить охватившее его странное чувство.

Антония окинула его пристальным взглядом, словно разглядывала опасного безумца.

— Да, у мисс Демарест есть горничная. Белла, как и я, делает все возможное.

Антония выразительно подчеркнула официальное обращение «мисс Демарест», но Рейнло не придал этому значения. Его интересовала одна лишь Антония.

— Вы подорвете свои силы и заболаете, если не будете отдыхать. Вы ужасно выглядите.

— Спасибо, — сухо отозвалась Антония, протягивая руку, чтобы взять ведро. — Отсюда я дойду сама.

Рейнло горестно вздохнул. Интересно, почему на мисс Смит не действует его обаяние? Обычно ему легко удавалось покорить женщину при помощи одних лишь слов, но с Антонией он вечно допускал промахи, один досаднее другого.

Оттеснив ее, он подхватил второе ведро.

— Вы отлично поняли, что я хотел сказать.

Антония безропотно вручила ему ведро. Ее покорность лишний раз показывала, как она измучена.

— Полагаю, таким неуклюжим способом вы пытаетесь показать свою заботу, лорд Рейнло? Я поражена.

— Разумеется, я обеспокоен, черт побери, — сердито признал Рейнло, тяжело ступая вверх по лестнице. — Не такой уж я отъявленный негодяй.

Маркиз шел, не оглядываясь, и все же знал: Антония следует за ним.

— Я тронута.

— Я хочу видеть вас живой и здоровой, поскольку надеюсь затащить вас в постель, — прорычал он. — И не просите меня умолкнуть. В этом склепе никто нас не услышит, а если бы мы и столкнулись с кем-нибудь из слуг, едва ли их заинтересовала бы наша беседа. Прислуге здесь есть чем заняться.

— Я и не собиралась шикать на вас, — невозмутимо заметила Антония. — Однако когда вам представился случай овладеть мной, вы им не воспользовались.

На мгновение Рейнло изумленно застыл, не веря своим ушам. Неужели Антония и впрямь говорит самым будничным тоном о памятной сцене у ручья? Маркизу нелегко было вспоминать то утро. Черт бы побрал, эту женщину! Рейнло ее решительно не понимал.

— То было чистое безумие, — пробормотал он, сворачивая в коридор, ведущий к комнате Кассандры. — Не могу поверить, что вы ставите это мне в вину. Поверьте, мадам, в следующий раз вам не ускользнуть от меня.

Он ожидал пустого заверения, что больше ему не представится подобная возможность, но Антония предпочла промолчать. «Нет, она воистину сама не своя», — подумал маркиз, и снова грудь его пронзило болью.

— Куда поставить воду? — резко бросил он. — В вашу комнату или в спальню Касси?

— Как вы... — Осекшись, Антония шагнула вперед и открыла дверь в свою каморку. — Полагаю, вы снова подкупили слуг. Благо вы один из самых состоятельных людей в стране и можете позволить себе любую блажь.

В голосе Антонии не было гнева. Скорее нечто похожее на... добродушную усмешку. Казалось, ничего другого она и не ожидала от Рейнло.

Глупышка. Не стоит дразнить голодного тигра. При виде зверя нужно бежать прочь без

оглядки.

Но в эту минуту Рейнло не чувствовал себя тигром. Он чувствовал себя человеком, неспособным предложить помощь женщине, которую... желал. Он чувствовал себя отвергнутым, обделенным, и готов был рычать от ярости, оттого что краткий миг, проведенный в обществе Антонии, подошел к концу.

Он вошел в комнату вслед за мисс Смит и поставил ведра на голые половицы. В воздухе витал аромат Антонии, напоминая Рейнло о тех мгновениях, когда он сжимал ее в объятиях. Свет в крохотную комнатку проникал сквозь узкое оконце под самым потолком. В сравнении с роскошной лондонской спальней эта жалкая клетушка поражала своим убожеством. Маленькая тесная каморка. Обветшалая и холодная, как монашеская келья.

Здесь царил полнейший разгром. Вполне естественно, ведь последние пять дней Антония провела у постели больной Кассандры. Разбросанные вещи безмолвно свидетельствовали об отчаянии их хозяйки.

На узкой постели в беспорядке валялась одежда. Рейнло заметил белоснежный пеньюар среди коричневых, серых и блекло-черных неглиже. Как ни нелепо, стоило ему увидеть ночное белье Антонии, и сердце его учащенно забилося.

Все эти пять дней он клялся себе, что не станет колебаться, когда окажется наедине с мисс Смит. И вот теперь, стоя в ее комнате, Рейнло хмуро признал, что сейчас не время и не место для любовных забав. Пусть дом перевернут вверх дном, но если его застанут в спальне Антонии, разразится невероятный скандал. И расплачиваться придется ей. Так устроен мир.

— Спасибо, — тихо произнесла она, смущенно глядя на маркиза.

Черт, только бы она не заплакала. Этого ему не вынести. К горлу Рейнло подступил ком.

— Да сядьте же, ради Бога, — прорычал он, не сводя глаз с Антонии. Понимая, что их могут услышать, он понизил голос. — Вам ничто не угрожает.

Антония была слишком подавлена, чтобы спорить. Она тяжело опустилась на кровать, где ворохом лежали поблекшие вещи, составлявшие, по всей видимости, весь ее скудный гардероб.

Повисла неловкая пауза.

— Я должен идти.

Рейнло повернулся к двери, но успел сделать лишь пару шагов.

— Да.

Опустив голову, Антония смотрела на свои руки, сложенные на коленях.

Глава 10

Рейнло твердо решил уйти. Он понимал: бессердечному дьяволу вроде него здесь не место. Как соблазнить Антонию, когда за дверью лежит больная Касси? Вдобавок, несмотря на раздиравшее Рейнло желание, ему претила мысль овладеть Антонией в первый раз на этой убогой узкой кровати.

И все же ноги его налились тяжестью, словно были прибиты гвоздями к полу. Он шагнул было

к двери, но вернулся к Антонии и опустился на кровать рядом с ней.

— Рейнло, — прошептала она, испуганно подняв глаза.

Она казалась удивительно юной, ничуть не похожей на грозного дракона, охранявшего Касси в бальном зале леди Миллисент Рестон. Удивительно, что ее нелепый маскарад сумел обмануть Рейнло, хотя бы и ненадолго.

— Ш-ш, — тихо шепнул маркиз, испытывая неловкость.

Ему не приходилось бывать в дамских спальнях с иной целью, кроме блуда, но сейчас он вовсе не собирался предаваться разврату с мисс Смит, хоть именно этого ему и хотелось.

Наверное, он скорее умер бы, чем перестал желать ее.

Антония застыла, смущенная близостью Рейнло. Должно быть, она ожидала от него какой-то злой выходки. Что ж, ее в этом трудно винить.

Рейнло с ранней юности не испытывал робости в обращении с женщинами, но сейчас нерешительно обнял Антонию за плечи. Она вздрогнула, и лицо ее омрачилось.

— Чего вы хотите? — В резком голосе Антонии не слышалось обычной язвительности. — Мы в моей спальне. Касси всего в нескольких футах от нас. Она слаба, но не глуха. Если вы думаете, что сможете овладеть мной здесь, вы просто глупец.

— Мисс Смит, ваши подозрения обижают меня, — с улыбкой отозвался Рейнло, притягивая к себе.

Ее тепло всколыхнуло в нем жаркую волну желания. Рейнло тосковал по Антонии, но лишь теперь он понял, как сильно ему недоставало ее.

— Я не причиню вам зла.

— Вы лжете.

— Часто, — легко согласился Рейнло. — Но не в этот раз.

— Я не в том состоянии, чтобы сражаться с вами, — пробормотала мисс Смит, опуская голову Рейнло на плечо.

Казалось, эта женщина создана для него, так приятно было сжимать ее в объятиях.

— Знаю, — уныло кивнул маркиз.

Ну почему из всех женщин на земле Антония единственная, кому удастся пробудить в его душе рыцарские чувства?

— Но легкая победа над вами не доставила бы мне радости. Я подожду, пока вы наберетесь сил для следующей баталии.

Антония уткнулась лицом ему в плечо и прерывисто перевела дыхание, словно впервые за много дней ей удалось вдохнуть полной грудью.

— Вы порочный дьявол, Рейнло.

— Истинная правда, — мягко признал маркиз, крепче обнимая Антонию за плечи.

Она шевельнулась, но не отпрянула, а лишь теснее прижалась к нему.

Рейнло ожидал новых уничижительных замечаний, но Антония молчала. Не пыталась она и высвободиться.

В комнате не было камина, однако день выдался довольно теплый для начала мая. Покорная, кроткая, Антония притихла в объятиях Рейнло. К исходившему от нее аромату цветущих полей примешивался легкий запах пота. Это головокружительное сочетание пробуждало волнующие воспоминания.

Повернув голову, Рейнло уткнулся подбородком в мягкий узел волос Антонии. Он никогда не прикасался к женщине, желая лишь утешить ее. Если не считать Элоизы, но тогда он был еще мальчишкой.

— Вы плачете? — прошептал он после долгого, на удивление мирного молчания.

— Нет, — произнесла Антония сдавленным голосом, пряча лицо на груди маркиза.

Она робко обняла Рейнло за талию, словно боясь, что он отстранится.

Как будто он был на это способен.

Рейнло никогда не трогали женские слезы. Слишком много слез ему довелось увидеть на своем веку. Достаточно вспомнить его матушку, которая любила прибегать к этому оружию и пользовалась им весьма умело. Признаться, в искусстве заливаться слезами мать Рейнло превосходила всех знакомых ему женщин — а маркиз встречал истинных мастериц.

Бессильные слезы Антонии пробудили в нем желание что-нибудь сокрушить, разгромить. Он попытался обратиться в циника и напомнил себе, что, прежде чем расстаться с Антонией навсегда, он хотел заставить ее плакать от горя. Однако отказался от этого плана.

Рейнло мягко взял Антонию за подбородок, заставляя поднять голову. Она неохотно подчинилась.

— А кто теперь лжет?

— Это... просто усталость, — дрожащим голосом произнесла она. — Все хорошо. Правда.

Эта непостижимая женщина продолжала бороться. Рейнло почувствовал к ней невольное уважение. И все же мисс Смит должна была понять, что силы ее на исходе.

Тревога сжала сердце Рейнло. Изможденная, осунувшаяся, Антония казалась невесомой. На ее бледном, влажном от слез лице застыла страдальческая маска.

— Я вижу. — Рейнло нахмурился. — Касси действительно так серьезно больна?

— Да.

Она вытерла щеки, но из глаз ее снова хлынули слезы.

Рейнло не собирался жалеть мисс Демарест. Она оставалась для него чужой, хоть он и задумал затащить ее в постель. Рейнло понимал: если Касси перестанет быть для него всего лишь

орудием мести, его решимость посчитаться с негодяем Демарестом может поколебаться.

Но искреннее горе Антонии невольно тронуло его. Он не стал рассыпаться в банальностях, уверяя, что Касси молода и полна сил, а потому справится с болезнью. Антония была слишком умна, чтобы верить в подобную чушь.

— Мне очень жаль.

— Я помогу ей преодолеть болезнь. Я смогу. — Руки Антонии сжались в кулаки. — Она не умрет.

Рейнло не ошибся: мисс Смит отважно боролась за тех, кого любила.

Каково это, когда женщина вроде Антонии готова на все ради тебя? Рейнло с горечью подумал, что ему никогда этого не узнать.

Он наклонился и нежно поцеловал ее, ощутив на губах соленый вкус слез.

— Если кто-то и способен вытащить Кассандру из когтей смерти, так это вы. Отдохните немного. А потом идите в бой и одержите победу.

Он ласково отвел спутанные локоны с пылающего лба Антонии. С покрасневшими от слез глазами и распухшим носом она выглядела сущим пугалом. Но, как ни удивительно, ему, признанному знатоку женской красоты, ценителю бриллиантов чистой воды, было решительно все равно.

— Она мне как сестра, — хрипло прошептала Антония. — Я не вынесу, если потеряю её. Я потеряла... слишком многих.

Мисс Смит готова была довериться Рейнло. Вкрадчивый голос шепнул маркизу, что представился удачный случай выведать ее секреты. «Соблазни ее прямо сейчас, когда она беззащитна, — подстрекал голос, — и к черту остальных обитателей дома». Никто не видел, как он входил в спальню компаньонки, а в соседней комнате царила тишина, так что ему едва ли следовало опасаться вторжения. Однако Рейнло не пожелал слушать голос. Это оказалось сделать легче, чем он ожидал.

Маркиз был законченным негодяем. Но даже отъявленный подлец не посмел бы воспользоваться слабостью женщины в подобных обстоятельствах.

— Кассандре повезло, что у нее есть вы, — с чувством произнес Рейнло.

— Почему вы так добры ко мне?

Маркиз узнал прежнюю, недоверчивую, осмотрительную Антонию.

— Понятия не имею, — честно признался Рейнло.

Искренность давно стала для него непозволительной роскошью, ведь его отношения с женщинами не отличались глубиной.

Сдавленный смех Антонии оборвался рыданием:

— В этом мы с вами похожи.

Рейнло ласково погладил ее по волосам, отводя с лица влажные пряди. Ресницы Антонии слиплись от слез, губы распухли. Рейнло едва сдержал желание снова поцеловать ее.

Он ощутил, как к горлу подступил ком. Боль стеснила грудь, и распутные помыслы рассеялись, вытесненные странным, неясным чувством. Он мучительно подыскивал слова ободрения. Ему отчаянно хотелось, чтобы глаза Антонии вновь засияли радостью.

— Вы и опомниться не успеете, как Касси заставит вас гоняться за ней по всем бальным залам Лондона, — сказал он, сам не веря своим словам.

Пухлые губы Антонии скривились, словно она распознала обман.

— Вы бы охотно ее подзадорили. — Мисс Смит прерывисто перевела дыхание, лицо ее страдальчески исказилось. — Надеюсь, вы правы, Николас. Господи, хоть бы вы оказались правы!

Рейнло потрясенно замер. Антония спрятала лицо у него на груди, вцепившись дрожащими руками в его рубашку. Всего однажды она сама, без его просьбы, назвала Рейнло по имени. Имя слетело у нее с языка, когда она подумала, что убила маркиза. Но теперь в сломленной, оглушенной горем женщине, рыдавшей у Рейнло на груди, трудно было узнать воинственную жрицу добродетели, огревшую его кочергой. От того ангела мести осталась разве что внутренняя сила. Даже теперь, когда Антония, горько плача, лежала в объятиях Рейнло, в ней чувствовалась неустранимость. Должно быть, с того дня как заболела Касси, Антония не позволяла себе дать волю слезам.

Горячая влага обожгла кожу Николаса. Поддавшись внезапному порыву, он обхватил ладонями голову Антонии, крепко прижимая ее к себе. Губы его сами собой зашептали глупые слова утешения.

Он не знал, как помочь ей и смогут ли его слова пробиться сквозь туман ее печали. Антония горько, безутешно рыдала, прильнув к нему, отчего Рейнло переполняло желание кого-нибудь поколотить.

Наконец она затихла.

Рейнло нравился непокорный, мятежный нрав Антонии, ее живой острый ум, но баюкая ее в своих объятиях, чувствуя, как ее настороженность сменяется доверием, он испытал ни с чем не сравнимую радость. Рейнло знал, что никому нельзя верить и Антония, подобно большинству людей, когда-нибудь предаст его или разочарует, заставив усомниться в ее искренности. Однако сейчас он не мог не поддаться этому чувству. Слишком велик был соблазн.

Антония была высокой женщиной, полной сил, не чахлым немощным созданием, но теперь она казалась хрупкой и уязвимой. Рейнло крепче обнял ее, говоря себе, что желание защитить слабого еще ничего не значит. И все же заверения эти показались ему насквозь фальшивыми.

Он прижался щекой к растрепанным волосам Антонии. Удивительно, но она не пыталась высвободиться. А ведь хорошо знала, с кем имеет дело. Знала с самого начала. Лишь неожиданное несчастье и мучительная тревога за Касси заставили ее забыть об осторожности.

«Воспользуйся этим», — нашептывал коварный голос.

«В следующий раз», — пообещал Рейнло, не понимая, что его останавливает.

Уж никак не забота об Антонии. Маркиз Рейнло привык заботиться только о себе. Если ему чего-нибудь хотелось, он, не задумываясь, брал желаемое.

И все же он держал в объятиях мисс Смит, не пытаясь овладеть ею. Он обнимал ее, желая утешить, только и всего.

Антония села, и Рейнло неохотно разжал объятия. Трясущимися руками она вытерла щеки:

— Спасибо. Вы так добры.

Рейнло отпрянул. Глаза его гневно сверкнули.

— Я вовсе не добр.

— И все же сегодня вы были ко мне добры. — На губах Антонии мелькнула лукавая улыбка. — Не волнуйтесь. Я никому не скажу. Вдобавок едва ли мне кто-нибудь поверит. Распутник лорд Рейнло пробыл около часа в женской спальне и не расстегнул ни одной пуговицы? Это немыслимо.

— Кажется, вы воспрянули духом, — сухо бросил Рейнло.

— Да.

Антония казалась удивленной.

Что ее так смутило, его великодушие или недавние слезы? Кто знает? Теперь Антония выглядела не такой сокрушенной и угрюмой, как в ту минуту, когда Рейнло встретил ее в коридоре.

«Похоже, я теряю хватку», — с грустью подумал Николас.

Мисс Смит почти не испытывала страха, даже еще до того, как ей удалось пробудить в нем полузабытый рыцарский дух. Впрочем, Антония и прежде не трепетала перед ним, даже когда он ясно заявлял о своих намерениях.

Глупая женщина.

Антония тихо хлюпнула носом и поискала в кармане платок. Рейнло, вздохнув, протянул ей свой:

— Возьмите.

— Спасибо. — Лицо ее, все еще мокрое от слез, осветилось улыбкой. — Еще один добрый поступок. Смотрите, Рейнло, скоро вам придется начищать до блеска нимб над головой.

— Выбросьте эту мысль из головы. Вы знаете, чего я добиваюсь.

Антония смерила Рейнло взглядом.

— Я думала, что знаю.

Маркиз Рейнло, известный своим красноречием, не находил достойного ответа. Настаивать, что он, как и прежде, порочен и безжалостен, было бы нелепо. Вдобавок его заверения прозвучали бы неубедительно.

Рейнло поднялся, чувствуя себя неловко. Прежде он никогда не испытывал смущения — ведь его нисколько не волновало, какое впечатление он производит на других.

— Мне нужно идти к Касси.

Антония по-прежнему не сводила взгляда с Рейнло.

— Да.

И снова Рейнло не смог заставить себя уйти. Хотя было совершенно очевидно, очевидно с самого начала, если быть до конца честным с собой, что сегодня ему не удастся затащить Антонию в постель. Он хотел обладать живой, страстной женщиной, а не бледной тенью, сломленной горем, измученной усталостью.

— Позвольте, я проверю коридор, — поднявшись, произнесла Антония.

— Коридор. Да.

Рейнло чувствовал себя потерянным. Возможно, загадочная болезнь добралась, наконец, и до него? Да что с ним такое, в самом деле? Прежде он никогда не вел себя так с женщинами, которых добивался.

Антония проскользнула мимо него к двери. Ее выцветшие полотняные юбки, соблазнительно шурша, коснулись его ног. В такой маленькой комнатке немудрено столкнуться.

Рейнло вновь захлестнула волна желания. Его обдало жаром, он едва удержался, чтобы не схватить Антонию в объятия. На этот раз не для того чтобы утешить. Так мужчина прижимает к себе женщину, которую желает.

Антония осторожно открыла дверь и выглянула в коридор.

— Там никого нет.

Рейнло не собирался довольствоваться этим невинным визитом. Ему хотелось унести с собой обещание. Желание жгло его изнутри, терзало точно лихорадка. Возможно, то и была лихорадка. Все сильнее кружилась голова.

— Встретимся нынче ночью, — прошептал маркиз, схватив Антонию за руку.

Его губы жадно прикипили к ее руке, по телу Антонии пробежала дрожь.

Мисс Смит нахмурилась. Смущенная, она казалась еще очаровательнее. Но с каждым мгновением нежная, уступчивая Антония становилась все больше похожа на себя прежнюю, недоверчивую, враждебную.

К немалой своей досаде, Рейнло находил ее как тогда, так и сейчас привлекательной.

— Вы же знаете, я не могу.

Голос Антонии звучал хрипло. Возможно, от слез. А может быть, от пробудившегося желания.

— Я знаю, вы можете. — Рейнло крепко сжал ее руку, словно пытаясь убедить этим жестом. — В доме царит хаос, никто не обратит внимания на ваше отсутствие. Или на мое, впервые в жизни. Что здесь плохого?

Высвободив руку, Антония скользнула равнодушным взглядом по лицу Рейнло. Подумать только, совсем недавно она покоилась в его объятиях, беззащитная словно дремлющий котенок.

— Не притворяйтесь наивным простаком, Рейнло. Вы хорошо знаете, чем это обернется.

Да, мисс Дракон ожила. Но за маской грозного чудовища Рейнло успел увидеть другую женщину, мягкую, кроткую. Он знал: оставшись с Антонией наедине, сумеет вернуть то прелестное создание.

— Смелее, Антония. Мы оба страстно желаем друг друга.

Он ожидал гневных протестов. Однако, как это часто бывало, Антония его удивила.

— Уступив желанию, я только погубила бы себя.

Рейнло ошеломленно замер, когда Антония с готовностью призналась в своих чувствах.

— На другой стороне озера есть летний домик. Вы знаете это место?

— Да, я его видела.

— Приходите туда, когда все в доме заснут.

Антония решительно покачала головой:

— Я должна остаться с Касси.

— Пусть сегодня ночью с ней останется камеристка.

Мисс Смит отступила, ударившись о кровать. Комнатка и впрямь была не больше кроличьей клетки. Рейнло испытал глухое раздражение. В какой жалкой камерке она живет. Антония рождена, чтобы ходить в шелках и бриллиантах, ей место в мраморных залах, среди роскоши. Если ему удастся ее соблазнить, он сделает ее своей содержанкой. Но согласится ли она?

Рейнло охватило непривычное волнение.

Антония снова покачала головой:

— Я не стану встречаться с вами.

Шагнув вперед, Рейнло обхватил ладонями ее лицо. Ему мучительно хотелось прикоснуться к ней с того мгновения, как он выпустил ее из рук. Его пальцы зарылись в мягкие, шелковистые волосы. Пристально глядя Антонии в глаза, Рейнло мысленно умолял ее уступить. Он знал: она хотела бы послать к дьяволу здравомыслие и отдаться чувствам.

— Сегодня ночью, Антония.

Он застыл, ожидая, что мисс Смит снова ускользнет, но она стояла, дрожа всем телом. Наклонившись, Рейнло поцеловал ее. Этот нежный поцелуй таил в себе обещание. Ее губы едва заметно дрогнули в молчаливом согласии.

Подняв голову, Рейнло прочел в глазах Антонии страсть. Кровь его забурлила в радостном предвкушении победы. Да, Антония желала его. Быть может, так же отчаянно, как желал ее

он, хотя, не обладая опытом, возможно, не понимала этого. Рейнло повернулся и исчез за дверью.

Глава 11

— Тони, перестань суетиться.

Касси капризно отпрянула от Антонии, пытавшейся обтереть ее влажной тканью.

После удивительного часа, проведенного в обществе лорда Рейнло, Антония вернулась к заботам о больной племяннице. В тот же день к вечеру мисс Демарест стало лучше. Антонии не верилось, что маркиз побывал в ее спальне, сидел рядом с ней на кровати, обнимал ее, так и не сделав попытки воспользоваться ее слабостью. Неужели он и впрямь способен на добрый, бескорыстный поступок?

Антония ни за что не назвала бы лорда Рейнло добрым. Хотя, возможно, и была к нему несправедлива. Трижды она оказывалась в его власти: в ночь, когда ударила его кочергой в лондонском доме, во время прогулки у ручья и здесь, в Суррее. И трижды ей удавалось ускользнуть только лишь благодаря великодушию Рейнло. Надо признать, сама она готова была уступить, забыв о строгих правилах морали.

Со времени той необычной встречи с Рейнло прошло три дня. Антония не раз благодарила судьбу за то, что устояла перед искушением и не отправилась ночью на свидание с ним. Куда легче было сохранять благоразумие, не видя его.

Разумеется, она не пришла в летний домик. Антония еще не совсем утратила рассудок, хоть маркиз и затуманил ее разум своими поцелуями. Ох уж эти его поцелуи! Стоило Антонии закрыть глаза, и ей начинало казаться, что пылающие губы Рейнло прижимаются к ее руке, а потом властно, неумолимо впиваются в губы.

Рейнло был полон противоречий. Неудивительно, что он вконец запутал Антонию, нарушив ее покой.

Однако вдали от маркиза она вновь обрела обычную рассудительность. Она не могла рисковать, вновь бросая вызов общественным устоям. Унылая жизнь компаньонки нередко вызывала у нее горечь и досаду, но зато обещала покой и безопасность.

Внезапный перелом в болезни Касси избавил Антонию от необходимости принимать решение. Мисс Смит улыбнулась, вспоминая свой восторг и благодарность, когда Касси вдруг повернула голову и твердым голосом попросила воды. Казалось бы, ничего особенного, но последние два дня Кассандра металась в бреду и то были первые связные слова, слетевшие с ее уст.

Затем, впервые за пять дней, Касси заснула без боли, а наутро проснулась с ясной головой, хотя и изнуренная лихорадкой. Обрадованная Антония вознесла Господу благодарственную молитву.

Три дня спустя Касси достаточно окрепла, чтобы начать жаловаться на вынужденную неподвижность. Она оставалась слабой и беспомощной, но у нее хватало сил ворчать и привередничать. Антония готова была завывать. Даже преданная Белла потеряла терпение от капризов хозяйки.

— Я хочу спуститься в гостиную, — плаксиво заныла Касси в тысячный раз за последний час, а после зашлась в мучительном приступе кашля, ясно показав, что вставать с постели ей еще

рано.

Антония раздраженно бросила салфетку в лохань с теплой водой.

— Ты уже пыталась встать сегодня утром, когда мы отлучились, и мне пришлось поднимать тебя с пола, помнишь?

— Теперь мне намного лучше, — угрюмо возразила Касси, надевая ночную сорочку.

— Наверное, ты сможешь спуститься в гостиную завтра.

То же самое Антония говорила накануне.

Тяжело вздохнув, компаньонка отвернулась. Она смертельно устала. Большая часть прислуги еще не оправилась от болезни, и Антонии с Беллой приходилось вдвоем ухаживать за больной. Впрочем, судя по всему, кризис миновал. Казалось, с каждым часом Кассандре становится все лучше. Вскоре Антония начала думать, что отныне жизнь Касси вне опасности, разве что мисс Смит, преданная компаньонка, удавит ее шнуром от занавесок.

— Я хочу спуститься сейчас же.

— Дом опустел. Те, кто не болел, уехали, а остальные гости — больные и выздоравливающие — не покидают спален. В гостиной тебе будет так же скучно, как здесь.

Слава Богу, если не считать несчастной служанки, в Пелем-Плейс никто больше не умер. Дела в деревне обстояли хуже, но даже там эпидемия пошла на убыль.

— Мне все надоело. — Плюхнувшись на подушки, Касси раздраженно уставилась в потолок. — Когда мы вернемся в Лондон? И зачем мы только сюда приехали? Лорд Рейнло тоже заболел?

Антония подавила вздох. В первый раз за время болезни Касси упомянула имя своего распутного поклонника.

— Нет.

Касси не сводила глаз с потолка.

— Наверное, он вернулся в Лондон.

— Я не знаю.

Не осмеливаясь встретить взгляд племянницы, боясь выедасть себя, Антония отвернулась, чтобы убрать умывальные принадлежности Кассандры. Злобное чудовище, лорд Рейнло, перестал быть ее врагом, хотя даже ради спасения собственной жизни Антония не смогла бы сказать, что теперь связывает ее с этим человеком.

— Я по горло сыта жизнью в деревне, — сварливо проворчала Касси, нетерпеливо комкая простыню.

— Если завтра тебе станет лучше, мы отправимся в путь. Мы сможем добраться до Лондона короткими переездами. Думаю, леди Хамфри безумно устала оттого, что ее дом превратился в лазарет.

Касси заметно оживилась.

— Ох, Тони, это было бы чудесно!

Антония решилась заговорить о том, что грозило вызвать неудовольствие юной мисс Демарест.

— Наверное, нам следует вернуться в Баском-Хейли. Ты едва оправилась после ужасной болезни, Касси. Я была уверена, что ты при смерти. Никогда в жизни я не испытывала подобного ужаса.

Касси сердито отмахнулась:

— Разумеется, я и не думала умирать. Я собираюсь покорить лондонский свет.

— Тебе нужно сначала окрепнуть, прежде чем ты начнешь танцевать до полного изнеможения, — строго возразила Антония.

Как и следовало ожидать, Касси враждебно ощетижилась.

— Ступайте прочь, Тони. Скоро придет Белла, а меня тошнит от твоих нравоучений.

— Я собиралась почитать тебе вслух. Это поможет скоротать время.

Касси отвернулась, обиженно надув губы.

— Я и сама могу почитать.

Еще утром, а тем более днем раньше, Антония не придавала бы значения капризам избалованной девчонки, теперь же ее не оставляла мысль: если Касси достаточно хорошо себя чувствует, чтобы грубить, она в состоянии провести несколько часов в обществе Беллы.

Не одной Касси прискучило весь день оставаться в комнате.

Антония на мгновение закрыла глаза. И вновь ей представилась рослая могучая фигура лорда Рейнло, заполнившая собой едва ли не всю ее крохотную каморку. Антония пыталась прогнать воспоминания о встрече с маркизом, но навязчивые видения не оставляли ее. Особенно теперь, когда Касси стало лучше и заботы о ней уже не занимали мысли мисс Смит всецело, как прежде.

В одном Антония не сомневалась: Рейнло вовсе не дьявол во плоти. Она ошибалась, считая его законченным негодяем.

Конечно, она неверно судила о нем. Очарование маркиза в его сложности, противоречивости. Антонию влекло к Рейнло. В сравнении с этим чувством ее девическая влюбленность в Джонни казалась зыбкой фантазией, которая когда-то разрушила ее жизнь. Какие новые беды принесет ей страсть к Рейнло?

— Тони, я же сказала: ступай, — повторила Касси, видя, что компаньонка не двинулась с места. — Я хочу побыть одна. Из-за вас с Беллой мне ни на минуту не удастся остаться наедине с собой.

— Если бы мы оставили тебя одну, когда ты металась в лихорадке, едва ли бы ты дожила до этого дня, — не без язвительности заметила Антония. — Ты могла бы проявить хоть каплю благодарности. Бедная Белла вчера проплакала весь день.

Кассандра, надо отдать ей должное, заметно смутилась.

— Она суетится по пустякам.

— Белла любит тебя.

— Знаю. — Касси виновато покосилась на компаньонку. Ее негодование испарилось словно по волшебству. — Я так устала целыми днями лежать в постели. Честно признаться, мне хотелось бы побыть одной.

— Как пожелаешь. — Наполнив стакан свежей водой, Антония поставила его на ночной столик. — Не обижай Беллу. Она почти не спала, пока ты болела.

Касси порывисто схватила Антонию за руку.

— Я злобная ведьма.

Антония сжала губы, мысленно соглашаясь, затем пробормотала:

— Все мы вконец измотаны. Да и тебе самой еще нужен отдых. — Голос Антонии смягчился. — Тем более если ты собираешься вскоре танцевать ночи напролет.

— Надеюсь, так и будет. — Касси взяла стакан и глотнула воды. — О, я так чудесно проводила время! Какая жалость, что все так внезапно кончилось.

Антония неспешно подошла к открытому окну. Отсюда открывался вид на парк. Летнего домика, немого напоминания о лорде Рейнло, не было видно. Антония подняла глаза к безлунному небу, где в сгущающемся сумраке сияла одинокая вечерняя звезда. Тихая безмятежность природы пробуждала желание вдохнуть всей грудью свежий воздух, не оскверненный болезнью, нелепыми капризами и обидами.

Касси была права. Не стоит волноваться по пустякам. Повернувшись, Антония Смит пристально взгляделась в лицо племянницы, а затем сказала:

— Белла найдет меня в саду, если я вдруг тебе понадобится.

— Ты мне не понадобишься, — с грубоватой откровенностью откликнулась Касси. — Если что-то случится, рядом будет Белла.

Антония выскользнула из дома на террасу.

Несмотря на смертельную усталость, взволнованная, охваченная беспокойством Антония дрожала как от озноба. Ей нужно было выбраться из душных комнат и пройти, хотя бы на мгновение сбросить с себя маску мисс Смит и вновь стать Антонией Хиллиард...

Как и следовало ожидать, ноги сами собой привели ее к летнему домику у озера. Антония обнаружила домик во время одной из долгих прогулок по поместью, которые доставляли ей столько удовольствия в первые дни в Суррее.

Сумерки незаметно сменились ночью. Антония брела по узкой тропинке к маленькому строению, белевшему в темноте. Уединенный домик, причудливое смешение египетского и греческого стилей, стоял у самой воды.

Превосходное место для свиданий. Едва ли лорд Рейнло нашел бы лучшее.

Или худшее, если взглянуть на это с точки зрения морали.

На губах Антонии мелькнула скупая улыбка. Рейнло определенно не задумывался о вопросах морали.

Обогнув домик, она окинула взглядом безмолвную гладь озера. Звезды сияли на его лаковой черной поверхности, словно на перевернутом небе.

— Добрый вечер, Антония.

Она совсем не удивилась, когда, обернувшись, увидела лорда Рейнло на пологой лестнице летнего домика. Казалось, его появление навеяно волшебством ночи. А может, измученной усталостью Антоний весь мир, подернутый туманной дымкой, представлялся чуточку нереальным.

— Лорд Рейнло, — тихо произнесла она.

Легкий ветерок, поднявшийся над озером, разметал ее волосы, небрежно собранные в узел.

— Николас, — также тихо проговорил Рейнло и, прислонившись спиной к одной из четырех коринфских колонн, что поддерживали галерею, сложил руки на груди.

— Николас...

Произнесенное вслух имя маркиза говорило о покорности. Они оба это понимали.

В свете звезд рубашка Рейнло выделялась белым пятном, неужели этот мужчина никогда не носит сюртуки и галстуки, как подобает джентльменам? Антония не смогла разглядеть в темноте его лицо. Впрочем, в этом не было надобности. Образ маркиза был навеки запечатлен в ее сердце. Красивый, беспечный, распутный.

Желанный...

— Я знал, что ты придешь.

В голосе Рейнло звучала спокойная уверенность.

Сгустившаяся тьма мешала видеть, но чувства Антонии обострились. Ей слышался шелест деревьев, от озера тянуло сыростью, легкий ветерок охлаждал ее пылающую кожу.

— Вы ждали три дня.

— Я умею быть терпеливым.

Антония закусила губу. Надеялась ли она встретить Рейнло? Означает ли ее приход согласие принадлежать маркизу? Она давно знала ответ.

— Собираешься сбежать? — спросил Рейнло будничным тоном.

Но даже в темноте Антония видела, что он дрожит как натянутая тетива.

— Мне следовало бы бежать.

Маркиз выпрямился и медленно, неторопливо сошел вниз по лестнице. Он ждал, что Антония упорхнет, будто птица, которую спугнули. Во всяком случае, так поступила бы всякая женщина, наделенная чувством опасности.

Рейнло замер, до странности неподвижный, безмолвный, потом заговорил низким, приглушенным, мягким как бархат голосом:

— Что же дальше, Антония?

— Не запугивайте меня, Рейнло, — резко бросила она.

— Хочешь сделать вид, будто всего лишь отправилась на вечернюю прогулку?

Именно это Антония и твердила себе. Но даже себя ей не удавалось обмануть.

Она вышла из дома и направилась к озеру, потому что знала: Рейнло ее ждет. Признавшись в этом себе, Антония не решилась сознаться перед маркизом.

— Я понятия не имела, что вы будете здесь.

Глаза ее достаточно привыкли к темноте, чтобы различить, как сверкнули в улыбке зубы Рейнло.

— Нет, ты знала.

К чему отрицать очевидное? Из глупой гордости? Рейнло вскоре узнает, что она не в силах сопротивляться ему. Да он уже знает.

— Да, знала! — почти беззвучно прошептала она.

Слова ее прозвучали как вызов.

Она едва удержалась, чтобы не броситься в объятия Рейнло, не прильнуть, задыхаясь, к его груди. Их разделяло несколько ярдов, но Антония явственно чувствовала его нетерпение. Сгустившаяся тишина маревом дрожала в воздухе. Даже ночной ветерок замер в ожидании.

Почему Рейнло не прикоснулся к ней? Они оба знали, что Антония не станет вырываться. Николас поднял глаза к сверкающему звездами небу, а затем посмотрел в лицо Антонии.

Даже в темноте взгляд его полыхал огнем.

— Почему? — вопрос Рейнло прорезал тишину, точно клинок.

У Антонии вырвался недоверчивый смешок.

— Не могу поверить, что вы несете этот вздор. Вы пытаетесь затащить меня в постель со дня нашей первой встречи.

Маркиз переступил с ноги на ногу, не пытаясь подойти ближе.

— А вы... ты сопротивляешься изо всех сил.

— Не всегда, — неохотно признала Антония.

— Если ты и уступала, то вопреки собственной воле.

— Я и сейчас здесь вопреки собственной воле.

Антония сцепила руки, сминая платье, которое выбрала, потому что втайне надеялась

встретить Рейнло. Платье, принадлежавшее Антонии Хиллиард, не мисс Смит. Маркиз никогда не узнает ее настоящего имени, но этой ночью он будет обладать ею настоящей — не ее подобием.

— Не сомневаюсь.

Антония зябко поежилась, охваченная внезапным смущением и... разочарованием.

— Вы передумали?

— Нет. Все мои мысли только о тебе.

Казалось, маркиз говорит искренне. Антонии хотелось бы ему верить.

— По крайней мере, вы пытаетесь меня в этом убедить, — обиженно отозвалась она.

— Я действительно сгораю от желания.

Антония шагнула к Рейнло.

— Вы не хотите меня поцеловать? — спросила она с ноткой отчаяния в голосе. — Я здесь. Мы одни. Никто нас не потревожит.

— Думаешь, я помешался?

— Да.

Рейнло тихо рассмеялся:

— Возможно, ты права. И все же почему ты здесь?

Антония охотно придумала бы какую-нибудь глупую отговорку, чтобы Рейнло замолчал и поцеловал ее, но она сказала правду.

— Из-за Касси.

— Из-за Касси?

В возгласе Рейнло слышалось изумление и любопытство.

Антония помолчала, подбирая слова. Как объяснить ему? И почему так важно, чтобы он понял?

— Касси была очень слаба. Я опасалась за ее жизнь.

— Я знаю.

Антония ожидала, что Рейнло добавит что-то еще, но тот молчал, предпочитая слушать. Ему хотелось выведать ее секреты. В хрупкой близости, установившейся между ними, таилась опасность, но Антония не находила в себе сил ее разрушить.

— Болезнь Касси напомнила мне, что жизнь коротка. Нужно брать желаемое, пока можешь.

— Значит ли это, что ты желаешь меня?

О, Антония угадала его замысел. Рейнло задумал сломить ее гордость. Лишить ее иллюзии, что

ею управляет чья-то чужая воля.

Антония дерзко вскинула голову. Она принадлежала к одному из древнейших родов Англии, чья история восходила к грозным временам раннего Средневековья. И все же, несмотря на напускную храбрость Антонии, желудок ее стянуло в узел.

— Да, я желаю... тебя.

— Наконец-то, — выдохнул Рейнло так тихо, что Антония едва различила его шепот.

Повисла настороженная тишина. Рейнло спрыгнул с последней ступеньки лестницы и встал перед ней. Сердце Антонии учащенно забилося.

— Ты дрожишь, — тихо произнес маркиз.

— Разумеется, дрожу. Я перепугана насмерть. Но желание сильнее страха.

В обманчивом свете звезд улыбка Рейнло была полна нежности, однако Антония хорошо знала: это всего лишь маска. Несмотря на то что она согласилась стать любовницей маркиза, она не обольщалась: Рейнло принадлежал к породе хищников и забыть об этом значило бы погубить себя.

— Я рад.

Рейнло прижался губами к ее губам, и Антония окончательно потеряла голову.

— Но прежде... прежде, чем мы... — замолчав, она нервно облизнула губы.

Была ли она так же робка с Джонни? Пожалуй, нет. Опыренная страстью, она готова была всем пожертвовать ради любви.

Теперь она стала умнее.

— Условия, прекрасная Антония? — прошептал маркиз, касаясь губами ее шеи.

Антония почувствовала, что земля уходит из-под ног. По телу пробежала дрожь, взор затуманился. Ей с трудом удавалось собраться с мыслями даже до того, как Рейнло дотронулся до нее.

— Д-да! — хрипло выдохнула она.

Антония боязливо попыталась отстраниться. Рейнло всего лишь трижды держал ее в своих объятиях, так почему же прикосновения его рук показались ей знакомыми до боли?

— Дай-ка я угадаю. — Рейнло потерся щекой о ее щеку. — Все, что случится, должно остаться в секрете.

Мимолетные прикосновения маркиза, такие невинные с виду, таили в себе бездну коварства. Они разжигали страсть агонии, туманили разум, подавляли волю. Еще немного, и трепещущая компаньонка станет послушной игрушкой в руках Рейнло. Она почти готова была сдаться на милость победителя, но десять лет благоразумия и осмотрительности научили осторожности.

— Да.

— Ты веришь, что я буду следовать твоим правилам? — прошептал Рейнло.

Его пальцы мягко потянули вниз ткань платья, обнажая плечо. Новая волна дрожи прокатилась по телу Антонии, обдавая жаром, воспаляя. В неумолимых руках Рейнло она все ближе подступала к грани безумия. Ей следовало начать этот разговор раньше, когда маркиз стоял в десяти футах от нее.

— Мне придется довериться тебе, — с горечью произнесла она. — Разве у меня есть выбор?

— Несчастливая Жанна д'Арк, бесстрашно идущая на костер.

Насмешка в голосе маркиза на мгновение вернула Антонию к реальности. Она собрала всю свою решимость.

— Надеюсь, ты... вы никогда не воспользуетесь мной как оружием против Касси, даже если ослабите меня на весь свет, рассказав о моем позоре.

— Как дурно вы обо мне думаете, милая мисс Смит! Выходит, по-вашему, я отъявленный интриган?

— Да, — со вздохом признала Антония.

В ответ Рейнло легонько куснул ее за шею. Антония сжала бедра, пытаясь унять жар, охвативший ее плоть, но желание разгорелось еще сильнее. Она едва владела собой. Ей не терпелось договориться об условиях, она боялась лишиться чувств.

— Мудрая женщина. — Рейнло поцеловал местечко, которое только что куснул. — И все же ты еще здесь.

Его пальцы пробежали по ребрам Антонии и остановились у самой груди. Даже сквозь одежду его прикосновения обжигали.

— Мудрой меня не назовешь.

Антония пыталась стряхнуть наваждение, привести в порядок разбегающиеся мысли, но тело ее горело огнем, ей мучительно хотелось ощутить, как ладони Рейнло сжимают ее грудь.

— Даю тебе слово: мой интерес к тебе никак не связан с Касси.

— Спасибо, — прошептала Антония.

Однако Рейнло продолжал говорить:

— Но это не помешает мне добиваться мисс Демарест.

Антония оцепенела. Где же ее гордость? Ей следовало броситься прочь, как только Рейнло признался, что собирается увиваться за другой женщиной. Но, к несчастью, Антония зашла слишком далеко, чтобы отступить. Она была не в силах побороть желание.

— Я не позволю тебе причинить ей боль.

— Не сомневаюсь, ты сделаешь все, что в твоей власти. — Суровый тон Рейнло составлял резкий контраст с легкими прикосновениями его рук к налившейся тяжестью груди Антонии. — Это все?

Все ли это? Пробираясь сквозь туман наплывающего блаженства, Антония пыталась ухватить мысль, которая все ускользала.

— Тебе придется позаботиться о том, чтобы я не осталась с ребенком.

Ласковые пальцы Рейнло, дразнившие и мучившие Антонию, замерли. Несколько долгих мгновений он смотрел на нее сквозь темноту.

— Разумеется.

— И только? — изумленно отозвалась Антония. — Просто «разумеется»?

— Ну, я сделаю все возможное. Совершенной защиты быть не может.

Воздух между ними был пронизан предвкушением. Рейнло обхватил Антонию за талию.

— Еще условия? Может, хочешь получить письменные заверения?

— Для тебя это просто игра, — с горечью проговорила Антония, впившись пальцами в его плечи.

Она не обольщалась мыслью, что этот мужчина станет обременять себя соблюдением правил, но сейчас ей было все равно.

Шагнув вперед и разом преодолев разделявшее их расстояние, Рейнло произнес глухим, срывающимся голосом:

— Это давно перестало быть игрой.

Глава 12

Рейнло одним резким движением притянул Антонию к себе. У него кружилась голова от дразнящего запаха ее тела, он сдавил ее в объятиях, заставляя ощутить всю силу его желания. Теперь эта женщина была в его власти, и он не собирался отпустить ее.

Антония сдавленно вскрикнула, когда губы Рейнло жадно завладели ее губами, а язык, дразня и жаля, властно скользнул теплую глубину рта. Этот поцелуй был полон исступленной страсти — так целуют не робких девственниц, а многоопытных куртизанок.

Голос рассудка приказывал Рейнло остановиться: Антония невинна, ей незнакомо безумие страсти, ее следует медленно завоевывать, терпеливо соблазнять, — но распаленный долгим ожиданием Николас, всегда считавший самообладание главным своим достоинством, не мог справиться с собой. Слишком силен был терзавший его голод.

Антония замерла, трепещущая, неподвижная. Признавшись Рейнло, что желает его, она будто разом лишилась сил. Николас крепче сжал ее в объятиях. Антония по собственной воле шагнула в логово льва, и если хищник сожрет ее, винить ей некого, кроме себя.

Даже оцепеневшая, она была восхитительна. Самая очаровательная женщина из всех. Голос здравомыслия убеждал Рейнло, что Антония — нетронутая девственница — требует бережного обращения, грубый натиск испугает ее. Но, к своему стыду, он не находил в себе сил остановиться.

Впервые в жизни он не мог совладать с собой. Желание клочотало в нем. Он с силой прижал к

себе Антонию. Теперь их разделяла лишь одежда, но это препятствие казалось невыносимым.

«Довольно. Ты должен остановиться».

Внезапно Антония обвила руками его шею и, глухо застонав, с неожиданной страстью ответила на поцелуй. Из груди Николаса вырвалось рычание. Сдавив Антонию в объятиях, он с силой прижался бедрами к ее бедрам. Даже сквозь юбки ощущение близости ее тела отозвалось в нем вспышкой палящего пламени.

Прежде их ошеломляющие, головокружительные поцелуи были полны страсти, но этот... Казалось, земля разверзлась у ног Рейнло, его поглотил бурлящий поток. Огненный вихрь вознес его к небесам. Николас всегда знал, что Антония — необыкновенная женщина, однако могучий ураган забросил его, завязатого распутника, в неведомую, незнакомую вселенную.

Рейнло неохотно оторвался от губ Антонии. Должно быть, ему все же удалось сохранить крупницы рассудка. Даже в порыве безумия он не мог овладеть ею здесь, на земле. Только не в этот раз, ведь это ее первая близость с мужчиной.

Подхватив Антонию на руки, Николас стремительно взбежал по ступенькам.

В летнем домике царил темнота. На мгновение Рейнло испытал разочарование: ему не хватало света. Он хотел бы заглянуть Антонии в глаза, убедиться, что она сгорает от страсти. Как и он сам.

В следующий раз...

Прижимая к себе Антонию, он вновь поцеловал ее. Его сердце так бешено колотилось, что, казалось, он не доживет до утра. Дурманящий запах Антонии кружил ему голову. Именно такой Рейнло всегда представлял себе эту женщину: прекрасной богиней, ненасытной любовницей, готовой утолить его страсть.

Скорее благодаря везению, нежели расчету — в эту минуту Рейнло не способен был рассуждать, — он наткнулся на покрытую подушками скамью, тянущуюся вдоль стены. Резким нетерпеливым движением опустив Антонию, он рванул вверх ее юбки, а в следующее мгновение накрыл ее своим телом.

Голос рассудка возмущенно кричал, что следует быть нежнее, но Рейнло был глух к его увещаниям. Следуя властному зову желания, он отбросил осторожность и рассудительность. Даже слабые укоры совести, о которой он давно успел забыть, больше не задевали его. Он слишком долго добивался Антонии. Целую вечность. Но теперь эта женщина будет принадлежать ему, и на этот раз ничто его не удержит.

Дрожащая ладонь Николаса скользнула вверх по гладкому бедру Антонии и на мгновение замерла, коснувшись обнаженной плоти. У него перехватило дыхание. Безрассудная мисс Смит не надела панталоны. Слава Всевышнему. Должно быть, она знала заранее, какая участь ожидает ее.

Боже, какое безумие! Задыхаясь от страсти, Антония обвила ногами бедра Рейнло. Жаркая волна ее мускусного аромата коснулась его ноздрей, пробуждая звериный голод. Антонию захлестывало желание, об этом кричало ее тело. Николас шумно вдохнул, наполняя легкие божественным запахом женской плоти.

— Подожди... — хрипло прошептал он, пытаясь стянуть рубашку через голову.

— Нет, — простонала Антония, выгибая спину. — Довольно ждать.

Вцепившись в ворот его рубашки, она разорвала тонкий батист, прижала ладони к тяжело вздымавшейся груди и приникла губами к его пылающей коже. Зубы сдавили сосок, и у Рейнло вырвался глухой стон.

Черт побери, эта женщина его убьет. Ее жалащие поцелуи распяляли его, сводили с ума.

Ласки Рейнло стали смелее. Его палец скользнул в жаркую глубину ее лона. Тесную, тугую, бесконечно желанную. Его пронзила дрожь предвкушения. Бедрa Антонии качнулись навстречу его руке, требуя, умоляя. Дрожащие пальцы Рейнло ощутили горячую влагу, сок ее желания.

Николасу потребовалась вся его воля, чтобы сдержаться. Мысли его путались, перед глазами расплывался туман. Рейнло знал, что должен медленно подвести Антонию к вершине наслаждения, прежде чем овладеет ею, но он утратил власть над собой, его обуяло яростное нетерпение. Дразнящий аромат Антонии опьянял его. Ее пылающее тело, бессвязный лепет и жаркие поцелуи выдавали безудержную страсть.

— Останови меня, — прорычал Николас, едва осознавая, что говорит. — Останови меня, прежде чем я причиню тебе боль.

— Нет, — выдохнула Антония, теснее прильнув к нему. — Никогда.

Тело ее выгнулось навстречу ласкающим пальцам Рейнло.

Она притянула его к себе и жадно прижалась губами к его губам. Рейнло никогда не встречал в женщине подобной страсти. Хриплые вздохи, рвавшиеся из груди Антонии, походили на рыдания. Ее жажда распяляла пламя, бушующее в его груди.

Рейнло одним мощным движением раздвинул стройные бедра Антонии и пронзил ее плоть.

Она снова хрипло застонала и выгнула спину. Николас закрыл глаза, захваченный ощущением небывалого восторга. Наконец-то. Казалось, он погружается в тягучий теплый мед.

Антония была самым совершенством. В ней было все, о чем он мечтал. Она принадлежала ему. Наконец-то.

Рейнло неохотно открыл глаза. В темноте он не мог разглядеть выражение ее лица, но ее хмельной аромат кружил ему голову. Антония теснее приникла к нему, обхватив руками его спину. Ее бедра выгнулись, заставляя Рейнло глубже погрузиться в ее плоть, открывая для него двери рая.

Подняв колени, Антония качнулась навстречу Рейнло. Он замер, пытаясь справиться с собой. Неподвижность грозила свести его с ума.

Николас прерывисто вздохнул и медленно отстранился, наслаждаясь скольжением в шелковистой влажной глубине. Затем, выждав одно сладостное мгновение, сделал выпад.

У Антонии вырвался вздох блаженства. Одним движением бедер, от которого сердце Рейнло глухо заколотилось о ребра, она скользнула ему навстречу.

Мир взорвался светом. Предметы вновь обрели очертания. Рейнло обдало огненной волной. Его

тело задвигалось в исступленном ритме любви. Хриплые стоны Антонии воспламеняли его страсть. Сейчас ее наслаждение было для него важнее спасения души.

Она приблизилась к вершине блаженства. Рейнло сказало об этом ее тело.

Их тела сплетались и расплетались. Николас не в силах был остановиться. Кровь его кипела, жгла его огнем.

Наслаждение уже накрывало его колеблющейся волной, когда Антония затрепетала в его руках, издав пронзительный крик. Балансируя на краю блаженства, Рейнло вспомнил о данном обещании. Ему не хотелось выпускать ее из объятий, его одолевало искушение пометить эту женщину древнейшим способом, заявив свои права на нее. Но она доверилась ему.

Скрипнув зубами, Рейнло подавил желание открыть все шлюзы и, когда трепещущая Антония затихла в его руках, резко высвободился и излил семя на ее смятые юбки.

Рейнло рухнул на скамью рядом с Антонией. Грудь его тяжело вздымалась. По телу разливалась блаженная истома. Острый аромат телесных соков в воздухе мешался с запахом озерного ила и пыли, покрывавшей заброшенный летний домик.

Николас ощутил приятную легкость в голове. Ни мыслей, ни желаний, одни лишь животные чувства. Пережитое блаженство ошеломило его, погрузив в океан забвения. Но Рейнло нисколько не возражал. Забвение было для него великим даром. Как и недавнее наслаждение.

Казалось, он медленно выбирается на берег после упоительного плавания. В голове его вновь зашевелились мысли. Антония прерывисто вздохнула, словно тоже только что вернулась из иного мира. Рейнло ждал, что она заговорит, но в душе надеялся, что молчание продлится. Их близость была такой полной, что слова лишь разрушили бы хрупкое волшебство. Ему ли не знать: слова неизбежно означают спор.

Рейнло не хотелось спорить. Он мечтал сохранить в памяти те мгновения, когда держал Антонию в объятиях, зная, что она принадлежит ему безраздельно. Он стремился запомнить ее искренность. Никогда прежде он не встречал женщины, которая искала бы наслаждения с такой открытостью.

Но больше всего он хотел бы испытать эту близость снова. Антония слегка пошевелилась, послышался тихий вздох. Рейнло кольнуло чувство вины. Должно быть, ей больно. Он набросился на нее словно варвар, крушащий тараном ворота крепости. Ему следовало бы стыдиться. Однако он чувствовал себя властителем мира.

Рейнло поднял руку, тяжелую, как каменная глыба, и положил на обнаженный живот Антонии. Ее юбки сбились в складки под грудью. Он даже не потрудился ее раздеть. Он вел себя как настоящий дикарь.

Счастливый дикарь. Антония осушила его до дна. Ни одной женщине еще этого не удавалось.

Закрыв глаза, он уткнулся подбородком в плечо Антонии и глубоко вдохнул. Ему хотелось вобрать в себя ее запах, ставший его наваждением. Этот восхитительный, божественный аромат мешался с легким мускусным ароматом их недавней близости.

«Если бы жизнь всегда была такой».

Бесконечно долго они лежали неподвижно. Рейнло почувствовал, как замирают беспокойные

мысли, скованные сладкой дремотой. Антония обхватила ладонью затылок Николаса, словно в неловкой попытке его защитить. Никто никогда не стремился его защитить. Одна лишь Элоиза.

Рейнло испытал удивительное умиротворение. В его беспутной жизни покой был редким гостем, и теперь Николас не спешил его прервать. Как странно, что из всех чудесных даров Антонии самым драгоценным было не ошеломляющее наслаждение, а эта безмятежность.

Рейнло замер, наслаждаясь их тихой близостью, внезапно понимая то, что прежде мешала осознать страсть: дерзкая, непокорная старая дева Антония Смит вовсе не была девственницей.

Открытие потрясло его. Это казалось невыносимым, невероятным.

Ею обладал другой мужчина. Рейнло и раньше догадывался об этом. Но за страстностью мисс Смит скрывалась неопытность, она не привыкла лежать в объятиях любовника.

«Не девственница...»

Не произнеся ни слова, Антония отняла руку от его лица, затем одернула юбки и села. Рейнло невольно почувствовал себя покинутым.

Ни он, ни Антония не были созданы для тихой, безмятежной жизни. Невозможно вечно лежать, вспоминая счастливые мгновения пережитого блаженства. И все же Рейнло стоило немалого труда подняться и сесть, привалившись спиной к стене.

Темный силуэт Антонии четко выделялся на фоне звездного неба, видневшегося в квадрате окна. Она сидела, подтянув колени к подбородку. Ее светлые волосы, рассыпавшиеся по плечам, слабо мерцали в сиянии звезд.

Рейнло не помнил, как вынимал из них шпильки. Он был так одержим желанием, что в его памяти сохранился лишь пьянящий восторг обладания. Он и впрямь вел себя как дикарь.

Антония посмотрела на него сквозь темноту.

— Меня хватятся, если я задержусь, — прошептала она.

Что? Рейнло растерялся. Эта ошеломляющая близость не повторится?

Подавшись вперед, он схватил Антонию за плечо.

— Мы еще не закончили.

— Закончили.

В ее словах звучала непреклонность. Стряхнув руку Рейнло, Антония подвинулась в угол скамьи.

— Опасности нет. Никто не заметит твоего отсутствия. Остайся.

Казалось, его настойчивый хриплый шепот повис в воздухе. Слово Рейнло просил Антонию остаться не на какой-то час, а навсегда.

Навсегда... Черт возьми, он привык жить одним днем, не думая о вечности. И теперь впервые пожалел об этом.

— Останься, — повторил он вкрадчиво.

Однако старания его не увенчались успехом.

— Я не могу.

— Я был груб с тобой?

В хриплом голосе Рейнло слышалось искреннее смущение. Пусть он пытался обольстить Антонию, но это не означало, что каждое его слово — ложь.

— Я вел себя непростительно. Меня ослепила страсть, это мое единственное оправдание. В следующий раз я буду нежнее.

Он думал, что труднее всего умолять. Но теперь он готов был оправдываться и извиняться. Маркиз Рейнло никогда не просил прощения.

Антония издала сухой смешок.

— Не глупи, Николас. Ты не сделал ничего, что не отвечало бы моим желаниям.

Рейнло, сгорая от стыда, облегченно перевел дыхание. Уверенный в себе, он обычно довольствовался лишь собственными суждениями, не ища подтверждения у других. Но Антония Смит была необычной женщиной. С ней все было иначе.

Немного помолчав, она добавила с горечью:

— По крайней мере, мы не лгали друг другу. В нежности чувствовалась бы фальшь.

Рейнло подавил безумный порыв возразить ей. За необузданным желанием скрывалось уважение, симпатия и... нежность. В то мгновение, когда Антония мягко коснулась его волос, его каменное сердце дрогнуло — столько неизъяснимой нежности таилось в ее жесте. Пусть над ними властвовала страсть, это не означало, что они не испытывали ничего, кроме страсти.

— Не убегай. Еще рано.

Придвинувшись к Антонии, Рейнло ласково взял ее за подбородок. Она вздрогнула, взволнованная больше, чем ей хотелось показать.

Он прижался губами к ее губам. Легкое касание губ напоминало тот волнующий поцелуй у ручья, который привел Николаса в смятение. Незнакомое чувство захлестнуло его, вытеснив минутное желание быть грубым и властным. Еще недавно, сжимая Антонию в объятиях на пыльной скамье, он не испытывал этой щемящей нежности, этой уязвимости.

Он был обуян страстью, жадной обладания. Антония призналась, что желала того же. Но даже тогда какая-то часть его существа стремилась окутать ее нежностью. Их первая близость напоминала прыжок вниз головой в ревущее пламя. Теперь же Рейнло не хотелось торопиться.

Губы Антонии дрогнули и раскрылись, словно лепестки цветка навстречу лучам солнца. Язык Николаса медленно скользнул в глубину ее рта. У Антонии вырвался тихий, едва различимый вздох.

Рука ее задержалась на его плече.

— Мне нужно идти, Николас.

Охваченный смятением, Рейнло не сразу осознал смысл ее слов. Он потянулся, чтобы схватить ее за руку, но Антония уже поднялась и направилась к середине комнаты.

— Антония...

— Пожалуйста, не нужно все усложнять.

Рейнло показалось, что в голосе ее звучат слезы. Грудь его пронзило болью.

— Мы встретимся здесь завтра, — с горячностью выпалил он. — Я буду ждать.

— Я не приду.

Антония попятилась к двери. У Рейнло возникло ужасное зловещее предчувствие, что, позволив ей уйти, он навсегда потеряет ее.

— Не проси меня.

— Нет, я буду просить.

Он с трудом сглотнул подступивший к горлу ком. Почему он не может похитить ее и увезти туда, где их никто не потревожит? Но такие места бывают лишь в волшебных сказках.

— Я буду ждать тебя.

Антония медленно покачала головой.

— Нет. Пожалуйста, не нужно.

Голос ее надломился.

Рейнло не ошибся — в глазах ее стояли слезы.

— Доброй ночи, Николас, — прошептала Антония и выскользнула за дверь.

Рейнло мог бы догнать ее, схватить в объятия. Она не стала бы сопротивляться. И все же он отпустил ее...

Глава 13

Антонии удалось проскользнуть незамеченной в свою темную каморку.

Не в силах сдержать дрожь, она в изнеможении привалилась спиной к двери. Слабость наплывала волнами, оживляя в памяти пережитое блаженство. Muskusный запах Рейнло окутывал ее жарким облаком. Саднящая боль напоминала, что этой ночью Антония впервые за долгие годы совершила нечто запретное.

«Господь милосердный, о чем я только думала?»

Беда в том, что она не думала вовсе, а поддалась неудержимому порыву. Недавнее наслаждение напоминало о себе сладкой дрожью. Кожа пылала от прикосновений Рейнло, распалая желание, вызывая ощущение пустоты, которую мог заполнить лишь он один. В те

незабываемые безумные мгновения страсти Антония стала другой женщиной.

«Да, — ехидно заметил голос рассудка. — Одной из тех бесчисленных женщин, кого соблазнил маркиз Рейнло».

Задыхаясь от смущения, желания и стыда, Антония закрыла глаза и, закусив губу, приказала себе не плакать. Слезы не помогли ей десять лет назад, когда жизнь ее оказалась разрушена. Не помогут они и сейчас.

Одна горячая слеза повисла у нее на ресницах и скатилась по щеке, все еще пылавшей от поцелуев Рейнло.

Лживых нежных поцелуев.

Маркиз был крупным мужчиной. Намного крупнее Джонни. Она всегда будет помнить волнующие мгновения их близости. Рейнло пронзил ее плоть и замер, словно наслаждаясь правом обладателя. Слившись воедино, они будто стали одним существом. Казалось, ничто на свете не сможет их разделить.

Странное ощущение единства осталось, усиливая наслаждение, придавая ему особую остроту. Антония испытывала его и в упоительные минуты молчания после близости.

Этой ночью в голосе Рейнло слышалась искренность, почти проникновенность. Конечно, это была лишь уловка. Кто для него она, Антония? Всего лишь еще одна жертва, возложенная на алтарь его вожделения. И все же в тот миг, когда их тела сплелись, Антонии показалось, что Рейнло — часть ее самой, мужчина, которого она искала всю свою жизнь.

Глупая сентиментальная чушь.

Опасная чушь.

Обнимая Рейнло в пылу страсти, Антония желала, чтобы он излил в нее свое семя. В это безумное мгновение она мечтала принадлежать ему всецело и с готовностью приняла бы знак его владычества. Но Рейнло сдержал слово.

Едва ли так ведут себя самовлюбленные самцы.

Рейнло не удержал ее силой, хотя его переполняло желание. По каким-то необъяснимым причинам Антония всегда заранее знала, как он поступит. Так было и этой ночью.

Бормоча про себя проклятия, она выпрямилась и сделала несколько нетвердых шагов. Затем сорвала с себя измятое, покрытое пятнами платье и отбросила в сторону. Позднее она отнесет его вниз и сожжет.

Трясущимися руками Антония зажгла свечу и наполнила водой лохань. Пальцы ее так сильно дрожали, что вода пролилась на дощатый пол. Ей хотелось смыть с себя следы прикосновений Рейнло. Но ничто не могло смыть оставленный след в ее душе.

Рейнло твердо решил, что не станет преследовать Антонию, точно жалкий влюбленный болван. Но обладание этой женщиной лишь усилило его одержимость, и наутро после спокойной ночи, сгорая от неутоленного желания, он направился к летнему домику.

Освещенное яркими лучами солнца, это место уже не казалось загадочным храмом

чувственных наслаждений. Домик выглядел заброшенным. Ночная темнота скрывала следы запустения. Рейнло поднялся по ступенькам и вошел в комнату, вспоминая, как внес туда Антонию на руках. Сердце его забилося в предвкушении встречи, хотя час был слишком ранним, едва ли Антония здесь появится.

И все же Николасу чудилось ее незримое присутствие, легкий ветерок взъерошил его волосы, напомнив о прикосновении Антонии. Казалось, в воздухе разлился ее аромат. Или это лишь игра воображения? На пыльном мраморном полу виднелись следы. Рейнло рассеянно провел по ним носком сапога.

Он зажег сигару и направился к скамье. На одной из подушек белело маленькое пятно. Пламя, охватившее их с Антонией, должно было оставить здесь пепелище, но, обведя глазами комнату, Рейнло убедился, что в мире ничто не изменилось.

Изменился он сам. Провалился в преисподнюю, Антония Смит!

Рейнло с тяжелым вздохом опустился на скамью и, вытянув ноги, прислонился затылком к оконной раме. Стоял солнечный день, довольно теплый для мая. Возможно, позднее удастся уговорить Антонию искупаться в озере, подумал он.

Представив великолепное тело Антонии в блестящих капельках воды, Рейнло ощутил, как по телу прокатилась волна жара. А ведь ему так и не удалось увидеть ее роскошное тело без одежды. Минувшей ночью он слишком спешил. Да простит его Господь.

Антония сумела растопить лед в его сердце, растревожить его покой. Что случилось с его гордой независимостью? Рейнло знал, что сам накликал на себя беду. Но встреча с этой женщиной доставила ему такое ошеломляющее наслаждение, что даже теперь он не испытывал сожаления.

Он докурил сигару и зажег следующую. От солнечного тепла по телу разливалась слабость. Желание притупилось: яростное рычание сменилось тихим рокотом. Закрыв глаза, Рейнло погрузился в дремоту. Прошлой ночью он почти не спал, а пережитая страсть отняла у него немало сил.

Проснулся он уже вечером. Обернувшись к окну, Рейнло с изумлением увидел, что на смену сияющему утру пришел поздний вечер. Голодное урчание в желудке напомнило ему, что наскоро съеденный завтрак был его единственной трапезой. Утром Николас слишком спешил увидеть Антонию и не мог думать о еде.

Мисс Смит так и не пришла. Даже во сне он заметил бы ее появление. Все его чувства были так обострены, что он услышал бы легчайший ее вздох, тишайший шелест платья.

Должно быть, ее задержали дела.

Придет ли она нынче ночью?

Ожидание пугало его.

Не лучше ли отправиться в дом, перекусить и, возможно, добыть какие-нибудь лакомства, чтобы позднее отведать их вместе с Антонией? Если она придет, то не сбежит, а останется, пока он не насытится ею.

А для этого, похоже, потребуется не меньше полугода, если судить по его нынешней

одержимости.

Не обращая внимания на ноющую боль в усталых мышцах, Рейнло поднялся, потянулся и ленивой походкой направился к дому.

На кухне хлопотало больше слуг, чем обычно. Заболевшие выздоровели и вернулись к своим обязанностям. Самовлюбленный повеса, Рейнло не привык думать о других, однако он никому не желал смерти. И все же его охватила досада: закончилось время, когда Антония могла встречаться с ним, не опасаясь, что ее отсутствие заметят.

Прислуга успела привыкнуть к визитам маркиза в людскую. Поначалу горничные относились к нему настороженно, за их вежливым обращением проглядывала враждебность. Но маркиз никогда не распускал рук, хотя и отчаянно флиртовал с девицами. Как ни странно, он не поддавался искушению приволокнуться за одной или двумя. Среди служанок было немало хорошеньких, и несколько горничных недвусмысленно давали понять, что не прочь разделить постель с красавцем маркизом. Но Рейнло уже испытал на себе действие женских чар.

— А вот и вы, милорд. Остался холодный ростбиф и домашний чеддер. — Мэри, любимица Рейнло, поставила перед ним оловянное блюдо с хлебом и фруктами, мясо и сыр. — Запейте это элем.

— Спасибо, Мэри. Я умираю от голода.

Под одобрителем взглядом служанки Рейнло принялся за еду.

— Мне нравятся мужчины с большим аппетитом.

Прежде маркиз не преминул бы поддержать фривольный разговор, но не на этот раз. Теперь его мысли были заняты Антонией. Куда, черт возьми, она подевалась?

Из осторожности он не мог спросить прямо о строгой компаньонке мисс Демарест, пришлось начать издалека. Вначале он осведомился о здоровье всех заболевших членов семьи леди Хамфри, затем о гостях. И наконец, заговорил о Касси.

Все эти хождения вокруг да около заставили его с тоской вспомнить о славных честных публичных девках. И все же он старался оберегать доброе имя Антонии, ведь он и без того бросил на нее тень, подкупив конюхов. Как ни нелепо, с тех пор как он овладел мисс Смит, забота о ее репутации стала для него важнее, чем в те дни, когда он страстно желал ее издала.

Сделав щедрый глоток эля, Рейнло посмотрел на Мэри.

— А как там прелестная мисс Демарест? Ей сегодня лучше?

— Должно быть, лучше, милорд, — заговорила тонким голоском Джин, другая служанка, месившая тесто. — Поднялась чуть свет и уехала, не перехватив даже сухарика на завтрак. То-то было переполоху в людской. Ее компаньонка, эта милая мисс Смит, так торопилась, что не стала даже дожидаться, пока встанет леди Хамфри, чтобы попрощаться. Впрочем, миледи не стала бы удерживать гостей, коли они задумали уехать. Ох, и скверно же вышло с гостями, право слово. Приехали отдохнуть, а тут такое.

Повисла гнетущая тишина. Рейнло вдруг понял, что ошеломленно смотрит на Джин, скрежеща зубами от ярости. Он заставил себя сделать глоток, эля и не почувствовал вкуса. «Итак, птички упорхнули...»

Поставив на стол кружку, он постарался придать голосу беззаботность.

— Я думал, мисс Демарест на пороге смерти.

— Она поправляется, хотя, должна признаться, выглядела она неважно, когда ее усаживали в карету. Найджел снес ее вниз по лестнице на руках. Она не могла идти.

— Да, ох и сладкая же это была ноша. Прошу прощения, милорд, — отозвался Найджел из своего угла, где он начищал до блеска серебряную крышку для блюда.

— Она истинный бриллиант.

Рейнло поднял кружку в честь мисс Демарест. И сбежавшей от него мисс Смит. Черт бы ее побрал.

— Должно быть, они отправились в Лондон? — спросил он с нарочито скучающим видом.

Собственный голос показался ему фальшивым, в нем так и сквозил интерес. Но никто из слуг, казалось, этого не заметил.

— Не поручусь, милорд. — Найджел придирчиво разглядывал свое отражение на серебре. — Наверное, в Лондон. А может, они отвезут леди домой, в загородное имение.

Проклятие!

Если Антония и Касси спрячутся в Баском-Хейли, его планы в отношении обеих женщин придется отложить. Возможно, на год.

Ему бы следовало прийти в ярость оттого, что Касси ускользнула, но сквозь пелену гнева он видел лишь одно: таинственные сияющие глаза Антонии, лежащей в его объятиях.

Как она посмела сбежать? Она знала, что игра не окончена. Лживая...

«Но Антония не согласилась на новое свидание», — угрюмо напомнил себе Рейнло.

Он был так уверен в ней. И снова его подвело излишнее самодовольство.

— Пожалуй, мне тоже пора покинуть этот дом, — сказал он.

Давно пора. Моркомб еще не вполне оправился от болезни, но накануне уже приступил к своим обязанностям. Камердинер мог бы сопровождать багаж, тогда как он сам отправится верхом, чтобы быстрее добраться до Лондона. Вначале, конечно, он попытается настигнуть беглянок в столице, а уж потом подумает, как захватить их в Сомерсете.

Желая как можно скорее заполучить добычу, Рейнло бросился вон из кухни и, захваченный азартом погони, направился в свою спальню. Сердце его бешено колотилось.

Если Антония думала, что ее поспешное бегство обескуражит его, ее ожидал неприятный сюрприз.

Глава 14

Бормоча проклятия, Рейнло спешил к богатому постоялому двору. Теплый солнечный день сменился холодной грозой ночью. Казалось, стоит февраль, а не май. Николас с горечью

вспомнил о своей несбывшейся мечте искупаться в озере вместе с Антонией.

Он хмуро передал поводья дрожащему от холода лакею и вошел в трактир, зябко потирая руки. Рейнло пустился в путь из чистого упрямства. Здравый смысл подсказывал, что следует отдохнуть, укрыться от грозы. Вдобавок затеянная им охота за призраками была сущим сумасбродством. Он понятия не имел, отправилась ли Антония в Лондон. Но, даже настигнув беглянку, он не смог бы объясниться с ней среди ночи, Рейнло знал: мисс Смит позаботилась бы о том, чтобы ему не удалось снова проникнуть в ее спальню.

Как ни прискорбно, Рейнло не прислушивался к доводам рассудка.

Он мчался, не зная отдыха, не останавливаясь даже на миг, пока наконец холод, голод и сострадание к загнанной лошади привели его на постоялый двор.

Трактир оказался полупустым. Час был поздний, и ненастная ночь заставила жителей ближайшей деревни разбрестись по домам. Лишь отчаянные безумцы вроде Рейнло путешествовали в такую погоду.

Опустившись на скамью возле очага, маркиз заказал говядину с картофелем и кружку эля. По счастью, остальные посетители не обратили на него внимания. Впрочем, пышнотелая трактирная служанка бросала на него зазывные взгляды, но Рейнло сделал вид, что не замечает ее заигрываний. Он был сыт женщинами по горло.

Эль принесли почти сразу. Сделав щедрый глоток, Рейнло привалился спиной к темной, обшитой деревом стене. Мысли его тотчас вернулись к Антонии, хотя он дорого дал бы, чтобы забыть о ней.

Как она могла сбежать после минувшей ночи? Ведь она так же, как и он сам, сгорала от желаний, ее тянуло к нему. Вот только для Николаса их близость стала началом, а для нее завершением.

Ну что ж, теперь ее ожидал сюрприз.

Рейнло так долго выжидал, предоставляя Антонии свободу выбора, не желая принуждать ее. Но правила игры изменились. Виной тому ее бегство. И непередаваемое наслаждение, которое она доставила искушенному любовнику.

Скоро он овладеет ею снова.

Открыв глаза, маркиз заметил мужчину, сидевшего за столиком в другом конце зала. Хорошо одетый путешественник, как и Рейнло, пил в одиночестве.

Его лицо и черные кудри показались Николасу знакомыми. Маркиз нахмурился: меньше всего ему хотелось слушать болтовню какого-нибудь случайного приятеля. Он поспешил отвернуться, но опоздал: мужчина повернул голову и встретил его взгляд.

Джонни Бентон...

Боже милостивый, чудеса да и только! Рейнло не мог припомнить, когда в последний раз слышал об этом вертопрахе.

Когда-то они вместе учились в Итоне, причем, Бентон был классом младше. В год, когда Рейнло окончил Оксфорд, Джонни прослыл кумиром лондонского света, его имя было у всех на

устах. Он воображал себя поэтом. Превосходя лорда Байрона красотой, но, к несчастью, не талантом, он разбил немало сердец в столице и за ее пределами. Бентон считался самым красивым мужчиной во всей Англии. Его профиль изображали на медальонах, а его портрет, выставленный в Королевской академии искусств, произвел невиданный фурор. Рейнло смутно припомнил, что Джонни уехал в Европу, последовав примеру Байрона и Шелли.

Притворившись, что не узнал этого жалкого хлыща, Рейнло поднес к губам кружку с элем. Однако, к сожалению, яркая внешность не оставляла ему надежды остаться неузнанным.

— Грешем? Это вы, старина, верно? Черт побери, не могу поверить!

Рейнло поднял голову с тяжелым чувством. Бентон склонился над ним с бокалом бренди в руке, радостный, словно охотничий пес, который приветствует хозяина, вернувшегося домой.

— Я теперь Рейнло, — холодно бросил маркиз.

Титул графа Грешема он носил в школе. Бентон безнадежно оторвался от лондонской жизни, если назвал его этим именем.

Бентон нахмурил брови.

— Выходит, ваш отец скончался. Примите мои соболезнования.

— Восемь лет назад, — бесстрастно произнес Рейнло, не желая изображать скорбь, которой не испытывал.

— Я был в Италии. — Не дожидаясь приглашения, Бентон уселся напротив Рейнло. — Вернулся всего неделю назад.

Должно быть, разгуливая по Тоскане или черт его знает где еще, Бентон забыл хорошие манеры. Глотнув эля, Рейнло хмурым взглядом окинул давнего знакомого.

Бентон выглядел... поистрепавшимся.

Он был все еще красив, с черными кудрями и римским профилем. И все же внешность его поблекла, словно излишества в еде, вино, льющееся рекой, и бурная итальянская жизнь оставили свой след на его лице. Сверкающие темные глаза, воспетые репортерами светской хроники и не одной поэтессой, казались тусклыми, погасшими.

Уж не пристрастился ли Бентон к опиуму или к выпивке? Рейнло не видел этого хлюста добрых десять лет, но сказал бы, что Бентон состарился лет на двадцать, не меньше.

— Возвращаетесь домой? Ваша семья вроде бы живет в Девоне, верно?

— Да. Я теперь направляюсь на юг. У меня... были дела в Нортумберленде.

Помрачнев, Бентон уткнулся в свой бокал.

На мгновение Рейнло узнал в нем того поэтичного юношу, который десять лет назад покорила весь Лондон.

Повисло угрюмое молчание. «Да что, черт возьми, случилось с этим болваном?» — проворчал про себя маркиз. Джонни держался так, словно у него только что околела любимая собака.

— Хотите еще выпить? — неохотно спросил Рейнло, когда служанка поставила перед ним блюдо, полное еды.

Бентон продолжал разглядывать пустой бокал.

— Принесите бутылку.

Девушка послала Бентону кокетливый взгляд, которым чуть раньше пыталась сразить Рейнло, но Джонни даже не поднял на нее глаз. Служанка метнулась к стойке и, вернувшись, с грохотом поставила на стол полную бутылку бренди. Жадно схватив ее, Бентон дрожащей рукой наполнил свой бокал. Он так спешил, что пролил немного на скатерть.

Чувствуя себя довольно неловко, Рейнло приступил к еде. Чем скорее он выберется отсюда, тем лучше. Бентон, похоже, не собирался двигаться с места, а его общество оказалось еще неприятнее, чем подозревал Николас.

Молодчик осушил свой бокал и наполнил его снова, действуя так же неуклюже.

— Вы уже пьяны, старина, — мягко произнес Рейнло.

Бентон покачал головой, и, к ужасу маркиза, по щеке его скатилась слеза.

— Еще нет, но скоро буду. — Прежде чем Рейнло нашелся с ответом, Джонни устремил на него затуманенный взгляд. — Вы верите в чувство, дарованное свыше?

Рейнло допил эль, хмуро раздумывая, как избавиться от болвана Бентона.

— В чувство? К кому? К Богу? К королю? К папе римскому? К чертову архиепископу Кентерберийскому?

Бентон оставил без внимания его ядовитый сарказм.

— К единственной женщине. К девушке, которой вы отдали свое сердце навсегда. Я говорю об истинной любви. О родстве душ. Вы понимаете, о единственной возлюбленной.

— Нет, — коротко ответил Рейнло.

«Проклятие, я попал в ловушку. Даже утоляя волчий голод, не станешь выслушивать подобный бред».

— А я верю, провались все к дьяволу.

Осушив бокал одним глотком, Бентон вновь наполнил его, на сей раз с большей ловкостью.

— Полагаю, я должен вас поздравить.

Хотя, если этот недоумок собрался жениться, похоже, виды на будущее не слишком его радовали.

— Черт побери.

Бентон с силой стиснул бокал, а после яростно швырнул его в камин.

К досаде Рейнло, звон разбитого стекла привлек любопытство посетителей трактира.

Несколько голов обернулось в сторону приятелей.

Маркиз гневно скрипнул зубами. Еще немного, и он скажет этому тупице, чтобы тот проваливал на все четыре стороны. В юности Рейнло презирал Джонни Бентона за подобные дешевые выходки. И все же за его вульгарным наигранным жестом скрывалось подлинное страдание.

— Так она не отвечает вам взаимностью?

Глухое отчаяние Бентона требовало отклика. Это понимал даже такой бессердечный негодяй, как Рейнло.

Бентон устремил горящий взгляд на маркиза.

— Она мертва.

Боже праведный.

Рейнло не находил слов. Он никогда не считал Бентона близким другом, но и не хотел бросить беднягу наедине с его горем.

— Мне очень жаль, — произнес он, наконец, понимая, что слова его звучат фальшиво.

Глаза Бентона наполнились слезами, что окончательно смутило Рейнло, тогда как сам Джонни отнюдь не испытывал неловкости.

— Эту женщину я никогда не забуду. Ее имя навеки запечатлено в моем сердце. С вами когда-нибудь такое случалось?

— Нет, черт возьми, — с неподдельным ужасом отозвался Рейнло, хотя вкрадчивый голос нашептывал ему, что Антония оставила глубокий след в его душе.

Усилием воли маркиз заставил назойливый голос умолкнуть.

— Тогда мне вас жаль.

Бентон вновь наполнил бокал, но не поднял его.

Николас сдержал резкий ответ, готовый сорваться у него с языка. Как посмел потасканный фат вроде Бентона выражать сочувствие великолепному маркизу?

Отправив в рот кусок мяса, Рейнло в который раз пожалел, что не пустился в путь до того, как встретил этого болвана.

Бентон заговорил, обращаясь к своему бокалу.

— После десяти лет жизни на чужбине я так и не смог забыть ее. Я дурно обошелся с ней и теперь вернулся, чтобы загладить свою вину. Я молил Бога, чтобы моя возлюбленная оказалась свободна и вышла за меня замуж, несмотря на все совершенное мной.

Рейнло предпочел не спрашивать, что совершил Бентон. Сказать по правде, это его не особенно интересовало. История представлялась ему до крайности скучной и пошлой. Слезливая драма Бентона испортила ему ужин. Возмущенно фыркнув, Рейнло оттолкнул наполовину полную тарелку.

Жалкий хлюст все бормотал себе под нос:

— Я приехал в тот угрюмый дом в Нортумберленде и спросил о ней. Меня принял ее брат, хотя я этого не заслуживал. Ее отец погнался бы за мной с ружьем. Когда я заговорил о женитьбе, брат ответил, что моя любимая умерла вскоре после нашей последней встречи.

Бентон вскинул голову. В глазах его читалась такая тоска, что вконец потерявший терпение Рейнло не смог заставить себя подняться и уйти, хотя ему страстно этого хотелось. Он силился придумать, как прервать нескончаемый поток откровений Бентона, но усталость и неразбериха в собственной бурной жизни заставили его промолчать.

Бентон продолжил срывающимся голосом, полным страдания:

— Как могло случиться, что моя дорогая возлюбленная вот уже десять лет как мертва, а я даже не знал об этом? Как я мог наслаждаться мирной жизнью вдали от нее, после того как совершил такую вопиющую подлость?

Рейнло невольно содрогнулся, когда захмелевший от бренди Бентон упомянул о «вопиющей подлости». Неужели этот фигляр не способен говорить как обычный человек, без нелепой театральности?

— Приободритесь, старина, — проворчал Николас.

Рот Бентона скривился, голова поникла. Похоже, Джонни боролся со слезами.

— Вы не понимаете. Только тот, кто сам когда-то любил, как я, способен меня понять.

— Это верно.

Бентон был слишком сокрушен, чтобы заметить у собеседника отсутствие интереса.

— Грешем, если бы вы только ее видели! Ей исполнилось семнадцать, когда мы встретились, и ни одна женщина не могла сравниться с ней. Высокая, с дивными светло-пепельными волосами; глаза голубые, словно небо на рассвете; нежная кожа, губы — как лепестки розы, а ее фигуре позавидовала бы сама Венера. Ее чудесный низкий голос напоминал пение виолончели. Она была умной и тонкой. Храброй и гордой. Держалась в седле как амазонка. Она подарила мне свою любовь, пожертвовала всем ради меня, а я предал ее, обманул.

«Не может быть...»

Рейнло потрясенно застыл. Тело его налилось свинцовой тяжестью, к горлу подступила тошнота. Описание казалось знакомым до дрожи.

Должно быть, он ошибся. Всему виной его одержимость Антонией Смит. Бентон никак не мог говорить о ней. Подобных совпадений не бывает.

Вдобавок девица, до которой лил слезы Джонни, вот уже десять лет как мертва.

«И все же...»

Пусть это казалось невозможным, но... Антония не была девственницей, когда Рейнло овладел ею. По крайней мере, один мужчина уже обладал ею. Недоверие боролось в душе Рейнло с подозрением, что таинственный любовник Антонии не кто иной, как этот опечаленный хлюст.

Много ли найдется женщин с глазами столь необычного цвета, которые так точно описал проклятый Бентон, будь он неладен? С удивительными голубыми глазами и волосами, подобными лунному сиянию? Бентон не мог бы описать Антонию точнее, даже если бы она стояла перед ним во всем блеске своей красоты.

Нет, это какая-то нелепость. Антония Смит завладела его мыслями и внушила ему безумные фантазии.

Но Рейнло по-прежнему одолевали сомнения. Погибшей возлюбленной Бентона было бы сейчас двадцать семь, как и Антонии. Возможно, страхом перед скандалом объяснялся нелепый маскарад мисс Смит: безобразные отрепья и уродливые очки, маска жалкой компаньонки, под которой всякий имеющий глаза узнал бы женщину, в чьих жилах течет голубая кровь.

Не в этом ли причина необычного отношения к ней в доме Демарестов? Такая роскошная спальня могла бы принадлежать знатной аристократке. Как бы ни была привязана Касси к своей компаньонке, подобная щедрость к женщине, чье положение чуть выше прислуги, выглядела весьма странно.

Антония — любовница Бентона? Рейнло не мог в это поверить. Он отказывался этому верить. Жалкий червь Бентон не стоил ее мизинца.

Джонни прерывисто перевел дыхание, а затем, к отвращению Рейнло, уронил голову на стол и разразился театральными рыданиями. Подбежавшая служанка попыталась его успокоить, но Бентон остался безутешен.

Рейнло бросил сердитый взгляд на вздрагивающие плечи недоумка, пытаясь осмыслить только что услышанное. Могла ли Антония быть потерянной возлюбленной Бентона?

Разумеется, нет. Ведь Бентон упомянул о брате, а у Антонии нет семьи. В конце концов, в Англии есть и другие женщины, способные оставить глубокую незаживающую рану в сердце мужчины. Другие высокие женщины с белокурыми волосами и небесно-голубыми глазами.

Сияясь усмирить разгулявшееся воображение, Рейнло перевел взгляд с рыдающего Бентона на блюдо с остывшими остатками еды. Спазм в желудке подсказывал маркизу, что Антония и есть таинственная возлюбленная Бентона. Но разум отказывался в это верить.

Антония, которую он знал, презрительно отвергла бы самонадеянного тщеславного фата Бентона. Она слишком проницательна и умна, слишком подозрительна. Вдобавок Антония не жаловала человеческую породу, во всяком случае, мужскую половину.

А что, если ее презрение к мужчинам — следствие любовной связи с Бентоном?

Рейнло без труда угадал, отчего Бентон терзался чувством вины. Десять лет назад Джонни был ошеломляюще красив. В семнадцать лет Антония знала о жизни куда меньше, чем ей велось узнать после. Она не первая женщина, потерявшая голову из-за смазливой негодяя, пустого фата.

«Неужели этот мерзавец обесчестил ее и погубил?» Рейнло вцепился обеими руками в край стола, чувствуя, как рот наполняется горечью. В нем закипала ярость. Ему ужасно хотелось сбить негодяя с ног и превратить в кровавое месиво. «Остынь, ты даже не знаешь наверняка, говорил ли он об Антонии. Ты выносишь скороспелые решения с остротой голодной форели, бросающейся за мухой».

И все же интуиция подсказывала Рейнло, что он прав. А интуиция его никогда не обманывала.

Ублюдка Бентона следовало поджарить на медленном огне. Как он посмел протянуть к Антонии свои мерзкие лапы?

Рейнло закрыл глаза. Гнев клокотал в нем словно огненная лава. Бентон знал Антонию. Бентон слышал ее хриплые стоны мгновения блаженства. Бентон чувствовал влажную упругость ее плоти.

Воображая Антонию в объятиях мерзавца, Рейнло не мог сдержать ярость. Невинная, незащищенная девушка стала жертвой этого самовлюбленного повесы, похотливого самца. Бентон заслуживал медленной мучительной смерти. И Рейнло жаждал убить грязного подонка, насладиться его жалобным визгом.

Но, смерив взглядом рыдающего труса, Николас не смог заставить себя бросить ему вызов. Рейнло чувствовал, что должен выяснить правду, однако произнести имя Антонии в придорожном трактире было выше его сил. И кто знает, как звали Антонию на самом деле? Николас давно подозревал, что Смит — имя вымышленное.

— О, любовь моя, дорогая, — завывал Бентон, закрыв лицо ладонями.

Рейнло заткнул уши, пытаясь унять мечущиеся мысли. В голове его теснились вопросы. Антония — возлюбленная Бентона? Должно быть, это лишь игра воображения.

— Милая, милая Антония...

«Антония? Что за чертовщина? Я наверняка ослышался».

Но даже если Рейнло не ослышался, в высших слоях общества имя Антония не редкость. Его могла носить и другая женщина. Совпадение имен нельзя было считать неопровержимым доказательством, хотя Рейнло нутром чувствовал: Бентон говорит о той самой Антонии. О его Антонии.

О его Антонии, которая, возможно, была когда-то Антонией Бентона, будь проклят этот мерзкий ублюдок.

Рейнло показалось, что его загнали в ловушку. Грудь словно сдавило обручем, стало трудно дышать. Николас стиснул зубы. Нужно выбраться отсюда прежде, чем он совершит какое-нибудь безрассудство. Прежде чем убьет подонка. Безумием было думать, что Антония — давно потерянная и, возможно, усопшая возлюбленная Бентона. Антония занимала все мысли Рейнло. Она довела его до помешательства. Возможно, свежий воздух освежит его голову.

Резко поднявшись, маркиз швырнул на стол пригоршню монет. Они громко зазвенели, но Бентон не поднял головы. Он упивался жалостью к себе.

Обуреваемый жаждой крови, терзаемый сомнениями и тысячью гневных вопросов, Рейнло вышел в ночь и приказал подать лошадь.

Глава 15

В первые две недели после возвращения в Лондон Антонии удавалось убедить Касси ограничиться тихими прогулками по парку и несколькими скромными зваными вечерами дома. Выздоровление шло медленно, но Кассандре так хотелось вновь влиться в бурный водоворот

светской жизни, что она не придавала этому значения. Антония уговаривала Касси уехать в Сомерсет, однако мысль о том, чтобы пропустить свой первый лондонский сезон приводила племянницу в отчаяние, и она скрепя сердце уступила. Отъезд принес бы Касси больше вреда, чем пребывание в столице.

В конце концов, Антония неохотно согласилась сопровождать Касси на бал к леди Мерриуэдер. Но прежде взяла с нее обещание, что они тотчас уедут, если Кассандре станет плохо.

Антония ясно сознавала, что отнюдь не забота о здоровье Касси гонит ее прочь из Лондона. Было бы сущим лицемерием уверять, что это не так.

Она надеялась, что одна ночь в объятиях Рейнло поможет погасить пламя в ее крови. Но та незабываемая ночь пробудила в Антонии демонов, побежденных, как ей казалось, десять лет назад. И теперь коварные бесы терзали ее, лишая сна, покоя и воли, заставляя терять терпение и впадать в гнев.

Она знала, что вечером увидит Рейнло. Маркиз наверняка подкупил кого-то из слуг. Ему доносят о каждом шаге мисс Демарест и ее компаньонки. Антония подумывала уволить всю прислугу, но это было бы несправедливо, пострадали бы невинные. И все же не следовало забывать: обаяние Рейнло и его щедрость открывали перед ним все двери. Подозревать можно было любого слугу, знакомого с распорядком дня молодой хозяйки.

Со времени возвращения из Суррея ни Антония, ни Касси не упоминали имени беспутного маркиза. Рейнло прислал цветы и записку с пожеланием Касси скорейшего выздоровления. Но племяннице присылали сотни букетов, и Антония промолчала об этом знаке внимания.

Прибыв в дом Мерриуэдеров, она тотчас принялась искать глазами в переполненном бальном зале высокого мужчину с золотистыми волосами. Она убеждала себя, что делает это ради Касси, хотя и знала, что это ложь.

Не найдя Рейнло в толпе, Антония облегченно перевела дыхание. Ей показалось, что тиски, сжимавшие ее грудь, вдруг разжались. Маркиз не пришел, она не могла ошибиться. Мужчину с такой яркой внешностью невозможно пропустить.

Быть может, судьба преподнесла ей подарок, удержав лорда Рейнло на расстоянии. Шальная, безрассудная Антония жаждала увидеть его, но ее разумная половина помнила об опасности — после страстного свидания в летнем домике у нее было достаточно времени на размышления.

Она повернулась к Касси, впервые за вечер искренне улыбаясь.

— Здесь настоящее столпотворение.

В белом шелковом платье Касси казалась хрупким прелестным ангелом, слетевшим на землю. Антония заметила, что многие мужчины провожают племянницу восхищенными взглядами. Если бы только удалось отвлечь ее от мыслей о лорде Рейнло, в этом зале нашлось бы немало достойных джентльменов, способных составить прекрасную партию мисс Демарест.

Касси радостно улынулась в ответ:

— Бал будет восхитительным.

Увидев восторг в ее глазах, Антония тотчас забыла обо всем. Как чудесно, когда вы полны надежд и радости жизни! Она взмолилась про себя, чтобы Касси удалось сохранить

восторженность и безмятежность, чтобы никто не разрушил ее девичьи мечты, как это случилось с самой Антонией.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Тони?

Мисс Смит вдруг поняла, что едва сдерживает слезы. Боже милостивый, нельзя давать волю чувствам, а не то она станет всеобщим посмешищем. Со дня отъезда из Суррея ее не отпускала тревога. Нервы вконец расшатались.

— Конечно.

Голос ее прозвучал предательски хрипло. Следовало помнить об осторожности: Касси могла заподозрить, что в Пелем-Плейс случилось что-то важное.

— Я просто подумала, как ты чудесно выглядишь.

Касси с нежностью поблагодарила Антонию, а в следующий миг ее окружило кольцо друзей. Большинство из них гостили в доме вот уже две недели, но, по счастью, лорд Рейнло не принадлежал к их числу, и это явно огорчило Касси.

Антония замешкалась, пока ее племянница грациозно скользила в толпе словно прекрасный белый лебедь. Самой Антонии так и не пришлось дебютировать в свете, она нарушила все общественные устои до того, как попала на ярмарку невест. Вполне естественно, что временами она завидовала им и сияющим, смеющимся молодым людям.

«Ты сама виновата во всех своих несчастьях, моя дорогая, и прими наказание».

Антония вздернула подбородок, приказав себе не глупить, медленно направилась к стульям в углу, предназначенным пожилых матрон и компаньенок. На волшебное краткое мгновение она превратилась в женщину, готовую добиваться желаемого. Но мгновение это осталось в прошлом, и Антония закрыла глаза, наслаждаясь веселой музыкой и представляя, как легко кружится по залу в объятиях мужчины, едва ли кто-то решился бы упрекнуть ее в том, что своего воображаемого кавалера она наделила внешностью лорда Рейнло.

Открыв глаза, Антония увидела маркиза. Он почтительно целовал руку хозяйке дома, а та покраснела и хихикала, словно юная дебютантка. У Антонии перехватило дыхание, сердце ее бешено заколотилось.

На один запретный миг она застыла, любясь красотой Рейнло. Его могучим телом, сияющими золотыми волосами, безупречным точеным профилем, словно изваянным из мрамора. Если ей и суждено было поддаться чарам мужчины, то, по крайней мере, ее избранник был красив как бог. Сами звезды замирали от восхищения при виде его. Красота Рейнло была более хищной и суровой, чем у Джонни, но именно это делало его неотразимым.

Словно почувствовав на себе ее взгляд, маркиз поднял глаза и посмотрел на Антонию. Сердце ее замерло. Взгляд обсидианово-черных глаз Рейнло обжигал словно темное пламя — он требовал смирения, покорности, и глупая доверчивая Антония не в силах была противиться этому безмолвному зову.

Она закусила губу. Кровь бросилась ей в лицо, обожгла веки. Слава Богу, никто не обратил внимания на неприметную компаньонку. Желание жаркими волнами разлилось по телу, путая мысли и подавляя волю. Растерянная, смущенная, Антония стиснула руки на коленях и опустила глаза, молясь про себя, чтобы пылающее лицо не выдало, что с ней творится.

Кадриль закончилась, и Соумс, проводив Касси к подругам, задержался, чтобы побеседовать со своей дамой. Антония придирчиво оглядела молодого графа. Соумс составил бы Касси хорошую партию. Ему было немногим больше двадцати, и о нем не ходили злые сплетни. Однако в сравнении с Рейнло он казался неоперившимся птенцом. К несчастью, то же можно было сказать и о большинстве мужчин в зале.

Сияясь собрать воедино разбегающиеся мысли, Антония постаралась припомнить все увеселения, в которых участвовала ее племянница в последнее время. Оказывала ли Кассандра предпочтение графу? Кто знает? Антония не заметила: все ее внимание занимали ухаживания Рейнло за Касси... и безжалостная охота за ней самой.

Объявили вальс. Рейнло не пытался нарушить запрет, наложенный мистером Демарестом на этот танец. Наблюдая, как он медленно бредет по залу, Антония невольно повернула голову, чтобы увидеть, кого из дам он выберет.

До поездки в Суррей Рейнло неизменно танцевал с одной лишь Касси. Должно быть, на этот раз он изменил обыкновению. Как ни удивительно, маркиз даже не заговорил с племянницей. Возможно, он облюбил себе новую жертву? Означает ли это, что Рейнло не станет больше волочиться за Касси? «Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — вздохнула про себя Антония.

Она смущенно следила глазами за маркизом. Рейнло прорезал толпу словно акула, скользящая в морской пучине, и теперь подходил все ближе. Антонии страстно хотелось увидеть Рейнло. Заставить себя не смотреть на него, было свыше ее сил.

Она ожидала, что лорд Рейнло выберет себе даму, но тот медленно приближался. Антония недоуменно нахмурилась, пытаясь угадать, что он задумал. Может, маркиз хочет незаметно проскользнуть на террасу?

Рейнло поравнялся с бесцветной кучкой женщин, которые наблюдали за празднеством, не принимая в нем участия.

«О нет...»

Скованная ужасом, Антония смотрела, как Рейнло неторопливо подходит к ней. Лицо его выражало непреклонную решимость.

«Нет, не может быть. Он не посмеет».

Рейнло знал, что, пригласив Антонию на танец, не оставит путей к отступлению. Его можно было упрекнуть в безрассудстве и самовлюбленности, но никак не в глупости или злобе.

Антония взволнованно огляделась. Остальные компаньонки не заметили приближения Рейнло. Но если маркиз выполнит свой безумный замысел, его выходка не останется незамеченной. Она привлечет внимание всех в зале. Поползут слухи, от нее начнут шарахаться как от прокаженной. Компаньонка Кассандры Демарест станет притчей во языцех. Любопытные начнут расспрашивать о мисс Смит и, возможно, проникнут в ее тайну, узнают ее настоящее имя.

Нелепая блажь маркиза грозила обернуться катастрофой.

С бешено бьющимся сердцем Антония вскочила, собиралась бежать. Но опоздала.

Рейнло бросил на нее лукавый взгляд из-под тяжелых век учтиво поклонился, словно перед

ним стояла не наемная служанка, а знатная аристократка.

— Окажите мне честь, мисс Смит, позвольте пригласить вас на танец.

Глава 16

Приблизившись к Антонии, Рейнло заметил, как ее прекрасное лицо исказилось от ужаса. Уродливый чепец и очки скрывали ее красоту, но в последние дни Николас находил ее восхитительной в любом наряде.

— Ступайте прочь, — процедила Антония сквозь зубы, глаза ее за стеклами очков растерянно заметались.

Казалось, она ищет способ прогнать Рейнло, не привлекая к себе внимания.

— Мисс Смит?

Рейнло и не подумал понизить голос, бросая вызов Антонии, он испытывал воодушевление.

— Прекратите. Я не стану вас слушать, — прошипела мисс Смит, пытаясь ускользнуть.

Рейнло с легкостью преградил ей дорогу: вокруг стояло слишком много стульев, большей частью занятых. Пожилые матроны, наконец, заметили небольшой спектакль. Их лица оживились любопытством и жгучим интересом.

— Вы привлечете меньше внимания, если согласитесь потанцевать со мной, — тихо произнес маркиз, схватив Антонию за локоть и не давая ей вырваться.

Две недели он безнадежно желал ее. Эта мучительная одержимость напоминала болезнь. Стоило ему прикоснуться к Антонии, и сердце его пустилось вскачь бешеным галопом. Сквозь одежду он ощущал жар ее тела, таящуюся в ней властность и силу. Ту силу, что влекла его к этой женщине, делая ее неповторимой, единственной.

Даже для беспутного повесы вроде Рейнло.

— А вы привлечете к себе меньше внимания, если уйдете, — чуть слышно пробормотала Антония.

Она попыталась вырваться, но затем, должно быть, решила, что борьба лишь разожжет любопытство сплетников.

«Умная девочка».

— Нет, я не уйду, — невозмутимо произнес Рейнло, направляясь в середину зала, к танцующим парам.

Не желая, чтобы маркиз бесцеремонно волочил ее за собой, мисс Смит неохотно последовала за ним.

Накрыв ладонью руку Рейнло, сжимавшую ее локоть, Антония с силой вонзила в нее ногти. Черные кружевные перчатки помешали ей поранить маркиза. Рейнло обдало волной жара: он вспомнил, как в летнем домике пальцы Антонии вцепились в его рубашку. Той ночью мисс Смит оцарапала бы его до крови, если бы он потрудился раздеться, прежде чем набросился на нее.

— Я вас ненавижу, — сердито прошептала Антония.

— Неправда. — Одним властным движением Рейнло повернул мисс Смит к себе лицом. — Прощу, потанцуй со мной, не то сплетники начнут чесать языками.

— Надеюсь, ты будешь гореть в аду.

Антония дрожала от беспомощного гнева.

— Несомненно, так и случится, милая Антония.

Беспечная улыбка маркиза подействовала на мисс Смит точно красная тряпка на быка.

Начался вальс, и Рейнло закружил Антонию в вихре танца, вновь его бурлила от волнения. Толпа пожирала танцующую пару жадными взглядами.

— Они знают, что вы дразните меня, — произнесла мисс Смит, не повышая голоса.

Она двигалась грациозно, следуя за Рейнло с такой восхитительной легкостью, что сердце его замирало от восторга. Он всегда подозревал, что Антония танцует как ангел.

— Пусть думают что хотят.

Стремительное скольжение, головокружительный поворот, и пальцы Антонии невольно сжали плечо Рейнло. Николаса вновь пронзило воспоминание: пальцы Антонии, впившиеся в его плечи, жаркие переплетенные тела. С тех пор как Антония покинула его, он снова и снова перебирал в памяти каждое волнующее мгновение их встречи. Теперь же, сжимая ее в объятиях, Рейнло чувствовал, как ожившие воспоминания сводят его с ума. Желание клокотало в нем точно жидкий огонь.

Покинув Суррей, он не находил себе места от горечи, тревоги и злости. Он жил воспоминаниями об Антонии. Вдали от нее Николас задыхался, но, схватив ее в объятия, снова вдохнул полной грудью.

— Я бы предпочла, чтобы сплетники подумали, будто вы решили подшутить надо мной, нежели узнали правду, — язвительно бросила мисс Смит.

— А в чем заключается правда, моя таинственная леди? — вкрадчиво проговорил Рейнло, совершая новый упоительный поворот.

Несмотря на всю свою враждебность, Антония двигалась с изумительной грацией. Даже в пылу спора маркиз и его дама казались безупречной парой. Рука Рейнло властно обнимала гибкую талию мисс Смит. Близость Антонии кружила Николасу голову, жар ее тела разжигал желание, свежий запах дразнил ноздри. Он сделал глубокий вдох, вдыхая этот божественный аромат, чувствуя, как вместе с музыкой ширится в неистовом крещендо переполняющий его восторг.

— Что вы задумали, Рейнло?

Антония обвела глазами зал.

Взгляды всех присутствующих не отрывались от танцующей пары. Повсюду слышались смешки, чаще всего грубые. Рейнло охватила бессильная ярость. Антония одна стояла целого полчища этих самодовольных бездельников. О, она стояла несметного множества маркизов

Рейнло.

Войдя в бальный зал, он тотчас увидел Антонию в ее блеклом безвкусном наряде. Все в нем взбунтовалось. Светские остряки говорили о бриллиантах чистой воды, но для Рейнло в этом зале Антония была единственной подлинной драгоценностью среди дешевых подделок.

Даст Бог, он еще заставит ее засиять в полную силу.

— Тебе не пристало сидеть вместе с этими старыми ведьмами.

Антония вспыхнула от гнева. Даже очки не могли скрыть ее смятения и ярости. Рассерженная, она казалась трогательно юной.

— Нет, пристало, — резко возразила она.

— Я вижу тебя одетой в шелка, усыпанной драгоценностями. Ты могла бы повелевать этим залом. Довольно одного взгляда твоих льдисто-голубых глаз, чтобы исполнилось любое твоё желание.

Прежде чем Антония успела сказать в ответ какую-нибудь колкость, Рейнло закружил ее в стремительном вихре, и ей пришлось уцепиться за него, чтобы удержать равновесие. Она взволнованно перевела дыхание, скованность ее исчезла. Краем глаза маркиз заметил, что Касси с нескрываемым интересом разглядывает его.

На губах Николаса мелькнула торжествующая улыбка. Маркиз чувствовал себя победителем: он танцевал с женщиной, которую желал. К его изумлению, Кассандра улыбнулась в ответ. Не своей обычной вежливой наигранной улыбкой, а искренне, от всего сердца.

— Пожалуйста, остановись. — Антония сжала плечо Рейнло. Они только что сделали круг по залу. — Ты выставил меня на посмешище.

— Я хочу танцевать с тобой, — упрямо заявил маркиз, хотя в дрожащем голосе Антонии явственно слышалась горечь.

— А я не желаю танцевать с тобой, — с вызовом возразила мисс Смит.

— Мне не дозволено танцевать с тобой, но ты будешь прибежать мне, — сказал маркиз.

Антония в ужасе обвела глазами толпу любопытных, кровь отлила от ее лица.

— Мы не должны говорить об этом, — яростно прошипела она. — Не здесь.

Рейнло беспечно усмехнулся, не обращая внимания на ее слова. Другие танцующие пары были достаточно далеко, никто не мог их слышать.

— Я хочу снова обладать тобой.

Антония метнула на него гневный взгляд.

— Нет...

Рейнло ответил ей улыбкой. Полно, чему тут удивляться? Первая встреча оказалась слишком краткой, поспешной, все же никогда прежде, обладая женщиной, Николас не испытывал подобного пьянящего восторга.

— Да.

Рейнло бросил нетерпеливый, жадный взгляд на французов окно, за которым простирался сад с уединенными аллеями и тенистыми деревьями. Два или три скользящих шага, и танцующая пара окажется во мраке ночи.

Два шага...

Легкий ветерок, ворвавшийся в двери, коснулся разгоряченного лба Рейнло, словно умоляя не поддаваться безумию. Буйная фантазия маркиза уже нарисовала заманчивую картину похищения Антонии.

Но хотя страстная любовная сцена в саду представлялась ему весьма соблазнительной, Рейнло не уступил искушению. Проклятие! Ему приходилось придерживаться приличий. Николас не мог опозорить Антонию, объявив всему свету, что эта женщина доводит его до неистовства словно неискушенного мальчишку.

Антония быстро вновь подхватила ритм музыки, чуть отстранившись от Рейнло. Его раздирало желание сжать ее в объятиях. Мучительнее всего было сознавать, что это невозможно. Не в этом зале.

Николас умирал от страсти.

Угадав, что с ним творится, Антония закусила губу. Кожа порозовела, выдавая волнение.

— Вы напрасно это затеяли.

На сей раз в ее голосе не слышалось враждебности.

Рейнло издал горький смешок.

— Я не смог с собой совладать. — Он сказал чистую правду. — Ты неотразима.

— Довольно, Рейнло, — резко бросила Антония и, подняв глаза, встретила взгляд маркиза.

— В Суррее ты звала меня Николасом.

— Я еще успею дать тебе множество прозвищ, — отрезала мисс Смит. — Проводи меня к компаньонкам. Ты уже сказал все, что хотел.

— И что же я хотел сказать?

Антония неодобрительно поджала губы и снова оглядела зал. Любопытная толпа глазела на Рейнло с его дамой, отовсюду слышались ехидные смешки, заглушая музыку.

— Что я донельзя падка на ваши уловки.

Рейнло нахмурился и, крепче обхватив Антонию за талию, сделал резкий поворот, а затем еще один.

— Это неправда.

— Правда.

Антония гордо вздернула подбородок, и грудь Рейнло пронзила знакомая боль.

К досаде маркиза, вальс подходил к концу. Рейнло пришлось сделать над собой усилие, чтобы обуздать непослушное тело. Он больше не сможет прикоснуться к Антонии. Во всяком случае, этим вечером. Необходимость заботиться о светских приличиях приводила Рейнло в бешенство. Едва ли он мог рассчитывать на еще один танец. Даже этот единственный скрывал в себе опасность.

— Я хочу встретиться с тобой наедине.

Рейнло старался принять вид самоуверенного светского льва, но голос его дрожал от волнения. С каждым грациозным движением Антонии его все больше охватывало отчаянное желание увести ее отсюда. Рука его незаметно скользнула по ее спине.

— Рейнло...

Антония осеклась, тяжело сглотнула подступивший к горлу ком и на одно захватывающее мгновение сжала руку маркиза, будто тоже сожалела о том, что приходится расставаться. Потом заговорила так тихо, что Рейнло пришлось наклонить голову, чтобы различить слова. Его вновь окутал ее головокружительный аромат, полный соблазна. Маркиз был трезв как стеклышко, и все же казалось, он глотнул крепчайшего бренди.

— Николас, мы... нам представился случай, и мы им воспользовались. Я не... не сожалею. Но это не должно повториться.

— Я не приму отказ.

— Ты с легкостью мог разрушить мою жизнь. — В глазах Антонии полыхнуло пламя. — Если бы о нашей встрече в Суррее стало известно, я оказалась бы на улице.

— Ты оказалась бы не на улице, а в моей постели, — хрипло возразил Рейнло.

— Надолго ли?

Какая-то часть его существа рвалась заверить, что он не бросит Антонию, пресытившись, как поступал с другими соблазненными им женщинами. Но поспешное обещание замерло у него на губах: честность заставила его умолкнуть.

Антония продолжила, не дожидаясь ответа:

— Я могу лишь взывать к твоему жестокому сердцу. Если в тебе теплится хоть капелька доброты, пожалуйста, оставь меня в покое. Оставь в покое Касси.

Рейнло охватил стыд. Он ненавидел это чувство, как ненавидел Антонию Смит за то, что та заставила его заглянуть в себя и ужаснуться собственной самовлюбленности.

Но, даже ненавидя Антонию, он не мог ее отпустить.

— Я не оставлю тебя в покое.

Они плавно кружились под угасающие звуки вальса. Рейнло невыносимо было думать, что через несколько мгновений придется разомкнуть объятия.

— Пожалуйста...

Антония Смит была рождена, чтобы повелевать, а не умолять. Рейнло вновь ощутил горечь стыда. Эта женщина еще не раз проклянет его, прежде чем они расстанутся навсегда.

— Побереги свои мольбы для кого-то более достойного, — с искренним сожалением произнёс он.

Звуки вальса смолкли, и Рейнло неохотно отстранился от Антонии, отступив на шаг. Она остро чувствовала его нежелание отпускать ее, но надеялась, что остальные ничего не заметили. Зал еще гудел от любопытных пересудов и ехидных смешков. Взгляды всех гостей были прикованы к маркизу и его невзрачной даме.

Рейнло, язвительно усмехнувшись, предложил Антонии руку. Компаньонка оперлась на нее, высоко вскинув голову, чтобы скрыть смятение. Ей не оставалось ничего другого, кроме как принять вызов. Антония хорошо знала: стоит выказать смущение, и светские кумушки разорвут ее в клочья.

В последние несколько недель после десяти лет ничем не примечательной монотонной жизни ей вдруг пришлось ступать по краю пропасти. Эта внезапная перемена сводила Антонию с ума.

Как ни удивительно, Рейнло проводил ее не к компаньонкам, а к Кассандре, стоявшей в окружении близких друзей. Антония облегченно перевела дыхание. Интересно, что подумала Касси, увидев, как ее компаньонка танцует с маркизом? Что она подумала, увидев мисс Смит танцующей?

В последний раз Антония танцевала еще юной девушкой, на одном из редких званых вечеров в Блейдон-Парке. Но после тайного бегства из дому танцы, как и многое другое, навсегда исчезли из ее жизни. Антония успела забыть, как страстно любила танцевать когда-то. И хотя ее разбирал гнев из-за дерзкой выходки Рейнло, бессовестно выставившего ее на посмешище, она была совершенно счастлива, скользя по залу в сказочном вихре музыки и света.

— Тони, я никогда не видела, чтобы ты танцевала, — тепло заметила Касси.

Шесть пар глаз, горящих злобным любопытством, уставились на мисс Смит. Дрожавшая всем телом Антония заставила себя улыбнуться.

— Лорд Рейнло заключил с приятелем пари, что уговорит самую строгую из компаньенок подарить ему танец, — произнесла Антония.

По счастью, ей неплохо удалось изобразить сухую насмешку, придать голосу небрежную снисходительность, в которой так и слышалось: «Мальчишки всегда остаются мальчишками».

Рейнло устремил на Антонию многозначительный взгляд. Она настороженно замерла, ожидая, что маркиз ее опровергнет.

— Я ни за что не позволил бы себе столь нелестно отозваться о вас, мисс Смит.

Рейнло поднес к губам руку Антонии. Даже сквозь перчатку он чувствовал, как пылает ее кожа.

Мисс Смит облегченно перевела дыхание. Рейнло решил подыграть ей. Его пальцы незаметно сжали ее ладонь, черные глаза, горевшие желанием, насмешливо сузились.

Он повернулся к Касси:

— Мисс Демарест, вам уже лучше? Как жаль, что болезнь омрачила ваш отдых в Суррее.

И Рейнло склонился над рукой Кассандры с тем же изяществом, с каким только что благодарил за танец ее компаньонку. Непринужденная болтовня маркиза с Касси и ее друзьями смягчила скандал. Рейнло больше не преследовал компаньонку, и его дерзкая выходка уже не казалась откровенным волокитством. Впрочем, едва ли кому-то пришло бы в голову, что знаменитый знаток и ценитель женской красоты обратит свой взор на жалкую дурнушку в дешевых отрепьях.

Маркиз пригласил на танец Касси, а затем, обрушив на мисс Демарест поток самых изысканных комплиментов, отклонялся. Он едва удостоил Антонию взглядом, но она точно знала, что он внимательно следит за каждым ее движением.

Кассандра отправилась с лордом Соумсом в зал, где был накрыт ужин, а Антония воспользовалась возможностью незаметно ускользнуть. В обществе друзей Касси она была в безопасности. Вдобавок на этот раз Николас вопреки обыкновению не проявлял особого интереса к мисс Демарест.

Дамская комната располагалась этажом выше, в дальнем конце коридора, над бальным залом. Все приглашенные собрались за ужином, и Антония оказалась одна в пустом холле, она направлялась в бальный зал, когда кто-то набросился на нее сзади. Сильные руки схватили ее за талию.

— Пустите! — выдохнула Антония, но невидимый похититель затащил ее в одну из боковых комнат и захлопнул дверь.

— Антония, я должен увидеть тебя.

— Николас!

Разумеется, это был Рейнло. Никто другой не стал бы преследовать чопорную мисс Смит. Знакомые прикосновения его руки Антония узнала бы даже с завязанными глазами.

Она попыталась отступить, но уткнулась спиной в закрытую дверь. Их убежище оказалось библиотекой. Источником света здесь служила единственная лампа, стоявшая на массивном столе в стиле буль. Большая часть комнаты оставалась погруженной во тьму.

Рейнло нежно коснулся пальцем подбородка Антонии, на его чувственных губах мелькнула улыбка. Антонию обдало волной жара. Сердце ее на мгновение замерло. Ну почему губительной красоте Николаса невозможно противиться? Это невыносимо.

— Я не пытаюсь тебя соблазнить.

Антония недоверчиво изогнула бровь:

— В самом деле?

Этого следовало ожидать. Еще во время танца Антония почувствовала: Рейнло терзает тот же неутолимый голод, что и ее саму. Но маркиз мог бы догадаться, что она не станет заниматься с ним любовью в роскошной библиотеке лорда Мерриуэдера в разгар знаменитого ежегодного бала.

Нет, даже Рейнло не настолько безрассуден.

— Да.

Улыбка его угасла, маркиз внимательно всмотрелся в ее лицо: казалось, он хочет что-то сказать, но не решается.

У Антонии от волнения сдавило горло. Это тревожное чувство не было страхом перед возможным скандалом. Руки ее сами собой легли на плечи Рейнло. Движение было столь естественным, что едва ли Антония его заметила. Николас по-прежнему крепко держал ее за талию.

— Что случилось?

Она взгляделась в его смуглое лицо. Определенно что-то произошло. На худой щеке Рейнло дернулся мускул, хриплый голос прозвучал неожиданно резко:

— В Англию прибыл Джон Бентон.

Глава 17

Антония пошатнулась, и руки Рейнло теснее сомкнулись на ее талии. До этого мгновения Николас еще сомневался, что Бентон был ее любовником, то теперь его подозрения переросли уверенность. У Антонии вырвался сдавленный возглас боли, лицо ее сделалось белым как полотно. Казалось, она вот-вот лишится чувств.

После короткой тягостной тишины Антония с напускной храбростью вздернула подбородок и заговорила, хотя голос ее дрожал:

— Ты знаешь.

Это был не вопрос, а горькое утверждение.

— Я догадался.

Грудь Рейнло будто сдавило обручем. Его душил гнев и сознание собственного бессилия. Как бы ему хотелось взять на себя боль Антонии.

В его объятиях она казалась хрупкой словно былинка. Ему вдруг вспомнилась их первая встреча, когда он поклялся себе сбить спесь с высокомерной мисс Смит. Теперь вся ее гордость рассыпалась в прах, но, видя ее страдания, Рейнло чувствовал последним негодяем. Он охотно содрал бы заживо кожу Бентона.

Антония смотрела на Рейнло сквозь уродливые очки. Но на этот раз — впервые — он был рад, что глаза ее скрыты стеклами.

— Как? — вымученно произнесла она, будто даже это краткое слово было для нее испытанием.

— Я встретил Бентона в трактире. Он заговорил о тебе.

— О Боже!

Антония покачнулась и согнулась, словно ее ударили в живот.

Рейнло схватил ее за плечи. Ему нестерпимо было видеть ее сокрушенной, сломленной.

— Я встретил Бентона по пути в Лондон, возвращаясь из Суррея. Никто, кроме меня, не узнал бы тебя в женщине, которую он описывал. Как он верно подметил, ты забываема.

— Как мило. — Едкий сарказм в голосе Антонии не мог скрыть мучительного унижения. — Представляю, как вы обменялись впечатлениями. Конечно, воспоминания Бентона намного поблекли за десять лет, но ты... вы могли предложить подробности посвежее.

Рейнло не потрудился опровергнуть это обвинение.

— Антония, Бентон думает, что ты умерла.

— Женщина, которую он знал, действительно мертва.

Она посмотрела на Рейнло как на незнакомца.

— Нет, ты не мертва, — резко проговорил Рейнло, не в силах слышать обреченность в голосе Антонии. — Ты живее всех, кого я когда-либо встречал в жизни.

Казалось, Антония его не слышит.

— Вам все известно? — Закрыв глаза, она прерывисто вздохнула. — Как вы, должно быть, смеялись.

Пальцы Рейнло впились в плечи Антонии.

— Не все. Я не знаю, кто ты.

Наконец самообладание изменило Антонии. Губы ее задрожали, глаза медленно открылись — в них блеснули слезы.

— Какое это имеет значение? Вы знаете главное. Знаете, что я продажная девка.

— Антония, дорогая, — прошептал Рейнло, привлекая к себе возлюбленную и нежно баюкая.

Внутри у него завертелась бурлящая жгучая боль. Видеть Антонию страдающей было выше его сил. Обжигающей волной вскипело в нем желание защитить ее; желание, которое он всегда отказывался признать. Рейнло скорее дал бы отсечь себе руку, чем согласился слушать, как Антония возводит на себя напраслину.

— Не говори так.

В первое мгновение Антония рванулась прочь, но почти тотчас сдалась. Подавленная, дрожащая, она обняла Рейнло и, уткнувшись лицом в его сюртук, глухо зарыдала.

Николас сдавил ее в объятиях так крепко, словно одна лишь его сила способна была удержать мир от гибели. Если бы он только мог взять на себя боль Антонии, оградить ее от опасностей. Но, разумеется, это было невозможно. Маркиз Рейнло чертовски часто соблазнял женщин, чтобы изображать теперь спасителя.

Антония отстранилась и дрожащими руками вытерла глаза.

— Если Джонни увидит меня здесь, все пропало. — Она отступила, пошатываясь, и оперлась на стол. — Он должен оставаться в убеждении, что я мертва.

Антония была права. Ей следовало покинуть дом Мерриуэдеров прежде, чем она столкнется с Бентоном. Прежде, чем кто-то заметит ее смятение. По крайней мере, это Рейнло мог бы для нее сделать.

Смутная мысль тотчас начала превращаться в план.

— Я приведу Касси и распоряжусь, чтобы вашу карету подали к боковому выходу.

— Разве это не вызовет пересудов?

Антония отвела взгляд. Голос ее звучал устало и безразлично.

— Даже если ваше исчезновение заметят, все знают, что мисс Демарест лишь недавно оправилась после тяжелой болезни.

Антония не повернула головы, хотя и перестала плакать, Рейнло едва не пожалел об этом, видя ее горестное бесчувствие. Возможно, слезы принесли бы ей утешение. Наконец Антония вздернула подбородок движением, полным достоинства. Рейнло всегда поражало, откуда столько гордости в женщине ее положения. Теперь же он знал: гордость пристала Антонии по рождению. Рейнло мысленно поклялся выяснить как можно скорее, кто она на самом деле.

— Милорд, я благодарна вам за хлопоты. Но вы вовсе не обязаны мне помогать.

Рейнло коротко рассмеялся, не скрывая горечи. Разумеется, мисс Смит понимала, что он не оставит ее.

— Не будь глупой гусыней, Антония.

Шагнув к столу, он принялся выдвигать ящики один за другим, пока не нашел то, что искал. Затем, положив перед Антонией чистый лист бумаги, он обмакнул ручку в чернила.

— Попроси Касси встретиться с тобой в дамской комнате, это единственное место, где ты можешь оставаться в безопасности. Хотя Бентон так избалован и изнежен, что, возможно, пользуется дамскими комнатами.

К его удивлению, Антония издала сдавленный смешок.

— Бедняга Джонни. Он не отличался мужественностью. — Лицо ее вновь приняло серьезное выражение. — Я надеялась, что никогда больше его не увижу.

Будь это во власти Рейнло, Антония и впрямь никогда не увидела бы мерзавца. Даже если бы захотела. Николас протянул ей ручку.

— Пиши. Завтра мы обсудим стратегию.

Антония недоверчиво изогнула бровь, вновь став похожей на женщину, ожесточенно сражавшуюся с ним на каждом шагу. Николас мысленно поблагодарил Господа. Он хотел видеть Антонию сильной. Ее отчаяние грозило свести Рейнло с ума, пробуждая желание кого-нибудь убить.

— Мы?

Мисс Смит взяла ручку и склонилась над листом бумаги.

Рейнло отметил, что у нее стремительный, резкий, почти мужской почерк.

— Да, ты и я.

Он подождал, пока Антония подпишет и запечатает записку. Его голос понизился до настойчивого шепота. Желание бурлило в его крови. Ему пришла в голову нелепая фантазия, что он сможет защитить Антонию. Глупая выдумка. Защита — последнее, что способен предложить ей праздный негодяй вроде него.

— Мы встретимся завтра?

Антония посмотрела на Рейнло. Между ее светлыми бровями обозначилась легкая складка.

— Николас...

В ее голосе слышалась не враждебность, а скорее нерешительность. Должно быть, ей казалось, что мир ее рухнет, и от этого крошечного ада нет спасения.

— Мне невыносимо думать, что тебе придется одной выдержать испытание. Я хочу тебе помочь.

— Вы хотите большего, — возразила Антония, вновь обретая привычную осторожность.

Но чего хотел Рейнло на самом деле? Ответить на этот вопрос становилось сложнее с каждым днем. Николас начинал верить, что обретет покой, лишь завладев этой женщиной всецело.

Да поможет ей Господь.

— Да, хочу. И ты тоже этого хочешь.

Рейнло поймал Антонию за руку. Его нежность лишь подчеркивала ее незащищенность. Мисс Смит замерла, не пытаясь вырваться.

— Антония, не приходи, если боишься. Приходи не из страха, а по собственной воле. Приходи, если не можешь не прийти.

В глазах Антонии читалась тревога.

— Думаете, сейчас я слишком слаба, чтобы сказать «нет»?

Обхватив ладонями ее лицо, Рейнло с трудом подавил желание поцеловать ее. Поцеловать страстно, неистово, пока Бентон и угроза скандала не сотрутся из ее памяти. Больше всего на свете Николасу хотелось схватить Антонию в объятия и унести отсюда туда, где сплетни и застарелая боль не достигнут ее.

— Я буду ждать тебя в полдень в конюшне позади дома.

Антония покачала головой.

— Нас увидят. И что я скажу Касси?

— Что-нибудь придумай.

Рейнло неожиданно для себя улыбнулся. Даже с мокрыми от слез щеками и покрасневшими,

опухшими глазами Антония была божественно прекрасна.

Антония коротко кивнула.

— Мне не удастся ускользнуть из дома так рано. Жди меня в шесть часов пополудни на дворе церкви Святой Хильды. Это пе...

Сердце Рейнло ликующе забилося.

— Я знаю эту церковь.

— Если я не смогу быть там...

— Ты там будешь.

— Да.

Рейнло впился жадными губами в губы Антонии, и она, не колеблясь, ответила на поцелуй. Николас ощутил вкус слез и желания. Вкус всего, о чем он мечтал.

Николас отстранился прежде, чем поцелуй разжег в нем огонь. Расставаться с Антонией било мучительно больно, и все же Рейнло знал: выбора нет.

Но завтра...

Прощаясь, он поднес к губам ее руку.

— Иди в дамскую комнату и жди Касси.

Антония кивнула и, не оглянувшись, скрылась за дверью, покинув библиотеку, Рейнло разыскал лакея, вручил ему записку вместе с деньгами и приказал найти мисс Кассандру Демарест. Другому слуге он поручил позаботиться о том, чтобы карета дожидалась у бокового выхода.

Не странно ли, что отъявленный распутник и повеса старается изо всех сил защитить честь женщины?

«Смотри не привыкни к этому, а то не успеешь оглянуться, погубишь себя».

Церковный двор был пуст, когда Антония проскользнула ворота. Черная накидка с капюшоном делала ее неузнаваемой.

Вечер выдался серый и холодный, на мрачном церковном дворе царило безлюдье; казалось, даже сама погода благосклонно согласилась даровать мисс Смит последние краткие мгновения счастья. Антония чувствовала себя воровкой, крадущей одну-единственную ночь, перед тем как ей придется снова вернуться к унылой жизни компаньонки.

На следующий день она вернется в Баском-Хейли и останется там до тех пор, пока мистер Демарест не пожелает избавиться от нее. Когда ее услуги станут не нужны, она постарается найти место компаньонки подальше от Лондона, в доме какой-нибудь почтенной пожилой дамы или в семье добропорядочных буржуа, подражающих аристократии. Укрывшись в деревенской глуши, она избежит встреч с лондонским светом и с распутником маркизом.

Всю ночь Антония проворочалась в постели без сна, терзаясь мыслями о том, как быстро рассыпался в прах ее тесный и скучный, но безопасный мирок. Ее одолевали сомнения, не слишком ли рискованно встречаться с Рейнло теперь, когда внезапное возвращение Джона Бентона грозило сорвать с нее маску мисс Смит, неприметной компаньонки.

Наконец, измученная страхами и сомнениями, она поднялась и написала отцу Кассандры о приезде Джонни. Антония собиралась покинуть столицу, как только мистер Демарест пришлет указания дочери. Она решила, что начнет готовиться к отъезду, даже если Годфри станет тянуть с ответом.

Антония обещала себе провести остаток жизни в благочестии, но этой ночью она задумала предаться греху.

Возможно, поэтому накануне в библиотеке она так поспешно уступила просьбе Николаса. А может быть, здесь сыграло роль его рыцарское стремление помочь, в которое Антонии по-прежнему не слишком верилось.

Поняв, что Рейнло знает о Джонни, Антония оцепенела от стыда, ей захотелось спрятаться, забиться в щель и никогда больше не показываться. Неожиданно обнаружившаяся связь между Николасом и ее соблазнителем привела ее в ужас. Антония ожидала, что Рейнло обдаст ее холодным презрением, но тот не стал лицемерить, разыгрывая негодование. Маркиз, не раздумывая, принял ее сторону, и это глубоко тронуло Антонию. А когда Николас привлек ее к себе, обнял и принялся утешать, пока она оплакивала безрассудные ошибки юности, сердце ее, скованное льдом, растаяло.

На краткое мгновение Николас заставил Антонию поверь, что отныне она не одна противостоит враждебному миру. Что теперь у нее есть союзник — лорд Рейнло.

Благородный порыв Николаса защитить и поддержать ее, заставил Антонию взглянуть на него другими глазами. Теперь она не могла отречься от него или от самой себя. Рейнло заставил ее поверить, что не позволит бросить тень на ее доброе имя. Как и на имя Касси. Антония пришла на встречу с Николасом, потому что он заботился о ее безопасности. Он был добр к ней.

«Не лги себе, Антония. Ты здесь потому, что желаешь его. Желаешь уже давно, с первой встречи».

Она пришла на полчаса раньше, хотя это было опасно. Пока Антония оставалась на людях, кто-нибудь мог заметить ее и запомнить. И все же она решилась прийти: бродить по двору в ожидании назначенного часа было невыносимо.

Она обвела глазами заросший бурьяном церковный двор, желая найти успокоение, которое привыкла здесь находить. Совершая прогулки, Антония нередко забредала в этот зеленый рай. А с тех пор как познакомилась с лордом Рейнло, стала заглядывать сюда куда чаще.

Она скучала по безмятежной тишине Сомерсета. Уединенное местечко позади церкви, прекрасного творения Кристофера Рена, стало ее прибежищем.

Антония почти никогда не встречала здесь людей, не считая маленькой горстки прихожан, состоящей в основном из ремесленников и мастеровых, которые даже по воскресеньям имели обыкновения гулять вокруг церкви, осматривая надгробия. Антония знала, что после свидания с Николасом уже сможет найти желанный покой в этом тихом уголке. Но едва ли стоило придавать этому значение, ведь она собиралась вскоре покинуть Лондон.

Она пересекла двор и присела на каменную скамью под вишневым деревом. Мысли ее сами собой вернулись к той ночи, когда Николас забрался в окно ее спальни. Антония не могла понять, почему маркиз не овладел ею тогда. Ее неприступность была не прочнее рисовой бумаги, они оба это знали.

И в который раз Антония задумалась: возможно, на самом деле Рейнло лучше, чем ему кажется.

Женщины вечно твердят себе эту ложь, уступая какому-нибудь сладкоречивому ловеласу.

— Антония.

Она невольно вздрогнула, услышав за спиной хриловатый голос Николаса, и обернулась. Рейнло стоял, прислонившись к стволу вишни. Его пристальный взгляд из-под полуопущенных век, казалось, пронизывал ее насквозь. Антонию обдало волной жара.

— Ты кажешься удивленным.

Она поднялась, хотя колени ее подгибались.

— А ты — взволнованной.

Антония заметила, что нервно сцепила обтянутые перчатками руки. Прерывисто вздохнув, она разжала пальцы и выпрямилась.

— Я действительно взволнована.

Пока продолжался этот отрывистый обмен фразами, Антония чувствовала, как раскаляется воздух между ней и Рейнло. Ее словно затягивало в водоворот на бурной реке. Ей хотелось броситься к Николасу и умолять, чтобы он показал ей истинное блаженство. Антония давным-давно поняла, что в ней кроется какой-то изъян. Надежные, разумные, порядочные джентльмены никогда не вызывали у нее интереса. Лишь опасные вертопрахи заставляли ее сердце биться чаще.

Боже, она погрязла в грехе! Но никогда еще грех не выглядел так соблазнительно, как в великолепном обличе Николаса Чаллонера, маркиза Рейнло. Кудрявые золотистые волосы и смуглая кожа придавали ему неотразимое очарование. Его красивое лицо скрывало не меньше, чем показывало. В сверкающих черных глазах читался вызов и порок. И еще — удивительная самоирония, возможно, обещавшая ему спасение души.

Рейнло сложил руки на груди. Он кутался в длинный, до самых лодыжек, плащ, шляпа с загнутыми полями скрывала его лицо.

— Ты пришла рано.

Антония коротко кивнула. Расстояние между ней и Рейнло смущало ее. Она воображала, что Николас заключит ее в объятия и избавит от мучительных раздумий.

— Как и ты.

Крупный рот Рейнло насмешливо скривился.

— Всему виной мое проклятое нетерпение.

Но в голосе его не слышалось нетерпения. В нем звучала настороженность хищника. Антония неуверенно шагнула вперед и замерла, поняв, что это невольное движение выдало ее смятение. Улыбка Рейнло стала шире, превратилась в победную усмешку соблазнителя.

— Я тебя не съем, — прошептал маркиз. — По крайней мере, пока не затащу в постель.

Антония покраснела. В отличие от большинства незамужних представительниц своего сословия она хорошо понимала, что имеет в виду Рейнло. Ее вновь охватила дрожь, наполняя душу восторгом и ужасом. Антония прижала руку к груди, чувствуя, как нестерпимо громко бьется сердце. Она едва стояла на ногах, опьяненная головокружительным настоем желания и робости.

Рейнло подступил ближе, горячая ладонь его легла ей на затылок. Кожу Антонии будто опалило огнем.

— Сегодня ты не надела очки.

Тело Антонии пылало, мысли путались.

— Тебе же известно, как я выгляжу.

Маркиз не сводил с нее пристального взгляда, будто видел впервые.

— Я знаю, ты прекрасна.

— Николас... — выдохнула Антония, не в силах сопротивляться повелительному огоньку в его глазах.

Она запрокинула голову. Больше всего на свете ей хотелось прижаться губами к его губам:

— Не дразни меня.

— Ты сводишь меня с ума.

— Хотела бы я сказать о себе то же самое, — проговорила Антония с ноткой обиды в голосе.

Она ждала, что Рейнло набросится на нее, пылая от страсти, но он обращался с ней как с хрупким стеклом.

Николас довольно усмехнулся, вокруг глаз его обозначились очаровательные морщинки.

— Ты становишься требовательной.

Издав нетерпеливый возглас, Антония потянулась к Рейнло. На одно волнующее мгновение она ощутила теплую влажность его дыхания, нежную твердость губ. Его язык, будто играя и дразня, коснулся ее языка. Прерывисто вздохнув, Антония припала к груди Николаса. Но в следующий миг он внезапно отстранился.

— Не понимаю, — нахмурилась Антония.

С сухим смешком Рейнло потянул ее за собой, к поросшему мхом надгробию, потрескавшемуся и заброшенному подобно большинству могильных памятников. Антония пошатнулась, когда Николас притиснул ее к холодному сырому мрамору.

— Черт побери, Антония, я пытаюсь вести себя как воспитанный человек.

— Зачем? — прошептала она, нетерпеливо сжимая могучее плечо Рейнло.

Схватив Антонию за руку, Николас обнажил белое запястье и приник к нему губами. От прикосновения его губ по телу Антонии пробежала дрожь. Рейнло заговорил жарким шепотом, словно кто-то мог его подслушать:

— Здесь небезопасно. В переулке нас ждет карета. Сколько у тебя времени?

Слово «время» заставило Антонию вздрогнуть как от вспышки молнии. Она не смогла бы остаться с Рейнло, даже если бы тот умолял ее об этом. Ей удалось вырваться из безжалостной пасти времени всего на одну ночь.

Голос ее сорвался на шепот.

— Касси гостит у Мерриуэдеров. Она собиралась побывать на музыкальном вечере леди Нортхем, а утром на венецианском завтраке у Паррисов.

К счастью, Касси подружилась с Сюзанной Мерриуэдер, и мать этой юной леди согласилась присматривать за мисс Демарест, пока мнимое недомогание не позволяло Антонии исполнять обязанности компаньонки.

— А слуги?

— С Касси поехала ее служанка. Остальных я отпустила. Они привыкли, что я обхожусь без чьей-либо помощи.

Антония понимала, что безумно рискует: какая-нибудь не в меру усердная служанка могла обнаружить ее отсутствие, или же Касси внезапно понадобилась бы компаньонка, — но никакие опасности не могли заставить ее отказаться от соблазна в последний раз поддаться чарам Рейнло. Искушение было слишком сильно.

Губы Николаса изогнулись в довольной усмешке.

— Значит, до завтрашнего дня ты принадлежишь мне?

Глаза его торжествующе сверкнули.

Антония отчаянно пыталась сохранять здравомыслие, твердя себе, что их мимолетная связь ничего для Рейнло не значит. Маркиз стремится утолить голод, не более. И, возможно, взять верх над женщиной, бросившей ему вызов. Она, Антония, не занимает особого места в его жизни и является лишь одной из его многочисленных любовниц.

Но ее бедное глупое сердце отказывалось в это верить. Ее бедное глупое сердце настаивало, что эта ночь так же важна для Николаса, как и для нее самой. Когда Рейнло помог ей избежать скандала на балу, броня, которой окружила себя мисс Смит, рухнула. Проклиная свою беспомощность, Антония уступила соблазну. Потому что вместе с погибелью Рейнло обещал ей невысказанное наслаждение.

Она желала Николаса, как никогда не желала другого мужчину, с горькой обреченностью сознавая, что никто другой не может пробудить в ней подобное чувство. Антония знала: нынешняя ночь оставит шрам в ее душе. Шрам более глубокий, чем рана, нанесенная детской

любовью к Джонни Бентону с его льстивыми речами и картинной красотой.

— Антония. — Рейнло погладил тыльную сторону ее ладони. Даже сквозь перчатку его прикосновение казалось обжигающим. — Если ты передумала, я не стану тебя удерживать, мне не следовало вчера так настойчиво добиваться твоего согласия.

Взгляд Рейнло скользнул по ее лицу. Антонию вновь охватил стыд: этот человек знал о ней слишком много. Но в глазах маркиза не было осуждения, лишь сострадание, участие желание.

Мисс Смит вольна была уйти или остаться.

— Ты ни к чему меня не принуждал, — тихо возразила она.

Обсидианово-черные глаза Рейнло насмешливо блеснули.

— Значит, мне не придется похищать тебя подобно дьяволу, крадущему твою душу?

Разжав объятия, Рейнло бережно накинул на голову Антонии капюшон, чтобы скрыть ее лицо, и, взяв ее за руку, повел к воротам сквозь густые заросли буяня и лютиков.

В переулке их ожидал неприметный экипаж. Антония оценила осторожность Рейнло, но попыталась быть беспристрастной. Она напомнила себе, что для многоопытного ловеласа, покорителя женских сердец, осмотрительность — вторая натура. Однако радостное волнение вытеснило эту циничную мысль.

По-прежнему молча, Николас отворил дверцу кареты и, отступив в сторону, предложил спутнице руку. С бешено бьющимся сердцем Антония взошла на подножку. Она переступила границу владений Рейнло, зная, что вернется назад другой женщиной.

Николас уселся в экипаж следом за ней и постучал кучеру. Карета тронулась, стоило ему опуститься на покрытую подушками скамью. На тесном сиденье его бедро соприкоснулось с бедром Антонии. Ее обдало волной жара.

Антония ждала, что Николас обнимет ее. Но он сидел неподвижно. Наконец она откинула капюшон и повернулась к нему. В его глазах застыло странное выражение. Не обычная ленивая чувственность и не жадный голодный огонь, пожиравший его в летнем домике в Суррее.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга, словно каждый оценивал силы противника.

Оба хранили неподвижность точно немые застывшие статуи. Потом внезапно, в едином порыве, они рванулись друг к другу, и губы Рейнло впились в губы Антонии со страстью, от которой, должно быть, содрогнулись врата рая.

Глава 18

Внезапно обрушившийся ливень забарабанил по крыше кареты, вторя гулкому стуку сердца Рейнло. Бескрайний мир съезжился, превратившись в темный тряский экипаж, где властвовала голодная страсть. Время стало вязким как патока, мгновения слились в плавный мерцающий поток. Рейнло пытался удержать их, но тщетно. Они выскользывали из его дрожащих пальцев, падая в вечность.

Наконец Николас неохотно поднял голову и посмотрел на Антонию. В полумраке кареты ее полные губы выделялись алым пятном на пылающем лице. Напряженная звенящая тишина расплывалась в воздухе, опутывая Рейнло и его спутницу невидимыми нитями.

Антония медленно открыла глаза. Она казалась одурманенной, словно поцелуй перенес ее в иной мир. То же чувство испытывал и Николас.

Прерывисто вздохнув, он распахнул накидку Антонии и скользнул рукой ей за корсаж. На ней было надето что-то легкое и светлое с восхитительно низким вырезом. Должно быть, раздевать ее — словно разворачивать чудесный подарок.

У Антонии вырвался сдавленный стон, когда ладонь Рейнло сжала ее грудь.

— Я хочу тебя, — чуть слышно прошептал Рейнло.

Его пальцы сильнее сдавили ее грудь, губы жадно приникли к ее губам. Хрипло застонав, Антония порывисто прильнула к Николасу. Шляпа, сбитая с его головы, упала между скамьями. Оторвавшись от губ Антонии, Рейнло принялся осыпать поцелуями ее шею.

Антония неуклюже сорвала с Николаса плащ и взялась за сюртук. Когда ее ладони скользнули под рубашку и коснулись обнаженной спины Рейнло, по его телу прокатилась волна блаженства. Должно быть, войдя в карету, Антония успела снять перчатки, но охваченный желанием Рейнло этого не заметил.

С глухим рычанием он схватил Антонию за руку и прижал ее ладонь к своему восставшему жезлу.

— Николас... — прошептала Антония, прильнув губами к его горлу.

Ее пальцы сжали его жезл, и вся стойкость Рейнло развеялась как дым.

— Ммм?

Губы Антонии, легкие как крылья бабочки, прижались к его щеке, коснулись уха. Рейнло завладел бы ее губами, если бы эти призрачные поцелуи не разжигали в нем бушующего пламени.

— Николас, нам придется прерваться. — В голосе Антонии послышались прелестные насмешливые нотки. — Карета остановилась.

— Сейчас мне нет дела до кареты, — прорычал Рейнло и, схватив Антонию за талию, прижал к скамье.

— Если кучер откроет дверь, он сгорит со стыда.

— Боб не такой болван, чтобы открыть дверь.

Рейнло уткнулся лицом в горло Антонии, с наслаждением вдыхая ее запах. Восхитительный, пьянящий женский аромат с пронизывающей ноткой свежести. Рейнло так и не сумел распознать этот тонкий дух, присущий одной лишь ей.

— Какими духами ты пользуешься?

— Выпусти меня. Я хочу взглянуть, где мы, — задыхаясь, прошептала Антония.

— Невелика тайна. Мы возле конюшни, позади моего дома.

Антония в ужасе замерла. От ее обольстительной томности не осталось и следа.

— Я не могу войти к тебе в дом, Николас. Я думала, ты это понимаешь.

Рейнло выпрямился.

— Это самое безопасное место.

— Если забыть о слугах, — язвительно возразила Антония. — У которых, как известно, имеются глаза, уши и языки.

Рейнло ласково пригладил ее волосы. Лицо Антонии пылало от поцелуев, но в глазах читались досада и злость. Головокружительная смесь. Николас ощутил тревожное чувство. Стремление защитить Антонию, восхищение и жгучее желание бурлили в его крови.

Рейнло ничего не имел против желания. В конечном счете оно обещало наслаждение, превосходящее самые смелые его мечты. Но то странное ощущение, которое он испытывал в эту минуту, было куда опаснее влечения плоти. Казалось, он бредет по краю бездонной пропасти.

— Я отослал всю прислугу до завтра. Кучер знает, что я привез домой даму, но понятия не имеет, кто эта дама. В любом случае он будет нем как рыба.

Хвала небесам, тревога Антонии рассеялась.

— Спасибо, — тихо произнесла она.

Рейнло отдернул шторы. За окном висела серебристая пелена дождя.

— Придется пробежаться.

— Может, нам лучше остаться здесь?

На губах Рейнло мелькнула улыбка.

— Для осуществления моих планов потребуется больше пространства, прекрасная Антония.

Отыскав шляпу, Рейнло надвинул ее на глаза. Антония разгладила измятые юбки и корсаж, тщетно пытаясь привести платье в порядок. Николас ласково отвел ее руки и поправил складки. Это несложное действие заняло куда больше времени, чем могло бы: не одна Антония дрожала от желания. Рейнло бережно застегнул на ее плаще серебряную пуговицу ручной работы. Такая накидка больше подошла бы богатой аристократке, а не скромной компаньонке. Николас обуздал свое любопытство. Вопросы могли подождать, а терзавший го голод — нет.

Наконец он накинул Антонии на голову капюшон.

— Готова?

— Да.

Он открыл дверцу кареты, толкнул ногой подножку и прыгнул вниз, под струи дождя. Ледяная вода полилась ему за шиворот, обдавая лицо жалящими брызгами.

Николас рассмеялся: наконец-то он заполучил женщину, которую так долго желал. Повернувшись, он протянул к Антонии руки.

— Прыгай!

Николас уверенно переступил порог. Радостное предвкушение отозвалось дрожью в груди Антонии. В этот пасмурный вечер дом, погруженный в полумрак, казался таинственным. Антония обвела рассеянным взглядом выложенный черно-белыми плитками коридор, по обеим сторонам которого тянулись ряды закрытых дверей, и просторный холл, отделанный белым мрамором. На блестящих гладких стенах, точно зеркале, отражались струи дождя, хлещущие по оконным рамам.

Николас направился к лестнице, вдоль которой на стенах висели потемневшие старинные пейзажи в тяжелых рамах.

Как и было обещано, дом казался вымершим, прислуга не показывалась.

— Добро пожаловать в мою берлогу, — прошептал Николас, толкнув плечом дверь.

Он всего лишь пошутил, но по спине Антонии пробежала дрожь. В холодной спальне царил полумрак, лишь тусклое сияние свечей слабо боролось с темнотой.

— Черт побери, какой же я болван, — пробормотал Рейнло. — Ты замерзла. Мне следовало приказать Бобу сходить за зонтом.

— Нет, все хорошо, — хрипло произнесла Антония.

Николас куда больше ее пострадал от дождя.

Он подошел к широкой кровати с пологом на четырех столбиках и, отшвырнув в сторону ее мокрую накидку, бережно опустил Антонию на постель. Толстый матрас прогнулся под ее тяжестью, голова коснулась мягких подушек.

Сбросив промокший плащ, Рейнло сел на кровать. Лицо его казалось необычайно серьезным, почти торжественным.

— Какое прелестное на тебе платье, — выдохнул Николас, восхищенно разглядывая Антонию.

— Оно старое, — смущенно откликнулась она.

Нежно-розовое платье безнадежно вышло из моды. Антония ни разу не надевала его с тех пор, как бежала из дому с Джонни. Она не раз спрашивала себя, зачем хранит его. Это красивое дорогое платье напоминало ей, что суровая мисс Смит не полностью подчинила себе мятежную Антонию Хиллиард.

Собираясь на свидание с Рейнло, Антония безотчетно выбрала это платье. Оно не принадлежало ни юной любовнице Джонни Бентона, ни невзрачной компаньонке Касси. У бледно-розового платья не было своей истории, а этой ночью Антонии хотелось быть женщиной без прошлого.

На губах Рейнло мелькнула тень улыбки.

— Это платье из тех времен, когда ты еще не была Антонией Смит.

Антония удивленно подняла глаза. Должно быть, Николас знал или угадал печальную историю ее жизни.

— Да.

Голос Рейнло упал до хриплого шепота:

— Я хочу тебя видеть.

Казалось, воздух в комнате сгустился, стало трудно дышать. Антония вдруг ощутила в себе необычайную силу, способную сдвинуть горы.

— Так раздень меня, Николас, — чуть слышно произнесла она.

Его имя слетело с ее губ легко и естественно. Она нежно погладила Рейнло по щеке.

В ответ Николас робко коснулся губами ее губ. В его поцелуе не было ни голодной страсти, ни желания покорить. Так же нежно Рейнло поцеловал Антонию у ручья в Суррее, едва не разбив ей сердце. Так мужчина целует женщину, которую любит. Слезы обожгли ей глаза. Антония отчаянно пыталась защититься от Николаса, но оказалась целиком в его власти. Скорость, с которой Рейнло раздел ее, смутила бы Антонию, если бы руки его не дрожали от волнения. Она очнулась от раздумий, лишь когда осталась в одной прозрачной сорочке. Эта белая шелковая сорочка, расшитая прелестными розами, тоже принадлежала когда-то безрассудной леди Антонии Хиллиард. Волосы ее в беспорядке рассыпались по плечам.

— Подожди, — произнесла она чужим голосом.

Положив руку Николасу на грудь, она почувствовала его прерывистое дыхание.

— Боже милостивый, Антония, не мучай меня! — воскликнул Рейнло.

— Я тоже хочу тебя увидеть, — прошептала Антония и притянула к себе Николаса. — Ты одет так, будто собрался на званый вечер к герцогине.

Рейнло издал короткий смешок. Антонию всегда восхищала его способность смеяться над собой.

Рейнло стремительно сбросил сюртук и снял рубашку. Со взлохмаченными золотыми волосами он походил на неряшливого ангела. Впрочем, в распутнике маркизе было больше дьявола, чем от ангела.

Разглядывая его обнаженную грудь, Антония почувствовала, как пересохло во рту. Ее переполняло радостное предвкушение. Она не могла отвести глаз от широкой груди, поросшей золотистыми волосками. Антония облизнула губы. Этот беспомощный жест не укрылся от внимания Рейнло.

— Сними брюки, — сдавленным голосом произнесла она, едва владея собой.

Она ожидала, что Николас откажется повиноваться ее приказам, но тот мгновенно поднялся с кровати, поспешно разулся и сбросил брюки.

Сердце Антонии бешено заколотилось в груди. Нагота Николаса ошеломила ее. Он был слишком красив для смертного. Неужели этому богоподобному существу не чужды земные радости?

Взгляд ее скользнул вниз, на ту часть его тела, к которой она так мечтала прикоснуться. На мгновение у Антонии перехватило дыхание. От Николаса исходило ощущение могущества и силы. Его огромный жезл готов был пронзить ее насквозь. Неудивительно, что в летнем домике она чувствовала себя слабой и беспомощной. Антония подняла глаза, ожидая увидеть на его лице гордую усмешку превосходства, торжество победителя.

Рейнло смотрел на нее неподвижным взглядом. Грудь его вздымалась; казалось, он с усилием втягивает воздух сквозь стиснутые зубы. Кулаки его сжимались и разжимались, словно он боролся с желанием схватить ее в объятия.

Антония с удивлением поняла, что Николас не празднует победу. Напротив, он сам оказался в плену мучительного желания. Как и Антония, он страдал от собственного бессилия перед этим непостижимым чувством.

Откровенная страсть Рейнло пробудила в ней острый, нестерпимый голод, желание ощутить касание его рук, тяжесть его тела. Однажды она уже познала, что значит принадлежать ему. Теперь ей хотелось испытать это вновь.

Антония замерла, чувствуя, как внутри разливается горячая влага. Ее тело словно сковало судорогой. Дыхание с трудом вырывалось из приоткрытого рта. Она сжала дрожащими пальцами ткань сорочки и неловко сняла ее, оставшись нагой.

Глаза Николаса полыхнули голодным огнем, черты лица заострились. Это неприкрытое вожделение заставило бы Антонию испуганно отшатнуться, если бы то же чувство не раздирало ее саму. Вот почему, несмотря на все опасности, она не нашла в себе сил отказаться от свидания с Рейнло. Ею владела страсть. Безумное, неистовое желание. Безжалостное влечение, которому она не могла сопротивляться.

Внезапно ее захлестнуло пьянящее ощущение собственного могущества. Антония тряхнула головой, отбросив назад волосы, и глубоко вдохнула, бесстыдно выставив вперед грудь.

Она сглотнула, пытаясь смочить пересохшее горло, и произнесла единственные слова, которых ждал от нее Рейнло:

— Возьми меня, Николас.

Глава 19

Страстный хриплый шепот Антонии сломил волю Рейнло.

Отбросив сдержанность, он повалил Антонию на кровать и накрыл ее тело своим. Обхватив руками ее бедра, он осыпал шею и плечи дождем поцелуев. Дождем куда более яростям, чем тот, что барабанил по окнам. Великая буря бушевала в Рейнло. Антония волновала его кровь, как ни одна другая женщина до нее. Пытаясь усмирить в себе ненасытного зверя, Рейнло поднял голову и посмотрел на Антонию. Лицо ее пылало, полные губы горели от его жадных поцелуев, но в глазах застыло выражение беззащитности.

Видя ее наготу и уязвимость, Рейнло ощутил непривычное смятение. Никогда прежде он не испытывал подобных чувств в постели с любовницей. Бывалый ловелас, он не страдал от неуверенности в себе, но эта женщина не походила на остальных его случайных спутниц. Она заслуживала большего, чем мог ей дать отъявленный повеса.

Рейнло коснулся тугой жемчужины ее соска. Пальцы его предательски дрожали. У Антонии

вырвался возглас блаженства, бледные круги вокруг ее сосков стали темно-розовыми. Николас знал, как восхитительно чувствительна грудь Антони, и все же охватившая ее дрожь отозвалась в нем обжигающей волной желания. В его душе всколыхнулось смятение.

— Ты прекрасна, — прошептал он, наклоняясь и целуя ее грудь.

Антония выгнула спину.

Сжав губами ее сосок, Николас медленно обвел его языком.

Рука скользнула вниз, к легкому светлому пушку внизу ее живота, лаская и дразня. Зубы его легонько куснули сосок, Антония тихо всхлипнула и застонала.

От каждого прикосновения к ней Николас получал неизъяснимое блаженство. Эта женщина заставила его пройти все круги ада, но теперь он сжимал ее в объятиях. Рейнло не в силах был поверить своему счастью. Еще один жалящий поцелуй, и он поднял голову.

В прошлый раз он овладел Антонией в темноте. Теперь он жаждал видеть ее прелестное лицо, наблюдать, как оно меняется.

— Не останавливайся, — хрипло взмолилась Антония и, качнув бедрами навстречу ласкающей руке Николаса, нетерпеливо развела ноги.

— Ни за что.

Казалось, прикоснуться к ней так же приятно, как лежать, греясь в теплых лучах солнца. Прежде жизнь Николаса была холодной, как ненастная зимняя ночь. Он осыпал поцелуями прекрасную грудь Антони, о которой так долго грезил.

— Ты не представляешь, как сильно я тебя желаю.

Его рука коснулась ее лона. Антония издала сдавленный крик, вздрогнув всем телом. Губы Рейнло ласкали ее соски, а пальцы мучительно медленно гладили шелковистую плоть, жаркую и влажную.

В неистовом порыве Антония сжала ладонями его голову, зарылась пальцами в волосы. Лишь когда ее хриплые вздохи превратились в отрывистое стаккато, Рейнло смягчился. Прижавшись губами к мягкому плоскому животу Антони, он нетерпеливо развел руками ее бедра.

По его телу прошла судорога. Из горла вырвался восторженный вздох.

Его взгляд с жадностью впился в ее лоно. Припухшее, розовое, блестящее от влаги. У него закружилась голова от пьянящего аромата ее плоти, полной желания. А может быть, тому виной было его бешено бьющееся сердце.

Он приник губами к этому благословенному роднику, ощущая солоноватый вкус страсти. Всего несколько мгновений спустя по телу Антони пробежала дрожь, с губ ее сорвался крик. Никогда прежде Николас не испытывал подобного блаженства. Хриплые стоны Антони звучали для него райской музыкой.

Его пальцы скользнули к ее лону, вторя жалящим движениям языка. Вскрикнув, Антония на миг замерла, захваченная новым ощущением. Держа ее в объятиях, Рейнло испытал странное чувство, будто окружающий его мир стал другим. Не будь он так распален желанием, то

чертовски испугался бы.

Его рука проникла в тайну ее плоти, и в одно мгновение Антония унеслась в мир чувственных грез, далекий от этого мира.

— О да!..

Блаженный крик Антонии показался Николасу самым сладостным звуком на земле. Его пальцы и губы ласкали ее плоть. Антония подвела его к грани безумия. Он жаждал ответить ей тем же. Он даст ей наслаждение, сокрушительное как буря. Он заставит ее обратиться в пепел и восстать с его именем на устах.

Она будет принадлежать ему. Всецело.

Откуда этот всепоглощающий голод, откуда эта нестерпимая жажда обладания? Захваченного страстью Рейнло это уже заботило.

Тело Антонии еще трепетало от пережитого блаженства, Николас уже спешил вновь вознести ее на вершину. Ее пальцы погрузились в его волосы и с силой потянули золотистые пряди. Рейнло впитывал ее нектар, его зубы, язык и губы изжигали страсть Антонии, доводя наслаждение до безумно- крещендо.

Антония достигла пика поразительно быстро, ошеломив Николаса. Он так долго жил в плену мучительных фантазий, что реальность, яркая, головокружительная, незабываемая, превзошла его мечты.

Он жаждал вновь доставить Антонии наслаждение, заставить ее исступленно шептать его имя. Ему хотелось увидеть ее опьяненной, околдованной страстью, которую мог утолить лишь он один. Его обуревало желание овладеть ею, но, глядя на нее, трепещущую, молящую, беспомощно распростертую перед ним, он испытывал острый хмельной восторг.

— Николас... — надломленным голосом взмолилась Антония.

Ее пальцы, еще недавно яростно терзавшие волосы Рейнло, ослабев, нежно перебирали золотистые пряди.

— Николас, подожди.

Рейнло неохотно поднял голову. В глазах Антонии читалось смятение.

— Я хочу ощутить тебя внутри себя. Почувствовать, как наши тела сливаются воедино. Хочу чувствовать тебя, знать тебя одного, думать только о тебе.

Голос ее прервался, наступила тишина. Тяжело дыша, Антония устремила на Николаса обжигающий взгляд. Лицо ее исказилось. Казалось, ее терзает буря противоречивых чувств.

Рейнло медленно сел на постели, неотрывно глядя на Антонию.

Густые ресницы Антонии затрепетали, на губах показалась неуверенная улыбка.

— Я смутила тебя?

— Нет... — начал было Рейнло, но осекся. Искренность Антонии заслуживала честного ответа. — Да.

Запрокинув голову, Антония посмотрела ему в лицо. Николасу почудилось, что он заглянул в душу, сияющую в ясной синеве ее глаз.

— Поцелуй меня.

Николас подчинился, ошеломленный ее страстью, ее желанием. Антония...

Подняв голову, он увидел ее глаза, затуманенные восторгом.

— Скорее, Николас, — чуть слышно проговорила она, теснее прижимаясь к нему.

Наконец-то...

Рейнло качнул бедрами и медленно пронзил ее плоть. Казалось, время застыло, мгновение превратилось в вечность. Блаженство затопило Николаса. Это было похоже на... возвращение из изгнания. Будто в беспокойном, бушующем мире он обрел, наконец, долгожданное пристанище.

Антония затрепетала, раскрываясь навстречу ему. Лицо ее застыло, словно она, подобно Николасу, сознавала необычайную важность происходящего. Желание ревело в голове Рейнло тысячью труб: «Возьми ее, возьми ее, возьми ее». И все же поборол в себе искушение сделать еще один яростный выпад.

Антония вздохнула и повела бедрами, стремясь сделать их слияние еще полнее. Ее ладони сомкнулись у Рейнло на затылке.

— Николас, не играй со мной.

И вновь звук собственного имени заставил Рейнло вздрогнуть, словно в грудь ему вонзили кинжал. Какой могучей властью над ним обладала эта удивительная женщина.

— Я пытаюсь... сдержаться, — пробормотал он.

— Но мне все равно, — резко возразила Антония, страстно выгибая спину.

Николаса обдало волной жара, он едва владел собой.

— Мне не все равно.

«Мне не все равно...»

Понимание сверкнуло яркой вспышкой света в багровом тумане страсти. Ему действительно небезразлична эта женщина. Господь всемогущий, Антония была для него не просто великолепной пылкой любовницей.

Рейнло тотчас замкнулся, потрясенный своей опрометчивой откровенностью. Отгородиться было легче всего, ведь и сама Антония не верила в его благие намерения.

Да и слышала ли она его невероятное признание, произнесенное хриплым срывающимся голосом? Рейнло хотел бы заставить ее забыть эти глупые слова, утопить их отзвуки в стремнине страсти. Но, несмотря на все его старания, благоговение, сквозившее в каждом его прикосновении, выдавало непрошеную правду.

Он равнодушен к Антонии.

Пытаясь подавить бушевавшее в душе смятение, Рейнло незаметно качнул бедрами. Тело Антонии пламенело желанием. Дыхание с шумом вырывалось из груди, ногти больно впились в плечи Рейнло, раздирая кожу. Но куда больнее терзала Николаса сдерживаемая страсть. Из последних сил он боролся с собой, чтобы доставить наслаждение той, которая владела его душой.

Затеянная им игра вовсе не походила на игру. Яростное сплетение их тел грозило покачнуть ось Вселенной, сбросив планеты с их орбит.

Антония тихо вскрикнула, глубже вонзив ногти в плечи Николаса. Должно быть, наутро на его теле останутся кровавые борозды, как после схватки с разъяренной тигрицей.

Дрожа от нетерпения, Антония неловко согнула колени. Ее спина снова выгнулась. Неимоверным усилием воли Николасу удалось устоять.

— Пожалуйста... — надломленным голосом взмолилась Антония. — О, пожалуйста...

В ее стоне было столько откровенной страсти, что по спине Рейнло прокатилась обжигающая волна. Он больше не мог сдерживать себя. Багровые вспышки полыхали у него перед глазами, тело мучительно напряглось в последнем усилии. Еще мгновение, и его подхватит безжалостный сокрушительный водоворот.

И вдруг из самых глубин его существа вырвались слова, с которыми беспутный маркиз никогда прежде не обращался к женщине. В последний миг перед тем, как ринуться в бездну безумия, Рейнло понял, зачем терзал Антонию, удерживая на краю пропасти.

— Скажи, что ты моя, — прохрипел он чужим, незнакомым голосом. — Черт возьми, Антония, скажи, что ты моя.

Из ее горла вырывались глухие стоны, голова металась по подушке, густые ресницы трепетали. Антония извивалась в его руках, пытаясь прижаться к нему еще теснее, но он сопротивлялся из последних сил.

— Скажи, — повторил Николас.

— Николас... — беспомощно прошептала Антония.

Она открыла глаза, устремив в потолок затуманенный взгляд.

— Я...

— Скажи, Антония.

Бедра Антонии дрогнули в тщетной попытке приблизиться, и Николаса словно обожгло пламенем. Казалось, мозг его пронзила раскаленная игла.

— Я...

Лицо Антонии исказилось от страсти и муки. Рейнло знал: силы ее на исходе. Ногти ее, словно ножи, терзали его плоть.

— Скажи.

Он призвал на помощь всю свою твердость и решимость, но страсть брала над ним верх.

— Я...

Бедра Антонии выгнулись, перед глазами Рейнло промелькнула огненная вспышка. Он понял, что проиграл битву. С чайным стоном он погрузился в ее жаркую плоть. Два тела слились, словно никакая, даже самая могучая сила не могла их разъединить.

Будто Антония никогда не отпустит его, не разомкнет объятий.

Она шумно вздохнула и приподнялась; ее твердые, как бусины, соски коснулись груди Рейнло.

— Я твоя, — шепнула она.

Ее слова опалили Николаса словно раскаленное докрасна тавро. С блаженным вздохом он закрыл глаза, готовясь испытать торжество победителя.

И не почувствовал триумфа.

Он не одержал победу в этой войне. Признание Антонии звучало отголоском слов, рвущихся из глубин его сердца. Если Антония принадлежала ему, то и он принадлежал ей. Всецело. Навсегда.

Глава 20

Пальцы Антонии впились в скользкую от пота спину Николаса. Твердые бугры мышц дрожали от напряжения. Пригвожденная к постели, Антония с необычайной остротой чувствовала тяжесть его мощного тела, жар его восставшей плоти. Рейнло неподвижно застыл, словно нечаянное признание Антонии обратило его в камень.

Потом внезапно он пришел в движение. Его яростные выпады наполнили душу Антонии смесью ужаса и восторга, кровать жалобно закричала. Два сплетенных тела стали единым целым. Подхваченные волнами бушующего пламени, они грузились в жерло огненного вулкана. Неистовство Николаса пробудило в Антонии дикую, безудержную страсть. Она трепетала словно натянутая струна, ее ногти глубоко вонзились в плечи Рейнло. Казалось, с каждым его движением полыхающий в ней пожар разгорается все сильнее.

Наконец неодолимая могучая сила оторвала ее от земли и вознесла к небесам, объатым огнем. Дрожащая, задыхающаяся, Антония замерла, чувствуя, как жадные языки пламени лижут ее плоть.

Казалось, мгновения блаженства длились целую вечность. По телу Антонии пробежали волны дрожи, перед глазами сверкали ослепительные вспышки. Она закрыла глаза, отдавая себя во власть яростной стихии.

Сквозь наплывающий туман наслаждения она почувствовала, как дрогнуло тело Николаса. Глухо застонав, он запрокинул голову, жилы на его шее вздулись. Антония ощутила, как внутри ее разливается его горячая влага.

Новая огненная лавина увлекла ее за собой, а в следующий миг Николас тяжело обрушился на Антонию, придавив ее к кровати. Она замерла, скованная блаженной истомой, по щекам катились слезы.

Пережив такое, сможет ли она жить без Николаса?

Рейнло уткнулся лицом Антонии в плечо. Его окутывал запах страсти, пряный аромат телесных соков. Кровь клокотала в нем. Бешеные удары сердца отдавались в ушах грохотом. Забытье наплывало волнами.

Никогда в жизни Николас не испытывал подобного блаженства.

Он все еще бродил среди звезд, затерянный странник в бесконечных мирах Вселенной. Рейнло всегда считал себя знатоком в искусстве любви, человеком, знающим все о чувственных наслаждениях. Как жестоко он ошибался. Черт возьми, до этой ночи он и понятия не имел, что такое истинное блаженство.

Наконец сквозь путаницу обрывочных мыслей пробилась одна: должно быть, он совсем раздавил Антонию. Она была высокой и сильной, под стать рослому могучему мужчине, и все же Рейнло весил изрядно. Он неохотно приподнялся, хотя их тесное объятие доставляло ему несказанное удовольствие.

— Нет, — сонно запротестовала Антония, стоило ему пошевелиться.

Ее ладони принялись мерными круговыми движениями гладить его спину. И с каждым завершённым кругом у Рейнло замирало сердце. Антония обладала магической властью над ним. Даже теперь, когда бушующий пожар желания угас, обратившись в тлеющие угли, легчайшее ее прикосновение отзывалось дрожью в его теле.

— Мне лучше подвинуться.

Рейнло замер, наслаждаясь медленными ленивыми движениями ее рук. Будь он котом, он бы замурлыкал.

— Нет, еще нет.

Николас со вздохом подчинился. Ему не хотелось нарушать связавшую их молчаливую близость, подобную легкой ряби океана.

Он знал, что поддается самообману, столь же далекому от реальности, как и грезы курильщика опиума. Но доводы рассудка оказались бессильны. Тихая радость захватила все его естество. Он лежал рядом с женщиной, которую так долго желал. С женщиной, отдавшей ему безоглядно. Необычайно остро он ощущал ее пьянящую близость. Аромат ее кожи, белокурых волос кружил ему голову.

Время и пространство расплывались в золотистой дымке. На Рейнло накатывала приятная дремота.

С трудом повернув отяжелевшую голову, он приник губами к шее Антонии. Несколько долгих мгновений он молчал, удерживаясь на грани сна и яви, потом заставил себя заговорить:

— Я был неосторожен.

Руки Антонии замерли, она тяжело перевела дыхание. Из-за тяжести тела Николаса или из-за его слов?

После короткого молчания ее ладони вновь заскользили его спине.

— С этим мы ничего не можем поделать.

Ее голос звучал удивление ровно.

Нахмурившись, Рейнло зарылся лицом в ее мягкие волосы, пахнущие лавандой. В словах Антонии слышалась непривычная покорность судьбе. Он должен был видеть ее лицо.

Николас неохотно откатился в сторону. Разомкнув объятия, он ощутил, как мучительно сжалось сердце. Счастье оказалось слишком быстротечным. Он и не знал, что покидать благословенный рай будет так нестерпимо горько.

Приподнявшись на локте, он подпер ладонью подбородок.

— В Суррее я обещал, что не оставлю тебя с ребенком.

Чуть вздрогнув, Антония откинула голову на подушки и отвела со лба непослушные пряди. Взгляд ее казался печальным и строгим.

— Мы оба забыли об осторожности.

Рейнло недоверчиво прищурился. Спокойствие Антонии озадачило его. Он ожидал от нее вспышки ярости, обиды. Проклятие, как он мог быть таким беспечным?! Его душил гнев на себя самого.

— Но могут быть последствия, — мягко возразил он.

На лицо Антонии набежала тень.

— Я... С Джонни я не забеременела, — нерешительно произнесла она.

Имя Бентона словно проложило между ними грозную пропасть, ощерившуюся пиками скал.

Рейнло хотелось что-то сказать, но на языке у него вертелся гневный вопрос: «Как могла женщина, подобная Антонии, потерять голову из-за болвана вроде Бентона?»

В комнате повисло тягостное молчание.

Наконец Антония заговорила:

— Возможно, я бесплодна.

Он промолчал, хотя желудок его свело в тугой ком от бессильной ярости. В голове теснилось множество вопросов. Наконец молчание стало невыносимым, как невыносимо было лежать рядом с Антонией, не касаясь ее. Николас сжал ее руку, и тотчас в нем пробудился голодный зверь, ощеривший клыки.

Рейнло перевел дыхание и задал вопрос, терзавший его с той минуты, когда он понял, что Антония не девственница.

— Расскажешь мне о Бентоне?

Антония страшилась этого мгновения, хотя и знала, что оно неизбежно настанет. Ее захлестнула горечь давней обиды.

Всякий раз, вспоминая ошибки юности, она чувствовала, как сердце сжимается от стыда, словно в груди распускает кольца клубок ядовитых змей. Эта ночь, полная бесконечного

блаженства, должна была навсегда запечатлеться в ее памяти. К чему омрачать ее признаниями вины?

Печальная история ее жизни была надежно спрятана в тайниках ее души. Антония никогда не говорила о том, что случилось десять лет назад. И меньше всего ей хотелось доверить свои секреты самому отъявленному распутнику Англии.

Она приготовилась дать Николасу отпор, заявить, что не обязана ничего ему объяснять, ведь ее прошлое нисколько его не касается. Повеса, погрязший в разврате, не вправе требовать от своей любовницы отчета о ее былых связях.

Антония открыла рот, чтобы осадить Николаса, но у нее вырвались совсем иные слова.

— Джонни учился в Оксфорде вместе с моим братом. Он приехал к нам в дом погостить, когда мне едва исполнилось семнадцать.

— Бентон тотчас распознал в тебе красавицу, верно?

В голосе Николаса слышался гнев.

— Разумеется, он льстил мне, — произнесла она тоном, лишенным всякого выражения.

Николас отнял руку, и Антонию охватило чувство потери. Рейнло снова повернулся на бок и обратился в слух. В уголках его губ залегли горькие складки.

— Готов поспорить: этот мерзавец накопал столько сонетов, что их с лихвой хватило бы, чтобы обклеить здание парламента.

Антония невесело усмехнулась.

— И Королевский павильон в Брайтоне в придачу.

Эта робкая шутка не смягчила выражение лица Николаса.

— Хотя Бентон и глупец, но вкус у него отменный. Ты бесценная жемчужина. Мне странно лишь, что такая женщина, как ты, могла увлечься этим жалким хнычущим сосунком.

«Бесценная жемчужина»? Антония поспешила скрыть удивление. Но ей не удалось утаить свои чувства, когда губы Николаса коснулись ее губ. Этот быстрый поцелуй каким-то непостижимым образом пробудил в ней доверие. Она понимала: это нелепо, ведь Николас едва ли мог считаться образчиком морали, — но ей невыносимо было думать, что Рейнло презирает ее за связь с Джонни.

Ее пальцы вцепились в простыню, по телу прокатилась жаркая волна желания. Антония чувствовала себя беспомощной перед Николасом, но стоило ли этому удивляться? Какая женщина смогла бы устоять перед блестящим красавцем маркизом? И все же с каждым мгновением Антонию все больше захватывала опасная страсть к мужчине, скрывавшемуся за маской неотразимого сердцееда и светского баловня. Этот непредсказуемый, нежный, насмешливый мужчина был бесконечно одинок, хотя, возможно, и не догадывался об этом. А может быть, Антония лишь обманывала себя?

Ласковый поцелуй Николаса помог ей продолжить тягостную исповедь. Она задумалась, перебирая, в памяти горькие воспоминания.

— Появление в доме такого красивого молодого человека глубоко взволновало меня. Прежде моя скучная уединенная жизнь не отличалась разнообразием. Джонни был первым мужчиной, обратившим на меня внимание.

— Бентон всегда слыл покорителем женских сердец. — Глаза Николаса сузились, полыхнув гневным черным огнем. — Ты, конечно же, воображаешь, будто все еще любишь этого подлеца.

В резком голосе Рейнло звучало негодование. И убежденность.

Глава 21

— Что за вздор.

На мгновение Антония оцепенела от гнева и дрожащими руками натянула на грудь простыню.

Николас смерил ее недоверчивым взглядом.

— Наверное, тогда ты думала, что любишь его.

— Тогда я поддалась безумию, — безжизненным голосом произнесла она.

— Так в этом твое оправдание?

Вновь наступила гнетущая тишина. Николас лежал рядом с Антонией, не сводя с нее взгляда, в ега неподвижной позе сквозили гнев и досада. Будь на его месте другой мужчина, Антония решила бы, что он ревнует, но подозревать маркиза Рейнло в собственнических чувствах было бы смешно. Жалкая мисс Смит ничего для него не значила.

Призвав на помощь остатки мужества, она без всякой убежденности сказала себе, что сможет признаться в давних прегрешениях. Закусив губу, Антония опустила глаза. Пальцы ее нервно комкали и разглаживали простыню. Прерывисто вздохнув, она заставила себя продолжить:

— Я скучала, меня терзало любопытство; хотелось узнать больше о мире, который, как я опасалась, мне никогда не удастся увидеть. Джонни показался мне божеством, спустившимся с небес в ответ на мои молитвы. Смешно, не правда ли, учитывая, что он в действительности собой представляет? Я искренне верила, что мужчина, исписывающий стихами целые тетради, должен обладать возвышенной душой.

В голосе Антонии звучали горечь и презрение к себе.

— Ты была романтичной.

Антония вздрогнула как от удара, хотя в словах Николаса не было осуждения.

— В конечном счете, из меня выбили эту дурь.

— Могу себе представить, как обхаживал тебя этот подонок.

Антония вцепилась в простыню.

— Разумеется. Ведь ты такой же повеса, как и он.

Рейнло гневно оскалил зубы.

— Однако едва ли кому-то вздумается вообразить, что у меня возвышенная душа.

Еще недавно Антония согласилась бы с этими словами, но последние несколько дней заставили ее усомниться, верно ли она судила о Николасе.

Возможно, в нем было больше рыцарства и благородства, чем ему казалось.

— Я была легковерной дурочкой, — с сожалением произнесла Антония. — Я думала, что вернусь с победой после романтического приключения, став женой и вдохновенной музой молодого литературного гения.

— И все же я не понимаю, почему Бентон не женился на тебе.

Николас взял ее за руку. Антония знала: он хотел ее утешить, хотя и ответил бы злой насмешкой на слова благодарности. Лицо его потемнело от гнева, но в мягком прикосновении сквозила нежность.

— Десять лет назад Джон Бентон и сам был почти мальчишкой, хотя это несколько его не оправдывает. И я не сказал бы, что с годами он превратился в исчадие ада. — Николас осекся и с усилием добавил: — В дьявола вроде меня.

И вновь глупое сердце Антонии зашептало, что он лишь очерняет себя.

— Да, Джонни не был порочным негодяем. Он был самовлюбленным безвольным глупцом, убежденным, что весь мир должен лежать у его ног только потому, что Господь одарил его красотой.

Антония помолчала. Даже после стольких лет ей было мучительно больно вспоминать дни своего позора и унижения. Пальцы Николаса ободряюще сжали ее руку. Антония заговорила глухим безжизненным голосом.

— Джонни не женился на мне, потому что сохранил еще крупницы чести. Он уже был женат.

Николас резко выпрямился, с силой сдавив ладонь Антонии.

— Вот дьявольщина, я понятия не имел.

— Об этом никто не знал.

Антония передернула плечами, стараясь придать голосу равнодушие, но Николас видел, как горько ей признаваться в своем легковерии.

— Перед поступлением в Оксфорд он обзавелся содержанкой, актрисой. Она родила ему ребенка. Не представляю, как этой женщине удалось женить его на себе. Должно быть, она прибегла к угрозам. Джонни никогда не отличался храбростью и дрожал за свою репутацию.

Антония облизнула пересохшие губы. Воспоминания о лживых обещаниях Бентона и о собственной глупости вызвали у нее жгучее желание спрятаться, забиться в темный угол.

— Не знаю, что случилось с ребенком. Джонни уверял, что сам ничего не слышал о нем.

Николас издал глухое рычание. Выпустив руку Антонии, он резко откатился в сторону и вскочил с кровати. Несмотря на подавленность и стыд, Антония почувствовала невольное восхищение, заметив, что он не испытывает смущения или неловкости от своей наготы. В

движениях великолепного тела Рейнло сквозила величавая грация дикого зверя.

Он уверенно направился к изящному комоду из красного дерева. Антония с волнением разглядела у него на спине кровавые борозды, оставленные ее ногтями. Десять долгих лет страсть оставалась для нее под запретом. Но к добру или к худу, с Николасом она вновь открыла для себя неодолимую силу желания. И пережитое блаженство было столь ошеломляющим, что Антония не испытывала сожаления.

— Когда ты узнала правду?

Стараясь сдерживать бушевавшую в нем ярость, Рейнло взял с подноса графин с кларетом.

Антония выше натянула простыню, говоря себе, что выдержит это испытание. У нее достанет сил закончить свою горькую историю, как бы ни было больно.

— Месяц спустя мой отец выследил нас. Мы жили в Виченце. В убогой нищете.

Антония содрогнулась, вспоминая, ее унижение. Сквозь туманную пелену перед глазами она видела, как Николас наполняет вином бокалы. Прерывисто вздохнув, она заставила себя продолжить рассказ.

— Я так и не увидела ни Рима в сиянии луны, ни Неаполитанского залива. Джонни не приходило в голову, что нужно раздобыть денег, прежде чем бежать из Лондона с сестрой своего лучшего друга.

— Ничтожный болван.

Губы Николаса гневно сжались тонкую линию. В черных глазах читалось бесконечное сострадание.

— Джонни был еще больше меня разочарован крушением своих романтических грез. — Антония вновь попыталась придать голосу нотку язвительности, но, как и прежде, безуспешно — в ее напускном равнодушии чувствовалась фальшь. — Я всегда была практичной — во всяком случае, мне удалось выстоять, когда пришлось жить на очень скромные деньги в чужой стране. Мне повезло, что Джонни не пустил меня по рукам и не продал какому-нибудь сластолюбцу, предложившему хорошую цену. Хотя так вполне могло бы случиться, если бы мой отец не выплатил все наши долги.

Встав возле кровати, Николас поднес к губам бокал. Антония подняла взгляд на Рейнло. На его щеке дергался мускул, а глаза казались бездонными.

— Отец хотел тебя вернуть?

У Антонии вырвался горький смешок.

— Так кто из нас двоих романтик? Нет, он обозвал меня грязной шлюхой и заявил, что я для него умерла. — Произнести эти слова оказалось мучительно больно, словно с Антонии бритвой срезали кожу. — Родственникам и соседям действительно сказали, что я умерла. Отец объявил, что я подхватила смертельную лихорадку, путешествуя по Франции вместе с кузиной. Отрекшись от дочери, он сообщил мне, что мой великолепный любовник женат.

— Этот негодяй клянется, что все еще любит тебя, — презрительно бросил Николас. — Он явился к вам домой, но твой брат сказал ему, что ты мертва.

Антония давно убедилась в слабости и безволии Бентона, поэтому слова Рейнло не вызвали у нее ни удивления, ни гнева. Разрушить ее жизнь, а через десять лет разыгрывать безутешную скорбь — как это похоже на Джонни.

— Ему нравится изображать страдальца, упиваться трагедией, — сурово произнесла Антония. Ее жалость к Джонни сменилась презрением. — Ни один мужчина не обошелся бы так с женщиной, которую любит, как Джонни поступил со мной.

— Но ты все еще его любишь?

Странно, Антония не подозревала, что Рейнло способен задумываться о любви. Глядя ему в глаза, она заговорила с твердой уверенностью:

— Я не люблю Джонни Бентона. Я не любила его и десять лет назад, хоть и убедила себя, что люблю. То, что я принимала за любовь, было лишь игрой в великую страсть. — Голос Антонии упал до шепота, теперь в нем слышалась глухая ненависть к себе. — Я совершила глупость, сбежав с Джонни. Уже через пару дней я поняла свою ошибку. Но подобные ошибки невозможно исправить.

Николас нахмурился.

— Ты была совсем юной.

— Но достаточно взрослой, чтобы быть осмотрительнее, — резко возразила Антония. — По крайней мере, моему отцу удалось избежать скандала. Он сохранил в тайне историю моего безумства. За десять лет до меня не дошло ни единой сплетни. Впрочем, едва ли отцу потребовалось много усилий, чтобы уничтожить слухи. Кроме родственников и соседей, почти никто не знал о моем существовании. В школу я не ходила, ко мне приглашали гувернанток. Я никогда не выезжала в Лондон. Боже милостивый, я ни разу не бывала нигде дальше Ньюкасла.

Николас окинул Антонию изучающим взглядом.

— Неудивительно, что ты задыхалась от скуки. Жестоко держать умную, страстную, полную жизни девушку вдали от мира словно парию.

— Твои передовые взгляды делают тебе честь, — не без язвительности заметила Антония.

И все же Николай снова сумел ее удивить. Подумать только, этот закоренелый распутник выступал в защиту женских прав.

— Я рос в окружении целого полчища сестер. Мне хорошо известно, что может случиться с женщиной, которая не нашла себе достойного занятия. Будь у вашего отца хоть капля здравомыслия, он понял бы, что такой необыкновенной, яркой девушке, как ты, нужна сцена пошире.

Сердце Антонии взволнованно замерло. Николай вновь пытался оправдать ее безрассудство. Вдобавок он назвал ее необыкновенной.

— Спасибо.

Мимолетным нежным движением он коснулся ее щеки, и Антонию пронзила дрожь.

— Ну что ты, дорогая.

В первый раз Николас назвал ее дорогой на балу у Мерриуэдеров, когда спас от случайной встречи с Джонни. Даже теперь воспоминание об этом заставляло ее трепетать от желания. Смущенная, Антония не находила слов. Но прежде чем она нашлась с ответом, Рейнло продолжил:

— Раз никто не знал о твоём бегстве, почему же отец не вернул тебя домой?

— Потому что я ослушалась его и должна была за это поплатиться, — с горечью произнесла Антония.

Она с усилием сглотнула подступивший к горлу ком. Даже десять лет спустя боль изгнания казалась нестерпимо острой.

— Мой отец не желал видеть дочь своенравной потаскухой.

— И он оставил тебя на милость Бентона? — ужаснулся Николас.

Антония безучастно пожала плечами, хотя мучительные воспоминания о том страшном дне, когда лорд Эйвсон ворвался в их жалкую комнатку в Виченце, преследовали ее словно навязчивый кошмар. Полный решимости запретить дочери приближаться к родительскому дому, отец предпринял утомительное путешествие по Италии, чтобы лично объявить ей свою волю. Он пожелал избавить Антонию от иллюзий, что когда-нибудь смягчится и примет ее в Блейдон-Парке. Он сильно недооценил догадливость своей дочери. Стоило ему войти и обратиться к ней с презрением, будто она грязь у него под ногами, как Антония тотчас поняла: ее проступок навсегда уничтожил всякую связь между ними. А известие о тайном браке Джонни прозвучало финальным ударом колокола в погребальном звоне ее «великого приключения».

До конца своих дней ей не забыть брезгливого отвращения на лице отца, когда тот оглядел их запущенное, убогое жилище. Лорд Эйвсон застал дочь полуодетой. Антония пыталась починить одну из рубашек Джонни, чтобы тот смог показаться в ней на улице. Время близилось к полудню, но Бентон все еще валялся в постели, на смятых несвежих простынях.

— Отец дал мне немного денег, запретив искать встреч с кем-либо из моей прошлой жизни. Он сказал... — Антония судорожно сглотнула, чувствуя едкую горечь во рту. — Он сказал, что собственной рукой застрелит меня, если я попытаюсь приблизиться к дому.

Николас опустил на кровать и взял Антонию за руку. На лице его застыло сочувствие.

— А твоя мать? Твой брат? Неужели они оказались столь же неумолимы?

— Оскорбив гордость отца, я сожгла за собой мосты. Семья отвернулась от меня.

Антония печально улыбнулась, сжав руку Николаса. Как ни смешно, его прикосновение смягчило давнюю боль.

— Не знаю, что бы со мной стало, если б не Годфри Демарест.

Внезапно в воздухе повисло молчание, тяжелое, враждебное. Взамен нежности и сочувствия на лице Николаса промелькнуло незнакомое выражение, от которого Антонию обдало холодом. Казалось, глаза его вспыхнули ненавистью. «Должно быть, это просто игра воображения», —

подумала Антония и продолжила свой печальный рассказ.

— Без покровительства Джонни я не могла оставаться в Италии. Мне пришлось вернуться в Англию.

— Этот ублюдок Бентон мог бы позаботиться о твоей безопасности.

— Отец пригрозил уничтожить Джонни, если тот осмелится вновь ступить на английскую землю.

— Это его не оправдывает. Я бы с радостью сам пристрелил этого мерзкого червя.

Антония давно забыла, что значит иметь защитника.

— Спасибо, — прошептала она.

Николас недоуменно нахмурился.

— За что?

От волнения у Антонии сдавило горло. Слова дружеского участия согревали ее израненную душу. Но, признаваясь, как важно для нее сочувствие Николаса, она слишком откровенно показывала свою слабость и уязвимость.

— За то... что выслушал меня. За то, что не сказал, будто я сама во всем виновата и заслуженно несу наказание. За то, что принял мою сторону.

— Невелика заслуга, — угрюмо проронил Рейнло и, схватив Антонию за руку, прижался губами к ее ладони.

— Случившееся уже не поправишь, слишком поздно, — с речью произнесла она, чувствуя, как от краткого касания его губ по телу растекается тепло. — Отец умер, так и не взглянув на меня.

— Разве теперь ты не можешь вернуться к родным?

Антония покачала головой.

— Я обещала, что не переступлю порог родительского дома, я обесчестила семью, известно об этом в свете или нет. Мама умерла вскоре после моего побега. Брат унаследовал имение, едва ли он примет меня, ведь возвращение блудной сестры спорно бросит тень на его незапятнанное имя. Как он объяснит многолетнее отсутствие? Неожиданное появление той, которую считали умершей, вызовет слишком много вопросов.

— Все можно найти объяснение, — резко возразил Николас. — Возможно, твой брат даже не знает, что ты жива.

— Думаешь, я не говорила себе об этом? Не мечтала снова увидеть брата? Но моему легкомыслию нет прощения. И одиночество — цена, которую мне предстоит заплатить. — Антония вскинула голову, борясь с подступающими слезами. — У Демарестов я обрела дом. К счастью, мистер Демарест узнал меня на пакетботе, следовавшем из Кале в Дувр, и тотчас пришел мне на помощь. Я обязана ему жизнью.

По чистой случайности Антония оказалась на одном судне со своим троюродным братом,

возвращавшимся из очередного набега на парижский полусвет. Хотя они встречались лишь время от времени, Годфри сразу ее узнал. Хиллиарды всегда обладали заметной внешностью.

Антония не обольщалась надеждой, что за добротой Демареста скрывается нечто большее, нежели минутный порыв, но за великодушие отплатила кузену долгими годами преданной службы, выполняя обязанности экономки и компаньонки юной Кассандры. Бесконечные сумасбродные выходки Годфри, неизменно вызывавшие у Антонии досаду, показывали, что кузен не придает значения ее бесчестию. Демаресту ничего не стоило предложить ей убежище, вдобавок ему нравилось играть роль благородного спасителя.

И все же он действительно спас Антонию, оказавшуюся в опасном, безнадежном положении. Она знала, что до конца своих дней не забудет его доброты.

Николас опустил глаза, его густые ресницы отбросили тень на скулы. Пальцы его сжали руку Антонии, и на эту мимолетную ласку тело ее отозвалось волной дрожи. Лицо Рейнло казалось непроницаемым. О чем он задумался?

В его неподвижности Антонии чудился скрытый гнев. Возможно, его переполняла обида за нее, только и всего?

Антония ждала, что Николас станет осыпать проклятиями Джонни и ее отца, хотя всегда винила одну лишь себя в том, что выпало на ее долю. Она совершила грех и понесла заслуженное наказание. Счастье, что с ней не случилось худшего. Нищета и лишения, быть может, вынудили бы ее торговать собой. При мысли об этом Антония подавила невольную дрожь. После Италии у нее не осталось никаких надежд. Ее юность закончилась во время долгого изматывающего путешествия на родину. Именно тогда Антония необычайно остро осознала свою слабость и беспомощность.

Но горький опыт не уберег ее от новой страсти. Забыв о здравомыслии, она поддалась чарам повесы с прекрасным лицом. Охваченная отчаянием, Антония стиснула руку Николаса, словно спасительный канат в бурном море.

Рейнло поднял голову и с нежностью посмотрел на Антонию.

— Спасибо, что доверилась мне.

Он снова поцеловал ее, и у Антонии защемило сердце от неизъяснимой нежности. Она закрыла глаза, но предательские слезы обожгли веки. Поцелуй Николаса заставил ее сердце раскрыться подобий цветку.

Антония знала: после этой ночи пьянящие поцелуи Рейнло останутся в прошлом, — но мысль о том, что ей никогда больше не придется лежать в его объятиях, приводила ее в отчаяние. Она будет тосковать по его поцелуям, с грустью вспоминая его прикосновения, его голос, шутки, смех. И обжигающий жар его тела.

Без Николаса до конца своих дней она будет чувствовать себя опустошенной.

Именно его Антония ждала всю свою жизнь.

Обвив руками шею Николаса, она страстно поцеловала его. Когда чуть позже они с усилием оторвались друг от друга, оба тяжело дышали.

— Заставь меня забыть обо всем, кроме тебя, — прошептала Антония, почти касаясь губами губ

Николаса.

Казалось, ее теплое дыхание — продолжение поцелуя. Она закрыла глаза, отдаваясь во власть страсти. Ее переполняло чувство более сильное, чем желание. Чувство, похожее на нерасторжимую связь истинной любви.

— Обещаю, — сказал Николас и сорвал с нее простыню.

Глава 22

Рейнло очнулся от чуткого полусна. Свечи на ночном стоке почти догорели, казалось, комната настороженно затихла в ожидании, но сквозь дрему Николас уловил какой-то звук.

Он узнал сладкую трель соловья, поющего в саду. Наступил новый день.

Рейнло лежал на спине, а у него под боком свернулась Антония. Ее шелковистые волосы щекотали ему грудь, тонкая рука покоилась у него на животе. Николас крепче прижал Антонию к себе, он не хотел выпускать ее из объятий даже во сне.

Хотя эту комнату и эту постель он никогда прежде не делил ни с одной женщиной, Рейнло необычайно ясно сознавал, где он и с кем.

Антония... Милая, милая Антония.

Его прекрасная девочка. В прошлом ей пришлось немало выстрадать. Николас ощутил щемящую боль в груди при мысли о том, как жестоко поплатилась она за страстность, которой так щедро наделила ее природа. Слушая ее рассказ, он едва сдерживал ярость. Ему хотелось выпустить кишки Бентону, отстегать хлыстом косного деспотичного отца Антонии и вышибить дух из ее брата. Он не задумываясь пожертвовал бы всем, чтобы защитить ее, заслонить собой, избавить от боли.

Николасу уже приходилось испытывать это мучительное ощущение собственной беспомощности. Та же бессильная ярость терзала его, когда Демарест обесчестил Элоизу.

Горькая правда заключалась в том, что гнев не помог ему спасти сестру. Как все его неистовство не могло спасти Антонию, оказавшуюся в сходном положении. По странной прихоти судьбы женщина, к которой его так страстно влекло, разделила злосчастную участь его любимой сестры.

И словно почувствовав, что Николас думает о ней, Антония тихо вздохнула и теснее прильнула к нему.

Ее сонный лепет разжег в Николасе желание. Его плоть пробудилась, сбросив остатки сна. Рейнло не привык обуздывать чувственные порывы и все же подавил стремление овладеть Антонией.

Хотя искушение было чертовски сильным.

Он лишь крепче обнял ее, всматриваясь невидящим взором в полумрак спальни. Его припухшие веки горели от недостатка сна, по телу разливалась приятная усталость.

После признания Антонии Николас вновь овладел ею. В их страстном слиянии огненные мгновения перетекали в часы, чувства тонули в раскаленной лаве обладания. Минувшая ночь

раскрыла немало тайн. Рейнло вообразил, что в этом великом плавании по океану страсти он капитан, вставший у штурвала. Но Антония владела ключами, открывающими двери в незнакомые удивительные миры. Отбросив сдержанность, она всецело отдалась чувствам. А Николас, уже не владея собой, в минуту наивысшего блаженства вновь забыл об осторожности. Казалось, его тело желало утвердить свое владычество над этой женщиной.

Но даже проклиная себя за беспечность, которая грозила обернуться рождением ребенка, разве мог он сожалеть о пережитом восторге? С Антонией он испытал невиданное, ошеломляющее наслаждение. Безумное наслаждение...

Он разомкнул объятия — потрясенный, переполненный пережитым чувством и вместе с тем опустошенный до дна. А потом, хотя отпущенное им время было так драгоценно, погрузился в короткий сон без сновидений. Ни одна любовница не дарила ему подобного блаженства. Ни одна другая женщина не подводила его к краю бездны. Ни одной его спутнице еще не удавалось расколоть твердую скорлупу, в которую Рейнло заключил свои чувства.

Перед Антонией он был беззащитен. И не только в мгновения страсти. Это открытие оказалось самым пугающим.

Антония слегка шевельнула рукой, скользнув пальцами по его обнаженному животу. От прикосновения ее шелковистой кожи Николаса обдало волной жара. Ему хотелось разбудить Антонию и вновь слиться с ней воедино. Когда она сказала, что может остаться до утра, Рейнло решил, что речь идет о темных предрассветных часах. Представив, как Антония тайком выбирается из его дома, чтобы незаметно проскользнуть в особняк негодяя Демареста, Николас почувствовал, как к горлу подступила тошнота.

Багровея от ярости, он задумался, не заигрывал ли с Антонией этот мерзавец. Демарест всегда отличался неумемными аппетитами и, разумеется, давным-давно разглядел яркую красоту кухни. Должно быть, он решил, что ради мимолетной интрижки не стоит лишать Кассандру верной, надежной компаньонки. А может быть, мысли о неизвестной, но, несомненно, влиятельной семье Антонии заставили его проявить осмотрительность. Теперь Рейнло нисколько не сомневался, что мисс Смит принадлежала к английской аристократии.

Во сне умиротворенное лицо ее казалось особенно прекрасным. Николас с трудом поборол порыв поцеловать чуть приоткрытые губы Антонии. Желание бурлило в его крови, но он обуздал себя.

Смотреть на нее было наслаждением. Николас залюбовался ее лицом. Густые ресницы серебристыми веерами лежали на щеках. Рейнло с жадным восхищением задержал взгляд на ее высоких скулах и полных розовых губах. Ее бархатистая кожа напоминала спелый персик.

Несколько долгих мгновений они лежали неподвижно. Потом медленно, очень медленно, рука Антонии двинулась вниз. Грудь Николаса тяжело вздымалась в такт прерывистому дыханию. Приятная расслабленность сменилась жгучим желанием.

Рука Антонии приблизилась к его восставшему жезлу.

Он застыл, стараясь изо всех сил сохранять неподвижность. Его живот стал твердым как камень, но пылающий жезл его был тверже камня.

Антония отстранилась, ее бедра касались теперь колен Рейнло.

Николас закрыл глаза, сказав себе, что сможет это выдержать. Он выдержит.

Но Рейнло лгал. Он едва удерживался, чтобы не схватить Антонию в охапку и не подмять под себя. Его пальцы так крепко вцепились в простыни, что послышался треск рвущегося полотна. Николас отчаянно скрипнул зубами, борясь с желанием наброситься на Антонию подобно похотливому зверю.

Медленно, очень медленно ему удалось обуздать себя. Но в следующее мгновение рука Антонии сомкнулась вокруг его жезла, и вся его решимость растаяла словно воск в пламени. Он хрипло застонал, не в силах выразить словами переполнявшее его чувство. Еще одно движение ее руки, и он не совладает с собой.

Открыв глаза, Рейнло встретил взгляд Антонии, но не смог угадать выражение ее лица. Затем, сквозь багровое марево перед глазами Николас различил, как она склоняется над ним. Густые пряди ее волос упали ему на живот. «О нет, неужели она...»

Волнующее предвкушение заставило его оцепенеть. Дрожащей рукой он отвел в сторону белокурые локоны Антонии, чтобы видеть ее лицо.

Она робко замерла.

Казалось, плоть Николаса вот-вот взорвется. Хотя он изо всех сил сдерживал себя, его пальцы зарылись в ее волосы. Он готов был умолять Антонию решиться. Ее нежные розовые влажные губы сводили его с ума.

Наконец она опустила голову и обхватила губами его жезл.

Антония услышала хриплый вздох, затем наступило молчание, словно Николас тревожно затаил дыхание. Он лежал неподвижно, тело его сотрясала дрожь. Антония понятия не имела, хочет ли этого сам Николас, но желание изведать его на вкус было слишком велико.

Она сдавила губами его плоть, и ее окутал терпкий аромат его страсти.

Николас вздрогнул всем телом.

Что это, знак удовольствия или отвращения?

Антония сильнее сжала губы, и Николас застонал. Его пальцы вцепились ей в волосы. Антония несмело лизнула его пылающее копьё, чувствуя, как живот наливается приятной тяжестью. Ее захватило новое, неизведанное ощущение. Она наслаждалась вкусом Николаса, теплым, солоноватым соком мужской силы.

Губы Антонии скользнули вниз, и ее обдало пряным запахом свежего пота.

Она замерла в нерешительности. Не следует ли ей остановиться? Но сможет ли она перестать? Эта захватывающая игра таила в себе неизъяснимую притягательность. Ей доставляло острую радость видеть Николаса беспомощным перед ее нежностью.

— Антония, не останавливайся, — прохрипел Рейнло, как будто каждое произнесенное слово причиняло ему боль.

Она подняла глаза. Николас лежал, запрокинув голову. Жилы на его шее напряглись, лицо мучительно искажилось. Радость, словно огненный всполох, прочертила зигзаг в душе Антонии. Николасу нравилось то, что она делала с ним. И не просто нравилось, если верить его

отчаянной мольбе.

Отбросив неуверенность, Антония вновь сжала губами его жезл. Голова ее скользнула вниз, затем вверх, подражая движениям любовного танца. Выпад — отступление, выпад — отступление.

Ей нравилось ощущать губами упоительную гладкость скольжения. Ее пальцы сильнее сжали древко его копья. Казалось, она держит в руке источник жизни Николаса. Эта совершенная близость смела последние шаткие барьеры между ними. Сжимая губами естество Рейнло, Антония утверждала свое право обладательницы.

Она следовала одному лишь чутью, вспоминая те чудесные мгновения, когда Николас ласкал губами ее лоно. Джонни однажды попытался заставить ее поцеловать его так же, но Антония воспротивилась. И вот теперь, лаская Николаса, она чувствовала, как по телу пробегают волны блаженства.

Ее губы и руки двигались в исступленном ритме, подводя Николаса к вершине наслаждения. Его хриплое дыхание лучше всяких слов подсказывало, на верном ли она пути. Пальцы его, перебирившие волосы Антонии, судорожно сжимались и разжимались.

Очень скоро она угадала, что ему приятнее всего, и, издав довольный возглас, продолжила упоительную игру.

Но вот Рейнло отчаянно застонал, его мускулы напряглись, готовые лопнуть. Антония подняла глаза.

— Ты... колдунья, — простонал он.

Антония встала на колени и одним плавным движением опустила на бедра Николаса. У нее вырвался вздох блаженства. Наконец-то они стали одним целым.

Ладони Рейнло обхватили ее груди, пальцы сдавили нежные соски. Тело Антонии затрепетало. Знакомая дрожь, прокатившись волной по бедрам, охватила живот, но Антония не желала сдаваться, ей хотелось оттянуть миг наивысшего наслаждения.

И все же вершина была слишком близка. Антония закусила губу и неподвижно замерла, сиюсь продлить огненную прелюдию.

Тело Николаса выгнулось дугой, Антония сжала бедра, не желая размыкать объятие. Это движение отняло у нее последние силы. Издав сдавленный стон, она уступила захлестнувшей ее волне блаженства. Антония тяжело осела, чувствуя, как яростно вздымаются и опускаются бедра Николаса. Ее захватило ошеломляющее ощущение их полного единства.

Боже милостивый, пережив такое, сможет ли она снова стать самой собой? Или теперь до конца своих дней она будет чувствовать себя лишь жалкой половинкой целого?

Антония закрыла глаза. Нет, она не будет думать о будущем. Только не сейчас. Николас всецело принадлежал ей, и Антонии хотелось сполна насладиться этим ощущением. Пусть и мимолетным.

Антония качнула бедрами. Казалось, Николас угадал ее желание отдаться страсти, забыв обо всем остальном. Его ладони сдавили ее грудь.

Обжигающий вихрь пламени вознес Антонию к небесам. Мир взорвался ослепительной вспышкой, выплеснув потоки раскаленной лавы. Антония почувствовала, как тело ее плавится и обращается в жидкий огонь, когда Николас с глухим гортанным стоном излил семя. Потом наступило безмолвие, и в багровой мгле, заполнившей вселенную, остались лишь их сплетенные тела.

Вернувшись на землю, задыхающаяся, трепещущая Антония приникла к груди Николаса. Она с удивлением почувствовала, что щеки ее мокры от слез. Небо за окном уже начало светлеть. Жадно хватая ртом воздух, Антония сказала себе, что ее минутное безрассудство завершилось поистине великолепно.

Но эта мысль не принесла ей утешения.

Глава 23

Рейнло лежал неподвижно, пытаясь усмирить бешеное биение сердца. Радость, надежда, чувство собственного могущества бурлили в его крови. Он ощущал в себе великую силу. Он готов был сразиться с демоном, вызвать на поединок ужасное чудовище, побороть ураган верхом на крылатом коне.

Первые рассветные лучи проникли в комнату, и свечи погасли, превратившись в лужицы воска. Ночь почти истаяла.

Волшебная ночь.

Антония беспокойно пошевелилась. Николас уже знал, что она скажет, но не желал этого слышать. Его руки сомкнулись на ее спине в безмолвном протесте.

— Уже утро, — прошептала Антония и, повернув голову, доверчиво уткнулась мокрой щекой Николасу в грудь, словно в его объятиях чувствовала себя защищенной.

Казалось, ей не хочется покидать его.

Проклятие! Рейнло и самому не хотелось с ней расставаться. Эта коварная мысль должна была бы его встревожить, но блаженная истома вытеснила все прочие чувства.

— Слуги вернутся только к вечеру. Давай-ка посмотрим, что они оставили нам на завтрак, — произнес Николас, желая сказать: «Останься со мной».

— Ты же знаешь, что я не могу.

Антония попыталась подняться, и мягкая волна ее волос коснулась кожи Николаса.

Он крепче прижал ее к себе и решительно возразил:

— Нет, можешь.

— Я думала, ты понимаешь, — чуть слышно произнесла Антония.

Рейнло посмотрел ей в глаза.

— Понимаю что?

Антония тяжело сглотнула ком в горле и опустила глаза. Ее пальцы вновь вцепились в

простыню. Николас тотчас узнал этот жест — напряженная поза и скованные движения выдавали ее глубокое волнение. Какого дьявола она так нервничает?

— Мне пора уходить. И это наша последняя встреча.

Николас резко сел на постели, глаза его яростно сверкнули.

— Что это значит, черт возьми?

— Я не могу оставаться в Лондоне. Теперь, когда Джонни вернулся. — Голубые глаза Антонии наполнились слезами. Что ж, по крайней мере, давая свое нелепое объяснение, она казалась несчастной. — Я возвращаюсь в Сомерсет. В самое ближайшее время. Возможно, мистер Демарест не захочет больше держать меня на службе, поскольку в компаньонки я не гожусь.

— Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя после сегодняшней ночи? — Рейнло накрыл тело Антонии своим, неводя глаз с ее встревоженного лица. — Должно быть, ты лишилась рассудка?

Антония храбро встретила его взгляд, хотя лицо Рейнло пылало от гнева.

— Любой, кто увидел бы меня здесь, сказал бы, что я и впрямь лишилась рассудка.

Пальцы Николаса крепко сжали ее плечи.

— Скажи мне, что не жалеешь о случившемся.

Антония закусила губу.

— Почему тебя это волнует? Я всего лишь еще одна женщина в твоей жизни.

После восторгов минувшей ночи горечь в голосе Антонии больно ранила Рейнло.

— Ты не одна из них. Скажи, что не жалеешь о своем приходе.

Антония медлила с ответом, и сердце Николаса мучительно сжалось. Упоительная, незабываемая ночь обернулась жестоким кошмаром. Неужели всего десять минут назад Рейнло наслаждался блаженной негой? Антония в одно мгновение разрушила его покой, пригрозив покинуть его.

О, он был прав. Эта женщина опасна. Смертельно опасна.

— Антония? — заговорил он снова, безуспешно надеясь, что она не слышит в его голосе жалкую отчаянную мольбу, которая терзала его слух.

Но Антония молчала, вглядываясь в лицо Николаса, словно надеялась найти отгадку на мучивший ее вопрос. Наконец она ответила. Голос ее дрожал:

— Нет, я не жалею. Мне никогда еще не было так хорошо. — Губы ее изогнулись в горькой усмешке. — Неудивительно, что о тебе ходят легенды.

В глазах Николаса полыхнула ярость.

— Не принижай то, что произошло между нами.

Антония недоуменно нахмурилась, словно Рейнло говорил на чужом языке.

— Произошло лишь слияние двух тел, не более.

Николас обжег ее гневным взглядом.

— Не глупи, Антония. И не притворяйся, будто не почувствовала большего. Я хочу, чтобы ты осталась. Я...

Он внезапно осекся, смущенный собственной горячностью. Попытка выразить свои чувства словами опустошила его, лишив последних сил. Он ухватился за фразу, показавшуюся ему безопасной.

— Я желаю получить больше того, что ты успела мне дать.

Губы Антонии сжались. От разочарования? От гнева или стыда? Николас не знал. Когда они лежали, сплетаясь телами, ничто не разделяло их. Но стоило им заговорить, и между ними пролегла бездонная пропасть.

— Но я должна исчезнуть, а иначе разразится грандиозный скандал. Я не могу пойти на подобный риск. Из-за Касси. Из-за брата и мистера Демареста.

Женщинам редко удавалось смутить маркиза Рейнло, однако Антония снова и снова приводила его в замешательство. И на сей раз она озадачила его не на шутку. Николас знал: Антония желает его. Она подвергла опасности свою репутацию, явившись к нему в дом. Разумеется, этот поступок нельзя объяснить банальным капризом. И все же Антония решила покинуть его навсегда.

Николас мучительно пытался подобрать нужные слова, чтобы заставить ее передумать.

— А что, если ты беременна?

Антония недоверчиво изогнула бровь.

— Беременна? И что ты сможешь с этим поделать?

С каждым мгновением она все больше отдалялась от него. Николасу нестерпимо было думать об этом. Ему оставалось лишь открыть ей душу, позволить этой женщине посмеяться над его чувствами.

— Я смогу обеспечить ребенка.

— Я справлюсь сама, — непреклонно возразила Антония.

Ее голос звучал почти равнодушно, черт возьми.

— Не говори так! — воскликнул Рейнло.

При мысли о том, что он никогда больше не увидит Антонию, Рейнло едва сдерживал желание разнести в щепки всю мебель в спальне.

Антония взгляделась в лицо Николаса, словно с легкостью читала в его душе. У нее вырвался дрожащий вздох, похожий рыдание. Напрасно Рейнло заподозрил ее в бесчувственности.

— Чего ты от меня добиваешься? — произнесла она сдавленным голосом. — Чтобы я осталась в Лондоне и стала твоей содержанкой?

— Да.

Он знал, что это невозможно. Знал, каким будет ответ, еще того, как Антония покачала головой. И все же хотел, чтобы она осталась.

Проклятие, он желал большего.

— Я не стану твоей содержанкой.

Николас заговорил с горячностью, поразившей его самого.

— Я буду тебе верен. Я буду обращаться с тобой как с королевой. Клянусь.

Казалось, каждое его слово все больше отдаляет его от Антонии.

— Нет...

— Ты ни в чем не будешь нуждаться. Я дам тебе денег, чтобы ты могла устроить свою будущую жизнь. Ты, наконец, станешь самой собой. Той страстной, чувственной женщиной, полной жизненной силы, которой была сегодня ночью, а не суровой дуэньей, присматривающей за чужими детьми. Я составлю необходимые бумаги, и у тебя будет дом, денежное содержание, экипажи, земля, скот. наших детей я обеспечу.

Столь щедрого предложения Рейнло не делал ни одной любовнице. Он и представить себе не мог, что захочет надолго удержать возле себя женщину и понадобится заключить соглашение, чтобы ее уговорить. Но его интерес к Антонии не был мимолетной прихотью. Он изведal глубину чувств, о которой не мог даже помыслить. Такую страсть не утолить за несколько недель.

— Нет, — прошептала Антония и вздернула подбородок, словно бросая вызов судьбе. — Я не позволю, чтобы обо мне судачила вся Англия как о еще одной твоей победе. Я не покрою позором свою семью и друзей, став содержанкой.

— По-твоему, лучше жить во лжи? — В голосе Николаса вновь зазвенел гнев. После минувшей ночи Антония хорошо знала, что приносит в жертву. — Жить, сгорая от желания? Потому что тебе предстоит плавиться на медленном огне ночь за ночью в своей одинокой постели. Ты пожалеешь об этом решении.

— Возможно. — Взгляд Антонии остался непреклонным. Куда исчезла мягкая чувственная женщина, трепетавшая от прикосновений Николаса? — Но еще больше я буду сожалеть, если предам все, во что верю, чтобы стать мимолетной забавой распутника и повесы.

— Неужели ты и впрямь надеешься, что я тебя отпущу?

Рейнло погладил Антонию по щеке.

Страдание, застывшее в ее глазах, заставило сердце Николаса больно сжаться.

— Тебе не удастся меня удержать.

Антония ошибалась. У Николаса оставалось в запасе последнее средство. Безрассудство, о

котором не перестанут злословить до скончания веков.

Голос Николаса внезапно охрип. Сердце заколотилось, словно у бегуна, преодолевшего милю. Дыхание стеснилось, горло будто сдавило спазмом.

— Ты могла бы выйти за меня замуж.

Глава 24

Антония от удивления открыла рот. Простыня выскользнула из онемевших пальцев. Сквозь нарастающий звон в ушах гремели слова: «Ты могла бы выйти за меня замуж».

Так, походя, мимоходом, Николас предложил Антонии изменить свою жизнь.

Ответ «да» уже готов был сорваться с ее губ, но она сдержалась. Этот брак не сулил ей ничего доброго.

Шум в ушах стал оглушительным. В глазах у Антонии потемнело, лицо Николаса начало расплываться.

— Скажи хоть слово, — потребовал Николас.

Почувствовав острую боль в груди, Антония поняла, что невольно затаила дыхание. Ее не оставляло ощущение нереальности происходящего. Казалось, она перенеслась в сказочную страну грез.

Неужели Николас только что попросил ее руки? Это невозможно, невысказано.

Но вскоре потрясение сменилось новой вспышкой гнева. Нет, он вздумал посмеяться над ней. Да как он посмел?!

Она выпрямилась, прижимаясь спиной к изголовью кровати и держа перед собой простыню словно щит. Будь на ней платье, она выбежала бы из комнаты, не тратя лишних слов, но расхаживать перед Рейнло обнаженной ей не хватало смелости.

— Ты принимаешь меня за доверчивую простушку? — с горечью произнесла она.

Николас недоуменно нахмурился, отняв руку от лица Антонии.

— Я тебя не понимаю.

У Антонии мучительно сжалось сердце: ладонь Рейнло больше не касалась ее щеки. Пришлось безжалостно напомнить себе, что отныне Николас не прикаснется к ней никогда. Антонию обдало холодом. Она заговорила, преодолевая боль.

— В семнадцать лет я была настолько легковерна, что поддавалась на эту уловку. — В голосе ее звучала мука. — Я не виню тебя за попытку.

— Антония, о чем ты говоришь? — Николас казался растерянным. Вот так актер! — Брак представляется мне разумным мнением. Ты могла бы остаться в моем доме, в моей постели, не было бы никакого скандала.

— И разумеется, ты будешь твердить мне о браке, пока я тебе не наскучу, а потом внезапно забудешь о своем нелепом предложении. — Терзавшая Антонию боль придала ее голосу

язвительность. — Мой отец скончался пять лет назад и уже не потребует, чтобы мы расстались. По крайней мере, нам удастся обойтись без драматичных сцен.

Одним яростным движением Рейнло вскочил с кровати и, вцепившись в изголовье, склонился над Антонией.

— Так ты думаешь, я тебя обманываю? В самом деле? После всего, что между нами произошло?

Антония испуганно вжалась в спинку кровати. В глазах Рейнло, склонившегося над ней, полыхало черное пламя. Казалось, он готов испепелить ее взглядом. Ей пришлось призвать на помощь всю свою храбрость.

— Распутники обещают жениться, желая соблазнить женщину.

— Вот только тебя я уже соблазнил.

Тихий голос Рейнло не в силах был скрыть его ярость.

Антония покраснела от досады. Ее губы сжались, лицо застыло, словно обратившись в мрамор.

— Еще вчера ты не хотел жениться на мне. Ты даже не знал моего настоящего имени.

На щеке Рейнло дернулся мускул, но взгляд его остался неподвижным.

— Так скажи мне.

Антония понимала: нелепо цепляться за этот последний секрет, но, возможно, именно потому, что Николасу удалось сорвать с нее остальные покровы тайны, ей не хотелось открывать свое имя.

— Нет.

— Ты не скажешь мне своего имени?

Антония с усилием сглотнула.

— Нет. И не стану твоей женой.

Лицо Николаса потемнело. Антонии показалось, то была тень сожаления. Впрочем, едва ли. Ведь Рейнло не испытывал к ней ничего, кроме вожделения. В Лондоне было полным-полно женщин, способных утолить его похоть. На краткий миг его внимание привлекла загадочная мисс Смит, но очень скоро он обратит свой взор на другую.

Николас с молчаливой гримасой отвернулся.

— Что ж, хорошо.

Антония вздрогнула как от удара. Резкий враждебный тон Николаса хлестнул ее словно порыв январского ветра.

Рейнло подошел к столу. Солнце еще не взошло, но в бледном утреннем свете Антония могла отчетливо разглядеть его фигуру. В напряженной позе и в скованных движениях Николаса сквозила обида. Антонии не хотелось это признавать, и все же она больно задела его чувства.

Резким жестом, полным затаенного гнева, Рейнло плеснул себе бренди в бокал и осушил его одним глотком. Затем склонился над столом, опираясь ладонями на блестящую столешницу красного дерева, и опустил голову, словно обдумывая что-то неприятное.

Дрожа всем телом, Антония смотрела на его неподвижную спину. Ее глаза жадно оглядели сильные плечи, крепкие ягодицы и длинные мускулистые ноги Рейнло.

Слезы жгли ей глаза. Минувшей ночью ей довелось испытать небывалое блаженство. Мало кому из женщин выпадало подобное счастье. Антония знала это, принимая приглашение Николаса. Она сполна насладилась радостью, отпущенной ей судьбой. Лишь ненасытная сквалыга пожелала бы большего. А жадность таила в себе опасность.

Антония понимала: Николас ей не пара, пусть прошедшей ночью они были необычайно близки, словно две половинки иного целого. «Это всего лишь чувственное наслаждение», — сказала она себе, хотя ее израненное сердце не желало в это верить.

Израненное сердце — дурной советчик. Глупое сердце Антонии жаждало ответить согласием на безумное, сумасбродное предложение повесы. Сердце уверяло, что Николас не лгал, предлагая ей вступить в брак.

«А что, если это правда?»

Почти с облегчением Антония прислушалась к голосу неверия, вновь зазвучавшему в ее душе: «Николас не способен хранить верность. Роль мужа прискутит ему уже через месяц, но если он подведет тебя к алтарю, не жди, что все окончится счастливо, как в сказке».

С Рейнло ее ждала жизнь, полная страданий. На ее долю без того выпало немало горя. Ей следовало подняться, одеться и уйти.

Неловко завернувшись в простыню, Антония выскользнула из постели. Ее одежда, в беспорядке разбросанная на полу, красноречиво свидетельствовала о страстной сцене, разыгравшейся в спальне. Она робко оглянулась на Николаса через плечо, но тот продолжал стоять неподвижно. Его обуревал гнев, и Антонии нестерпимо было это видеть. Совсем не так хотелось бы завершить самую прекрасную и удивительную ночь в ее жизни.

Антония беспомощно моргнула. Нет, она не заплачет, хотя бы потому, что слишком многие женщины уходили в слезах, проведя ночь с лордом Рейнло. Она не желала стать одной из них.

— Что ты делаешь? — угрюмо спросил Николас, не обернувшись.

Антония сдержала рыдания, готовые вырваться из груди. Гордость — единственное, что у нее осталось. Гордость поддерживала ее во время рокового побега, гордость служила ей защитой от назойливого мужского внимания на пути домой из Италии, гордость помогла ей выдержать десять тягостных лет, проведенных в услужении. Гордость спасет ее и теперь.

— Одеваюсь.

Антония призвала на помощь все свое самообладание. Долгие годы она жила, скрывая от людей свои истинные чувства. Неужели всего лишь за одну ночь она разучилась притворяться?

Повернувшись, Николас смерил ее ледяным взглядом.

— Не глупи.

Антония вздрогнула и застыла, одной трясущейся рукой придерживая простыню, а в другой сжимая рубашку.

— Я же сказала, что мне нужно идти. Не будем ссориться перед расставанием.

Ее голос дрогнул при слове «расставание».

— Не я решил, что мы должны расстаться, — гневно выпалил Николас.

Антония не двинулась с места, хотя ей хотелось забиться в темный угол и заплакать, как плачут обиженные дети.

— Я больше не причиню тебе хлопот, — произнесла она безжизненным голосом.

Лицо Рейнло исказилось от ярости, но в следующий миг вновь приняло холодное надменное выражение. Однако за минувшую ночь Антония слишком хорошо узнала Николаса, чтобы его напускное безразличие ввело ее в заблуждение. Она не хотела причинять ему боль. И все же, сама того не желая, ранила его. Антония ненавидела себя за это и мечтала избавиться от ощущения вины. Когда-нибудь она еще посмеется, что вообразила, будто задела его чувства. Можно подумать, у него есть чувства.

Но соблазнительный красавец Рейнло, умеющий ловко вертеть людьми, мог быть иным, тонким и нежным. Возможно, лучшая часть его существа навсегда останется в тени. Однако в душе Антония знала: этот человек существует.

Издав нетерпеливый возглас, Николас отвернулся.

— Что ж, как хочешь.

Притворившись, что не замечает Антонию, он принялся одеваться, будто ее и не было в комнате. Окинув его взглядом, полным безысходной тоски, она в тягостной, зловещей тишине оделась и набросила на плечи накидку. Розовый шелк платья измялся, волосам требовалась расческа. Оставалось только надеяться, что ей удастся пробраться в свою спальню незамеченной, не столкнувшись с любопытными слугами. Антония решила уложить волосы в экипаже по дороге домой.

Когда она повернулась к Николасу, глаза ее были сухими. Ее отчаяние было сильнее слез.

Антония нервно облизнула губы. Взгляд Николаса задержался на ее лице. Она ожидала, что Рейнло отпустит какую-нибудь колкость, но тот лишь поднял свою шляпу и направился к дверям спальни. Он отворил дверь картинным жестом, от которого у Антонии больно сжалось сердце.

То было прощание. Разве не этого она хотела? Так почему же пройти последние несколько шагов оказалось так мучительно трудно?

Антония расправила плечи и набрала в грудь побольше воздуха. Ей и раньше приходилось совершать невозможное, преодолевать боль вопреки всему. Справится она и сейчас.

Даже если ей кажется, что она умирает.

И все же, направляясь к двери, она с трудом передвигала ноги.

Поравнявшись с Николасом, Антония нерешительно замерла. Неужели она никогда больше его

не увидит? Эта мысль оказалась ей невыносимой.

Застывшее лицо Николаса не выражало чувств, словно лицо незнакомца. Лишь в черных глазах его полыхало пламя гнева. Антонии впору было ужаснуться, но за яростью Николаса она разглядела опустошенность и смятение.

Зная, что совершает ошибку, она протянула дрожащую руку и коснулась плеча Николаса.

Рейнло вздрогнул, словно ощутил огненную вспышку. Затем замер.

Сердце Антонии мучительно сжалось. Почему ее не оставляет чувство, что, покидая Николаса, она совершает великий грех? Непростительным грехом было прийти сюда.

Она с трудом заставила себя разомкнуть губы.

— Прощай, Николас.

Нахмурившись, он сжал ее руку.

— Я поеду с тобой.

Антония ошеломленно отпрянула. Ее охватил страх. Неужели Николас задумал затеять скандал? Нет, не может быть. Их связь была слишком мимолетной. Даже для маркиза Рейнло, записного повесы и распутника, это чересчур.

— Ты меня не слушал?

В дрожащем голосе Антонии ощущалось волнение — от прикосновения Николаса ее кожа пылала.

Губы Рейнло сжались в горькую линию.

— Я все слышал, мадам.

Он потянул Антонию за собой в коридор. Она послушно последовала за ним, не в силах сопротивляться.

— Я не отпущу тебя одну, без провожатого.

— Но ты не можешь... — беспомощно пролепетала Антония, хотя ее глупое, безрассудное сердце предательски забилось, предвкушая несколько минут наедине с Николасом в это ужасное утро.

Он продолжил тем же безжизненным голосом:

— Еще довольно рано. Нас никто не увидит.

Антония вздрогнула, как от боли. Последние слова Николаса прозвучали резко, словно удар хлыста. Ей захотелось возразить, заявить, что она с легкостью доберется до дома одна. Но ей не хватило сил.

Антония посмотрела на Николаса. Он явно ожидал, что она откажется от его сопровождения. Коротко кивнув, она направилась к лестнице.

— Спасибо.

Рейнло без труда нашел наемную карету. Сидя рядом с ним, Антония замкнулась в угрюмом молчании.

Николас поборол желание заговорить, потребовать объяснений, настоять на том, чтобы Антония изменила решение. Он ни разу в жизни не делал предложения, и теперь, когда единственная женщина, которую он просил стать его женой, высокомерно отказала ему, почувствовал себя оскорбленным, униженным.

Гордость маркиза, потерпевшая столь чувствительный урон, не позволяла ему умолять Антонию передумать. Он просил мисс Смит остаться с ним в роли любовницы или жены, но она отказалась.

Что ж, ну и черт с ней. Поделом ей.

Но, бросив украдкой взгляд на Антонию, дрожавшую рядом с ним в обшарпанном экипаже, Николас понял, что не желает ей зла. Ему захотелось обнять ее и утешить, заверить, что все будет хорошо.

Хотя, разумеется, он не ждал от будущего ничего хорошего. Черт возьми, а что, если Антония уже носит его ребенка? «Хорошо бы», — злорадно подумал он, чувствуя себя последним мерзавцем. Возможно, тогда Антония не решилась бы так поспешно ответить отказом на его предложение.

Ничего, она еще придет к нему умолять избавить ее от бесчестья.

Однако в душе Рейнло знал: Антония не станет просить его о помощи. Он никогда еще не встречал такой гордой женщины. Она ни за что не стала бы унижаться перед любовником, как бы тот ни стремился спасти ее.

Карета подъехала к парку, и Антония заговорила, впервые с той минуты, как они покинули дом.

— Пожалуйста, остановимся здесь. Мне удастся избежать вопросов, если я приду отсюда.

— Я провожу тебя до дома, — упрямо возразил Николас, хотя вкрадчивый голос нашептывал ему: «Пусть поступает по-своему, если ей так хочется».

Повернувшись, Антония окинула Николаса пристальным взглядом. Ее лицо, наполовину скрытое капюшоном, казалось печальным и бледным.

— В этом нет нужды.

Николас угрюмо стиснул зубы.

— Нет, есть.

— Как пожелаете, — сдавленным голосом отозвалась Антония.

В тени капюшона он не мог видеть ее лица, но чувствовал, как она дрожит. Антония казалась такой же сокрушенной, как и он сам. Николас надеялся найти в этом утешение.

Но ему стало еще больнее.

Он громко постучал в крышу кареты. Экипаж остановился, резко накренившись. Николас соскочил с подножки, сжимая руку Антонии. Он бросил несколько монет вознице и повел свою спутницу через парк в сторону Керзон-стрит.

Холодный ветерок оведал его лицо, в густых кронах деревьев пели птицы. Утро дышало свежестью перед дневной суматохой большого города. Николас заметил несколько верховых на Роттен-Роу 2, но слишком далеко, чтобы различить всадников или чтобы всадники его узнали. Аллеи были безлюдны, а на улице уже показались первые торговцы со своими лотками.

Антония шла, опустив голову. Никто не узнал бы в ней чопорную компаньонку Кассандры Демарест. Даже погруженная в печаль, этим утром она казалась земным ангелом.

Они подошли к ближайшему от дома Демареста выходу из Гайд-парка, и Антония неохотно замедлила шаг. Боже праведный, если ей так отчаянно хотелось остаться, почему же она ответила отказом? Николас не стал бы упрекать ее, если бы она вдруг передумала.

Напротив поворота на Керзон-стрит они остановилась под конским каштаном. Николасу страстно хотелось проводить Антонию до дверей дома, но это было невозможно.

Она повернулась к нему. Рейнло приготовился к краткому прощанию, но Антония задержала на нем взгляд, словно пыталась запомнить каждую черточку его лица.

— Поцелуй меня, Николас, — прошептала она.

— Черт возьми, Антония, — прорычал Рейнло. — Что ты со мной делаешь!

В ее глазах блестели слезы.

— Пожалуйста. Я люблю...

У Николаса замерло сердце.

Любит?

Он словно обратился в камень. Затаил дыхание.

Если Антония его любит...

Она прерывисто вздохнула и продолжила тихим дрожащим голосом:

— Я люблю, когда ты меня целуешь. Ты целуешь меня так, будто мир перестанет существовать, если ты остановишься. В эти мгновения я чувствую себя самой желанной женщиной во Вселенной.

Горькое разочарование охватило Рейнло. Он не хотел, чтобы Антония его любила. Он знал: любовь — бессмысленное и опасное чувство. Ему не нужна ничья любовь, а тем более любовь женщины, которая решила его бросить.

Великое множество других женщин клялись, что любят его. Рейнло потерял счет бурным сценам, которые закатывали его любовницы, с неизбежными жаркими заверениями в любви.

Антония не закатывала бурных сцен. Антония просто не любила его. Проклятие!

— Так только мои поцелуи вызывают у тебя подобное чувство? — резко бросил Николас. —

Должно быть, я теряю форму.

Щеки Антонии вспыхнули румянцем.

— Ну и остальное тоже. — Она робко улыбнулась. — Однако мне придется удовольствоваться поцелуем.

Николас не стал медлить, ведь Антония могла и передумать. Стремительно, властно, он схватил ее в объятия и прижался губами к ее губам.

У нее вырвался тихий стон, когда Рейнло впился в ее прикрытые губы, его язык проник во влажную глубину ее рта, яростно, страстно, словно желая завладеть ее душой.

Он силился обуздать себя, чтобы наказать Антонию наслаждением. Но когда она выгнулась дугой, обвила руками его шею и ответила на поцелуй, Николас не смог совладать с собой. Ему следовало бы догадаться, что любая попытка покорить Антонию обречена на провал. Слишком силен был пожиравший его голод. Рейнло снова и снова пытался помериться силами с этой женщиной и ни разу не одержал победы. Он лишь все глубже погружался в темную бархатистость, где существовала одна лишь Антония, жар ее тела, страстный призыв ее губ.

Как она могла отказаться от такого чуда? Это казалось чистым безумием.

Николас закрыл глаза и, отбросив капюшон Антонии, зарылся пальцами в ее спутанные белокурые локоны. Он целовал ее исступленно, жадно, словно пил драгоценную влагу из источника жизни. Он сжимал ее в объятиях, мечтая, чтобы это длилось вечно. Сейчас Антония всецело принадлежала ему, пусть всего мгновение. Он желал насладиться сполна этим кратким мигом.

Наконец Антония отстранилась. Медленно, неохотно, но решительно.

— Нет... — Рейнло и думать забыл о гордости.

— Я должна идти, — надломленным голосом произнесла Антония.

Вместо того чтобы отвернуться, она подняла руку к лицу Николаса и жадно вгляделась в его черты. Сердце Рейнло мучительно сжалось.

— Так иди, — хрипло отозвался он, выпуская Антонию из объятий.

Грудь его пронзило болью. Жалкий глупец, он воображал, будто, поцеловав Антонию, обретет над ней власть. Какая нелепость! Теперь он чувствовал себя псом, которого хозяин пнул сапогом в ребра.

— Прощай, Николас, — прошептала Антония, отворачиваясь.

— Нет, подожди. — Рейнло схватил ее за руку. — Еще один поцелуй.

— Ты же знаешь, что твои поцелуи лишают меня способности думать. Мне нужно...

— Антония?

Мужской голос, донесшийся с улицы, показался поглощенному спором Николасу окликом из другого мира.

— Какого дьявола?

Резко обернувшись, Рейнло увидел перед собой знакомую фигуру.

Антония застыла словно мраморное изваяние.

Николас слишком долго удерживал ее. А может быть, ей не следовало покидать его дом. Там она была бы в безопасности. Здесь же он не мог ее защитить. Рейнло едва сдержал желание подхватить Антонию на руки и убежать.

Подошедший даже не взглянул на Рейнло. Он не сводил глаз с Антонии, словно увидел перед собой привидение.

вернуться

2

Аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке.

— Антония, мне сказали, что ты умерла, — сдавленно пробормотал он.

Антония медленно перевела взгляд на окликнувшего ее мужчину. В глазах ее застыла обреченность — казалось, она готовится взойти на эшафот, где уже ждет палач с занесенным топором.

— Джонни, — безжизненным голосом прошептала она.

Глава 25

Прошло десять лет с тех пор, как Антония оставила Джонни Бентона, но она тотчас его узнала. Он уже не был прекрасным Адонисом из девичьих грез, но все еще отличался восхитительной красотой. Сердце Антонии бешено заколотилось, однако, не от восторга, а от ужаса. И от бессильного гнева. Несмотря на все ее предосторожности и уловки, Джонни с легкостью отыскал ее.

— Антония...

Бентон ошеломленно повторял ее имя, не в силах двинуться с места. Казалось, он не верит собственным глазам. Едва ли он заметил, что ее спутник — один из самых отъявленных распутников во всей Англии, и появление с ним на улице в этот ранний час могло означать лишь одно: она провела ночь его постели.

У Антонии мелькнула отчаянная мысль: не прикинуться ли ей незнакомкой? Джонни не видел ее десять лет, из достоверных источников ему известно, что она умерла.

Но довольно было одного взгляда на изумленное лицо Бентона, чтобы понять: обмануть его не удастся. Антония не слишком сильно изменилась за минувшие годы. Вдобавок Джонни застал ее врасплох, без уродливой маски компаньонки. Она с тоской подумала о невзрачном платье, кружевном чепце и темных очках, забытых в спальне.

Антония почувствовала себя зверьком, угодившим в ловушку. Казалось, самый ужасный ее кошмар вдруг обернулся явью. Расставание с Николасом расколело ее душу надвое. Теперь же

она лицом к лицу столкнулась с женщиной, разрушившим ее жизнь.

Джонни стоял неподвижно, словно в трансе. Его оцепенение не было наигранным, хотя и выглядело неестественно. В семнадцать лет Антония воображала, будто страсть Джонни к театральным эффектам обещает жизнь куда более интересную, чем пресная обыденность, к которой готовил ее отец. Сейчас же ошеломленный вид Бентона вызвал у нее одну лишь досаду.

Наконец Джонни заговорил.

— Я виделся с твоим братом, когда заезжал в Блейдон-Парк, пытаюсь тебя разыскать. Лорд Эйвсон сказал мне, что ты умерла во Франции. Услышав это, я решил, что моя жизнь кончена. Десять лет я мечтал вернуть тебя, искупить свою вину, но когда, наконец, отважился вернуться на родину, оказалось, что я опоздал. — Бентон шумно перевел дыхание и добавил с изумлением, заставившим Антонию вздрогнуть от отвращения: — И вдруг я встречаю тебя, бредущую в рассветных лучах подобно самой розоперстой Эос.

Похоже, любовь Джонни к древнегреческой мифологии не иссякла. Антония мучительно пыталась подобрать слова, чтобы успокоить бывшего любовника и убедить его сохранить ее тайну. Если Бентон оповестит весь свет о том, что леди Антония Хиллиард не умерла невинной девушкой по ту сторону Ла-Манша, а живет в Лондоне, разразится скандал. И пострадают не только Демаресты, но и ее брат Генри.

Джонни нахмурился.

— Скажи же хоть что-нибудь, Антония. Осыпь меня проклятиями, только не молчи.

Антония с трудом сглотнула подступивший к горлу ком и отступила от Николаса, стоявшего рядом в зловещем молчании.

— Я не стану проклинать тебя, — устало проговорила она.

Антонии не следовало этого говорить. Джонни заметно приободрился.

— Так ты простила меня? Великая страсть толкнула меня на великий грех. Но если ты простила меня, возможно, не отвергнешь мое предложение.

— Предложение? — растерянно переспросила Антония, мечтая оказаться подальше от этого места.

— Да. — К ужасу Антонии, Джонни опустился на колени. — Моя жена скончалась. Я свободен и хочу исполнить свой долг. Я должен был просить тебя об этом десять лет назад.

Он замолчал, но охваченная ужасом Антония не решилась заговорить. Джонни продолжил тихим решительным голосом:

— Антония Хиллиард, моя прекрасная возлюбленная, ты станешь моей женой?

Николас презрительно фыркнул.

— Встаньте, чертов болван. Вы выставяете себя на посмешище.

Казалось, Джонни очнулся от грез. Он смущенно заморгал, перевел взгляд с Антонии на ее спутника.

— Рейнло?

На лицо Бентона набежала тень, и Антония поняла, что, потрясенный неожиданной встречей с ней, Джонни не заметил ее провожатого.

— Да, — процедил Николас.

Шагнув вперед, он грубо схватил Бентона и так яростно рванул вверх, что тот пошатнулся.

— Перестаньте, вы делаете ему больно! — невольно воскликнула Антония, в то время как больше всего ей хотелось кинуть своего бывшего любовника.

Да и настоящего тоже.

— Неужели вы принимаете всерьез это ничтожество?

Николас встряхнул Джонни, словно терьер крысу.

Если бы Антонии требовалось убедиться, что между двумя ее мужчинами нет никакого сходства, ей достаточно было взглянуть на них в эту минуту. Джонни беспомощно обвис в руках Николаса. Рядом с ним Рейнло казался огромным и властным.

Прежде Антонии нравилось, когда Николас выступал в роли ее защитника. Какая-то часть ее существа восхищалась его грубой силой, но на этот раз ее охватил гнев. Выходка Николаса, продиктованная глупым мужским тщеславием, принесла ее в ярость.

— Отпустите его, — резко потребовала Антония.

Джонни выглядел так, будто потерял соверен, а нашел шестипенсовик. Он был бледен и дрожал. И все же Антония могла не признать, что, даже униженный, он казался красавцем.

— Антония, что связывает тебя с этим человеком? Ты ведь... ты ведь не стала торговать собой? Правда?

Антония яростно стиснула зубы.

— Ты потерял право задавать мне подобные вопросы после того, как похитил меня из отцовского дома, поклявшись в вечной верности, но забыв упомянуть, что у тебя уже есть жена и ребенок.

— Ребенка не было, это оказалось ложью, — поспешно возразил Джонни. — Та женщина обманом вынудила меня жениться.

— Что ж, она получила достойную награду за свои старания, — отозвалась Антония, несколько не смягчившись. — Рейнло, я же сказала вам отпустить его.

— Я бы с радостью размозжил ему голову о ближайшее дерево, — угрюмо проворчал Николас.

— Возможно, вам это и доставило бы удовольствие, но вы этого не сделаете, — резко возразила Антония.

Ей впору было испугаться Николаса, но, как ни странно, она не испытывала страха. Рейнло так и кипел гневом, однако Антония знала его достаточно хорошо и потому не сомневалась: здравомыслие одержит верх. Николас вел жизнь, полную удовольствий, и все же в нем не было

ни легкомыслия, ни самовлюбленности, свойственных Джонни. Маркиз Рейнло в отличие от своего жалкого соперника всегда слишком строго судил себя.

Наступила напряженная тишина. Затем Николас пренебрежительным жестом отшвырнул от себя Бентона.

— Боже милостивый, да что на вас нашло?

Джонни неуклюже споткнулся, что, несомненно, больно ранило его самолюбие. Пыхтя от досады, он сердито уставился на Николаса, но предпочел благоразумно отступить на безопасное расстояние.

Теперь Антония ясно видела то, чего не замечала десять лет назад. Даже будучи неопытной девочкой, она должна была разглядеть в нем человека слабого и безвольного, мечтающего лишь об одном: всегда оставаться в центре внимания и вызывать всеобщее восхищение.

Пожалуй, Антония давным-давно угадала в нем слабость. Просто не поняла, как эта черта отразилась на характере мужчины, который, как она себя убедила, был ее великой любовью.

Обиженно надувшись, Джонни пригладил измятую одежду:

— Антония, я знаю, ты все еще любишь меня...

Антония изумленно рассмеялась.

— Разумеется, я больше тебя не люблю.

Подступив ближе, Джонни схватил Антонию за плечи.

— В тебе говорит гордость. Или, быть может, женская скромность. Могу себе представить, что тебе пришлось пережить за последние годы. Но все испытания, выпавшие на твою долю, моя вина, и я никогда, ни единым словом не обмолвлюсь о том, через что тебе довелось пройти.

Одним яростным движением Николас стряхнул руки Бентона с плеч Антонии.

— Прикоснешься к ней снова, и я тебя убью, что бы она ни говорила.

Голос его дрожал от гнева. Антония бросила на Рейнло колючий взгляд. Маркиз смотрел на нее не отрываясь, без тени раскаяния. В душе она была благодарна ему за защиту. Меньше всего на свете ей хотелось бы встретиться с Джонни наедине.

Бентон поспешно отступил. Пусть ему не доставало отваги, но хватало благоразумия.

— Я увезу тебя в Девоншир. Мы будем вместе, как и хотели всегда.

Антонию не оставляло ощущение нереальности происходящего, она с трудом стряхнула с себя оцепенение.

— Джонни, это было десять лет назад.

Бентон снова поднял руки, но безвольно уронил их, поймав на себе огненный взгляд Рейнло.

— Все эти десять лет я ни на мгновение не переставал любить тебя. Давай оставим в стороне прошлое. Позволь мне избавить тебя от жизни, полной порока и страданий.

У Антонии вырвался презрительный смешок.

— Не слишком ли много ты на себя берешь?

Бентон сурово нахмурился.

— Нам нет нужды лгать друг другу.

— Черт побери, судьба этой женщины не твоя забота, — прорычал Николас, шагнув к Антонии.

Антония попыталась урезонить Бентона.

— Джонни, будет лучше, если ты скажешь себе, что я умерла...

— Никогда! — с жаром возразил он.

— Прошло слишком много времени. Я уже не та девушка, которую ты знал.

— Ты недостойн ее, черт побери. Она всегда была слишком хороша для тебя, — вмешался Николас.

Антония сердито сверкнула глазами.

— Вы не слишком-то мне помогаете.

— А я и не собирался. — Рейнло высокомерно вскинул голову. — Пусть этот негодяй убирается восвояси.

— Лорд Рейнло, я протестую, — подал голос Джонни, держась на почтительном расстоянии. — Возможно, эта леди и оступилась, расточая свои милости слишком многим, но эти дни уже в прошлом. Я намерен превратить ее в порядочную женщину.

Антония неохотно перевела взгляд с Николаса на Джонни. Ее бывший возлюбленный был не злым человеком. Просто глупым, самовлюбленным и тщеславным. Но Николас сказал правду. Невзирая на все случившееся, Джонни убедил себя, что все еще любит ее.

— Джонни, то, о чем ты просишь, невозможно. — В голосе Антонии звучала нежность и легкая грусть о том давнем, пусть и иллюзорном, чувстве, которое когда-то связывало ее с Бентоном. Она тяжело вздохнула. — Никто не должен знать, что я жива. Подумай, какой разразится скандал, если эта история станет известна.

— Я хочу на тебе жениться, — упрямо заявил Джонни. — Брак защитит тебя от клеветы.

— Но я не хочу выходить за тебя замуж.

— Тебе по вкусу грязные ласки Рейнло? Я не могу в это поверить, Антония. Ведь в душе ты добродетельная женщина.

Щеки Антонии вспыхнули. Слова Джонни больно задели ее, ведь «добродетельная женщина» только что провела ночь в объятиях повесы.

— Между нами все кончено, Джонни. Это случилось, когда отец сказал мне, что ты женат. Забудь меня.

— Я никогда тебя не забуду. Я знаю, ты все еще меня любишь.

— Нет, не люблю, — твердо произнесла Антония.

Давным-давно она сказала себе, что излечилась от страстной увлеченности красотой и романтическим очарованием Джонни. Ведь она никогда не испытывала к нему ничего другого. Да простит ей Господь ее прегрешения. Встреча с Бентоном лишь доказала ее правоту. Глядя на него, Антония не почувствовала и тени желания.

Рядом с Николасом он казался сырой глиной, еще не нашедшей своей формы.

Антония заговорила прежде, чем Джонни успел возразить:

— Я не жила в грехе все эти годы. Я нашла себе достойное место в почтенной семье. — Она с усилием сглотнула и продолжила, пытаясь придать голосу твердость: — Джонни, если обо мне узнают, пострадают люди, давшие мне кров, когда ты меня бросил.

Антония готова была прибегнуть к шантажу, если это могло заставить Джонни молчать. Однако, напившись, Бентон становился на редкость словоохотливым. Его разговор с Николасом в таверне ясно показывал, что за минувшие десять лет он ничуть не изменился.

— Я хочу, чтобы ты дал мне слово джентльмена, что никогда никому не расскажешь о нашей встрече.

Лицо Джонни недовольно вытянулось. Он перевел обиженный взгляд с Антонии на Николаса.

— И ты ждешь, что, встретив тебя в этот час в обществе такого человека, как Рейнло, с его репутацией первейшего волокиты, я поверю, будто ты не его любовница? Ради Бога, Антония, ты выглядишь так, словно только что вылезла из его постели. Имей в виду, теперь я не тот неоперившийся юнец, каким был когда-то, моя дорогая.

— Я оборву вам уши, негодяй, если вы не проявите должной почтительности к этой леди, — прорычал Николас, выступая вперед.

Он встал так близко к Антонии, что ей показалось, будто над ней нависла гора.

— Вы уверяете, что не увлечены этой дамой, а между тем держитесь как собственник, — огрызнулся Джонни.

Это было самое смелое высказывание, на которое он отважился, если не считать безрассудного предложения, сделанного женщине после десяти лет разлуки.

— Совершенно верно.

Николас отстранился от Антонии и угрожающе шагнул к Бентону.

— Прекратите, вы оба!

Антония вдруг почувствовала, что сыта по горло этой сценой. Она когда-то жаловалась на унылую жизнь компаньонки, но теперь это скучное существование показалось ей настоящим раем.

— Я не потерплю, чтобы вы сцепились, как пара собак, грызущихся из-за кости. Это оскорбительно.

Мужчины ошеломленно уставились на нее. На их лицах читалось изумление, словно ломовая лошадь вдруг поднялась, чтобы выступить с речью в палате общин.

— Антония? — в замешательстве проговорил Джонни.

Николас промолчал, но искаженное гневом лицо его разгладилось.

— Не желаю больше ничего слушать. Я ухожу. Можете поубивать друг друга, если вам так хочется. — Антония задержала сердитый взгляд на своем первом любовнике. — Джонни, я не стала бы твоей женой, даже будь ты единственным мужчиной на земле. Обладай ты хоть каплей здравого смысла, ты был бы мне благодарен за отказ.

Она обернулась к Николасу, и душившая ее ярость внезапно иссякла. Из последних сил Антония набросила на себя маску уверенности.

— Лорд Рейнло, благодарю вас за то, что вызвались сопровождать меня во время прогулки по парку. Доброго вам дня.

Взметнув юбками, она стремительно зашагала прочь, оставив обоих мужчин стоять на тротуаре. В эту минуту Антония от души желала всем представителям мужской половины человечества провалиться в преисподнюю.

Глава 26

Рейнло осушил еще один бокал бренди и едва удержался, чтобы не швырнуть изящный хрусталь в погасший камин. Этот жест больше подошел бы проклятому Бентону. Николаса душила бессильная ярость. Антония сбежала от него. Леди Хиллиард отвергла распутного маркиза Рейнло. Он вновь ощутил, как боль стягивает углом желудок, словно в горький миг расставания.

Николас обвел невидящим взглядом библиотеку. Разве спутников и циников терзает душевная боль? Бессердечный маркиз чувствовал себя покинутым и бесконечно одиноким, в нем кипел гнев. Один лишь гнев, сдерживаемый ценой невероятных усилий, помогал ему терпеть эту пытку.

Проклятая Антония. Черт бы ее побрал. Черт, черт, черт. Но смертельная мука терзала не женщину, осветившую его жизнь быстротечным счастьем, а самовлюбленного, беспечного повесу.

Эти слова показались Николасу унизительно фальшивыми.

Приказав негодяю Бентону держаться подальше от Антонии, Рейнло вернулся в пустой дом, населенный воспоминаниями. Он надеялся, что Антония задержится до вечера, но она покинула его. Покинула навсегда. Проклятие!

Темная пустая комната, по которой весь день бродил Николас, показалась ему горьким предвестием темных пустых одиночества.

Будь проклята Антония. Неужели она не понимает, как необычайно ценен тот чувственный восторг, который им удалось выразить? Какой это редкостный дар?

Николас мучительно тосковал по ней. Его терзала жгучая боль. И никакая брань, никакие проклятия не приносили облегчения. Антония оставила его.

Великолепная таинственная леди Антония Хиллиард, единственная дочь графа Эйвсона. Когда Бентон назвал имя Антонии, она была так взволнована, что не заметила этого. Рейнло же охватила ярость. Ему хотелось схватить Антонию и хорошенько встряхнуть.

Какого дьявола представительница одного из знатнейших английских семейств разыгрывает роль няньки безмозглой Касси Демарест?

Даже после того как отец отказал Антонии от дома, у нее оставались родственники и друзья, к которым она могла обратиться за помощью. Те, кто постарался бы убедить ее, что опрометчивый поступок не вызвал сплетен. Те, кто помог бы ей занять достойное место в обществе. Низкий негодяй Демарест предоставил ей кров, но взамен превратил ее в служанку.

Рейнло не проявлял особого интереса к аристократическим семействам, но, разумеется, знал, кто такие Хиллиарды. История этого рода восходила к временам нормандского завоевания Англии. В своих обширных владениях в далеком Нортумберленде Хиллиарды правили как принцы.

Неудивительно, что Антония отвергла его предложение. Должно быть, она посчитала, что маркиз Рейнло не достоин ее руки.

Будь Антония Хиллиард не столь непримирима к себе в своем бесчестье, она давно вышла бы замуж и обзавелась кучей детей. Представив себе Антонию замужем за другим мужчиной, в объятиях другого мужчины, носящей ребенка от другого мужчины, Николас почувствовал, как горло больно сдавило спазмом.

Хиллиарды славились своим несметным богатством, непомерной гордостью и нордической внешностью. Боже праведный, Рейнло должен был угадать, кто такая мисс Смит, как только увидел ее без уродливого чепца и очков. Как он мог не узнать ее светло-пепельные волосы и голубые глаза, отличавшие Хиллиардов? Покойный отец Антонии, видный политический деятель, с его исполинским ростом и белокурой гривой походил на элегантного викинга.

Проклятие, Рейнло даже был знаком с лордом Генри, братом Антонии. Они вместе учились в Оксфорде, правда, Хиллиард был на год моложе. Они вращались в одном кругу, посещали одни и те же клубы. Молодой виконт Маскелл, наследник Эйвсона, увлеченно занимался науками в отличие от беспутных гуляк вроде Рейнло и его приятелей.

Покойный лорд Эйвсон слыл ревнителем строгой дисциплины. Рейнло легко мог себе представить, как старик не раздумывая прогнал дочь. Но Генри не походил на отца. Николас помнил его как человека мягкого, терпимого, независимого в своих суждениях. Маскелл обладал любознательным умом ученого, чуждым жесткой узколобости тирана. Едва ли он обрек бы на жалкое прозябание единственную сестру.

В дверь постучали: секретарь Рейнло принес почту. Слуги вернулись около часа назад. Молодой человек почтительно поклонился. Он явно удивился, застав хозяина сидящим в темноте, но благоразумно промолчал. Секретарь бесшумно удалился, а Рейнло подошел к столу и зажег лампу. Он угрюмо оглядел толстые конверты, доставленные из его многочисленных владений. Ему предстояло смириться со своей утратой и научиться жить без Антонии. Возможно, тогда у него появиться интерес к делам.

Пачку приглашений он отшвырнул, не потрудившись даже просмотреть.

Письмо из Ирландии...

Его пальцы сжали конверт. Ему невольно было видеть притворные попытки Элоизы успокоить его совесть. Нет, только не теперь.

С беспощадной ясностью перед ним предстала его жизнь. Антонию он потерял навсегда. Ему не удастся ее вернуть. Разве что он разожжет скандал, который окончательно ее погубит.

А значит, решится пожертвовать узами, связавшими их в эту долгую ночь, проведенную вместе.

Рейнло всегда считал себя жестоким. Должно быть, он ошибался. Ему не хватало бессердечия.

Антония оставила его. Он знал, что придется жить с этим, преодолевая ярость и жгучую боль.

Что ему еще оставалось?

Письмо Элоизы, полученное в эту горькую минуту, показалось ему посланием из рая. Или из преисподней.

Он ждал начала сезона, чтобы осуществить свою месть. Страсть к Антонии поколебала его решимость. Но теперь все изменилось.

Настало время посчитаться с Годфри Демарестом. Рейнло скрипнул зубами. Он не станет предаваться жалости к себе оттого, что женщина, которую он желал, ему отказала. Он не позволит взять над собой верх трусливой жалости к Кассандре. Пусть на малышке Демарест не лежало вины за грехи отца, но она была слишком удобным орудием мести, чтобы позволить ей ускользнуть.

Антония не разрушила его жизнь своим уходом, она лишь закалила его волю, сделала его сильнее. Двадцать лет назад Николас поклялся отомстить вероломному любовнику, бросившему его сестру, хотя и не произнес вслух слова клятвы. Он потратил впустую драгоценное время в погоне за призрачной иллюзией, что женщина способна предложить нечто более драгоценное, нежели мимолетное плотское наслаждение. Но теперь пелена спала с его глаз. Осталась лишь вера, что Демарест должен заплатить за страдания Элоизы.

Минувшей ночью в объятиях Антонии Рейнло почувствовал себя обновленным, очистившимся от груза грехов. Но оказавшись один, он понял, что остался тем же низким негодяем, каким всегда был. Его ожидала жизнь без Антонии, беспутная жизнь завязанного мерзавца. Что ж, он постарается стать холодным и бесчувственным или умрет, так и не достигнув успеха.

Тот расчетливый негодяй жил ради мести. Он обладал железной волей и непоколебимой решимостью. Его сердце было высечено из камня. Его не заботили чувства других. Он не задумываясь погубил бы Кассандру Демарест и разбил бы сердце Антонии Хиллиард. Он обещал Элоизе, что отомстит за нее, и он исполнит клятву.

Николас яростно смял письмо, словно сдавил горло врагу. Он сознавал, какую цену придется заплатить за соблазнение Касси. Он всегда это знал. Обесчестив дочь Годфри Демареста, он навсегда лишится надежды вернуть Антонию. Но он и так уже потерял надежду. Он был в достаточной степени реалистом, чтобы понимать: ничто не заставит Антонию изменить решение. Она ушла. И этого не исправить.

Единственное, что оставалось Николасу, — хотя бы немного утешить сестру.

На следующий день Рейнло не составило труда отыскать Касси. Несмотря на его репутацию

завязтого ловеласа, маркиза охотно приглашали на все светские рауты. Он сразу же отмел с полдюжины приглашений, остановив свой выбор на двух-трех домах, где вероятнее всего могла появиться юная мисс Демарест.

Удача улыбнулась ему на третьем балу. Он нашел Кассандру в обществе леди Мерриуэдер и ее дочери. Николас машинально поискал глазами Антонию, понимая, что надеяться нелепо. Леди Хиллиард не решилась бы явиться в дом, где могла столкнуться с Бентоном. Почувствовав горькое разочарование, Рейнло тотчас напомнил себе, что отныне неуязвим для сожаления.

Стараясь не замечать гнетущую тяжесть в груди, Николас заставил себя сосредоточить все внимание на малышке Демарест. Он и без того потратил слишком много времени, преследуя ее компаньонку.

К несчастью, очарование неподражаемого маркиза Рейнло, похоже, поблекло. Касси подарила ему два танца — добрый знак, учитывая его пренебрежение к ней, — однако Николасу никак не удавалось остаться наедине со своей жертвой. Девицу постоянно осаждала толпа юных дебютанток и молодых холостяков. Знаменитый повеса скрежетал зубами от досады.

Три вечера подряд он безуспешно пытался добиться своей цели. Проклятие! Пока девчонка находилась под неусыпным присмотром строгой компаньонки, подобраться к ней было намного легче.

Но Рейнло не терял надежды. Как и мисс Демарест, он получил приглашение на пикник в поместье Шериданов на Темзе. Увеселение обычно занимало большую часть дня. Знаменитые ежегодные пикники Шериданов считались гвоздем сезона и неизменно привлекали множество гостей.

Оказавшись в самой гуще веселой праздничной толпы, Рейнло быстро убедился, что Касси уже прибыла вместе с вездесущими Мерриуэдерами. Он тщательно продумал свой план и заручился помощью лакея, подкрепленной весьма щедрым вознаграждением. Николас чувствовал себя чужаком на этом шумном празднестве, но жребий был брошен, и никакая сила не смогла бы заставить его свернуть с избранного пути.

Увлечь малютку Демарест подальше от друзей и затеряться в многолюдной толпе, наводнившей обширное поместье, не составляло труда. Рейнло задумал совершить днем небольшое путешествие в Гемпшир. Он собирался устроить похищение Касси со всеми возможными удобствами, что многое говорило о его привычках.

Он представил, какой удар ожидает Демареста, когда тот узнает, что жизнь его дочери погублена, но мысль эта не принесла ему радости. Хоть Рейнло и был негодяем, презревшим все Божьи законы и жившим ради одной лишь мести, он собирался обесчестить Касси во имя долга, а не ради удовольствия.

— Тони?

Касси скользнула по узкой тропинке, обсаженной с обеих сторон кустами камелий. Этот уединенный уголок сада как нельзя лучше соответствовал нечестивым замыслам маркиза. День выдался солнечным, и гости Шериданов предпочитали бродить по лужайкам, играть в нелепые игры и, заливаясь глупым смехом, искать друг друга в знаменитом лабиринте.

Выступив из-за высокого куста, Рейнло схватил под руку девушку, готовую углубиться в цветочные заросли.

— Касси, ее здесь нет.

Из разросшегося кустарника за спиной Кассандры показался подкупленный маркизом лакей. Касси с недоумением посмотрела на Рейнло.

— Но в вашей записке говорилось, что меня хочет видеть Тони и дело не терпит отлагательств.

— Я отвезу вас к ней. Она не решилась показаться здесь.

Пальцы Рейнло крепко обхватили изящный локоть Касси, хотя она явно не подозревала подвоха.

Бедная глупенькая бабочка.

— Это из-за мистера Бентона? — встревожено спросила Касси, понизив голос. — Надеюсь, нет.

— Вам об этом расскажет сама мисс Смит, — отозвался Рейнло.

Его удивило, что Касси заговорила о Бентоне. Впрочем, он подозревал, что Кассандре известно о скандальном прошлом ее тети. Достав из кармана плаща блокнот и карандаш, он протянул их Касси.

— Нужно предупредить миссис Мерриуэдер, что неприятности дома заставили вас уехать.

Рейнло желал убедиться, что никто не попытается вырвать малютку из его когтей, прежде чем свершится месть.

— О да, вы правы. Я не хотела бы заставить ее волноваться. Миссис Мерриуэдер всегда была так добра ко мне.

Большие голубые глаза Касси смотрела на Николаса так доверчиво и простодушно, что в сердце его шевельнулось раскаяние. Но Рейнло тотчас подавил укоры совести.

Пока Касси царапала короткую записку, он подумал о том, что должно было случиться. Его план близился к завершению, и любой на его месте сходил бы с ума от волнения.

Четыре дня, проведенных в мучительной агонии, он пытался побороть смятение, смирить отчаяние. Наконец, благодаря пробудившейся гордости и обилию выпитого бренди, он сумел обуздать свои чувства. Теперь его душу сковывал ледяной панцирь, в сердце царил безмолвная Арктика, равнодушная ко всему.

Рейнло ничего не чувствовал.

Ни вины, ни тоски по Антонии. Ни радости победы, от того что его дьявольский замысел удался. Он превратился в чудовищную машину, приведенную в действие поворотом ключа. Он знал, что будет работать, пока не кончится завод. Будь он способен радоваться, ему бы понравилось это хладнокровие. Жить становится намного проще, когда лишаешься способности чувствовать. Рейнло искренне верил, что мог бы отрезать себе руку, даже не поморщившись.

— Вот.

Касси протянула ему блокнот.

Бросив беглый взгляд на записку, Николас вырвал листок, сложил его и передал ожидавшему рядом лакею.

— Для миссис Мерриуэдер, — коротко приказал он.

Слуга поклонился и стремглав бросился выполнять поручение. Учитывая размер вознаграждения, полученного им от маркиза, молодчику впору было лететь птицей.

— Нам нельзя мешкать.

Рейнло потянул Кассандру к ближайшим воротам, шагая так быстро, что ей приходилось бежать, чтобы поспеть за ним. Калитка открывалась в боковой проулок, тянувшийся между двумя высокими стенами и ведущий к реке.

— Бедная Тони, это так несправедливо, — задыхаясь, пожаловалась Касси, словно обращалась к тому, кого искренне волновала судьба Антонии. — Ей пришлось бежать в Сомерсет и скрыться там. Этому подлецу Бентону следовало бы скрываться.

— Не сомневаюсь, — бросил Рейнло, ускоряя и без того быстрый шаг.

Меньше всего ему сейчас хотелось вести доверительную беседу об Антонии Хиллиард.

— Как бы я хотела, чтобы вы застрелили мистера Бентона, — призналась Касси, пытаясь угнаться за ним.

Эти слова вывели Рейнло из оцепенения. Резко остановившись, он повернулся к Кассандре.

— Что, прошу прощения?

Касси замерла, устремив взгляд на маркиза. Ее голубые глаза смотрели сурово, без улыбки.

— Вам следовало бы застрелить мистера Бентона. Он поступил подло, а за Тони больше некому заступиться. — Кассандра помолчала, нахмутив брови. — Кроме меня. А я не могу бросить вызов джентльмену.

Рейнло невольно усмехнулся, открывая калитку.

— А вы довольно кровожадны.

Касси вскинула голову и задумчиво оглядела маркиза, что ему вовсе не понравилось.

— Я забочусь о людях, которых люблю. Как и Тони.

— Весьма похвально, — сухо произнес Рейнло, сделав вид, что не заметил последних слов, произнесенных с нажимом.

Нетерпеливо сжав локоть Кассандры, Николас потащил ее за собой к улице, где дожидался легкий кабриолет, запряженный парой самых резвых лошадей из его конюшни. Эта часть плана была самой рискованной. Перед особняком Шериданов Касси могли увидеть, но кучер не сумел бы развернуть экипаж в переулке.

Кассандра вытянула шею, оглядывая улицу.

— Где же Тони?

Рейнло встал перед ней, закрывая ей обзор и заслоняя ее своей фигурой от посторонних глаз.

— Я же сказал, что отвезу вас к мисс Смит.

Ложь слетела с его губ так легко, что Кассандра тотчас ему поверила. Рейнло помог юной леди забраться в двуколку, уселся рядом и схватил вожжи. Кучер Боб отошел в сторону, и кабриолет унесся, грохоча по булыжной мостовой.

Антония собирала вещи у себя в комнате, когда раздался торопливый, взволнованный стук в дверь.

Вторжение не удивило ее. Последние четыре дня ей приходилось без конца отвечать на расспросы слуг, встревоженных новостью, что Антония покидает Лондон, а Касси предстояло провести остаток сезона с Мерриуэдерами. Ожидалось, что временная прислуга покинет дом на следующий день. Слуги из Сомерсета должны были запереть дом и вернуться в Баском-Хейли. Белла оставалась в Лондоне с Кассандрой.

Сказать, что Антония занималась сборами, было бы явным преувеличением. Она стояла неподвижно посередине комнаты, поглощенная мучительными раздумьями. Антония знала, что поступила правильно, оставив Николаса. Она не могла стать его содержанкой, а брак с ним обернулся бы для нее сущим адом. Но после расставания с Рейнло Антонию не оставляло ощущение, словно из ее тела вырвали душу. Выполнение самых обычных обязанностей стоило ей невероятных усилий.

Она смотрела невидящим взглядом на раскрытый саквояж, лежавший на полу, а видела искаженное страстью лицо Николаса в минуту наивысшего блаженства. Она пыталась прогнать от себя этот образ и другие видения их прощальной ночи, с беспощадной яркостью запечатленной в ее памяти. Но в душе она понимала, что не забудет их до конца своих дней. А пока она помнит, ее будет терзать жажда.

В дверь забарабанили снова, да так сильно, что клацнула дверная ручка. Антония с тяжелым вздохом бросила в саквояж шаль, которую держала в руках, и поплелась к двери. Каждое мгновение было для нее пыткой. Она чувствовала себя глубокой старухой. Бесконечные пустые разговоры с прислужгой вконец утомили ее. Казалось, нервы ее натянуты до предела. К изумлению Антонии, за дверью стояла Белла. Она в отчаянии ломала руки и пыхла так, будто пробежала целую милю.

— Белла? — ошеломленно воскликнула Антония. — Что ты здесь делаешь?

Камеристка влетела в комнату, оттолкнув Антонию к стене.

— С Касси беда. — Она остановилась, хватая ртом воздух. — Вы должны что-то сделать.

Антония в ужасе схватилась за сердце. Грудь сдавило болью.

— Что случилось? Она опять заболела?

Боже праведный, неужели Касси вновь стало плохо? К племяннице так быстро вернулись силы, что Антония стала забывать, как еще недавно ее воспитанница лежала при смерти.

Белла в изнеможении привалилась к шкафу. Встревоженная Антония поспешила налить ей воды. Горничная схватила стакан и сделала несколько глотков.

— Что произошло? — прошептала Антония, холодея от страха.

Белла подняла голову. В глазах ее блестели слезы.

— Он добрался до нее. Я не знаю, кому еще сказать. Поднимется ужасный шум. О, моя бедняжечка, голубка моя.

Стакан задрожал в руках Беллы, Антония выхватила его.

— Кто до нее добрался?

Служанка сердито сморщилась, и Антония узнала прежнюю Беллу.

— Кто же, по-вашему? Подлый негодяй Рейнло, вот кто.

Имя это отравленной стрелой вонзилось в сердце Антонии.

Она неловко попятилась, прижимая к груди дрожащую руку, не заботясь о том, чтобы скрыть свои чувства.

— Маркиз Рейнло? — недоверчиво переспросила она. — Ты, должно быть, ошиблась.

— Он увивался за ней с самого начала. Грязный мерзавец. А теперь заграбастал ее.

«Ох, Николас, Николас, скажи мне, что это неправда».

Внезапная догадка заставила Антонию задохнуться от боли. Желудок словно стянуло в тугой узел, горло сжало спазмом. Конечно же, это правда.

Неужели Николас совершил эту подлость в отместку за то, что Антония его бросила? Нет, он не способен на подобное ребячество.

А может быть, все это время Рейнло охотился за Касси? И Антония просто доверчивая простофиля?

— К-куда он ее увез? — запинаясь, произнесла она.

— Кто знает? Я ждала возле дома Шериданов, боялась, как бы мой ягненочек не попал в беду. — В глазах Беллы сверкнула обида. — Хотя мы с вами и не всегда ладили, должна признать, вы приглядывали за нашей малышкой зорко, словно ястреб. Но сегодня вас не было рядом с ней, и я хотела убедиться, что все в порядке.

С Касси случилась беда. Антония и без того терзалась сознанием вины, теперь же она почувствовала себя преступницей.

Она отрешенно смотрела на Беллу, пытаясь осмыслить услышанное. Неужели Рейнло задумал жениться на Касси?

После того как на днях сделал предложение ей самой? Воспоминание отозвалось в груди жгучей болью. Предложение Николаса было всего лишь лживой уловкой. Ну, разумеется. Касси — куда более подходящая партия. Богатая, молодая, красивая, не запятнанная скандалом. По крайней мере, пока.

Но Антония не верила, что Рейнло намеревался взять Касси в жены. Даже теперь. Она

подозревала, что маркиз похитил ее ради минутного удовольствия, не заботясь о том, как дорого обойдется ей это безрассудство.

Бессердечный мерзавец, за которого она принимала Николаса в первые дни знакомства, вполне мог совершить подобную низость. Но мужчина, подаривший ей незабываемую ночь страсти, был не способен на такое.

По крайней мере, так она воображала.

Ее пронзила боль, острая как кинжал. Чудовищный поступок Николаса не имел оправданий. Антония с трудом подавила желание скорчиться и закричать, выплеснуть бессильную ярость.

«Будь ты проклят, Николас. Будь ты проклят, вероломный лжец».

Антония впустила в свою постель двух мужчин. И оба ее предали.

Потом, позднее, она предается горю, станет собирать осколки своего разбитого сердца. Антония всегда знала, что подпускать к себе Николаса слишком близко опасно, но лишь теперь поняла, насколько велика опасность. «Лживый, коварный, презренный негодяй».

— Белла, расскажи, что ты видела, — отрывисто бросила она.

Ее властный голос тотчас привел служанку в чувство. То был голос Антонии Хиллиард, хоть Белла и не догадывалась об этом. Горничная выпрямилась, лицо ее просветлело.

— Я стояла на улице, напротив особняка. Вдруг вижу, как лорд Рейнло вышел из переулочка вместе с Касси. Прежде чем я успела помешать ему, он усадил нашу девочку в двуколку и помчался что есть мочи, словно сам дьявол гнался за ним по пятам.

— Может, он просто пригласил Касси прокатиться, — предположила Антония, уверенная в душе, что Белла не ошиблась в своих подозрениях.

— Не думаю.

Сейчас Белла ничуть не походила на старую брюзгу, без конца цепляющуюся к Антонии. Она смотрела на компаньонку с мольбой. В ее голосе звучала неподдельная тревога.

— Что вы собираетесь делать?

Оцепенение, сковывавшее Антонию словно липкая паутина последние четыре дня, внезапно исчезло. Резко повернувшись, она наклонилась и пошарила в сумке.

Ее пальцы нащупали футляр красного дерева с дуэльными пистолетами, подарок отца на ее шестнадцатилетие, напоминание о тех днях, когда граф Эйвсон гордился храбростью и независимостью дочери.

— Я собираюсь уладить это дело.

Глава 27

В густом потоке экипажей Рейнло гнал коней слишком быстро, чтобы Касси отважилась выпрыгнуть. Она хранила молчание. Должно быть, ее пугала бешеная скорость, с которой неслась двуколка. Кассандра не осмеливалась заговорить, боясь, что кабриолет вот-вот опрокинется и разобьется о булыжную мостовую.

Экипаж выехал в лондонское предместье, но Рейнло продолжал нахлестывать лошадей. Неистовый бег был сродни бушевавшему в нем отчаянию. Николасу пришла на ум странная фантазия, что скорость и расстояние помогут ему избавиться от всех несчастий.

Лететь в никуда оказалось дьявольски соблазнительно.

— Вы везете меня вовсе не к Антонии, верно? — безжизненным голосом произнесла Касси.

— Что?

Рейнло не отрывал глаз от дороги, хотя, конечно, слышал вопрос девушки, несмотря на свист ветра, грохот экипажа и чертовски сильное желание оттянуть неприятный разговор.

— Вы везете меня не к Антонии.

Сейчас Касси ничуть не походила на маленькую пустоголовую ветреницу, с которой он недавно танцевал. Рейнло не хотелось думать об Антонии, но он невольно вспомнил ее предупреждение, которое слышал не раз: Касси лишь притворяется глупышкой, она намного умнее, чем кажется.

Жаль. И все же малышке Демарест не хватило ума распознать ловушку. Рейнло завез ее далеко от Лондона. Он недобро усмехнулся: теперь девчонка в его власти, и будь она хоть семи пядей во лбу, ей не спастись.

Николасу следовало радоваться. Он осуществил свой план без малейшего труда. Ему привалила неслыханная удача. Но благодарить следовало не Господа: Отец Небесный не принял бы сторону законченного злодея, — маркизу покровительствовал сам дьявол.

Впрочем, чему тут было удивляться?

Местность казалась пустынной. По обеим сторонам от дороги тянулись поля, вдоль обочин пролегли глубокие канавы. Если бы Касси попыталась сбежать, Рейнло поймал бы ее без труда.

Остановив двуколку, он повернулся к Кассандре и схватил ее за локоть. Он желал убедиться, что юная леди не натворит глупостей.

— Да, я похитил вас.

Рейнло ожидал истерики, слез, гневных выкриков, но Касси даже не дрогнула. Она смерила маркиза пристальным высокомерным взглядом.

— Вы хотите на мне жениться? Так почему бы просто не обратиться к моему отцу? Уверена, он не стал бы возражать. В конце концов, вы из благородной семьи.

Рейнло презрительно рассмеялся.

— Боже упаси, нет. Я не собираюсь жениться на вас. Я хочу вас обесчестить.

Кассандра надменно вздернула брови. Ее лицо выражало лишь холодное любопытство, и Николас невольно восхитился ее выдержкой.

— Почему? — спросила она.

Рейнло нахмурился. Он не думал, что ему придется давать объяснения малютке Демарест. Но,

как ни странно, этой поразительно невозмутимой восемнадцатилетней девчонке, которая смотрела на него так, словно он диковинное насекомое, вылезшее из-под камня, удалось взять над ним верх.

— Я распутник.

Кассандра недоверчиво скривила губы.

— Само собой. Но вы не хотите меня.

Рейнло впервые внимательно взглянул на Касси. Она не выглядела растерянной или испуганной, напротив, девчонка казалась... разочарованной.

— Я волочился за вами с начала сезона.

Откуда эта неуверенность? Всего минуту назад он чувствовал себя властелином мира.

— Да, — нетерпеливо проворчала Касси. — Но вам нужна была Тони.

Рейнло так резко вздрогнул, что лошади беспокойно зафыркали, вскинув головы. Он принялся их успокаивать, мысли лихорадочно заметались в его голове.

— Ваша компаньонка?

Рейнло постарался придать голосу язвительность, словно слова Кассандры показались ему нелепостью.

— Да, моя компаньонка, — тем же холодным тоном подтвердила Касси. — Леди Антония Хиллиард, как вам отлично известно. Женщина, рядом с которой вы загораетесь будто свеча. Женщина, от которой вы не можете отвести глаз, сколько бы ни притворялись, что флиртуете с другими.

— Я лишь использовал ее, чтобы подобраться к вам, — пробормотал Рейнло, понимая, что юная леди не верит ни одному его слову!

Впрочем, стоило ли удивляться? Ведь Касси сказала правду. Единственная женщина, которая занимала все его мысли, превратила ночи Николаса в океан огня, а затем бросила его.

Касси недоуменно нахмурилась.

— Вовсе нет, — резко возразила она. — Вы, конечно, понимаете, что из-за этой глупой выходки навсегда потеряете Антонию. Ради Бога, о чем вы только думаете, милорд?

— Эта женщина не для меня.

В ледяном панцире, сковавшем Рейнло, появилась трещина. Он попытался помешать ей расползтись. Лед лишал его способности чувствовать, дарил забвение. Николас не желал думать о том, что потерял Антонию. Ему хотелось насладиться мстостью, покарать негодяя, разрушившего жизнь бедной невинной Элоизы. А если он не сможет осуществить свой замысел, то лучше ему не думать ни о чем.

— Вы разрушите все, если не остановитесь, — с жаром заговорила Касси. — Тони подходит вам как нельзя лучше. А вы помогли бы ей вновь занять достойное место в обществе.

Рейнло потрясенно уставился на Кассандру. Внезапное озарение заставило его замереть. В памяти его яркими картинками замелькали одна за другой все его встречи с этой юной красавицей. Мисс Демарест никогда не поощряла его ухаживаний. А если и кокетничала с ним, то лишь для того, чтобы привлечь к нему внимание Антонии, обеспокоенной их флиртом.

— Боже милостивый, так вы выступали в роли свахи?!

Касси даже не покраснела.

— Я думаю... думала, что вы именно тот мужчина, который ей нужен. Тони слишком долго была одна. Благодаря вам она... ожила.

Проклятие! Рейнло не желал слушать о переменах в жизни Антонии. Эта опасная тема вызывала слишком много воспоминаний. Закрыв глаза, ой сжал еще крепче локоть Кассандры. Не то чтобы он боялся, что она сбежит. Правда ее слов заставила Николааса оцепенеть в немом протесте.

— Она не для меня, — повторил он, с трудом шевеля онемевшими губами.

Лицо его исказилось, словно из горла вырвался беззвучный крик, и огромная глыба льда сорвалась с его души, рухнув в черный океан жизни.

— Если вы сейчас же отвезете меня домой, возможно, Антония никогда не узнает о вашем поступке.

Рейнло мрачно усмехнулся. Овечка давала волку советы, пытаясь спасти его шкуру. И что самое нелепое, какая-то крохотная часть его существа прислушивалась к словам девчонки.

Нет, ничто не заставит его изменить решение. Даже если он привезет Касси домой целой и невредимой, Антония навсегда потеряна для него. Нет, он исполнит данную сестре клятву и доведет свой план до конца, хотя его совесть брыкалась словно необъезженная лошадь, на которую впервые надели седло.

Он заставил себя солгать.

— Вы ошиблись, меня вовсе не интересует ваша компаньонка.

Касси презрительно поморщилась.

— Ну, если вы настаиваете...

На лицо Рейнло набежала тень.

— Вам следовало бы бояться. Проклятие, вам надо бы трястись от ужаса.

— Я могла бы сбежать, — почти равнодушно заметила Касси. — Непохоже, что нас окружает полчище ваших сообщников, готовых меня схватить.

Рейнло красноречиво обвел глазами окрестности. Ближайшая деревня осталась далеко позади. На много миль вокруг простирались поля. Его пленнице негде было искать убежища.

— И куда вы пойдете? У вас нет денег. На вас легкие туфельки. Они развалятся, стоит вам пройти первую сотню ярдов. Вас некому сопровождать. Обещаю, со мной вы будете в большей безопасности, чем в окружении грубых мужланов из окрестных деревень.

Касси упрямо поджала губы.

— Если вы не собираетесь взять меня силой.

Рейнло понял, что, несмотря на всю свою браваду, Кассандра испугана. Похоже, он превратился в одного из тех негодяев, что отрывают крылышки мухам и поджигают хвосты котяткам. Маркиз отогнал от себя эту горькую мысль.

Что ж, по крайней мере, в одном он мог успокоить малышку Демарест. Задумывая похищение, он поклялся себе напугать вою жертву до смерти, заставить ее униженно молить о пощаде. Но в последнее время Рейнло потерял интерес к театральным эффектам.

— Я не собираюсь вас насиловать.

— Уж не воображаете ли вы, что я отдамся вам по собственной воле? — сердито бросила Касси. — Вы явно переоцениваете свою притягательность, милорд.

Рейнло невольно улыбнулся:

— А у вас довольно острый язычок для девушки, чья жизнь до сегодняшнего дня напоминала сахарную вату.

Кассандра надменно вздернула подбородок:

— Я сильнее, чем может показаться.

Улыбка Рейнло стала шире. Ему начинала нравиться малышка Демарест, что грозило чертовски усложнить задачу, пока Касси оставалась для него жеманной пустышкой, ему куда легче было осуществить свой план.

— Рад это слышать, — сухо отозвался он. — Клянусь, вы вернетесь в Лондон девственницей, но после ночи, проведенной со мной, вы будете обесчещены, как если бы я сделал вас своей любовницей.

Касси озадаченно сдвинула брови. Похоже, заверение Рейнло не принесло ей облегчения.

— Не понимаю. Если вы не...

Она отвернулась, закусив губу, затем храбро посмотрела в глаза своему похитителю. Ее отвага смутила Николаса, роль злодея казалась ему все более неприглядной. Касси продолжила неестественно ровным тоном:

— Если вы не собираетесь затащить меня в постель и не хотите жениться на мне, зачем же вам это бессмысленное похищение?

Что ж, настало время развеять все иллюзии этой малышки, открыв ей правду о ее милом папочке. Это станет частью мести. Руки Рейнло сжали поводья.

— Из-за вашего отца.

Касси недоуменно моргнула.

— Мой отец сейчас в Париже.

— Двадцать лет назад ваш отец был гостем в доме моих родителей.

Николас замолчал, мучительно подбирая слова.

Рассказать этой девочке о грехах ее отца оказалось куда труднее, чем он воображал. Он заговорил, надеясь, что воспоминания придадут ему сил, но в памяти его вдруг ожил горький рассказ Антонию, похожий на историю Элоизы.

— Он соблазнил мою сестру и бросил ее с ребенком.

Лицо Касси приняло упрямое выражение.

— Я вам не верю.

— Это правда.

Кассандра решительно покачала головой.

— Возможно, мой отец и повеса, но он никогда не обесчестил бы девушку из порядочной семьи.

Губы Рейнло изогнулись в горькой усмешке.

— Возможно, мне следовало уточнить: Элоиза — внебрачная дочь моего отца.

Касси упрямо выпятила подбородок.

— Я не обольщаюсь относительно слабости отца к хорошеньким личикам, но он никогда не увивался за служанками в Баском-Хейли или за деревенскими девушками. Пользуясь вашим гостеприимством, он не стал бы соблазнять дочь хозяина дома — законную или нет.

Рейнло равнодушно пожал плечами. Он не собирался убеждать дочь Демареста в своей правоте, ее участь была решена.

— Возможно, с годами его привычки изменились. А может быть, он научился обдирать свои делишки подальше от дома, избегая неприятных последствий. Впрочем, ему не пришлось распутывать последствия того, что он сделал с Элоизой. Это она расплатилась за все полной мерой. Ваш отец остался безнаказанным. — Рейнло помолчал, чувствуя, как долго сдерживаемый гнев ледяной змеей сворачивается в груди. — Но настал час возмездия.

— Я вам не верю, — твердо отрезала Касси, хотя в глазах ее металась тревога.

Николас понял, что его неколебимая уверенность заставила ее усомниться в отце.

— Ваше право. В конце концов, это не имеет значения.

Касси помрачнела еще больше.

— Нет, имеет. Вы говорите, будто мой отец отъявленный негодяй, и ждете, что я приму ваши слова на веру без доказательств.

— Я похитил вас — чем не доказательство? Но, как уже говорил, верить мне или нет — дело ваше.

Должно быть, полнейшее безразличие Рейнло и убедило Касси в правдивости его истории. Лицо ее залила бледность, плечи безвольно опустились. Николас подавил невольную жалость. Непозволительную жалость к сломленной горем дочери, что расплачивалась за подлость отца, о которой даже не ведала. Пожалеть Кассандру означало бы проявить слабость. Рейнло цеплялся за свою месть, как за спасительную соломинку.

— Если то, что вы говорите, правда, мне очень жаль, — дрожащим голосом произнесла Касси. — Ваша несчастная сестра... Что случилось с ребенком?

— Дочь Элоизы родилась мертвой.

— О-о.

Касси опустила глаза и сжала сложенные на коленях руки так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Рейнло ожидал, что девушка забросает его вопросами, захочет узнать подробности трагедии, потребует доказательств, но Касси молчала. Неужели ее храбрость иссякла и бравада уступила место страху?

— Касси?

После недолгого молчания Кассандра подняла голову, в ее больших голубых глазах блестели слезы. Она походила на юную богиню, погруженную в скорбь. Рейнло неожиданно поймал себя на том, что не испытывает вожделения. Его охватило странное чувство, смесь облегчения и тревоги. Как ни удивительно, ему не хотелось овладеть Кассандрой. Напротив, подавил порыв обнять ее и утешить, заверить, что все будет хорошо. Так поступил бы добрый дядюшка, а не знаменитый ловелас, черт побери.

— Та малышка была моей сестрой, — сдавленным голосом прошептала Касси.

Рейнло сурово нахмурился.

— Да. А та, чью жизнь втоптал в грязь ваш отец, была моей сестрой. Вот уже двадцать лет она живет затворницей в ирландском монастыре.

— Я все еще не уверена, что вы говорите правду.

Но Рейнло видел, что Касси поверила. Дрожащей рукой она смахнула с глаз слезы.

— Если вы не лжете, отец совершил непростительный грех. — Ее голос стал тверже. — Но в этом нет моей вины.

Лицо Рейнло исказилось гневом, он упрямо сдвинул брови, силясь заглушить укоры совести.

— Вашему отцу следует знать, каково это — видеть гибель любимого человека.

Касси смерила его пристальным взглядом.

— Элоиза просила вас отомстить за нее?

— Нет.

— Тогда почему вы решили, что она этого хочет? — настойчиво спросила Кассандра. —

Уверена, ваша сестра не захотела бы, чтобы из-за нее обесчестили другую женщину. Женщину, не причинившую ей зла.

Губы Рейнло сурово сжались.

— Я отомщу за нее, она этого достойна.

Неожиданно Касси положила ему руку на плечо. Потрясенный Рейнло невольно вздрогнул, мышцы его напряглись.

— Вы очень ее любите, правда?

В глазах Рейнло мелькнуло недоумение, будто Кассандра сболтнула нелепость.

— Разумеется, люблю.

— Ей повезло, что у нее такой брат.

Николас недоверчиво прищурился.

— Не надейтесь, что сумеете разжалобить меня любезными речами.

— Я и не думала. Вижу, вас не переубедить.

Касси казалась простодушной.

Слишком простодушной. «Должно быть, у нее что-то на уме», — заподозрил Рейнло, хотя решительно не мог представить, что она задумала.

— Совершенно верно, — сердито бросил он, сознавая, что слова его звучат фальшиво.

— Вы сами знаете, что, обесчестив меня, не сможете ничего изменить. Вы не вернете Элоизе ни ребенка, ни потерянных лет.

«Как смеет эта девчонка атаковать его доводами логики?»

— Я заставлю вашего отца страдать. Этого довольно.

— Антония ни за что не простит вас.

На какой-то миг Рейнло заколебался, но Кассандра допустила промах. Темная волна ярости захлестнула его, заглушив слабый шепот раскаяния. Тот же бессильный гнев сжимал ему горло, когда Антония, отвергнув его предложение, небрежно отшвырнула его словно ненужную безделушку.

— Мне плевать, что подумает Антония. — Он натянул вожжи, готовясь продолжить путешествие. — До Гемпшира путь неблизкий.

Слава Богу, девчонке хватило ума убрать руку с его плеча.

Рейнло одолевало желание грубо сбросить ее. Краем глаза он заметил выражение горького сожаления на лице Касси.

— Вы глупец, милорд, — угрюмо пробормотала она. — У вас есть шанс обрести счастье, но вы

готовы отказаться от него ради пустой прихоти.

Рейнло хмуро сжал губы и резким ударом хлыста пустил лошадей в галоп. Он не собирался отвечать на нелепые замечания глупой девчонки.

Он нещадно хлестал коней, мчась к побережью, но их бешеный бег не мог заглушить тихий вкрадчивый голос, звучавший в его сердце. И голос этот нашептывал, что Касси сказала чистую правду.

Рейнло неподвижным взглядом смотрел вперед, на дорогу. История Элоизы, рассказанная Кассандре, невольно оживила в его памяти события тех страшных дней. Горькие, мучительные воспоминания обступили его.

Он чувствовал себя беспомощным никчемным юнцом, везя Элоизу домой, после того как Демарест захлопнул перед ней дверь своего дома. Но в Кеддон-Холле их ожидал настоящий ад. Отец избил блудную дочь с невероятной жестокостью, даже теперь, двадцать лет спустя, вспоминая об этом, Рейнло ощутил, как к горлу подступает тошнота. Долгие годы ужасные крики сестры преследовали его в кошмарных снах.

Элоиза провела несколько недель взаперти, под таким строгим надзором, что брату удавалось видеться с ней лишь урывками. Эти краткие встречи оставили горький след в его памяти. Страдания несчастной сестры надрывали ему сердце.

Как могла игривая, жизнерадостная девушка превратиться в бледное привидение с остекленевшими пустыми глазами? С каждым днем ярость Николаса разгоралась все сильнее. Он ненавидел не только жалкого слизняка Демареста, но и собственного родителя. Отец и прежде не вызывал у него ни симпатии, ни уважения. Теперь в душе Николаса поселилась лютая ненависть.

Через пару месяцев после роковой поездки в Лондон Элоиза родила мертвую девочку. Рейнло не сомневался: к смерти ребенка привела жестокость маркиза.

Несколько дней Элоиза металась между жизнью и смертью. Николас пытался увидеть сестру, но его не пускали к ней. Он хотел узнать, где похоронили дитя, но даже в этом ему было отказано. Он был всего лишь одиннадцатилетним мальчишкой, бессильным перед злой волей могущественных взрослых. Отчаяние и гнев тех далеких дней терзали его и ныне, годы спустя.

Он со страхом готовился услышать, что его любимая сестра соединилась со своей дочерью в лучшем мире. Но ему сообщили, что Элоиза жива. Николасу удалось узнать лишь, что бедняжка успела немного оправиться, когда маркиз уведомил его о своем решении. Элоиза навсегда покинула отцовский дом, ее отослали в Ирландию, в монастырь. Брату запрещено было искать с ней встреч или писать ей.

Отвесив отцу презрительный поклон, Николас резко повернулся и бросился в конюшню. Он вскочил в седло и поспешил на помощь сестре.

Старый распутник маркиз, хоть и обладал жестоким, необузданным нравом, был человеком неглупым. Николасу удалось ускользнуть от стражей, охранявших семейные владения Чаллонеров и выехать на большую дорогу. Там его ожидали два дюжих лакея, прятавшихся в засаде. Они отвезли брыкающегося, вырывающегося мальчишку в Кеддон-Холл, где Николасу пришлось просидеть неделю в подвале, под замком. К тому времени как его выпустили, Элоиза бесследно исчезла. Все его попытки узнать, где держат сестру, оказались тщетными.

При первой же возможности Николас сбежал из Итона. Он задумал безумный план — прочесать всю Ирландию в поисках сестры. На этот раз ему удалось добраться до Фишгарда, прежде чем отец и его прихвостни схватили беглеца и силой вернули домой. В Кеддон-Холле Николаса посадили под домашний арест. Своевольного юного графа Грешема больше не отпустили в школу. Его держали в строгости, не позволяя никаких увеселений, пока, наконец, не отправили в Оксфорд. Никого не удивило, что там Николас предался безудержному разгулу.

Имя Элоизы никогда больше не произносили в Кеддон-Холле. Казалось, его навсегда стерли со страниц семейной истории, словно позор несчастной девушки стал единственным пятном, замаравшим фамильную честь Чаллонеров.

Даже заключенный в стенах Кеддон-Холла, Рейнло продолжал отчаянные поиски сестры. В конце концов, ему попало в руки письмо из монастыря, но к тому времени Элоизу перевезли во французское аббатство. Потом Европу охватила война, длившаяся семь лет. Во время коротких шатких перемирий Николас безуспешно пытался разыскать сестру.

Наконец через год после Ватерлоо в лондонскую квартиру Рейнло пришло письмо с размытыми водой строками. В чудовищном хаосе войны Элоизе удалось выжить. Она вернулась Ирландию и приняла постриг.

Николас не сомневался, что ее заставили стать монахиней.

Он немедленно написал сестре, пообещав привезти ее домой, однако та категорически отказалась, пожелав оставить все как есть. Николас написал снова, умоляя Элоизу покинуть монастырь, но ответное письмо, еще более упрямое решительное, чем первое, убедило его, что все просьбы — тщетны. Мучительный стыд заставил Элоизу поверить, будто она заслуживает наказания. О, Николас тотчас узнал это чувство. Тот же стыд терзал и его самого, не сумевшего отомстить за сестру. Один лишь жгучий стыд мешал ему поехать в Ирландию и освободить узницу из заточения.

С тех пор Элоиза писала брату каждую неделю. Она рассказывала о повседневных мелочах монастырской жизни и о других монахинях. Вспоминала их с Николасом детство, упоминая лишь о событиях, предшествовавших появлению Демареста в доме. В каждой ее строке сквозило благородство и душевная щедрость.

Каждое ее письмо наносило Рейнло новую кровавую рану. Каждое письмо напоминало: «Ты поклялся отомстить Демаресту, но даже пальцем не пошевелил, чтобы сдержать слово». Он жестоко разочаровал единственную женщину, любившую его преданно и бескорыстно. А теперь готов был разочаровать ее снова, провалились все к дьяволу!

С тяжелым вздохом Николас натянул поводья, заставляя лошадей замедлить бег. Замкнувшаяся в холодном молчании Касси настороженно замерла, глядя на него со смесью неприязни и испуга.

— Что вы делаете?

Рейнло развернул экипаж в сторону Лондона. Они отъехали не слишком далеко, и Кассандра успела бы вернуться на Керзон-стрит до наступления темноты.

— Везу вас домой.

Глава 28

Направляясь к выезду из города, Антония гнала жеребца во весь опор. Она знала: Рейнло скорее всего намерен укрыться в своем поместье в Гемпшире.

И Антония отчаянно надеялась, что не ошиблась, правильно угадав дорогу. Если ей удастся перехватить Рейнло до темноты, возможно, она сумеет предотвратить несчастье.

Здравый смысл подсказывал, что Рейнло мог спрятать Касси где угодно. Может статься, бедняжка томится взаперти в столице, а гнусный негодяй собирается тайно вывезти ее в Европу, подальше от семьи и друзей.

Антония уже удостоверилась, что маркиз не держит Касси в своем лондонском доме. Она побывала там, прежде чем покинуть Лондон. Несколько драгоценных минут ушло на препирательства с заносчивым дворецким, уверявшим, что его светлости нет дома. Наконец Антония сдалась, оставшись ждать на улице. Вскоре из особняка маркиза вышла горничная. Получив от Антонии шиллинг, девушка охотно сообщила, что Рейнло не было дома весь день.

Теперь Антония мчалась в сторону побережья, взметая облака пыли. Пыль забивалась ей в рот и в нос, въедалась в глаза, но всадница подгоняла Ахиллеса, не обращая внимания на досадные помехи. Она надеялась, что Касси не уехала с похитителем по собственной воле. Возможно, ее ослепили льстивые речи маркиза, но едва ли племянница решилась бы на тайное бегство. Прежде Антония не усомнилась бы в этом ни на минуту, но за время лондонского сезона Касси так сильно изменилась, что вполне могла стать соучастницей Рейнло.

Антония решительно сжала губы. Уехала Кассандра добровольно или нет, не имело значения. Если ей придется возвращать Касси силой — значит, так тому и быть. Она не даст осуществиться подлым замыслом Рейнло.

Антония крепче сжала поводья, вероломство Рейнло причиняло ей жгучую боль. Как могло случиться, что отъявленный распутник сделал ее послушной игрушкой в своих руках? Она с трудом подавила обиду и ярость. Не время укорять себя, терзаясь чувством вины, — понадобится ясный холодный ум, чтобы вырвать Касси из когтей злодея.

Временами на дороге встречались редкие экипажи, в основном деревенские телеги и почтовые дилижансы. В эти часы окрестности выглядели безлюдными, однако ближе к вечеру, через час-другой, движение обещало оживиться.

Когда впереди на дороге показался легкий кабриолет, едущий навстречу, Антония не обратила на него внимания, отметив разве что резвость коней. Она была достойной дочерью своего отца, признанного знатока и ценителя лошадей, однако экипажи, направляющиеся в Лондон, не представляли для нее интереса. Она с тревогой присматривалась к каретам, движущимся в сторону побережья Гемпшира.

Лишь поравнявшись с двуколкой, Антония поняла, что настигла добычу. Потрясенная, она так резко натянула поводья, что жеребец сделал курбет и недовольно заржал.

Должно быть, Рейнло узнал ее куда раньше, чем она его. Он остановил кабриолет одним изящным движением, вызвавшим у Антонии кровожадное желание убить негодяя.

Впрочем, в эту минуту любой жест Рейнло вызвал бы у нее желание стереть мерзавца в порошок.

Антония подавила гнев, хотя больше всего на свете ей хотелось причинить Рейнло боль, заставить его страдать, как страдала она сама. Ей потребовалось недюжинное мужество, чтобы

обуздать ярость. Она понимала: главное — одержать победу, невзирая ни на что.

— Леди Антония, — заговорил Рейнло с рассчитанным безразличием, в котором сквозила издевка.

Сняв шляпу, он учтиво поклонился, будто встретил Антонию в Гайд-парке, а не на безлюдной пыльной дороге.

— Какая приятная неожиданность.

«Леди Антония».

Смятение заставило Антонию замереть: Рейнло узнал ее настоящее имя. Впрочем, едва ли это имело теперь значение. Будучи незаметной компаньонкой мисс Смит или отверженной аристократкой леди Антонией Хиллиард, она намеревалась помешать планам Рейнло.

Подчеркнуто не обращая внимания на маркиза, Антония устремила взгляд на племянницу.

— Касси, тебе не причинили зла?

Кассандра робко улыбнулась, на лице ее читались облегчение и благодарность.

— Нет.

Антония на мгновение закрыла глаза.

— Слава Богу!

Ловко спрыгнув на землю, она потянулась к седельной сумке и достала пару пистолетов, которые успела зарядить, перед тем как покинула Лондон.

— О, я вижу, вы задумали разыграть драму, — сухо обронил Рейнло.

Он не выказывал и тени страха. Разумеется. Антония о многом судила неверно, но не сомневалась лишь в одном — в непомерной гордости маркиза. Она могла бы пристрелить его на месте, Рейнло не промолвил бы ни слова в свою защиту.

— Выходите, — резко приказала Антония, наставив на маркиза пистолет.

— Тони, я так рада, что ты... — встрепенулась Касси, однако Антония жестом велела ей оставаться в экипаже.

— Не ты, мерзкая жаба рядом с тобой.

Губы Рейнло насмешливо скривились, как у капризного ребенка.

— А если я не выйду, вы меня застрелите? Это было бы слишком сурово, Антония.

Антония вскинула руку с пистолетом, направив дуло маркизу в лоб.

— Ни один суд в Англии не признает меня виновной.

Рейнло не пошевелился.

— Ты переигрываешь, изображая ярость отвергнутой женщины, любовь моя.

Касси смотрела на Антонию во все глаза. Она, несомненно, догадалась, что Рейнло и ее компаньонку что-то связывает. По меньшей мере, флирт. Маркиз назвал Антонию по имени и вдобавок обратился к ней «любовь моя». Эти слова совершенно естественно слетели с его губ, хотя и были откровенной ложью.

Антония нетерпеливо нахмурилась. Что ж, ей не удалось скрыть от Касси свою связь с Рейнло, но какое это имело значение? Пусть Рейнло выставляет на всеобщее обозрение ее грехи. Не всели равно, главное, что Касси ничто не угрожает.

— Вылезайте, — повторила Антония.

— А иначе что?

— А иначе я выстрелю прямо в ваше лживое лицо, — холодным, безжизненным голосом произнесла Антония.

Она смотрела на Рейнло, пытаясь изо всех сил ожесточить сердце, превратить его в камень, но почему-то ей это не удавалось. Гнев сдавил ей горло, стянул желудок в тугий узел. И все же, глядя на этого высокого сильного мужчину со сверкающими темными глазами и спутанными золотистыми волосами, она испытывала бесконечное сожаление.

Рейнло обманул ее, но не это ранило Антонию больше всего.

Внезапная мысль пронзила ее холодом. На краткий миг Рейнло заставил ее поверить, будто жизнь может быть радостной и счастливой, полной страсти, нежности и смеха. Но все это оказалось ложью. Под личиной красоты скрывалось уродство. Рейнло погрузил ее во мрак, лишив света жизни.

Теперь Антония могла бы убить его, не испытывали тени раскаяния. Об этом она тоже сожалела. Потому что еще четыре дня назад она почти убедилась, что любит его.

— Ты не выстрелишь, — уверенно отрезал Рейнло.

Антония не потрудилась ответить. С холодной решимостью она прицелилась в одну из резных завитушек, украшавших спинку скамьи возле плеча Рейнло, и спустила курок. Изящная завитушка разлетелась в щепки.

Ощувив резкий толчок отдачи после выстрела, Антония вздрогнула, на мгновение у нее заложило уши. Касси взвизгнула и отшатнулась. Ахиллес заржал, вскинув голову, но, привычный к пистолетной пальбе, не двинулся с места. Запряженные в двуколку лошади испуганно захрапели и попятнулись, но резкий окрик Рейнло заставил их остановиться.

Маркиз остался неподвижен, только плечи его напряженно застыли.

— Ты промахнулась, — произнес он с беспечной усмешкой.

— Это было всего лишь предупреждение, — холодно отозвалась Антония. — Я метко стреляю. Как вы изволили заметить, от дочери лорда Эйвсона ничего другого нельзя ожидать. И у меня есть второй пистолет.

Губы Рейнло сжались, он явно решил не играть с огнём и не испытывать терпение Антонию.

Касси смотрела на компаньонку круглыми от изумления глазами, словно впервые ее видела.

Антония ответила ей скупой улыбкой, желая ее подбодрить, но скованность девушки не исчезла.

— Возьми поводья, Касси.

Под прицелом пистолета Рейнло с восхитительной легкостью спрыгнул на землю.

Держа маркиза на прицеле, Антония привязала Ахиллеса к задку кабриолета, потом взобралась в двуколку и взяла из рук Кассандры вожжи.

— Все уладится. Никто даже не узнает, что случилось, — тихо произнесла она.

Рейнло не отрывал от ее лица пристального взгляда. Прежде Антония решила бы, что он восхищен ее, действиями, но теперь больше не доверяла своим чувствам. Под ледяным панцирем невозмутимости ее сердце терзала боль. Антония знала, что, доставив Касси домой, даст волю слезам, в которых выплеснет всю ярость и разочарование.

— Ты и впрямь собираешься застрелить меня? — будничным тоном поинтересовался Рейнло.

Антония метнула на него презрительный взгляд.

— Следовало бы. — Она немного помолчала. С каждым мгновением ей все труднее удавалось скрывать отчаяние. Решимость придала ей сил. — Я пристрелю тебя, если ты посмеешь приблизиться к Касси.

Мерзавец имел наглость улыбнуться.

— А как насчет тебя? Могу я приблизиться к тебе?

Антония сжала губы, борясь с желанием закричать.

— Только если захотите получить пулю в ваше черное сердце, милорд.

Когда они в последний раз были вместе, Антония называла его Николасом. Теперь она никогда больше не произнесет его имени. Она желала всей душой никогда больше не встречаться с ним.

Даже потерпев поражение, Рейнло держался с неподражаемой дерзостью.

— Ты не оставишь мне лошадь? Ты уже доказала, что сила на твоей стороне.

— Я сохранила вам жизнь. Вам следовало бы поблагодарить меня за это. Воспользуйтесь долгой прогулкой, чтобы поразмыслить над своими прегрешениями, милорд. Можете отправляться. День клонится к вечеру, через несколько часов уже стемнеет.

— Тони, он похитил меня только потому, что мой отец обесчестил его сестру, — торопливо выпалила Касси.

Антония смерила суровым взглядом мужчину, в объятиях которого провела незабываемую волшебную ночь.

— Ваша невинность в обмен на честь его сестры?

Рейнло не ответил. Возможно, ему хватило ума понять, что любое оправдание, какое бы ни

нашла для него Касси, ему не поможет.

— Его сестра родила мертвого ребенка, — с жаром заговорила Касси. — Это так ужасно.

Антония не сводила взгляда с лживого лица Рейнло. В ее голосе звучала сталь.

— Если это правда, значит, маркиз Рейнло ничем не отличается от Годфри Демареста. Оба готовы ради сиюминутного удовольствия разрушить жизнь любого, кто встретится на их пути.

Наступила зловещая тишина. Антония испытала мстительное удовольствие, заметив, как побледнел Рейнло. Она ждала, что маркиз возразит, но тот промолчал.

Она почувствовала, как к горлу подступила тошнота, рот наполнился горечью. Смотреть на Рейнло было невыносимой пыткой. Антония хлестнула лошадей и уехала не оглянувшись.

Рейнло стоял неподвижно под палящим солнцем, глядя вслед уносящейся двуколке. Он не обольщался надеждой, что Антония смягчится и вернется за ним. Более того, он отлично сознавал, как близок был к тому, чтобы получить пулю в лоб.

Господь всемогущий, лучше бы Антония его застрелила. Тогда его не терзала бы эта жгучая боль — сознание собственного бессилия и глупости. Только сейчас он вдруг понял, что натворил, разрушив собственными руками всякую надежду на счастье. Он обрек себя на горькое одиночество и отчаяние, на бесцветную череду пустых лет, отведенных ему судьбой.

Да, пуля была бы желанным исходом.

Он потерял Антонию Хиллиард, самое удивительное создание из всех, кого он когда-либо встречал. Ни одна другая женщина не могла сравниться с ней.

И он, проклятый никчемный болван, позволил ей уйти, как ускользает песок сквозь пальцы под порывами ветра на морском берегу.

Он наслаждался ее близостью лишь краткий миг. Антония околдовала его, опутала своими чарами, пробудила в нем ярость, дух соперничества, соблазн. Она лишила его рассудка. Проклятие, она заставила его забыть о мести, которая вот уже двадцать лет занимала все его мысли.

Ему следовало с самого начала обращаться с ней бережно и благоговейно, как она того заслуживала. Глупец, жалкий глупец. Как он мог не узнать свою судьбу в незаметной женщине, одетой в уродливое платье?

Рейнло никогда не верил в любовь: ему ни разу не приходилось встречать ее, — но, стоя перед Антонией, побежденный и униженный, несмотря на всю свою напускную самоуверенность, вдруг понял, что любовь существует.

Он понял, что безнадежно, обреченно любит Антонию Хиллиард уже давно — возможно, с того мгновения, как впервые ее увидел.

Он любил Антонию.

А она его ненавидела.

А теперь Антония ни за что не вернется к нему.

Рейнло показалась, что в грудь ему вонзился нож, и лезвие повернулось в ране. Закрыв глаза, он тяжело вздохнул. Горькая правда наполнила душу ядом.

Никогда, никогда, никогда.

Никогда больше он не увидит Антонию. Она никогда не будет плакать у него на груди. Не будет покоиться в его объятиях, утомленная пережитым блаженством. Она никогда не поцелует его. Никогда не заговорит с ним.

Открыв глаза, Рейнло увидел перед собой самую обычную картину — пыльную дорогу, по обеим сторонам которой тянулись поля. Мучившие его адские видения были всего лишь миражами в пустыне его души.

Двуколка скрылась из виду. Антония и ее подопечная достигнут Лондона до темноты, репутация Касси не пострадает.

Месть не удалась. Значит, так тому и быть.

Любовь навсегда для него потеряна. Он не достоин Антонии.

Рейнло думал, что сможет пережить это, но теперь его охватило безразличие.

Ему оставалось только идти вперед или скатиться в канаву и ждать, когда наступит блаженное небытие. Он поплелся по дороге, с трудом переставляя ноги.

Его ожидала долгая прогулка. Как сказала его мудрая возлюбленная, ему представилась возможность поразмыслить над своими бесчисленными прегрешениями.

Но что потом?

Глава 29

— Лорд Рейнло поступил низко, — тихо произнесла Касси, прервав долгое молчание.

Кабриолет успел проехать немалую часть пути. Антония ожидала увидеть свою воспитанницу заплаканной, но когда та повернулась, глаза ее были сухими. Кассандра казалась бледной, но спокойной.

Антония крепче сжала поводья. С тех пор как она отправилась на поиски племянницы, ей придавали сил ярость и глухая решимость. Все ее мысли были заняты спасением Касси. Теперь же ее сковало холодное оцепенение. Предательство Рейнло оглушило ее, сознание случившегося страшной тяжестью навалилось на плечи. Это ледяное бесчувствие не могло длиться вечно, но Антония была благодарна судьбе за омертвление чувств, хотя бы и краткое.

Разум подсказывал ей: жизнь не остановится. Антония знала, что вернется к своему однообразному существованию, продолжит управлять поместьем Демареста, по крайней мере, пока Касси не выйдет замуж. Тогда компаньонке придется искать себе другого нанимателя. Слава Богу, отныне Кассандре можно было не опасаться преследований Рейнло. Теперь маркиз не посмеет подступиться к ней. Гореть ему в аду, он сам обрек себя на вечные муки в геенне огненной.

«Мир не кончается на этой пыльной дороге», — твердила себе Антония.

Она поняла, что так и не ответила Кассандре, и с трудом заставила себя разомкнуть губы.

— Да, он совершил подлость.

Вновь повисла гнетущая тишина.

Касси смущенно расправила складки на юбке.

— Маркиз вез меня домой.

Антония так сильно вздрогнула, что двуколка едва не скатилась на обочину. Пришлось подстегнуть лошадей, чтобы выровнять их бег.

— Что?

— Мы возвращались в Лондон, когда ты нас настигла.

Антония припомнила, что Рейнло действительно направлялся не в Гемпшир.

— Это еще не значит, что он не собирался на тебя напасть.

— Он не прикоснулся бы ко мне.

— Это он так утверждал.

— Я ему верю.

Касси вздернула подбородок. Лицо ее приняло знакомое упрямое выражение.

Антония недоверчиво изогнула брови.

— Этот человек мог тебя погубить.

— У него были на то причины.

— Вместо того чтобы оправдывать мерзавца, лучше поблагодари Всевышнего, что я вовремя тебя нашла, — гневно выпалила Антония.

— Ты слишком сердита, чтобы прислушаться к доводам рассудка, — невозмутимо возразила Касси.

Антония так яростно стиснула зубы, что послышался скрежет.

— Да, я с трудом сдерживаюсь. Мне хочется развернуть экипаж и всадить пулю в красавца маркиза.

— Он тебя любит.

У Антонии вырвался горький смешок. Ее руки с силой впелись в вожжи.

— Не болтай глупости.

— Я думала... я думала, что лорд Рейнло — тот, кто тебе нужен.

Касси смешалась и отвела взгляд, словно призналась в чем-то постыдном.

Антония резко остановила кабриолет, натянув поводья.

— Что ты сказала?

Касси казалась смущенной и расстроенной.

— Он такой сильный, красивый и умный. Я не сомневаюсь, что между вами что-то есть. Я подумала, он сделает тебя счастливой.

Антония в замешательстве нахмурилась.

— Но он увивался за тобой. И ты его поощряла.

— Только потому, что, если бы я его осадил, у тебя не было бы повода разговаривать с ним.

Антония прерывисто вздохнула. Она сердилась на племянницу и осыпала проклятиями Рейнло за то, что тот обманул и предал ее, но больше всего гневалась на себя из-за того, что лишь от одного имени маркиза она приходила в трепет.

— Не знаю даже, с чего и начинать, Касси. Рейнло — гнусный распутник. Человек, как сегодня выяснилось, лишенный порядочности. Он...

— Он любит тебя.

Несмотря на душившую ее боль, Антония не смогла удержаться от смеха.

— О, как романтично.

Касси пожала плечами:

— И еще — Рейнло восхитительный мужчина.

— Он мерзавец.

— Возможно, поэтому он так притягателен. Но у тебя достаточно женственности, чтобы держать его в узде.

Касси не подозревала, что каждое ее слово ранит Антонию словно острый нож. Ведь девушка понятия не имела, какую глупость совершила ее компаньонка.

— Что за нелепость. Я жалкая старая дева, и ухаживания мне давно не по возрасту.

На этот раз рассмеялась Касси:

— Рейнло назвал тебя «любовь моя».

Будь проклят Рейнло и его несдержанный язык. Антония почувствовала, что краснеет, и понадеялась, что Касси примет ее смущение за гнев.

— Маркиз обращается так ко всем женщинам.

— Ко мне он так ни разу не обращался.

Антония прищелкнула языком, давая знак лошадям трогаться.

— Значит, ждал удобного случая.

Голос Касси упал до вкрадчивого шепота:

— Антония, я знаю, ты не хочешь рассказывать мне все. Да и зачем? Мне очень жаль, что лорд Рейнло разочаровал тебя.

«Разочаровал». Горькая ирония, заключенная в этом слове, наполнила сердце Антонии болью и сожалением. Что ж, можно было назвать и так мучительную агонию, сводившую ее с ума. Сердце неохотно отсчитывало удары, грозя затихнуть навсегда. Антония словно брела по бесконечному темному туннелю. Будущее казалось ей беспросветным. Вероломство Рейнло навсегда лишило ее радости жизни.

Уже сгустились сумерки, когда Антония подъехала к конюшне позади дома Демарестов. Она тотчас отправила слугу за Томасом и Беллой и приказала лакею вернуть Рейнло двуколку. Ее одолевало желание спалить дотла дорогой кабриолет, но Антония сдержала минутный порыв.

Касси заставила компаньонку выслушать все, что Рейнло рассказал о своей сестре. Охваченная смущением и гневом, племянница остро переживала подлый поступок отца.

Антония не желала верить словам Касси. Годфри Демарест пришел ей на помощь, когда она находилась в отчаянном положении. Этот человек приютил ее, дал ей убежище. Однако Антония слишком хорошо знала кузена, чтобы обманывать себя. Рейнло верно описал Демареста. Годфри был беспечным повесой, проводившим жизнь в погоне за удовольствиями. Он всегда с радостью предоставлял другим расхлебывать неприятные последствия своих безрассудных выходов. За десять лет Антония успела неплохо изучить характер Демареста. Она как никто другой знала все его недостатки.

Годфри мог быть добрым и великодушным, если это не отнимало у него времени и не требовало усилий. Но он вечно старался избежать ответственности, перекладывая ее на других. Антония не заблуждалась на его счет. Она знала, что Демарест ловелас, охочий до плотских утех. Его частые отлучки из Сомерсета объяснялись неумной жадной развлечений.

Он делал слабые попытки скрыть свою разгульную жизнь от дочери, но даже Касси понимала, что, уезжая из дома, отец пускается во все тяжкие.

Демарест соблазнил и бросил Элоизу двадцать лет назад. Если в зрелые годы, успев жениться и произвести на свет ребенка, Годфри не мог похвастать солидностью и благоразумием, то в юности он, должно быть, отличался бесшабашным и необузданным нравом.

Антонии не хотелось признавать, что Демарест сделал своей игрушкой Элоизу Чаллонер, а затем безжалостно погубил, однако в душе она не сомневалась: Рейнло не солгал. Ненависть к отцу Касси толкнула его на месть.

Страдания невинной Элоизы тронули сердце Антонии. Стоило ли удивляться, ведь она сама оказалась жертвой лжи молодого человека. Но, как она сказала на пыльной дороге в Гемпшир, низость Годфри Демареста не могла служить оправданием похитителю его дочери.

Теперь он для нее умер.

Умрет, как только она вырвет из сердца тоску по нему.

А что, если она носит в себе его ребенка?

Антония отмахнулась от тревожного вкрадчивого шепотка. Это просто невозможно. Она не

забеременела, проведя месяц с Джонни Бентоном. Едва ли одна ночь в объятиях лорда Рейнло могла оказаться роковой.

Антония с Касси вошли в дом через сад.

— Мы с Брайдсонами собирались ехать в оперу, — безучастно произнесла Касси, шагая рядом с компаньонкой по темному холлу к главной лестнице.

Неудивительно, что девочка приуныла. Должно быть, она натерпелась страху в руках похитителя. Даже Антонии хотелось запереться у себя в комнате и не выходить, не показываться никому на глаза. А ведь ей не пришлось подвергнуться опасности.

— Я пошлю им записку. Напишу, что ты нездорова. А еще предупрежу миссис Мерриуэдер, чтобы не волновалась. Скажу, что домашние неприятности оказались лишь бурей в стакане воды. Она, должно быть, недоумекает, что заставило тебя так внезапно уехать с пикника.

Касси бросила на компаньонку благодарный взгляд.

— Я совсем забыла о Мерриуэдерах.

— Мы все уладим. Никто ничего не заподозрит. Не возникнет и тени скандала. — Антония заметила, что плечи племянницы уныло поникли, а легкая походка сменилась усталой поступью — Касси едва переставляла ноги. — Почему бы тебе не поужинать у себя в спальне? А потом пораньше лечь спать?

Касси кивнула и ответила безжизненным голосом:

— Спасибо. Я так и поступлю.

— Что я вижу? Две мои любимые девочки прячутся на задворках дома?

Подняв глаза, Антония встретила смеющийся взгляд Годфри Демареста. Теперь, когда она знала о том, что сделал кузен с сестрой Рейнло, в его лучезарной улыбке ей стало мерещиться что-то тошнотворное. За годы, проведенные в доме Демареста, Антония успела убедиться, что Годфри ничего не принимает всерьез. Когда-то она находила привлекательной его неизменную веселость, теперь же поняла, что Демарест такой же самовлюбленный тщеславный негодяй, как Джонни Бентон или Рейнло. За его улыбкой таилось лишь своекорыстное желание очаровать.

— Добро пожаловать домой, мистер Демарест.

Антония выступила вперед, заслонив Касси. Обессиленная племянница едва владела собой, хотя и знала, что Антония ни за что не расскажет кузену о похищении. Ни Касси, ни ее компаньонке не хотелось признаваться в собственной опрометчивости, позволившей беспутному маркизу Рейнло обмануть их доверие.

— Спасибо. — Демарест перевел взгляд на дочь. — Слезы, моя дорогая? Что случилось?

— Касси расстроена моим отъездом в Сомерсет, — поспешно отозвалась Антония, стараясь придать голосу непринужденность.

Ее взгляд задержался на лице кузена: она хотела увидеть следы порока, но внешность Демареста, как и наружность Рейнло, не выдавала в нем завязанного распутника. Годфри

выглядел как обычно: средний рост, безупречно уложенные светло-каштановые волосы, правильные черты лица, сверкающие серые глаза.

Антонии захотелось спросить его об Элоизе. Как он мог соблазнить невинную девушку? Вероятно, Демарест мог бы что-то сказать в свое оправдание. Но, упомянув о сестре Рейнло, Антония неизбежно выдала бы себя, показала бы, что ее связывают с маркизом отнюдь не те отношения, которые обычно возникают между компаньонкой, оберегающей свою подопечную, и повесой, увивающимся за хорошенькими девицами. Антонии невыносимо было думать, что кто-то узнает о ее непростительной глупости, о ее безрассудстве. И ради кого она подвергала себя опасности? Ради мужчины, который не стоил и ногтя на ее мизинце. Ради вероломного лжеца, ранившего ее в самое сердце.

— Касси, глупышка!

Отец раскрыл дочери объятия.

Кассандра всегда обожала отца, хотя тот уделял ей слишком мало внимания. Но на этот раз она чуть помедлила, прежде чем с рыданиями броситься на грудь отца. Это минутное колебание не укрылось от глаз Антонии. Сердце ее тревожно сжалось. Никогда прежде возвращение любимого родителя не вызывало у Касси подобного волнения.

Однако Демарест, как обычно, ничего не заметил. Он со смехом обнял дочь и повел к библиотеке, пригласив Антонию присоединиться. Затем, как всегда, последовали захватывающие смешные рассказы о поездке в Париж (разумеется, Демарест опустил пикантные подробности своих развлечений с куртизанками) и вручение роскошных подарков.

Годфри уговорил дочь рассказать о своих светских победах. Поначалу Касси держалась смущенно и скованно, но, в конце концов, оттаяла — внимание отца сделало свое дело. Антония не принимала участия в веселье, хотя она так долго играла роль преданной компаньонки, что изобразить гордость за воспитанницу не составило труда.

Когда после ужина Касси поднялась к себе в спальню, Демарест знаком попросил кузину остаться. Антония чувствовала себя измученной и несчастной, ей хотелось остаться одной, чтобы унять терзавших ее демонов отчаяния и тоски, однако выполнила просьбу кузена.

— Зайдем в библиотеку и выпьем по бокалу бренди.

Годфри учтиво открыл перед Антонией дверь столовой.

С самого начала, встретив ее, полуживую от ужаса и отчаяния, на борту французского судна, Демарест обращался с ней как с леди. Антония никогда не обманывалась в отношении Годфри. Она превосходно знала все его изъяны: легкомыслие, эгоизм, ужасающее распутство. И после того, как узнала о несчастиях сестры Николаса, не изменила своего отношения к кузену. Горестная история Элоизы не могла заставить ее держаться с Демарестом холодно и отчужденно.

— Я рада, что ты вернулся, — призналась Антония, когда они уселись в кресла перед камином.

Дружеская теплота и непринужденность принесли утешение израненной душе Антонии. Мистер Демарест часто бывал в разъездах, однако оставаясь в Лондоне, имел обыкновение садиться у камина после обеда и рассказывать о событиях дня. У Антонии вновь возникло искушение спросить его об Элоизе, но что он мог сказать в свою защиту? Его поступку, как и совершенному Рейнло похищению Кассандры, не было оправдания.

Оставив в стороне прошлое Демареста, Антония затронула самый важный, неотложный вопрос.

— Я не знала, как поступить. Я могла бы оставить Касси с Мерриуэдерами, но мне нужно было твое одобрение. Однако раз ты здесь, мой отъезд не вызовет пересудов.

— Твое письмо сразило меня наповал. Я поспешил покинуть Париж. Как посмел этот подлец Бентон показаться в Англии?

— Мой отец больше не представляет угрозы, — сухо заметила Антония. — Думаю, Джонни захотел вернуть себе внимание света и заботу своей семьи. В конце концов, его не было здесь десять лет.

Она сделала глоток бренди. По горлу разлилось щекочущее тепло. Ощущение показалось непривычным. С наступлением вечера Антонии становилось все холоднее и холоднее, словно из тела медленно, капля за каплей, вытекала сама жизнь.

Проклятый Рейнло. Он не стоил ее страданий.

— Ты видела Бентона?

— Мы случайно встретились в парке.

Неужели всего четыре дня назад она покинула постель Рейнло, ошеломленная пережитым блаженством? Теперь Антония чувствовала себя другой женщиной.

— Джонни узнал меня.

— Это неудивительно. Ты совсем не изменилась. Осталась той же юной девушкой, которую я когда-то привел к себе в дом, разве что стала еще прекраснее.

Антония нахмурилась, разглядывая бокал. Обычно Демарест не прибегал к лести.

— Жена Джонни умерла. Он хочет жениться на мне.

— Надеюсь, ты велела ему убираться к дьяволу.

— Я была слишком потрясена, чтобы найти такие точные слова, но я ему отказала. Джонни тоже нисколько не изменился.

— Думаешь, он начнет болтать и поползут слухи?

— Его роль в этой истории довольно неприглядна. Осторожность возьмет верх. И все же лучше будет, если я оставлю Касси на попечение кого-нибудь другого. Ты долго пробудешь Лондоне?

— Ближайшие несколько дней.

— Хорошо. Я уезжаю завтра.

Демарест поднялся и оперся рукой на каминную доску. Его взгляд не отрывался от лица кузины.

— Антония, я хотел кое о чем поговорить с тобой. — Голос Годфри звучал до странности серьезно. — Я давно собирался это сделать.

«О нет, только не сегодня». Дурное предчувствие заставило ее похолодеть. Желудок свело болью. Антония едва нашла в себе силы перенести предательство Рейнло. Неужели вдобавок ей предстоит лишиться дома? Это было бы слишком жестоко. Отправляя Касси на ярмарку невест, Антония знала, что когда-нибудь роковой день наступит, но не думала, что это случится так скоро.

Демарест устремил взгляд на огонь в камине.

— Полагаю, Касси не испытывает недостатка в предложениях руки и сердца.

— Она красива, умна и богата. Любой мужчина был бы счастлив взять ее в жены.

— Есть серьезные претенденты?

Антония неопределенно пожала плечами.

— Лорд Соумс кажется подходящей партией, и Касси он нравится.

Она немного помолчала, собираясь с силами, чтобы произнести ненавистное имя. Горло ее сдавило спазмом, но Антония заставила себя продолжить:

— Маркиз Рейнло тоже интересовался Кассандрой.

Выражение лица Демареста не изменилось. Похоже, он не испытывал чувства вины. В этом учтивом джентльмене с безупречными манерами трудно было заподозрить бессердечного повесу, погубившего несчастную Элоизу Чаллонер. Впрочем, кузен Антонии никогда не отличался излишней совестью.

— Надеюсь, ты быстро разделалась с этим проходимцем. До меня дошли слухи, что он увивается вокруг Кассандры. Должно быть, решил, что пора остепениться и обзавестись семьей. Сейчас ему, наверное, уже за тридцать.

— Касси знает, как себя держать.

Последовала долгая пауза, затем Демарест заговорил, лениво растягивая слова.

— Когда она выйдет замуж, что будет с тобой?

Антония подавила малодушный порыв отложить неприятный разговор.

— Касси твердит, что хочет взять меня к себе, но, боюсь, ее будущему мужу это придется не по вкусу. — Она с трудом сглотнула подступивший к горлу ком и нерешительно предложила: — Я подумала... поскольку ты так часто бываешь в разъездах... возможно, согласишься позволить мне и дальше вести дела поместья.

Демарест покачал головой, и сердце Антонии упало. Пальцы с силой сжали бокал, словно хотели раздавить изящный хрусталь. Ей стоило мучительных усилий сохранять спокойствие. Демарест так много для нее сделал. Но он не мог вечно держать ее возле себя из жалости.

— Когда Касси покинет дом, ты не сможешь остаться. Это было бы нарушением приличий.

Голос Годфри звучал непривычно угрюмо.

Антония поставила бокал на столик между креслами. Ее рука так сильно дрожала, что бренди

расплескался.

— Ты прав.

Она вздернула подбородок, преодолевая головокружение и слабость. Хватит ли у нее сил вынести еще и это испытание?

— Я глубоко ценю все, что ты для меня сделал, а воспитание Касси всегда доставляло мне огромную радость. Ты дашь мне рекомендации, чтобы я могла подыскать себе другое место?

Другое место в незнакомой семье, где, возможно, с ней станут обращаться как с прислугой? Боже, сумеет ли она это выдержать?

Казалось, Демарест не заметил, какую боль причинили кухне его слова.

— Если тебе этого хочется.

Антония недоуменно нахмурилась.

— Я не вижу иного выхода.

Демарест заговорил тихим проникновенным голосом:

— А если я попрошу тебя стать моей женой?

Глава 30

Смущенная, растерянная, Антония поднялась к себе в спальню. Последние дни выдались бурными и принесли слишком много потрясений. Предложение мистера Демареста ошеломило ее. Удивление и недоверие боролись в ее душе. Казалось, на нее обрушился свирепый ураган, сметая все на своем пути. У нее возникло странное ощущение расщепленности, Антония словно наблюдала за собой со стороны, и в бесконечной череде женщин, похожих на нее как две капли воды, не узнавала себя.

Неприметная компаньонка. Страстная любовница. Женщина, отвергнувшая предложение Джонни. Отважная воительница, вырвавшая Касси из рук похитителя и угрожавшая Рейнло пистолетом. Отыщет ли она среди великого множества отражений будущую жену Годфри Демареста?

Чувствуя мертвящую тяжесть в груди, Антония опустилась на табурет перед туалетным столиком. Тело мучительно ныло, будто она проскакала сотню миль в жестокую бурю. Антония посмотрела в зеркало. Лицо ее казалось бледным, лишь на скулах пламенели пятна лихорадочного румянца. В темных от тревоги глазах застыла печаль.

Трудно поверить, но за последние несколько дней трое мужчин сделали ей предложение. А она даже не помышляла о замужестве, считая, что брак не для нее.

Конечно, предложение кузена было единственным заслуживающим внимания. Изумленная Антония молча выслушала объяснения Демареста. По сути дела, ничего не изменится, уверял Годфри. Антония будет по-прежнему управлять делами поместья. Только теперь она займет то положение в обществе, которого лишилась, сбежав из дома с Бентоном. Наконец-то она обретет покой и вернет себе всеобщее уважение.

Задумал ли Демарест сделать Антонию Хиллиард своей женой с самого начала,

повстречавшись с ней на корабле, плывущем из Франции? Едва ли. Антония знала по собственному опыту, что кузен редко оглядывается назад и не размышляет о последствиях своих поступков. Трагическая история Элоизы Чаллонер служила тому подтверждением. Демарест предпочитал жить в свое удовольствие. Антония не сомневалась: его вполне устраивало, что кузина продолжит вести дела поместья.

Но устраивало ли это ее саму?

Демарест и не думал притворяться, что оставит свои привычки завязанного повесы, однако он упомянул о детях, рождении которых был бы рад. Так он деликатно давал понять, что готов разделить с Антонией ложе, если она того пожелает; но не будет настаивать на исполнении ею супружеских обязанностей.

Пальцы Антонии яростно вцепились в столик красного дерева подобно когтям хищной птицы. Ей хотелось иметь детей, семью, собственный дом взамен временного пристанища, обретенного благодаря чьей-то милости. Готова ли она ради всего этого мириться с изменами мужа? Готова ли закрыть глаза на вероломство кузена, погубившего Элоизу Чаллонер? Готова ли делить постель с Годфри Демарестом? Антония закрыла глаза, пытаясь прогнать воспоминания о небывалом блаженстве, подаренном Рейнло. Но, вспомнив наслаждение, она тотчас вспомнила и предательство. Грудь ее пронзило болью, по телу пробежала дрожь. Антонии захотелось спрятаться, стать невидимой.

Нет, она должна изгнать Рейнло из мыслей, из памяти, из сердца. Забыть страсть, ложь, греховный соблазн и пьянящий восторг. Забыть клокочущую ярость. Пора прислушаться к голосу рассудка, а не сердца. Сердце оказалось плохим советчиком.

Возможно, у них с Годфри Демарестом еще есть надежда на счастье. Антония хорошо знала кузена, его сильные и слабые стороны. Несмотря на присущие ему лень и эгоизм, в душе Годфри был неплохим человеком, когда давал себе труд прислушаться к голосу совести.

Ни Демарест, ни Антония не ожидали друг от друга великой страсти. Баском-Хейли давно стал для Антонии домом, а Касси она любила нежно, как сестру, и легко справилась бы с ролью матери.

Вдобавок разве у Антонии был иной выход, кроме как принять предложение Демареста?

Многие сказали бы, что ей несказанно повезло, ведь у нее появилась надежда занять достойное место в обществе, невзирая на бесчестье, которое она сама на себя навлекла. Строгие моралисты с презрением указали бы, что таким, как она, впору гнить в сточной канаве. А ее ожидала обеспеченная жизнь в браке с богатым человеком.

Оставалось лишь протянуть руку и взять то, что судьба преподнесла на блюде...

Мистер Демарест не выказал удивления, когда после завтрака Антония попросила его уделить ей немного времени. Должно быть, он понимал: если кузина лишится места компаньонки, выбор у нее невелик.

Как только Антония вошла в библиотеку, Демарест поднялся из-за стола и направился ей навстречу. Предложив руку кузине, он повел ее в комнату, но в его учтивых манерах неуловимо сквозило что-то собственническое. Демарест определенно ждал, что Антония ответит согласием на его предложение.

Несмотря на чудовищную усталость, Антония ни на минуту не сомкнула глаз. Она лежала без сна, опустошенная, словно высохшая ореховая скорлупа, и смотрела невидящим взглядом, как над Лондоном восходит солнце. На мгновение она задумалась, где встречает рассвет Рейнло, но тотчас безжалостно подавила любопытство. Антония не искала утешения в слезах. Всю ночь она пыталась не думать о вероломном любовнике, но боль в сердце и пылающая желанием плоть напоминали ей о роковой ошибке. Она вновь доверилась недостойному человеку.

Антония не плакала. Слезы не могли смягчить терзавшую ее агонию. Она выплакала океан слез, расставшись с Джонни. Но предательство Рейнло оказалось жестокой, нестерпимой пыткой.

Если она решила выйти замуж за Демареста, то не лучше ли думать о нем? Но вновь и вновь вместо приятного улыбающегося лица Годфри Антония видела перед собой лицо мужчины, который не задумываясь погубил бы ее, если бы она позволила. Ее преследовал образ Рейнло, его горящие глаза. Но все в этом человеке оказалось фальшью. Даже воспоминания о нем. То, что Антония принимала за нежность и страсть, обернулось ложью и коварством, Рейнло лишь играл ее чувствами.

Антония сознавала это, и все же стереть его из памяти было дьявольски трудно. Ничего, она справится. Сколь бы долгим и мучительным ни было ожидание. Какие бы муки ей ни пришлось вынести, пока не придет благословенное бесчувствие.

Взяв Антонию под руку, мистер Демарест подвел ее к креслу, в котором она сидела накануне вечером.

— Нынче утром ты прекрасно выглядишь, моя дорогая.

Антония закусила губу, сдерживая горький смешок. Выглядела она ужасно.

На ее бледном изможденном лице читались следы бессонницы и тревоги. Утром, мельком взглянув в зеркало, она увидела тусклые, затуманенные печалью глаза. Вдобавок в висках пульсировала боль, словно голову сдавили тисками.

Антония и Демарест опустились в кресла. Хотя Антония сама просила кузена о встрече, она не решилась первой заговорить о предложении. Никогда прежде в беседах с Годфри она не испытывала неловкости, но теперь не знала, как прервать гнетущее молчание. Антония надеялась, что в будущем ей не придется тяготиться обществом кузена. Хотя, конечно, став его женой, большую часть времени она управляла бы поместьем в Сомерсете одна, чем она и занималась последние десять лет.

По иронии судьбы человек, за которого она собиралась выйти замуж, во многом походил на ее первого возлюбленного. Как и Джонни, Демарест не был воплощением зла и порока. Слабый и самовлюбленный, он предпочитал не задумываться о последствиях своих поступков. Возможно, Демарест заслуживал ее презрения, но не ненависти. Он был всего лишь избалованным ребенком, совсем как Джонни.

— Ты обдумала мое предложение? — прервал наконец молчание Годфри.

Антония сложила руки на коленях и опустила глаза. Как ни странно, пальцы ее не дрожали. Антония знала, как обошелся Демарест с Элоизой, и все же сделала свой выбор. Единственно возможный выбор. Отныне ей предстояло жить с этим.

— Конечно.

Должно быть, Годфри почувствовал ее нерешительность, Потому что голос его стал мягче, проникновеннее. С той же мягкостью кузен заговорил с ней, обнаружив ее на корабле, плывущем из Франции. Антония тотчас вспомнила, сколь многим обязана Демаресту, каким бы великим грешником тот ни был.

— Я понимаю, что мое предложение не назовешь романтическим.

Антония улыбнулась, стараясь не встречаться глазами с Годфри.

— Мы с тобой уже не в том возрасте, чтобы увлекаться романтикой.

И в то же мгновение ее захлестнула волна воспоминаний об упоительной ночи в объятиях Рейнло, словно предательница память вздумала ее наказать. Силясь прогнать непрошенные видения в небытие, где им и надлежало оставаться, Антония испустила прерывистый вздох, похожий на рыдание. Ледяная броня ее спокойствия дала трещину. Оставалось лишь стиснуть зубы и терпеть. Иного выхода не было.

Она почувствовала на себе изучающий взгляд Демареста.

— Так ты приняла решение?

Антония так сильно сцепила руки, что пальцы побелели. Она пыталась заговорить, но не могла произнести ни слова.

«Смелее, Антония, смелее».

Вскинув голову, она посмотрела в глаза мужчине, которого не любила. Мужчине, предложившему ей надежное будущее. Подобно Рейнло или Джонни Бентону Годфри совершал низкие, отвратительные проступки, но Антония видела от него только добро. Ей следовало презирать Демареста за исковерканную жизнь Элоизы, но Антония так отчаянно нуждалась в крыше над головой, что не могла позволить себе излишнюю щепетильность.

Антония взволнованно перевела дыхание.

— Годфри...

Послышалось деликатное царапанье в дверь, и в комнате появился дворецкий с карточкой на подносе.

— Лорд Эйвсон желает вас видеть, сэр.

Резко отдернув руку, Демарест повернул голову.

— Черт возьми, Имз. Я же просил, чтобы меня не беспокоили. Меня нет ни для кого. — Он неожиданно нахмурился. — Как ты сказал?

Лорд Эйвсон...

Антония вцепилась в подлокотники кресла, сердце ее бешено заколотилось о ребра. В отличие от Демареста она тотчас узнала имя гостя.

Ее брат здесь.

Ни одного слова за десять лет. А теперь явился без предупреждения. После бурных событий

последних дней Антония не находила в себе сил предстать перед Генри. Его приход стал последней каплей. Антонии показалось, что она разбилась вдребезги, разлетелась на множество осколков, словно хрупкое стекло.

Дворецкий не заметил, что его слова произвели действие взорвавшегося снаряда.

— Лорд Эйвсон, сэр. Я знаю, вы просили, чтобы вас не беспокоили, но его сиятельство проявил настойчивость.

Антония с усилием поднялась, ноги ее дрожали. Она похолодела от ужаса. Ей оставалось лишь бежать, немедленно бежать.

— Он не должен меня видеть.

— Дорогая, ты в моем доме. Тебе нечего бояться.

Лицо Демареста выражало неподдельное сочувствие, и Антонии захотелось ответить согласием на его предложение. Но прежде чем она успела заговорить, Годфри повернулся к невозмутимому дворецкому:

— Пригласи его войти, Имз.

— Да, сэр.

Слуга с поклоном удалился.

Мучительный стыд сдавил горло Антонии. Прошлое вновь навалилось на нее, отшвырнув на десять лет назад. Она вновь ощутила себя униженной семнадцатилетней девчонкой, которую отец обвинил в распутстве.

— Я не могу...

— Можешь.

Демарест схватил ее за локоть, чтобы удержать.

— Отпусти меня, пожалуйста.

Антония попыталась вырваться, но было поздно. В дверях показался брат. В изумленном недоверчивом взгляде Эйвсона ей почудилось отвращение.

— Антония...

Казалось, Генри потрясен не меньше сестры. Антония с мольбой посмотрела на Годфри, хотя тот не мог избавить ее от этой горькой встречи.

Призвав на помощь все свое мужество, она тяжело вздохнула и высвободилась из рук Демареста. Вчера она угрожала пистолетом своему любовнику. Разумеется, ей хватит храбрости встретиться лицом к лицу с братом, как бы ни хотела сбежать испуганная девчонка, прячущаяся внутри нее. Пусть Годфри Демарест не самый сильный мужчина во всей Англии, но он не позволит Генри выбросить ее на улицу, назвав грязной шлюхой.

— Лорд Эйвсон.

Она присела в реверансе, а затем выпрямилась, дерзко вздернув подбородок.

Генри неподвижно застыл в дверях. Белое как мел лицо его казалось нарисованной маской.

— Антония...

Он даже не взглянул на Демареста. Его взгляд не отрывался от лица сестры. Антония с ужасом заметила, что в голубых глазах Генри, в точности таких же, как те, что она каждый день видела в зеркале, блестят слезы.

Ее охватило смущение, напускная храбрость исчезла. Она ожидала упреков, брани, презрения, но не слез.

— Генри? — с запинкой произнесла она, усомнившись вдруг, что поступила правильно, избрав сухой официальный тон.

Сознавая всю унижительность своего положения и терзаясь стыдом, она с жадностью разглядывала брата. Как она скучала по нему все эти десять лет! В детстве Антония нередко страдала от одиночества, но всегда восхищалась братом.

Даже после долгой разлуки Генри показался ей до боли знакомым. Он был двадцатилетним долговязым юношей, когда Антония сбежала из дома. Прошедшие же годы превратили его в мужчину. Высокий светловолосый красавец, как и все Хиллиарды, он походил на молодого викинга. Генри был точной копией отца. Это невольное сравнение заставило Антонию содрогнуться, по спине ее пробежал холодок.

И все же отец никогда не казался таким уязвимым, таким сокрушенным. Даже когда навсегда изгнал дочь из своей жизни.

— Отец... сказал мне, что ты умерла, — хрипло произнес Генри. — Боже милостивый, я ему поверил!

— Я не умерла, — непослушными губами прошептала Антония.

Антония вгляделась в лицо Генри, ожидая увидеть заслуженное презрение, отвращение. В Виченце отец твердо заявил, что ни мать, ни брат не желают иметь с ней ничего общего.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Демарест, стоявший нее за спиной.

Антония испуганно вздрогнула. Она успела забыть о его существовании.

Генри растерянно моргнул, словно тоже забыл обо всем, едва увидев сестру, которая так давно исчезла из его жизни, будто зачарованный он не сводил глаз с Антонии.

— Джон Бентон написал мне, что встретил в Лондоне мою сестру. Я пустился в путь немедленно, как только получил письмо.

Антония только сейчас заметила, что брат выглядит усталым, а платье его покрыто пылью. Под глазами Генри залегли темные круги, на щеках и подбородке пробивалась щетина, волосы в беспорядке падали на лоб. Потрясенная встречей с братом, Антония не сразу обратила внимание на эти мелочи.

— Но как ты узнал, что я здесь?

Неужели Джонни выследил ее после столкновения в парке? Нет, это невозможно. Рейнло остановил бы его. Бентон мог лишь заметить, в какую сторону она направилась, адреса он не знал.

И снова Джонни Бентон совершил подлость. Она умоляла его держать в тайне их встречу. Ей в пору было прийти в ярость, но после предательства Рейнло и неожиданного появления Генри очередная низкая выходка ее бывшего возлюбленного едва ли имела значение.

— Я не знал. — Генри казался ошеломленным. — Я надеялся, что Годфри поможет мне разыскать тебя. Я давно растерял связи с большинством лондонских знакомых, а Годфри дружен с половиной города. Он всегда был желанным гостем во всех домах. Мне подумалось, что лучше всего будет обратиться к нему.

— Все эти годы Антония была со мной. С тех самых пор как ваш отец, этот тупой осел, вышвырнул ее на улицу без гроша в кармане, — вмешался Демарест.

Ни Антония, ни Генри не обратили на него внимания. Они неотрывно смотрели друг на друга, словно примеривались, чтобы сделать первый шаг к странному, мучительному сближению.

— Почему тебе вздумалось отыскать меня? — Антония настороженно замерла, горечь придавала ее голосу резкость. — Хочешь заставить меня поклясться, что леди Антония Хиллиард останется мертва? Десять лет назад я обещала отцу, что не стану снова искать встреч с тобой или с мамой.

Генри побледнел, лицо его болезненно исказилось.

— Я не виню тебя за ненависть ко мне. Мне очень жаль. Прости меня.

— Простить?

Антония вздрогнула как от удара. Генри не за что было извиняться перед ней. Не его вина, что она сбежала с Джонни.

Она смутно ощущала на себе встревоженный взгляд Годфри Демареста. Оглушенная, лишившаяся дара речи, она неотрывно смотрела на брата. Антония отчаянно пыталась понять, что нужно от нее Генри. Долгие годы она жила в горькой уверенности, что брат не желает ее видеть. Теперь она уже не знала, что и думать.

Молчание сестры встревожило Генри.

— Я надеюсь, ты все-таки сумеешь простить меня за то, что я поверил словам отца, когда тот объявил нам о твоей смерти от лихорадки в Италии. Мне следовало догадаться, что здесь кроется ложь. Слишком удобным для отца был бы подобный исход. Я ведь ученый, черт возьми. Я привык сомневаться в очевидном, ничего не принимая на веру.

Антония ожидала, что брат обольет ее презрением, осыплет злыми насмешками, но в голосе его не было ненависти — только лишь горькое сожаление и печаль. Словно он тосковал по сестре долгие годы, как тосковала по нему она.

Антония жадно всмотрелась в лицо Генри. Он сильно походил на покойного графа Эйвсона, но в глазах его светилась доброта, а в очертании губ не было отцовской суровости и непримиримого осуждения. Поборов смятение, Антония разглядела в выражении лица брата бесконечное изумление, боль и вину. Она не увидела ни негодования, ни злобы.

Антонию одолели сомнения: неужели все эти годы она неверно судила о Генри, безропотно приняв безжалостный приговор отца? Возможно, ей следовало набраться храбрости и написать брату после смерти старого графа? Ей страстно хотелось это сделать, разделить с братом скорбь о смерти родителей.

Антония сложила руки на груди, силясь сдержать дрожь.

— Генри, я была уверена, что ты ненавидишь меня, — надломленным голосом проговорила она.

— Конечно же, нет.

Генри робко шагнул к сестре, и Антония увидела, что он тоже дрожит. Глубокое волнение придало его голосу грубоватую хрипоту.

— Все эти десять лет я не переставал оплакивать тебя. Я проклинал себя за случившееся. Ведь это я привел Бентона в наш дом. Если бы я знал, что задумал этот негодяй, то отстегал бы его хлыстом и вышвырнул за ворота, не позволив даже приблизиться к тебе.

Генри нерешительно коснулся руки Антонии, словно боялся, что она, подобно волшебному видению, вознесется в воздух облачком дыма и исчезнет. Лицо его исказилось, голос сорвался до шепота.

— Я не могу передать, как я счастлив видеть тебя живой.

Антония вздрогнула от прикосновения брата, но не пошевелилась, не отшатнулась. После долгих лет разлуки с Генри это неожиданное признание казалось нереальным, невозможным.

— Правда?

— Ну, разумеется.

Генри рассмеялся, и в его смехе Антония с удивлением услышала неподдельную радость. Он повторил уверенно и твердо:

— Конечно!

Антония растерянно моргнула, пытаясь сдержать слезы. Неужели это не сон? Она давно оставила мечту примириться с семьей. Раздумывая о будущем, она и представить себе не могла, что брат разыщет ее и дарует прощение.

— В самом деле? — недоверчиво переспросила она.

— Да.

Генри улыбнулся так широко, что теперь Антония не могла усомниться в его искренности. Эта до горечи знакомая улыбка сделала его моложе, несмотря на усталость. На мгновение Антония вновь увидела перед собой не взрослого мужчину, а мальчишку, с которым вместе росла.

Она не могла бы сказать, кто первым раскрыл объятия, просто в следующее мгновение они уже стояли, крепко обняв друг друга. И хотя Антония твердила себе, что выплакала все слезы, из груди ее вырвались рыдания. Пережитые страхи, горечь и сожаление, а теперь и это неожиданное благословение сломали броню, которой она себя окружила. Десять лет она чувствовала себя отверженной, страдая от безысходного одиночества, а теперь узнала, что все эти годы брат не переставал любить ее.

— Я по-прежнему не могу поверить, — отстранившись, произнесла она сдавленным голосом.

Антония смущенно вытерла глаза, но слезы все текли по ее щекам, не желая останавливаться.

— Я тоже. — Обняв Антонию за плечи, Генри повернулся к Демаресту, который отступил к окну, чтобы не мешать встрече брата с сестрой. — Благодарю, что предоставил ей кров. Но почему, ради всего святого, ты не сказал мне, что Антония у тебя? Не могу понять.

— Я дал слово держать это в тайне. — На губах Демареста мелькнула улыбка. — Ваш отец, простите меня за прямоту, был твердолобым педантом. Я знал, что он никогда не смягчится.

— Отец так и не раскрыл правду, даже на смертном одре, — гневно бросил Генри, крепче прижимая к себе сестру. — Слава Богу, у мерзавца Бентона вдруг проснулась совесть: он написал мне, что Антония жива. Когда я прочитал письмо, меня охватил ужас. Страшно представить, что пришлось вынести моей сестре без поддержки семьи.

— Но семья поддержала ее, — возразил Демарест с ноткой высокомерия в голосе.

— И я всегда буду благодарна тебе за это, — поспешно проговорила Антония, не в силах избавиться от мысли, что с Элоизой Чаллонер, чья трагедия напоминала ее собственную, судьба обошлась более жестоко.

Антония не могла угадать настроение кузена. Казалось, он искренне рад за нее, но в движениях его сквозила настороженность. Должно быть, он понял, что появление Генри означает перемену в жизни Антонии, а возможно, и в его собственной. По крайней мере, теперь кузина не скоро даст ему ответ.

Демарест подошел к буфету и наполнил бокалы бренди.

— Еще довольно рано, но всем нам не повредит глоток спиртного.

Антония дрожащей рукой взяла бокал. Много лет назад она задавила в себе последнюю надежду на примирение с семьей. Было слишком поздно просить прощения у матери. А отец никогда не простил бы ее. Но теперь Господь послал ей брата. И брат не питал к ней ненависти.

Голова у нее кружилась, колени подгибались.

Генри повернул к себе сестру:

— Я хочу, чтобы ты вернулась домой.

Антония недоверчиво нахмурилась. Может, она ослышалась?

— Ты уверен? Может вспыхнуть скандал, которого отец так хотел избежать.

И все же, несмотря на сомнения, в душе ей отчаянно хотелось вернуться в Блейдон-Парк. В родные, любимые места. Вернуться к жизни леди Антонии Хиллиард. К жизни без маски, без лжи и притворства.

Эта новая жизнь помогла бы ей вновь обрести силы после предательства Рейнло. Жестокий обман и вероломство маркиза больно ранили ее. Даже чудесное появление Генри не могло смягчить эту боль.

Бегство в Блейдон-Парк давало ей хрупкую надежду на исцеление. Мысль о доме всегда манила ее, как тихая музыка тёплым летним вечером. Антония замерла, не в силах поверить своему счастью. Волна благодарности затопила ее, к глазам подступили слезы.

— Если разгорится скандал, мы это выдержим. — Генри допил бренди. Казалось, пересуды нисколько его не волнуют. — Я нашел наконец свою сестру. И я не откажусь от нее.

— А если Джонни начнет распускать слухи?

— Сомневаюсь, — заметил Демарест. — Может, Бентон и болван, но даже он должен сообразить, что та давняя история не делает ему чести.

— Пусть себе болтает, — равнодушно пожал плечами Генри. — Бентон не вправе диктовать мне, как себя вести. Это ничтожество не заставит меня изменить решение.

Антония неожиданно поняла, что Генри в самом деле изменился, стал сильнее. В отличие от сестры, сызмальства умевшей настоять на своем и не раз открыто бросавшей вызов родителям, ее старший брат никогда не был бунтарем. Увлеченный наукой, далекий от мирских соблазнов, он превыше всего ценил покой и предпочитал проводить свои дни в уютной тишине библиотеки. Но за минувшие десять лет Генри научился бороться и добиваться желаемого. Он поднял бокал в безмолвном приветствии, на лице его читалась непреклонная решимость.

Антония пыталась почерпнуть мужество в его уверенности, однако горестные события последних дней сломили ее. Она прошла сквозь бурю страсти, ярости, опасности и горечи. Теперь перед ней открывалась новая жизнь. Или, возможно, возвращение к старой жизни, утраченной, как ей казалось, навсегда.

Антония не испытывала радости: слишком велико было ее смятение, — но благодарность к брату согревала ей сердце. Впервые за долгие годы она вправе была сама решать свою судьбу. Ей едва верилось, что это не сон, что она вновь обрела семью. Возможно, возвращение домой, в Нортумберленд, под именем Антонии Хиллиард поможет ей сложить воедино хрупкие осколки разбитого сердца.

Глава 31

Чистый прохладный рассвет обещал надежду и обновление.

«Ложь, все это ложь», — устало прошептал Рейнло.

Запрокинув голову, он посмотрел на небо. Бледно-голубое, как глаза Антонии.

Воспоминания, словно отточенный нож, вспороли ему душу. Рейнло на мгновение зажмурился от боли. Открыв глаза, он увидел пару лебедей, паривших в воздухе у него над головой. Сердце его взволнованно забило, несмотря на отчаяние, ледяными пальцами сжимавшее горло.

«Подходящий день, чтобы умереть. Отличный денек, чтобы стереть Бентона с лица земли».

За спиной у него Торп шептался с доктором. По другую сторону поля Бентон проверял пистолеты. Мерзавец не поднял глаз, когда Рейнло прибыл в своем изящном кабриолете, запряженном парой великолепных серых лошадей.

Какая жалость! Этим утром Рейнло особенно тщательно озаботился о своей внешности. Ему хотелось предстать перед врагом во всем блеске. Он облачился в новый темно-синий сюртук,

надел свой любимый, расшитый китайскими драконами жилет цвета слоновой кости и приказал Моркомбу побрить его с удвоенным усердием, «словно речь шла о жизни и смерти».

Каламбур показался ему удачным.

Отыскать Бентона днем раньше не составило труда. Возможно, этот молодчик и воображал себя опасным вольнодумцем, человеком богемы, но поступил весьма предсказуемо, остановившись в отеле «Палтни». Бросить болвану вызов оказалось так же просто. Рейнло объявил во всеуслышание, что ему не нравится жилет Бентона. Это было чистой правдой — проклятый хлыщ вырядился павлином.

В юности Рейнло, как и многие горячие головы, несколько раз дрался на дуэли, однако ни один поединок не закончился смертью. На правом плече маркиза до сих пор красовался шрам — напоминание о задевшей его пуле. С юных лет Николас постоянно тренировался в стрельбе, как совершенствовался и в других умениях, необходимых столичному джентльмену, но лишь теперь, задумавшись о своей жизни, он понял, как много времени потратил впустую, преследуя никчемные цели.

Но этим чудесным утром он задумал совершить благое дело.

Рейнло не тешил себя иллюзиями. Что бы ни ждало его в будущем, он навсегда потерял Антонию. Двух женщин он любил и обеих предал. Бесчестье Элоизы так и останется неотомщенным. Но сегодня он воздаст сполна негодяю, разрушившему жизнь Антонии.

Бентон приблизился. Рейнло узнал его секунданта, хотя не смог тотчас припомнить имя молодого человека. Секундант Бентона и Торп отступили в сторону, чтобы обсудить условия поединка и попытаться уладить ссору без кровопролития.

Рейнло не собирался принимать извинения Бентона. Даже если бы Бентону вздумалось извиняться. Этому фигляру следовало просить прощения у Антонии. Но она с презрением отвергла и его оправдания, и предложение.

Рейнло восхищался ее гордым нравом. Он вспомнил, как два дня назад Антония недрогнувшей рукой направила на него пистолет, точно старый вояка. Едва ли в целом мире найдется другая женщина, у которой хватило бы храбрости ему угрожать.

Впервые в жизни его настигла любовь. Что ж, по крайней мере, сраженный этой напастью, он выбрал женщину, достойную поклонения.

Рейнло знал, что не стоит и мизинца Антонии, и все же с горечью сознавал: он до последнего вздоха будет помнить, как сжимал ее в объятиях.

— Вот уж не подозревал, что вы защитник добродетели, Рейнло, — язвительно заметил Бентон.

Рейнло презрительно вскинул брови, отчего Бентон тотчас ошетинился.

— Добродетели? Я намерен пристрелить вас за неумение одеваться и дурной вкус, старина.

Плечи Бентона окаменели, руки сжались в кулаки. Похоже, ему хотелось яростным ударом согнать надменное выражение с лица Рейнло.

— Это дело касается только моей дамы и меня.

Рейнло почувствовал, что задыхается — гнев сдавил ему горло. Маркиз с трудом подавил желание свернуть шею мерзавцу Бентону.

— Если в это дело замешана леди, надеюсь, вам хватит порядочности не упоминать ее имени.

Губы Бентона презрительно скривились. Охваченный яростью, Рейнло невольно изумился храбрости своего противника. Он ожидал, что жалкий хлюпик станет молить о пощаде, дрожа от страха.

Бентон казался скорее разгневанным, чем испуганным. Возможно, увлекшись им, Антония поступила не столь уж безрассудно. Была ли тому виной ревность или злость, но на этот раз Бентон держался значительно увереннее и смелее, чем в Гайд-парке. Рейнло довольно усмехнулся. Храбрый противник был ему по душе. Пристрелив хныкающего труса, он едва ли погасил бы пылавший в сердце гнев.

Подошедшие секунданты в последний раз попытались добиться примирения. Рейнло не оставляло странное чувство отрешенности, он словно участвовал в нелепом спектакле и наблюдал за собой со стороны. Автоматически следуя протоколу, он отсчитал положенное число шагов и повернулся. Бентон сверлил его неприязненным взглядом, поднимая пистолет.

Нет, Антония не ошиблась в своем первом возлюбленном.

Рейнло коротко взглянул на небо, сознавая, что, возможно, видит его в последний раз. «Голубое, восхитительно голубое, как глаза Антонии».

Послышался громкий хлопок. Птицы с пронзительными криками вспорхнули с деревьев, и Рейнло ощутил, как бок обожгло болью. Он пошатнулся, пытаясь мысленно связать воедино все происходящее.

И внезапно понял, что Бентон подстрелил его.

Дьявольщина, он и не подозревал, что у мерзавца хватит на это духу.

В глазах у Рейнло потемнело, каждый удар сердца отдавался в теле дрожью, словно совсем рядом кто-то бил в огромный барабан. Николас покачнулся, понимая, что упадет, если не преодолеет тошнотворную слабость.

А если он упадет, то не сможет выстрелить.

Еще одно поражение в его неудавшейся жизни.

Нет, этого он не допустит. Он умрет, но выполнит задуманное. А после покорно примет свою участь и не исторгнет ни звука, когда сатана запустит в него когти.

Ему показалось, что перед ним протянулся длинный туннель и в самом конце маячит фигура Торпа. Друг что-то настойчиво говорил, спеша ему навстречу. Рев крови в ушах мешал Рейнло разобрать слова. Превозмогая слабость, Николас досадливо махнул рукой:

— Нет.

На остальное у него не было сил.

Он должен был спустить курок. Он знал, что сможет.

Бентон стоял не двигаясь, неотрывно глядя на Рейнло. Медленно, очень медленно Николас поднял руку. Пистолет вдруг стал невероятно тяжелым. Рейнло сотрясала дрожь, стены туннеля надвигались и отступали. Если бы не слепящая боль, он решил бы, что мертвецки пьян.

Он люто возненавидел Бентона, как только узнал, что этот подонок обесчестил Антонию. Ненависть должна была бы подсказать ему, что эта женщина значит для него больше, чем он готов признать. Но маркиз Рейнло привык предаваться самообману.

Однако теперь с этим покончено.

Бентон мужественно ожидал выстрела. Ждал смерти. Скрипнув зубами, Рейнло заставил себя прицелиться.

Однако глядя на мужчину, которого поклялся убить, он не мог не признать горькую, обидную правду: сам он был ничем не лучше Бентона. На самом деле они с Джонни мало чем отличались друг от друга: оба законченные негодяи.

Он мог застрелить Бентона: сделать это прямо сейчас, но вдруг почувствовал, что не вправе отнять жизнь у этого фанфарона.

— Ради Бога, Рейнло, позвольте доктору осмотреть вас, — взмолился Торп откуда-то сзади.

Его голос разносился по туннелю, ставшему заметно длиннее. Казалось, мир постепенно отступает, удаляется.

Наверное, ему следовало сожалеть об уходе из жизни, подумал Николас. Но единственное, о чем он действительно сожалел, — что так и не сказал Антонии о своей любви. Теперь она с презрением отвернулась бы от него, но в прошлом, возможно, желала услышать, что их связь не дешевая интрижка, затеянная ради минутного удовольствия.

В том, что связывало его с Антонией, никогда не было фальши. Вот только он предал свою любовь, пытаясь сохранить верность сестре.

Жизнь — дьявольски сложная штука. Сказать по правде, Рейнло впору было вздохнуть с облегчением, расставаясь с ней.

Он покачнулся и скорее почувствовал, чем увидел, как Торп бросился к нему.

— Нет, — повторил он.

Его вновь пронзило болью, держаться прямо становилось все труднее. Он силился стряхнуть багровую пелену, застилавшую глаза.

Он должен был что-то совершить, прежде чем расстаться с жизнью. Рейнло устремил взгляд на Бентона. На лице Джона застыло выражение обреченности.

Рейнло вскинул пистолет, замер, преодолевая головокружение.

И выстрелил в воздух.

Выстрел отозвался зловещим эхом, а в следующий миг Николаса поглотила вязкая чернота.

Антония ожидала в холле, когда из своей комнаты спустится Генри, чтобы вместе с братом отправиться в Нортумберленд. Накануне они проговорили полночи, пока лорд Эйвсон, сраженный усталостью после долгой поездки верхом, не отправился спать. Антонию все еще тревожило возвращение в Блейдон-Парк, но Генри заверил ее, что опасаться нечего. Во время долгого путешествия на север они сумеют придумать правдоподобную историю, чтобы объяснить чудесное возвращение леди Хиллиард.

Утром Касси собиралась пройтись по магазинам вместе с Мерриуэдерами. Лишь Антония и ее племянница знали, почему ей так важно продолжать показываться в свете: о недавнем исчезновении с пикника у Шериданов уже поползли сплетни, и появление Касси в обществе должно было положить конец слухам.

За завтраком Касси казалась подавленной и немного капризной. Вновь и вновь возвращаясь мыслями к трагической судьбе Элоизы, она держалась с отцом непривычно угрюмо, чего тот, впрочем, не замечал. Отъезд Антонии смутил и взволновал Кассандру, хотя она была искренне рада за свою компаньонку, примирившуюся с братом. Лондон и Нортумберленд разделяло немало миль, и Касси понимала, что Антония никогда больше не станет играть роль строгой дуэньи.

Хотя Антонию глубоко тронула печаль Касси, горевавшей о том, что им придется расстаться, она с облегчением препоручила племянницу заботам леди Мерриуэдер. События последних дней вконец обессилили ее, наполнив душу смятением и тревогой. Антония опасалась, что у нее не хватит терпения выносить капризы Касси.

Она знала, что будет отчаянно тосковать по племяннице, но не могла преодолеть опустошенность и апатию. Ей хотелось как можно скорее бежать из Лондона. Ее манила свобода, призрачная, словно райское блаженство.

Генри легко сбежал по лестнице. Антония не переставала удивляться, как быстро они с братом вернулись к былой непринужденности. Ей едва верилось, что со дня их последней встречи прошло десять лет. Казалось, они расстались только вчера.

Демарест спустился вслед за Генри, но шагал куда медленнее. Антония видела, как рад за нее Годфри, однако она ясно сознавала, что кузен превыше всего ценит свой комфорт и томительная проволочка с ответом на предложение вызывает у него досаду. Она понимала, что не вправе заставлять его ждать слишком долго. Но ей нужно было увидеть дом своего детства и вновь превратиться в леди Антонию Хиллиард, прежде чем решить, какую дорогу избрать.

Генри просил ее стать хозяйкой Блейдон-Парка. Должно быть, это предложение заставило покойного графа Эйвсона перевернуться в гробу.

Жизнь в доме Генри не слишком отличалась бы от жизни в Сомерсете, разве что в Блейдон-Парке Антонию ожидали бы почести, достойные леди Хиллиард, графской дочери. В Нортумберленде она обрела бы независимость — хозяйке родового поместья не угрожала встреча с каким-нибудь лживым повесой, готовым походя разбить ей сердце.

Демарест хотел, чтобы Генри задержался в Лондоне, пришел в себя после путешествия и отдохнул. Годфри полагал, что Антонии с братом потребуется время, чтобы заново привыкнуть друг к другу. Но Генри всегда тяготился шумной жизнью большого города, а Антонии не терпелось вернуться в Блейдон-Парк. Демарест с явной неохотой одолжил им свою дорожную карету и снабдил кузена сменой одежды. Генри так спешил разыскать сестру, что пустился в путь, не захватив с собой даже самого необходимого.

Антония не могла не задумываться о состоянии поместья. Генри, насколько она помнила, всегда был погружен в свои исследования, не заботясь о вещах практических. Пожалуй, это внушало надежду. Живя затворницей в Сомерсете, Антония находила особое удовольствие в том, что мистер Демарест, беспечный и безалаберный в делах, предоставлял ей принимать решения и взваливал все заботы о поместье на ее плечи. Впрочем, теперь она понимала, что кузен отличался легкомыслием во всем, включая и отношения с людьми.

Генри же никогда не был ветреным или небрежным, скорее рассеянным. А значит, Антонии предстояло взять в свои руки правление Блейдон-Парком и навести порядок в имении.

Ей страстно хотелось почувствовать себя нужной. Не важно, для кого, и где.

Но какое бы решение ни приняла Антония, она никогда не вышла бы замуж по любви. Как она успела убедиться, чувства ранят слишком глубоко. Ее привлекала тихая благополучная жизнь с нетребовательным мужчиной немного старше ее самой. Вдобавок, ответив согласием на предложение Демареста, она стала бы мачехой Касси.

Хотя, возможно, превратившись в обеспеченную женщину, она предпочла бы вовсе не выходить замуж.

Антонии не хотелось даже думать о возвращении в Лондон, куда безопаснее было оставаться в Нортумберленде. В столице ей грозила опасность подвергнуться преследованиям Джонни, и вдобавок в ней могли узнать компаньонку Кассандры Демарест.

Долгие годы Антония оставалась брошенной на произвол судьбы. Теперь же перед ней открывались новые возможности, превосходящие самые смелые ее фантазии. Казалось, все складывается слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Антонию не оставляло ощущение нереальности происходящего.

И все же она пыталась идти вперед, оставив позади боль и призрачную радость последних недель. Возможно, будущее не обещало ей ничего волнующего и романтического, как изволил выразиться Демарест, но, по крайней мере, ее ожидал покой.

— Ты готова? — спросил Генри.

— Да.

Антония подавила рыдание. Какая нелепость рыдать, потеряв Рейнло. Невозможно потерять того, кто никогда вам не принадлежал.

Рейнло не заслуживал и минутного сожаления, но сердце Антонии не желало слушать доводы, рассудка. Глупое сердце тосковало по нему, несмотря на ненависть. Антония надеялась, что Рейнло будет гореть в аду, но даже проклиная его, лила горькие слезы жалости.

С молчаливой предупредительностью лакей распахнул перед ней двери. Антония упрямо вскинула голову. Ее ожидала новая жизнь. А маркизу Рейнло, будь он проклят, самое место в преисподней.

Мистер Демарест многозначительно сжал ее руку, обтянутую перчаткой.

— Помните, пожалуйста, о моей просьбе, — прошептал он.

— Конечно, — так же тихо отозвалась Антония.

Она не рассказала ни брату, ни Кассандре о предложении Демареста. Как бы отнесся Генри к ее браку с Годфри? Быть может, обретя, наконец, сестру после долгих лет разлуки, он надеялся, что Антония посвятит ему всю себя. По крайней мере, в ближайшее время.

Другой лакей открыл дверцу кареты. Демарест взял Антонию под руку властным жестом собственника. Лишь такой неискушенный в тонкостях этикета человек, как Генри, мог этого не заметить. Годфри вывел кузину из дома.

Антония собиралась ступить на подножку кареты, когда заметила вдалеке бегущую фигуру. К ее изумлению, это оказалась Касси. Запыхавшаяся, покрасневшая, она больше походила на себя прежнюю, на девушку из провинции, а не на расфранченную лондонскую сердцеедку, которую изображала в последние месяцы.

— Антония!

В нескольких шагах позади нее бежала Белла. Горничная пыталась поймать юную леди, вприпрыжку пересекавшую оживленную городскую улицу словно пустынное поле.

— Антония, подожди!

Наверное, Касси решила еще раз проститься с тетей. Радость смягчила сожаление и горечь Антонии. Мистер Демарест, которого отныне Антонии следовало называть Годфри, снисходительно улыбнулся, глядя на дочь. Генри с любопытством задержал взгляд на своей племяннице. В съехавшей набок шляпке, чудом державшейся на спутанных волосах, и с пылающими от бега щеками, Касси была восхитительно хороша.

Прижав к груди дрожащую руку, она сбивчиво выпалила:

— Антония, Рейнло стрелялся на дуэли. Он ранен и, похоже, умирает.

Умирает?!

Все лживые душеспасительные мечты о новой жизни, которыми утешала себя Антония, в одно мгновение развеялись как дым.

Осталось лишь сердце, разбитое вдребезги.

— Что? — с запинкой произнесла она, вырвав руку из пальцев Демареста.

Касси согнулась, с трудом отдышалась и продолжила торопливой скороговоркой:

— Джон Бентон стрелял в него. Сегодня утром. В Ричмонде.

Шум в голове заглушал голос Касси. Антония прошептала непослушными губами:

— Джонни ранил Рейнло?

Как такое могло случиться?

Нет, это невозможно.

Это какая-то бессмыслица. Антония знала, что дуэли запрещены и считаются серьезным

преступлением. В случае смертельного исхода выжившего дуэлянта ожидало судебное преследование за убийство.

Демарест подхватил Антонию под руку.

— Что все это значит? Какое тебе дело до мерзавца Рейнло? Я думал, этот грязный негодяй увивался за Касси, а ты велела ему держаться подальше.

Стряхнув руку Демареста, Антония в ужасе уставилась на племянницу.

— Должно быть, ты ошиблась.

В ушах Антонии, словно тревожный набат, вновь и вновь звучали слова: «Рейнло умирает».

Касси поспешно затараторила:

— Брат Сюзанны слышал у себя в клубе. Рейнло поссорился с Бентоном из-за жилета. Бентон собирается уехать в Европу, чтобы избежать суда. А Рейнло дома, но, говорят, не протянет и дня.

Генри нахмурился, переводя взгляд с Касси на Антонию, словно отмеривая летучие реактивы для химического опыта.

— Какое отношение все это имеет к тебе? Допускаю, сплетня заслуживает внимания. Но едва ли стоило мчаться через весь Лондон, чтобы ее доставить.

Касси с мольбой посмотрела на Антонию.

— Неужели ты позволишь ему умереть с мыслью, что ты его ненавидишь?

— Но я действительно его ненавижу, — резко возразила Антония, чувствуя, что со смертью Рейнло угаснет и ее жизнь.

Выпустив руки племянницы, она повернулась к карете. Генри тотчас подскочил к ней. В его голосе слышался гнев и замешательство.

— Что это значит, Антония? Ты сказала мне, что все последние годы была компаньонкой Касси, Однако, похоже, тебя связывают близкие отношения с распутником, чья дурная слава докатилась даже до Нортумберленда. Я знаком с маркизом по Оксфорду. Еще в юности он отличался безудержным нравом, словно дикий тигр:

— Антония, объяснитесь, — потребовал Демарест, встав рядом с Генри.

Не будь Антония в таком отчаянии, неодобрение мужчин, возможно, остановило бы ее. Теперь же она лишь безразлично пожала плечами. Единственное, что отныне имело для нее значение, — безжалостные слова «Рейнло умирает».

— Я должна поехать к нему, — чуть слышно произнесла она, обращаясь скорее к себе, чем к брату или кузену. Дрожащей рукой она ухватилась за дверцу кареты.

— Не сходи с ума, — яростно выпалил Демарест у нее за спиной. — Не можешь же ты явиться в дом к неженатому мужчине. Тем более к холостяку с такой скандальной репутацией, как у Рейнло. Этот человек — форменный безбожник, его именем пугают детей.

Антония повернулась, чтобы ответить, но замолчала, заметив взгляд Касси, устремленный на отца. В это мгновение она выглядела намного старше своих восемнадцати лет. В ее чертах проглядывали отнюдь не девическая пронизательность и непреклонная суровость.

— Не будь лицемером, отец, — резко бросила она.

— Кассандра Мэри Демарест... — начал было Годфри.

— Мне известно об Элоизе Чаллонер.

Антония никогда прежде не слышала, чтобы Касси говорила таким ледяным тоном.

— Понятия не имею, о чем ты толкуешь, — проревел Демарест, но лицо его пошло пятнами.

Он невольно отступил, словно отрицая свою роль в той давней трагедии. Если прежде Антония и сомневалась в том, что ее кузен погубил Элоизу, то выражение его лица сказало ей правду.

— Не лги, — отрезала Касси тем же непререкаемым тоном. Затем она повернулась к Антонии, голос ее смягчился: — Тони, поторопись.

Все принятые в обществе правила, да и доводы рассудка убеждали Антонию покинуть Лондон с Генри, забыв и думать о Рейнло. Ее ничто не связывало с маркизом. За последние два дня она почти сумела убедить себя, что Рейнло ей отвратителен.

Но, разумеется, это было ложью.

Теперь правда виделась ей так же явственно, как небо над головой и твердая мостовая под ногами. Антония так долго таила в себе эту правду, что почти перестала ее замечать.

И вот правда настигла ее.

Она любила маркиза Рейнло. Не важно, в каких грехах он был повинен. Ничто не могло изменить ее чувств.

— Прости, Генри, — быстро произнесла Антония. Сердце ее отчаянно колотилось. — Нам придется отложить поездку. Или ты можешь ехать без меня.

— Я не хочу ехать без тебя.

Брат казался встревоженным.

— Антония, будь благоразумна! — воскликнул Годфри, теряя терпение. — Даже если этот негодяй выживет, он лишь насладится тобой и отшвырнет ради другой юбки.

— Мне все равно, — упрямо возразила Антония.

— Кому, как не тебе, знать...

— Это не важно. — Антония посмотрела на кучера, сидевшего на козлах и жадно ловившего каждое слово. — Томас, отвези меня на Гросвенор-сквер. Как можно быстрее.

— Да, миледи.

Кучер почтительно приподнял шляпу. Антония вскочила в карету, почти не касаясь подножки,

захлопнула дверцу и вцепилась в поручень. Экипаж, резко накренившись, тронулся с места. Это казалось нелепым, но ее не оставляло чувство, что Николас не умрет, если она прибудет вовремя.

Антония судорожно стиснула руки на коленях, когда дверца кареты неожиданно открылась, и на подножку вспрыгнул Генри. Он уселся рядом с сестрой, и гневные слова замерли у нее на губах.

— Генри, что ты делаешь? — ошеломленно выдохнула она.

Затворив дверцу, граф Эйвсон коротко постучал в крышу кареты. Экипаж с грохотом сорвался с места. Бешеный цокот копыт по мостовой перекликался с тревожным стуком сердца Антонии.

— Ты можешь угодить в переplet. — Генри улыбнулся, успокаивающе сжав руку сестры. — Думаю, тебе не помешает поддержка.

Глава 32

Антония приготовилась к расспросам, но, к счастью, Генри хранил молчание. Карета мчалась в густом потоке экипажей со скоростью, которая при иных обстоятельствах привела бы Антонию в ужас. Теперь же она едва замечала, как резво скачут лошади. Ей отчаянно хотелось увидеть Николаса, сказать, что она прощает его, вернуть ему желание жить.

Невидящим взором она смотрела в окно, на запруженные улицы. Перед глазами у нее мелькали картины одна страшнее другой; кровь, темнота, отчаяние.

Предчувствие невыносимой потери захлестнуло ее.

Вопреки всему, Антония надеялась, что слух о дуэли не подтвердится, но стоило карете подъехать к Гросвенор-сквер, как вспыхнувшая было надежда, сменилась горькой обреченностью. Возле черной чугунной ограды, отделявшей дом от тротуара, толпились многочисленные зеваки. В толпе шептались о скорой кончине маркиза Рейнло.

Карета Антонии остановилась у ворот, и любопытных стало еще больше. Как ни удивительно, собравшиеся казались подавленными, едва ли не скорбящими.

Появление богатого экипажа, из которого вышла незнакомая пара, явно принадлежащая к высшим слоям общества, вызвало оживление в толпе. Антония опустила голову, надеясь, что шляпка хотя бы отчасти скроет ее заметную внешность. Молча взяв сестру под руку, будто желая вселить в нее уверенность, Генри решительно направился сквозь толпу к двум рослым лакеям, охранявшим пологую лестницу.

Антония не ожидала, что придется расталкивать любопытных и преодолевать заслон слуг, оберегающих покой хозяина от докучливых посетителей. Ей следовало догадаться, что рана Николаса привлечет к нему всеобщее внимание, а к его дому, тихому и уединенному во время ее предыдущего визита, стекутся толпы зевак.

Неожиданная поддержка Гарри оказалась как нельзя кстати. Антония ощутила прилив благодарности — ей вновь представился случай убедиться, что брат уже не тот робкий юноша, которым она его помнила. Мягкая властность Генри, свидетельствующая о привычке повелевать, заставила слуг почтительно расступиться. Граф с сестрой вошли в дом, даже не назвав своих имен.

Тяжелая дверь закрылась за ними. Оказавшись в мраморном холле, дрожащая Антония онемела от страха. Пустой полутемный холл казался зловещим склепом, а мраморные статуи вдоль стен напоминали надгробия.

Антония вспомнила ночь, проведенную в этом доме, и боль узнавания пронзила ей грудь. Здесь ей довелось пережить небывалую страсть. Она перевела дыхание, пытаясь унять сотрясавшую ее дрожь. Боже, как она была слепа! Ей давно следовало догадаться, что она безнадежно влюблена в этого повесу.

К ее удивлению, навстречу посетителям вышел лорд Торп. Антония ожидала увидеть слугу или надменного дворецкого, захлопнувшего перед ней дверь в день похищения Касси. Виконт всегда казался ей человеком благоразумным и рассудительным. Поначалу ее озадачило, что Торп с Рейнло друзья. Слишком долго она не желала видеть в Николасе не только лишь самовлюбленного охотника за удовольствиями.

Касси снабдила тетю дорожным платьем, поэтому Антония была одета элегантнее обычного. Едва ли Торп узнал бы в ней суровую компаньонку мисс Демарест, хотя Антония не раз встречала его на балах и наблюдала, как тот танцует или флиртует с дамами.

Торп тепло улыбнулся Генри.

— Лорд Эйвсон, я не видел вас целую вечность.

Генри снял шляпу и учтиво поклонился.

— Лорд Торп, похоже, мы с вами не встречались с тех пор, как покинули стены Оксфорда.

— Вы были настоящим анахоретом; странно, что вы меня помните.

Антония сдержала нетерпеливый вздох. К чему светские условности, когда в доме умирает Николас?

— Антония, позволь представить тебе лорда Торпа. — Генри повернулся к сестре: — Милорд, это моя сестра, леди Антония Хиллиард.

Повинуясь правилам вежливости, Антония сделала реверанс и протянула руку для поцелуя. Торп почтительно коснулся губами обтянутых перчаткой пальцев.

Было заметно, как виконт мучительно пытается припомнить, не встречался ли он раньше с леди Хиллиард. Антонию нисколько не заботило, узнает ли ее Торп, но ради брата она приняла равнодушный вид, словно перед ней стоял незнакомец.

— Чем я могу помочь вам? — осведомился Торп, когда все обычные в подобных случаях формальности были соблюдены.

— Я хотела бы... — взволнованно заговорила Антония, но ее перебил Генри.

— Моя сестра — давняя приятельница лорда Рейнло. Разумеется, до нее дошли слухи о дуэли. Мы пришли справиться о здоровье маркиза.

Антония с надеждой взглядела в лицо Торпа, сердце ее отчаянно колотилось. Быть может, Николас каким-то чудом оправился от раны и слухам о том, что жизнь в нем едва теплится, не стоит верить. Открытое лицо виконта омрачилось, и грудь Антонии словно сковало ледяным

панцирем.

— Пулю извлекли, однако маркиз так и не пришел в сознание. Я сожалею, но доктора не надеются на благополучный исход.

«Нет! О Господи, нет!» Антония пошатнулась, свет внезапно померк. Не может быть. Это неправда. Придя в себя, она прерывисто вздохнула и беспомощно сжала руку Генри. Стены комнаты медленно вращались.

— Простите, леди Антония. Я понятия не имел...

Торп нерешительно осекся.

— Я должна его видеть, — тихо сказала Антония.

Она с трудом держалась на ногах, но сейчас ей нельзя было показывать слабость. Худшее ждало ее впереди.

— Доктора никого не пускают к нему. — Торп выступил вперед. На лице его читалось сожаление. — Если вы оставите адрес, я обещаю: вас известят.

Известят о смерти Николаса?

Окончание фразы, хоть и не произнесенное вслух, легко угадывалось. С глухим рыданием Антония оттолкнула виконта и бросилась к лестнице.

— Леди Антония, вы не можете... — крикнул Торп ей вслед.

— Оставьте ее, — вмешался Генри.

На мгновение обернувшись, Антония увидела, как Генри схватил Торпа за плечо. Бог знает почему, но брат помогал ей, и Антонии оставалось лишь благодарить его.

Задыхаясь скорее от страха, чем от бега, Антония распахнула дверь в спальню Николаса. За окном ярко светило солнце, но в комнате царил глубокая ночь. Тяжелые парчовые шторы не пропускали даже лучика света. На ночном столике тускло горела лампа, скупо освещая пугающе длинный ряд пузырьков и склянок. В камине пылал огонь. В густом неподвижном воздухе чувствовался удушливый запах свежей крови.

Осторожно, словно одно резкое движение могло стать причиной трагедии, Антония прокралась в комнату. Возле кровати Николаса сидел немолодой лысеющий мужчина. Обернувшись на звук открывшейся двери, он окинул Антонию обеспокоенным взглядом.

— Простите, мадам, но врачи его светлости не позволяют допускать к нему посетителей.

Мужчина поднялся.

«Должно быть, это дворецкий или камердинер, — решила Антония. — Что ж, тем лучше. От слуги легче избавиться, чем от напыщенного доктора».

— Вы можете оставить нас, — холодно произнесла она. — Я посижу с лордом Рейнло.

Слуга замер в нерешительности.

— Мадам, я...

На лице слуги читалась неподдельная тревога за Николаса. Голос Антонии смягчился:

— Обещаю позаботиться о лорде Рейнло. Я позову вас, как только замечу перемену в его состоянии.

Слуга поклонился:

— Я буду за дверью.

Антония облегченно перевела дыхание. Ей удалось выпроводить последнего стража Николаса. Голова у нее кружилась, колени подгибались. Трясущейся рукой она ухватилась за спинку стула.

— Спа... спасибо, — прошептала она.

— К вашим услугам, миледи. Меня зовут Моркомб, если вам потребуется помощь. Я камердинер его светлости.

Антония кивнула, подавленная тревогой и страхом. Моркомб тихо скрылся за дверью, но Антония этого не заметила. Ее взгляд не отрывался от Николаса, скрытого полумраком.

Он распростерся на спине. Простыня собралась складками у него на талии. Золотые волосы потемнели и слиплись от пота. Его обнаженный торс прикрывала широкая белая повязка. Руки безжизненно вытянулись вдоль туловища, неподвижные ладони распластались на матрасе.

Сердце Антонии тревожно замерло. Полумрак мешал ей разглядеть черты его лица. Она покачнулась на слабеющих ногах. У нее вырвалось сдавленное рыдание. Господи, неужели она опоздала...

С прерывистым вздохом Антония опустилась на колени рядом с постелью и коснулась пугающе неподвижной руки Николаса. Его кожа казалась холодной. Антония так сильно закусил губу, что ощутила вкус крови.

— Николас... — прошептала она, словно Рейнло просто спал.

Она знала, что ее возлюбленный балансирует на грани жизни и смерти.

Антония сходила с ума от ужаса с той минуты, как услышала о дуэли. Но в этой тихой комнате, где Николас, окруженный невидимой броней, упрямо оставался вдали от нее, страх Антонии сменился горькой безнадежностью.

С глазами, полными слез, она прижалась лицом к его руке.

— Николас, о, Николас...

Подняв голову, Антония заглянула ему в лицо. Безучастное, лишенное всякого выражения, оно казалось незнакомым. Погруженный в забытие, Рейнло не мог ее слышать, но Антония отчаянно зашептала:

— Как ты мог совершить такое? Джонни не стоит и мгновения твоей жизни. Этот человек ничего для меня не значит. Я не раз твердила тебе об этом.

Ответом ей было молчание. И в гнетущей тишине спальни догадка забрезжила в ее голове. Антония взгляделась в строгое застывшее лицо Николаса, и внезапное озарение нахлынуло на нее леденящей волной.

Она поняла, зачем Рейнло бросил вызов Джонни. Причиной дуэли послужила вовсе не глупая ревность, как Антония решила вначале. Разумеется, Николас понимал, что бывший любовник ей давно безразличен. Рейнло знал ее лучше, чем кто бы то ни было, и не обманывался относительно ее чувств к Джонни. Он вызвал Бентона на поединок не для того, чтобы избавиться от соперника. Николас слишком умен, чтобы счесть Джонни серьезным противником в борьбе за благосклонность Антонии. Слишком умен, чтобы вообразить, будто после похищения Касси сможет вернуть себе даму сердца, застрелив мужчину, с которым та сбежала десять лет назад.

Смерть Джонни не сулила ему выгод.

Взгляд Антонии не отрывался от лица Николаса. Горькое сострадание захлестнуло ее. Сострадание к мужчине, похитившему Касси, чтобы отомстить за любимую сестру.

Отмщение — единственное, что он мог предложить в дар женщине, которую потерял навсегда.

Быть может, все прегрешения Николаса брали свое начало в донкихотском стремлении восстановить справедливость любой ценой? Тогда ее догадка верна и Рейнло бросил вызов Джонни, поддавшись отчаянному, безрассудному рыцарскому порыву?

Неужели дуэль была нелепой попыткой отомстить за ее поруганную честь?

— О, Николас... — прошептала Антония, ничего не видя от слез.

Этот поступок казался невероятно романтическим. Возможно, она ошиблась? Николас Чаллонер всегда был беспутным повесой. Пустым, ветреным ловеласом, равнодушным к страданиям других.

Однако Антония знала, что это не так. Возможно, Николас хотел, чтобы другие видели его таким, но, сойдясь ближе с этим неисправимым грешником, Антония сумела разглядеть в нем то, что оставалось скрытым от остальных.

Смутная догадка Антонии переросла в уверенность. Безнадежность и отчаяние толкнули Николаса на саморазрушение. Безрассудная дуэль, как и похищение Касси, явилась попыткой пожертвовать всем ради великой цели.

Николас пошел на это безумие во имя любви. Во имя любви...

Нет, это невозможно.

Николас не любил ее. Даже если, бросив вызов Джонни, показал, что Антония ему небезразлична, что его чувства серьезнее, чем ей представлялось.

Антония тщетно пыталась собрать воедино обрывки мыслей. О, сколь многого она не замечала, не принимала в расчет.

В конечном счете, Николасу так и не удалось ни похитить Касси, ни застрелить Джонни, не так ли?

Антония давно поняла, что Рейнло хочет казаться более черствым и безжалостным, чем он есть на самом деле. Будь Николас и впрямь бесчувственным негодяем, как утверждает молва, он овладел бы Антонией в ночь, когда забрался к ней в спальню. А потом воспользовался бы ею, чтобы подобраться к Касси. Но он не сделал ни того, ни другого. Вспомнив ту ночную встречу, Антония почувствовала, как к горлу подступила горечь. Николас поступил тогда по-рыцарски благородно. Он вел беспутную жизнь и совершил немало безрассудств. Он задумал превратить Касси в орудие своей мести и ловко расставил сети, пытаясь поймать в них и ее племянницу, и ее саму. Но Николас так и не сумел исполнить роль злодея.

Антония не раз задумывалась, верно ли она судила о Рейнло. Так ли он порочен, как ей казалось. Теперь она поняла, что бессердечный вертопрах, сам того не желая, превратился в великодушного героя. И этого героя она полюбила, вопреки собственной воле, вопреки здравому смыслу, вопреки всему, что знала о нечестивце маркизе Рейнло.

Ее сердце оказалось мудрее рассудка.

Антония прерывисто вздохнула и в одно мгновение простила Николасу все его прегрешения, всю боль, которую он ей причинил. Она отчаянно надеялась, что сможет сказать ему об этом. Оставалось лишь молить Господа даровать ей эту милость.

— Николас, ты еще больший болван, чем я думала, — пробормотала Антония и, подняв вялую, безжизненную руку Рейнло, прижала ее к своей мокрой от слез щеке.

Горло ее мучительно сжалось. Каждое слово давалось с трудом.

Молчание Николаса надрывало ей сердце. Возлюбленный не слышал ее. Как ей достучаться до его души, парящей далеко от этого мира? Ужасная мысль заставила Антонию содрогнуться. Неужели она опоздала? Что ж, она будет сидеть возле постели Николаса, пока он не испустит последний вздох.

Это казалось невыносимым. Антония склонила голову и зарыдала, иступленно целуя руку Николаса, словно ее губы могли вернуть его к жизни. Она не раздумывая отдала бы все оставшиеся годы жизни, лишь бы Николас открыл глаза.

— Не умирай. Пожалуйста, не умирай! Не покидай меня, — взмолилась она и порывисто добавила дрожащим от волнения голосом: — Я сделаю все, что ты захочешь. Я буду твоей любовницей. Пока тебе не надоест. Тайно или открыто, как ты пожелаешь. Я не могу жить без тебя. Ведь это ты вернул меня к жизни.

Она замолчала, шумно перевела дыхание и заговорила снова, зная, что Николас ее не слышит. Слова дарили ей утешение. Слова, которые она так и не успела произнести, пока яростно возводила преграды между собой и Николасом. Преграды, разрушившиеся в тот миг, когда Николас прикоснулся к ней.

«Пожалуйста, Господи, позволь ему жить, чтобы снова убедиться в ее любви».

В ее голосе звучала страсть:

— Ты победил. Победил давным-давно. Я сдаюсь, полностью, безоговорочно. Я буду во всем тебе послушна.

Опустившись на колени, Антония прижалась губами к губам Николаса. Он не ответил. Глухое отчаяние охватило ее. Николас всегда отвечал на ее поцелуи.

Безнадежность накрыла ее неодолимой темной волной, и тогда у Антонии вырвалось мучительное признание:

— Я люблю тебя, Николас. Я всегда буду любить тебя. Ты останешься в моем сердце навеки. — Ее голос упал до еле слышного шепота: — Благослови тебя Господь, мой дорогой. Да пребудет Он с тобой в жизни вечной.

Ответом ей было безмолвие.

Уткнувшись лицом Николасу в плечо, Антония заплакала, словно сердце ее разбилось на тысячу осколков.

Сознание постепенно возвращалось к Рейнло, а вместе с ним бурным потоком нахлынули чувства. Он ощутил на коже липкую влагу — слезы Антонии. Услышал ее рыдания. Ее пылающие губы касались его рук и лица.

Жестокая боль пронзила его бок, словно кто-то прижег плоть раскалённым докрасна железом. Николас медленно попытался пошевелить рукой. Движение разбередило рану, и у него вырвался мучительный стон.

Антония резко выпрямилась.

— Николас?

Антония вновь склонилась над ним. Легкое колыхание матраса вызвало новую вспышку боли. Тело словно проткнули копьем. Но Рейнло готов был вытерпеть любую муку, лишь бы Антония оставалась с ним.

Она произнесла сдавленным голосом:

— Я позову докторов.

Проклятие, Рейнло не желал видеть этих шарлатанов. Ему нужна была одна Антония. Больше всего на свете ему хотелось услышать вновь, что она его любит. Убедиться, что ее удивительное признание не было плодом его воспаленного воображения.

Слава Богу, Антония угадала его безмолвный протест и осталась.

Медленно, с усилием, словно пытаясь поднять одной рукой поваленный дуб, Рейнло открыл глаза. В полумраке комнаты он разглядел лицо Антонии. Мокрые щеки и опухшие от слез глаза. Никогда в жизни он не видел женщины прекраснее.

— П-п... — прошептал он, с трудом разлепив непослушные губы.

Антония не поняла его и поднялась, став для него невидимой. Николас был слишком слаб, чтобы повернуть голову ей вслед. Черт побери, его одолевало желание сжать Антонию в объятиях, но он не мог пошевелить даже мизинцем.

В углу комнаты звякнуло стекло, а затем, слава Всевышнему, вернулась Антония. Она мягко просунула ладонь ему под голову, и по губам его щекочущей струйкой потекла вода. Движение отсевалось жестокой болью в раненом боку. Стекающая с подбородка вода вызвала мучительное чувство унижения. Рейнло не хотел, чтобы Антония видела его таким.

— Николас, пожалуйста, не умирай, — надломленным голосом проговорила она, вытирая ему губы салфеткой.

— Как...

Глаза Антонии осветились чувством, похожим на любовь, и боль Рейнло немного утихла. Должно быть, эта женщина обладала волшебной силой.

— Мне пришлось сразиться с целым полчищем чудовищ, чтобы пробраться к тебе, дорогой.

— Не... — Николас замолчал, переводя дыхание. Рана тотчас напомнила о себе, ребра пронзила острая боль. — Умира...

— Если ты умрешь, я последую за тобой в царство теней.

В ее голосе слышалась непреклонная решимость, и Рейнло невольно вспомнил, как Антония угрожала ему пистолетом.

Неимоверным усилием Рейнло вновь заставил себя заговорить:

— Любишь?..

В тусклом свете лампы он заметил, как лицо Антонии покрылось краской смущения. Пылающие щеки придали ей особую прелесть.

— Я люблю тебя, Николас Чаллонер, — произнесла Антония уверенно и твердо, без тени колебания.

Охваченный глубоким волнением, Николас закрыл глаза.

Рука Антонии стиснула его пальцы.

— Николас, клянусь, если ты задумал умереть, я сама тебя пристрелю.

«О, моя любимая девочка!»

Лицо Рейнло исказилось тревогой.

— Прости... — сорвалось с его губ.

Антония крепче сжала его ладонь. Николас почувствовал, как в тело вливается жизненная мощь, делая его стократ сильнее.

— Я прощаю тебя за похищение Касси. И понимаю, почему ты это сделал. Конечно, ты сбился с пути, но еще не поздно все исправить.

Рейнло рассмеялся бы, если бы мог. Сбился с пути? Да, пожалуй, можно и так взглянуть на его прегрешения. Своими словами Антония обратила его безрассудную, опасную жажду мести в мелкий проступок.

— Ты решилась прийти...

Антония пожала плечами:

— Я не могла позволить тебе умереть.

— Нет. — Последовала долгая пауза. Боль все сильнее вгрызалась Рейнло в бок. — Я буду жить.

У Николаса кружилась голова, мутная пелена застилала глаза. Слова отняли у него последние силы. И все же он хрипло прошептал напоследок:

— С тобой.

— Да!

Антония порывисто прижалась губами к его руке. Потом наклонилась и легко поцеловала Николаса в губы. Сердце его взволнованно замерло.

Оглушенный яростным ревом крови в ушах, Рейнло задумался, верно ли поняла Антония его слова. Возможно, она вообразила себе связь куда менее прочную, чем та, о которой он говорил.

Что ж, тем хуже для нее.

Рейнло знал: настанет время, когда Антония пожалеет, что так опрометчиво согласилась соединить с ним свою жизнь. Но он не собирался ее отпускать. Когда-то Антония могла ускользнуть от него, но упустила свой шанс.

Николас попытался собрать слабеющие силы. Он должен был сказать Антонии, что отныне ничто не заставит его расстаться с ней.

— Как... с женой.

Эта женщина укротила его. Теперь ей предстояло превратить беспутного повесу в почтенного женатого мужчину. Рейнло охватило нетерпение.

— Николас... — чуть слышно произнесла Антония, но не отняла руку. — Не давай обещаний, о которых ты, возможно, пожалеешь, когда придешь в себя.

Знала бы она, что в эту минуту его рассудок был ясен, как никогда. Бесшабашный маркиз Рейнло обрел, наконец, себя. Стараясь заглушить нестройную симфонию боли, он сжал руку Антонии. В действительности то было лишь слабое движение пальцев, но Николас вложил в этот жест всю свою страсть, всю решимость.

— Выходи за меня.

На лбу его выступил холодный пот. Рана горела так, словно сотня дьяволов пронзали его бок своими вилами. Перед глазами словно натянули серую пелену, Николас с усилием вгляделся в лицо Антонии.

Он считался храбрым человеком, но правда заключалась в том, что жизнь не имела для него особой ценности. Однако в это мгновение ему отчаянно хотелось жить, ибо впервые за много лет существование его наполнилось смыслом. Ему пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы заговорить.

— Люблю... тебя. — Нарастающая боль билась в цимбалы, в олове Николаса ревели трубы и гремели барабаны. — Будь... моей женой.

Подступала чернота, могучая, неумолимая, как морские волны. Он не мог противиться ее

власти. Но прежде чем темнота поглотила его, он услышал голос Антонии. Сквозь бешеный рев крови в ушах, сквозь боль, раздиравшую его плоть.

— Да, Николас, я буду твоей женой!

Эпилог

Коннемара, Ирландия

Декабрь 1827 года

Монастырская приемная выглядела столь же неприветливо, как и серые гранитные стены этой неприступной обители, единственной уступкой комфорту был скудный огонь в крохотном камине, тепла которого, впрочем, не хватало, чтобы защититься от зимней стужи. Ни цветы, ни подушки не смягчали суровость этой комнаты, украшенной одним лишь скромным деревянным распятием над дверью.

Дрожащая от холода Антония опустилась на один из дубовых стульев, расставленных вдоль стены. Ей оставалось лишь молча наблюдать, как ее муж нервно расхаживает по выложенному плитняком полу, словно разъяренный тигр в клетке.

В напряженной позе Николаса чувствовалась враждебность. Весь день он казался погруженным в себя, замкнутым, отчужденным. Пожалуй, это началось еще раньше, когда Антония уговорила его совершить путешествие в Ирландию. Накануне ночью Николас отдавался страсти почти так же необузданно и неистово, как в летнем домике в Суррее. Антония виновато призналась себе, что исступленный порыв мужа пришелся ей по вкусу.

— Ей не позволят увидеться с нами, — угрюмо проворчал Рейнло, задержавшись возле узкого зарешеченного оконца в дальнем конце комнаты.

День выдался пасмурный, и холодный декабрьский свет придавал суровость и без того хмурому лицу маркиза.

— Это не закрытый орден, Николас. К сестрам пускают посетителей, — уверенно возразила Антония, как уже твердила сотню раз. — Элоиза написала, что будет рада твоему приезду.

Губы Николаса сжались в горькую линию. Сложив руки на могучей груди, он мрачно уставился в окно.

— Так почему же ее все нет?

Антония добродушно усмехнулась, видя нетерпеливое волнение мужа. Она не переставала удивляться, вспоминая свое первое впечатление об этом человеке. Когда-то Николас казался ей холодным, бесчувственным, погруженным в себя, самовлюбленным и легковесным. Но все эти поверхностные суждения оказались до смешного далеки от истины.

За полгода брака Антония успела убедиться, что ее муж отличается скорее обостренной чувствительностью. Он был по-настоящему близок лишь с немногими людьми, однако тем, кто вошел в этот узкий круг, Николас хранил беспримерную верность. Его преданности сопутствовала уязвимость. Антония не подозревала, какими прочными узами связал себя с ней Николас, признавшись в любви.

Ей требовалась недюжинная сила, чтобы не сгореть в пламени его страсти. Теперь она со смехом вспоминала, как когда-то отвергла предложение Николаса, усомнившись в его верности. Муж любил ее так пылко и трепетно, что с ним она чувствовала себя самой желанной, самой счастливой женщиной на земле.

— Мы пришли раньше назначенного времени.

На добрых три четверти часа.

Монастырь возвышался серой громадой в уединенной долине на побережье Коннемара. Ближайший городок, в котором можно было найти приют, располагался в полутора часах езды. Определенно покойный маркиз решил спрятать дочь в глуши, подальше от соблазнов.

Днем, на пути к монастырю, Антония подумала было, что Николас вскочит на козлы, схватит вожжи и сам станет править лошадыми, — такую досаду вызывала у него медлительность кучера. Сказать по правде, возницу не в чем было упрекнуть: грязная разбитая дорога, покрытая ухабами и кочками, петляла по склонам холмов, и лошадям приходилось несладко.

Рейнло обернулся к жене, и улыбка ее увяла. На лице Николаса читалась целая буря чувств: надежда, страх, отвращение к себе, нетерпение и неуверенность, совсем не свойственная этому сильному мужчине.

— Может, мы напрасно приехали?

— Нет, — твердо произнесла Антония.

Бесчестье и изгнание Элоизы глубоко потрясли Николаса, навсегда изменив его жизнь. Теперь для него настало время примириться с прошлым.

Антония и Рейнло, получив специальное разрешение, поженились спустя несколько дней после того, как жених пришел в себя. Отчасти причиной спешки стало желание замять скандал, вызванный пребыванием леди Хиллиард в доме маркиза. Со дня свадьбы ничто не омрачало их безоблачного счастья, но горькая судьба Элоизы по-прежнему заставляла Николаса терзаться чувством вины.

Подумать только: когда-то одна мысль о том, что лорд Рейнло способен испытывать муки совести, вызвала бы у Антонии язвительную усмешку.

Николас вновь принялся мерить шагами комнату. Антония сцепила руки на коленях и отчаянно взмолилась, чтобы встреча брата с сестрой завершилась счастливо.

И как часто бывало в последние дни, мысли ее перенеслись в будущее: Антония подумала о другом счастливом завершении. Ладонь ее сама собой прижалась к животу, безмолвно приветствуя растущее в нем дитя. Дитя, о существовании которого Николас даже не подозревал.

Узнай он о ребенке, отложил бы утомительное зимнее путешествие или оставил жену дома. А Антония не могла отпустить мужа одного, понимая, какое мучительное испытание его ожидает.

Шесть месяцев брака показались ей захватывающим приключением. Полным страсти, разумеется. Ничего иного Антония и не ожидала. Ей ли было не знать, как ненасытен в любви ее дорогой супруг.

В объятиях Николаса Антония чувствовала себя защищенной, и ее нисколько не заботили пересуды досужих сплетников. В его огромном поместье она была бесконечно счастлива. Так счастлива, что, узнай об этом любопытные светские кумушки, они позеленели бы от зависти и злобы.

Генри легко смирился с замужеством сестры. Его чудачества не раз вызывали язвительные насмешки, потому, рано познав людскую враждебность, он редко отзывался о людях дурно. В конце лета новобрачные провели месяц в Блейдон-Парке, и Антония с волнением заметила, как крепнет дружба между мужем и братом.

Возвращение в Нортумберленд вызвало у нее смешанное чувство радости и горечи. Замужество и десятилетнее отсутствие навсегда отдалили ее от родительского дома. Антония с удовольствием обошла все уголки, где любила бывать в детстве, но Блейдон-Парк стал для нее чужим. Ей уже не хотелось вновь поселиться здесь.

Родовое поместье Хиллиардов принадлежало прошлому. А ей следовало думать о будущем — о Николасе и о ребенке, который должен был появиться на свет в конце весны или в начале лета.

Дверь отворилась, и в комнату уверенной походкой вошла высокая женщина. Впившись глазами в лицо Николаса, Антония едва обратила внимание на Элоизу. Она поднялась, готовая броситься на защиту мужа. Впрочем, едва ли Николас нуждался в защите. Антония и сама не знала, как ей пришло такое в голову.

В глазах его мелькнуло сожаление, а в следующий миг он с щемящей нежностью улыбнулся сестре. У Антонии невольно перехватило дыхание. Какого удивительного, чудесного мужчину послала ей судьба в тот миг, когда маркиз Рейнло задумал обесчестить Кассандру Демарест.

Представляя себе встречу брата с сестрой, Антония боялась, что Николас будет держаться холодно и отстраненно, но тот бросился навстречу Элоизе и порывисто сжал ее руки.

— Дорогая, я сам не знаю, почему так долго ждал.

Он ласково поцеловал сестру в щеку.

— Я тоже, — отозвалась Элоиза низким певучим голосом.

Грациозным жестом она высвободилась из рук Николаса и повернулась к Антонии.

Даже не зная имени монахини, Антония тотчас угадала бы, кто стоит перед ней. Элоизе достались от природы те же черные глаза и изящные благородные черты, что и у брата. Ее волосы скрывал платок, а фигуру — бесформенное облачение, но даже монашеская одежда не могла утаить ее красоту. Должно быть, в юности Элоиза Чаллонер была ослепительно хороша. И теперь, приближаясь к сорока годам, она оставалась восхитительно красивой.

Элоиза улыбнулась, и Антония тотчас узнала очаровательную улыбку Николаса.

— Наверное, вы молодая леди Рейнло?

Антония присела в глубоком реверансе.

— Да, сестра Элоиза. Но, пожалуйста, зовите меня Антонией.

— Как мило. А мое имя сестра Мария Тереза. Вот уже долгие годы Николас — единственный,

кто зовет меня Элоизой. — Монахиня перевела взгляд на брата. — Спасибо, что познакомил меня с женой.

Она указала на деревянные стулья, стоявшие у стены, и Антония невольно улыбнулась, узнав повелительный жест мужа, еще одну фамильную черту Чаллонеров.

— Расскажите мне обо всем. Твои письма не слишком-то щедры на подробности, брат.

Отчаянный повеса и прославленный ловелас застенчиво потупился. Антония, пряча улыбку, опустила на стул. Николас, чуть помедлив, уселся рядом.

Вначале разговор зашел о детских воспоминаниях, о братьях и сестрах Чаллонер и их семьях, о переменах в поместье и о том, как изменилась жизнь Николаса после женитьбы. За время беседы Антония узнала об огромном клане Чаллонеров больше, чем за полгода замужней жизни, когда ей приходилось по крохам выуживать сведения у Николаса. А услышав скупой, урезанный рассказ мужа о событиях, приведших к свадьбе, она вновь с трудом сдержала улыбку.

Послушница принесла на подносе чай, день начинал клониться к вечеру. В разговоре все чаще стали возникать неловкие паузы. Наконец Николас взволнованно сжал руки сестры:

— Позволь мне увезти тебя отсюда, Элоиза. Антония будет рада, если ты поселишься с нами. Но если тебе хотелось бы жить отдельно, мы найдем для тебя дом.

Элоиза недоуменно нахмурилась:

— Ты приглашаешь меня погостить у вас?

— Разумеется, нет. Я предлагаю тебе переехать к нам навсегда.

Монахиня изумленно подняла брови:

— Но зачем мне покидать обитель?

— Я знаю, что ты здесь несчастна.

Элоиза тщетно попыталась высвободиться из рук брата. Антония заметила, что прикосновения Николаса смущают ее. Возможно, монастырский устав не допускал подобного обращения. Впервые с лица сестры Марии Терезы слетела маска невозмутимости. В голосе ее послышалось замешательство.

— Вот уже одиннадцать лет я твержу тебе, что совершенно счастлива.

— Я знаю, ты пытаешься успокоить меня, заставить смириться с твоим приговором.

К удивлению Антонии, Элоиза искренне рассмеялась.

— О, Николас, ты все еще романтик. Ты был храбрым пылким мальчиком, готовым встать на защиту тех, кого любил. Я всегда восхищалась тобой и надеялась, что, повзрослев, ты не изменишься.

Антония покосилась на мужа, не зная, как он воспримет слова сестры. Оценка Элоизы во многом совпадала с ее собственной. Разве могла Антония осуждать рыцарскую самоотверженность Николаса? Она знала, что муж готов умереть за нее. Боже милостивый,

ведь это едва не случилось.

Рейнло сердито сверкнул глазами.

— Тебе больше нет нужды лгать, Элоиза.

— Я приняла монашеский обет.

— Тебя заставили. Ты покинешь монастырь и станешь свободной. Я уверен, мы добьемся разрешения.

Элоиза ласково улыбнулась.

— Я приняла обет добровольно. Поступок, совершенный мной в восемнадцать лет, решил мою судьбу.

Элоизе удалось наконец вырвать руки и отстраниться. Этот жест показался Антонии символичным, словно монахиня очертила вокруг себя круг, в который Николасу не дозволено было ступить.

— Но отец выслал тебя насильно, — возразил Николас.

Он казался подавленным, сокрушенным.

Антония молча взяла его за руку, желая ободрить. Он порывисто сжал ее пальцы. Разговор стоил ему огромных усилий. Долгие годы Николас жил в уверенности, что Элоиза — пленница, заключенная в стенах монастыря. Обнаружив, что ошибался, он испытал потрясение, ведь больше всего на свете он желал сестре счастья.

— Конечно, поначалу, оказавшись в монастыре, я чувствовала себя несчастной. Меня терзал стыд. Я знала, что согрешила. — Элоиза замолчала, впервые в голосе ее послышались горькие нотки сожаления. — Мое безрассудство привело к смерти моего ребенка. Двадцать лет я вымаливаю у Господа прощение, смиренно каюсь в своих прегрешениях.

Наступила тягостная тишина, пламя в камине внезапно взметнулось, словно в неподвижном воздухе промелькнул призрак умершей дочери Элоизы. Побледневшая монахиня застыла в немой скорби. Лицо Николаса исказилось от боли. Антония крепче сжала его руку.

— Тебя соблазнил этот негодяй Демарест, — процедил Рейнло сквозь стиснутые зубы.

Антония бросила на него предупреждающий взгляд, напоминая, где они находятся. За время замужества она не виделась ни с Касси, ни с Годфри. Возможно, в ином, справедливом мире мистера Демареста ожидало бы возмездие за бесчестье Элоизы, но на этой грешной земле он продолжал жить своей жизнью. Быть может, спасение Антонии склонило в его сторону чашу весов Всевышнего?

Антония по-прежнему надеялась, что им с Касси удастся восстановить былую близость. Они постоянно обменивались письмами, но отец запретил Кассандре принимать приглашения Антонии погостить в Кеддон-Холле.

Касси набралась, наконец, храбрости и спросила отца об Элоизе, но тот отказался обсуждать эту тему, велел дочери замолчать. Демарест обвинил Антонию и ее мужа в том, что они забили голову Кассандре нелепыми фантазиями. Антония не слишком удивилась гневу кузена. Она

хорошо знала, как ведет себя Годфри Демарест, пойманный на неблагоприятном поступке.

Касси опасалась, что ей с отцом никогда не удастся преодолеть возникшую между ними холодность. Возможно, в конце концов, Демареста постигло возмездие. Потеряв искреннюю любовь дочери, Годфри отчасти поплатился за свои прегрешения.

Элоиза вновь набросила на себя покров беззаботности словно густую вуаль:

— Я давно простила Демареста.

— А я нет, — отрывисто бросил Николас. — И никогда не прощу.

Невдалеке прозвонил колокол. Элоиза поднялась с очаровательной грацией, сквозившей в каждом ее движении. В сестре Марии Терезе чувствовалась внутренняя сила и спокойная уверенность, мгновенно убедившие Антонию в том, что эта женщина живет в ладу с собой и не ропщет на судьбу.

Элоиза устремила на брата взгляд, полный любви и непреклонности, в которой Антония тотчас узнала фамильную черту Чаллонеров.

— Мне очень жаль, что ты заблуждался на мой счет, и что наша встреча оказалась такой короткой. Я должна подготовиться к вечерней службе. Если вы не поторопитесь, то темнота застигнет вас в пути, а наши дороги ужасны. Советую вам поспешить.

Николас с женой встали.

— Рада знакомству с вами, — сказала Антония.

Стоявший рядом Николас казался оцепеневшим, ошеломленным.

Быть может, его терзал гнев? Или разочарование?

На губах Элоизы вновь мелькнула улыбка. И снова Антония восхитилась красотой этой женщины.

— Если вы задержитесь в наших краях, я с радостью покажу вам завтра нашу ферму. Мне удалось добиться кое-каких успехов. Думаю, вам будет интересно взглянуть.

Николас шумно вздохнул, и Антония испуганно замерла, ожидая его ответа. Она знала, что никогда не простит себе, если эта встреча закончится отчуждением между братом и сестрой. Николасу необходимо было освободиться от чувства вины за несчастную судьбу Элоизы.

Наконец Николас заговорил. Уверенно, с теплотой.

— Мне очень хотелось бы прийти.

Антония облегченно перевела дыхание. Похоже, все складывалось благополучно.

Элоиза кивнула, словно торжествуя победу.

— Что, если, скажем, завтра в десять? Вы могли бы послушать мессу, а в полдень разделить с нами скромную трапезу.

Когда обветшавшая, покрытая пылью карета выехала из монастырских ворот, Николас все еще

хранил молчание. Антония не прерывала его размышления. Нелегко встретиться с любимой сестрой после двадцати лет разлуки. Но еще труднее примириться с реальностью, узнав, что долгие годы ты пребывал в заблуждении.

Лишь когда монастырь остался далеко позади, Николас прерывисто вздохнул и повернулся к жене. Притянув Антонию к себе, он сдавил ее в объятиях с отчаянием, от которого сердце ее мучительно сжалось. Она закрыла глаза, обвив руками талию мужа. Любовь и желание исцелить раны Николаса переполняли ее.

Несколько миль супруги проехали в молчании, не размыкая объятий. Понемногу напряжение отпустило Рейнло, сотрясавшая его дрожь унялась. Антония крепче обняла мужа, зная, что в ее беззаветной любви он черпает силы.

Наконец губы Николаса приникли к ее шее. По телу Антонии пробежала жаркая волна дрожи.

— Я хочу тебя.

Тихий хрипловатый шепот мужа заставил ее сердце бешено заколотиться.

Антония неохотно отстранилась, удерживая Николаса в кольце своих рук. В старом экипаже, нанятом в Клифдене, царил полумрак, но Антонии хватило света, чтобы разглядеть неприкрытое вожделение на лице мужа. За последние полгода она научилась узнавать это выражение.

Губы ее изогнулись в лукавой усмешке.

— Когда мы вернемся...

Глаза Николаса жадно блеснули, выдавая страсть.

— Нет. Я хочу прямо сейчас.

В его голосе слышались безжалостность и решимость. Волнующее предвкушение охватило Антонию.

— Но мы в карете.

Николас озорно усмехнулся.

— Я еще ни разу не пытался соблазнить тебя в карете.

Антония смущенно покраснела.

— Вообще-то пытался. В двуколке, в лесах Кеддона. Я едва не свернула шею.

В глазах Николаса сверкнули насмешливые искры, но пламя его желания вспыхнуло еще сильнее.

— Не припоминаю, чтобы ты жаловалась.

Закрыв глаза, Антония рассмеялась и прижалась к мужу.

— Я люблю тебя, — прошептала она, приложив ладонь к сердцу Николаса.

В ее медленных движениях сквозила нежность.

Поцеловав жену в макушку, Рейнло вздохнул и откинулся на подушки. Антония уютно устроилась у него под боком, наслаждаясь безмятежностью и тихой радостью.

— Я тоже тебя люблю, — сказал Николас.

Подумать только, подумала Антония, меньше года назад она не сомневалась, что проживет в одиночестве остаток дней. Судьба вела ее трудным извилистым путем, полным горестей и невзгод, но в конце ее ожидала любовь. Ради такой награды стоило вытерпеть любые испытания.

Антония знала: вся ее жизнь в Николасе. Так будет всегда.

Покоясь в крепких объятиях мужа, она слушала его ровное дыхание. Николас уткнулся подбородком ей в макушку. Антонию одолевала дремота: сказывалась усталость последних дней, проведенных в дороге.

Ее не мучили утренние недомогания, и все же тело напоминало ей о грядущих переменах. Антония провела без сна не одну ночь, тревожась о том, как пройдет встреча Николаса с сестрой. Нынешний день был необычайно важен для него. Теперь оставалось лишь надеяться, что Николае сумеет примириться с самим собой и обретет наконец душевное спокойствие.

— Когда ты собираешься рассказать мне? — пробормотал Николас так тихо, что Антония едва разобрала его слова в грохоте и скрипе кареты.

— О чем?

Она теснее прижалась к мужу. От него исходило приятное тепло, а с приближением ночи зимний ветер становился все холоднее.

Не размыкая объятий, Николас потянулся к окну и задернул шторы.

— Ты меня слышала, — с легким смешком отозвался он.

Неохотно отстранившись, Антония заглянула мужу в лицо, бледное в тающем вечернем свете.

— Рассказать о чем? — угрюмо спросила она, хорошо зная ответ.

Николас смерил ее пристальным взглядом. Лицо его приняло серьезное выражение. Казалось, волнение Антонии передалось и ему.

— О ребенке, конечно.

Антония оцепенела.

— Так ты знаешь, — произнесла она безжизненным тоном, упершись ладонью мужу в грудь, отчасти чтобы сохранить равновесие, отчасти потому, что хотела прикоснуться к нему в то мгновение, когда тайна зародившейся в ней новой жизни перестанет быть тайной.

Губы Николаса растянулись в усмешке.

— Дорогая, мы вот уже полгода делим спальню. Разумеется, я знаю. Думаю, нам предстоит крестить сына или дочь примерно месяцев через шесть.

Антонию затопило облегчение — Николас вовсе не казался сердитым. Но означало ли это, что он рад? Господи, как бы ей хотелось видеть мужа счастливым.

Сжав руки в кулаки, Антония заговорила срывающимся от волнения голосом.

— Тогда почему ты позволил мне отправиться в это путешествие?

— Ах, вот ты о чем. — В черных глазах Николаса блеснуло понимание. — А ты осталась бы дома, если бы я попросил?

— Я обещала слушаться тебя.

Николас насмешливо фыркнул.

— Не замечал, чтобы ты принимала всерьез свое обещание.

— Но если бы ты настоял, я бы... — Антония осеклась, заметив, как муж недоверчиво вскинул брови. — Ладно, если бы ты настоял, я, возможно, согласилась бы.

— В самом деле?

— Нет, — признала Антония, покаянно опустив голову, чувствуя, как под ее ладонью мощно, размеренно бьется сердце Николаса. — А ты против?

На губах Рейнло мелькнула улыбка.

— Ты насчет ребенка или насчет твоей поездки в Ирландию?

Последовала неловкая пауза.

— Насчет того и другого.

— Я — за. И в том и в другом.

Волна радости захлестнула Антонию. Лицо ее озарилось улыбкой. Она подняла глаза на мужа, но не придвинулась ближе.

— Так ты рад?

— Да, — улыбнулся Николас и, словно желая избавить жену от сомнений, добавил: — Рад и ребенку, и нашей поездке. Безумно рад. Но больше всего я счастлив оттого, что мне хватило здравомыслия жениться на вас, леди Рейнло.

Темные глаза Николаса светились радостью. Той же радостью, что переполняла саму Антонию. С пронзительной нежностью Рейнло прижал к груди голову жены. В его прикосновениях сквозило благоговейное изумление, словно Антония была хрупкой как стекло и сильной как сталь. Словно в ней заключалась его вселенная.

— Я тоже рада. — Голос Антонии предательски сорвался. — А теперь отпусти какую-нибудь остроту, а не то я сейчас разревусь, как отбившийся от стада теленок.

Николас ласково погладил ее по щеке.

— Любимая, рядом с тобой я теряю дар речи. Вся моя насмешливость мигом исчезает.

Антония округлила глаза, притворяясь потрясенной.

— Боже праведный, не верю.

— Поверь.

Он почтительно коснулся губами ее губ, будто целовал божество. Антония почувствовала, как горло свело спазмом, к глазам подступили слезы. Голос Николаса звучал так тихо, что ей пришлось напрячь слух.

— На самом деле я хочу сказать тебе только одно, дорогая Антония.

Сквозь застилавшие взор слезы она посмотрела в сияющие глаза мужа. Любовь и пьянящая радость переполняли ее сердце.

— Что? — выдохнула Антония.

— Я люблю тебя и всегда буду любить.

Он улыбнулся, глядя на жену так, словно сжимал в объятиях самое драгоценное сокровище на земле. Антония неловко улыбнулась в ответ, по щекам ее катились слезы.

— Милый Николас, это чудесно.